

А. М. БОЛЬШАКОВ

ДЕРЕВНЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД—1925

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Гл.Упр. Р.-К.К.А.
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Гублит № 10669.
Тираж 8.000.
Заказ № 15.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Баррикад нет, саботаж угас, гражданская война миновала,—это внутри страны. Мы заседаем на конференциях, одно государство за другим спешит признать нас „де юре“, советский красный флаг гордо развевается над зданиями наших полпредств в буржуазнейших странах Европы,—это за рубежом. Такова общая картина положения С.С.С.Р. к началу восьмого года Великой Российской Революции.

Какой же вывод напрашивается в результате этого беглого подытоживания?

— Победили! Мы победили!..

— Так ли?..

Мы многого достигли, но мы еще не победили. Самое главное—не сделано. Самое трудное—впереди. Деревня—это самое главное и самое трудное. Деревня—вот фронт, где нам предстоит встретиться с опаснейшими врагами революции: с невежеством масс, с отсталой сельско-хозяйственной техникой и с неорганизованностью крестьянского труда. Перед лицом этих грозных врагов наши баррикады, саботаж банковских и министерских чиновников и белогвардейские генералы со своими одураченными полками—это уже не так грандиозно Когда мы одолеем темноту масс, первобытную технику деревенского хозяйства и крайнюю распыленность мужицкого труда, то все эти конференции с надутыми дипломатами, все эти запоздалые „де юре“, и даже революционный стяг Союза Республик, дразнящий капиталистов в Берлине, Лондоне, Париже и в других их становищах,—все это покажется нам достижениями уж не такого

большого калибра, как об этом некоторые думают теперь, по сравнению с тем, что еще предстоит....

В деревне дела хоть отбавляй. Со всех сторон о деревенском житье-бытье идут вести, которые не очень-то „ласкают“ слух.

Например, в Гдовском уезде, Ленинградской губернии, беззастенчиво обкрадывается казна-матушка:

„Где что крадут, а в Клинском районе (Гдовского уезда) решили подработать на краже... земли. Сам председатель райсовета Строганов Ив. этим делом занимается.

Землю крадет он не у мужиков, конечно, а у соввласти, представителем коей он является.

А кража происходит чрезвычайно просто: волисполком поручил гр. Строганову выявить землю по волости—произвести учет ее. Вот и поехал он в дер. Юхново и там-то украл 17 десятин—записал меньше на 17 дес. За такое дело в знак благодарности собрал самогону и по 3 яйца с домохозяина.

Крестьянам пообещал, что сейчас им платить налоги меньше придется—крестьяне ему и поверили, а за это он их обложил налогом для себя. Крестьяне от этой кражи выиграли, а налог, вместо того чтобы пойти в казну советскую, пошел в пузо Строганова.

Такими делами занимаются и в других районах“ [1].

В Великолуцком уезде, Псковской губернии царят такие „нравы“:

„Характерный случай имел недавно место в Локонской волости, Великолуцкого уезда.

Две женщины были заподозрены в краже хлеба, и сельский сход вынес постановление их высечь, что и было исполнено в присутствии всей деревни.

В итоге, теперь вся деревня попала под суд за истязание женщин“ [2].

---

[1] „Ленинград. Правда“ от 18/VII 1924 г.
[2] „Ленинград. Правда“ от 13/VI 1924 г.

А вот и совсем, можно сказать, первобытное:

„Колонизационная экспедиция установила, что вблизи Ленинграда, в 150 верстах от него, в Тихвинском уезде еще существуют участники языческого культа. В лесной полосе уезда поклоняются идолу, „Николе на колесах“, которому приносится в жертву кровь зарезанных животных“ [1].

Я привел только три факта, на которые случайно наткнулся в газетах. Это, по количеству, конечно, скромный „букет“. Но подобных сообщений можно надергать из наших газет хоть на целую книжку, и тогда получится не С.С.С.Р., а просто „Расея“, при наличии которой запевай „со святыми упокой“ всяким коммунистическим планам. Наверное зарубежные и наши внутренние (советского образца) белогвардейцы и поют „упокой“, все еще надеясь (вот чудаки-то!) на возвращение „доброго, старого времени“.

Но они, белогвардейцы, ошибаются! Да, поклоняются „Николе на колесах“,—это нечто доисторическое. Подвергают порке женщин,—неизжитое наследие крепостничества. Казнокрадство направо и налево—проклятый пережиток царизма. Но, ведь, это же древняя умирающая Россия! Кто видит только ее—тот слепой крот. Кто строит свой прогноз будущего исключительно на такого рода фактах—у того куриные мозги. Работы в деревне полные руки—это святая истина. Но деревня уже не та, что была до империалистической бойни, начавшейся в 1914 году, и не та, что была до Красного Октября.

Вот, для примера, крошечный фактик, который может показаться сущим пустяком, если в него не вдуматься поглубже.

Перед нами одна из электрифицированных деревень. Хозяин некой избы увешивает бревенчатые стены обоями. Кончив работу, он окидывает избу любовным взглядом.

---

[1] „Известия“ от 17/VII 1924 г.

— Ну, теперь—ладно! А то как зажгешь кнопку, так на душе—мутно. Стены—обшарканные. А надо, чтобы и на стене порядок был, раз кнопка зажигается...

Щелкнул в избе выключатель. Изба залилась мягкой, ласковой волной электричества. И в желто-белых волнах заплавали, остро выступая, некрашенные скамьи, закопченая печь, горшки. Одни стены, задрапированные лоскутьями обоев, были чистыми.

Хозяин прищелкнул языком:

— Теперь—л-ловко!—взор его упал на скамьи:—не тае! Торчат, сукины дети, как неприкаянные, общую картину портят. Стульев надобно нам, вот что, жена!

Жена облила хозяина ядом гневных глаз:

— Совсем сказился... Олух царя небесного! Игде нам со стульями? Чай, не баре...

— И-э-эх, Домнушка, лучина горела, бедность нашу, убогость нашу прикрывала. Не видать было кругом ничего. Тьма тьмущая... А теперь, свет лектрический, точно кум-приятель. Ен говорит тебе: грязно у вас здесь. Раз лектрификация избы, так, значит, и лектрификация жизни должна произойтить. Желаю со стульями! И с обоями!..

В связи с только что приведенным разговором, имевшим место в одной из глухих наших деревушек в 1924 году, вспомним, что говорил Владимир Ильич в 1921 году:

„Мы, авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы мы могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

„Посмотрите на карту Р.С.Ф.С.Р. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова,

к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка—вернее: десятки верст бездорожья—отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

„Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев, от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется“.

Мы знаем, что за последние три года эти электрические станции, о которых говорил покойный Ленин, строились, строятся и будут строиться, ибо в них—залог победы, через них—путь к социализму. И уже сейчас мы присутствуем при любопытнейшем явлении, когда „кнопка“ играет в деревне роль бациллы революционизирования деревни.

Но на ряду с „кнопкой“—выключателем, действуют десятки других факторов, окультуривающих нашу деревню. Возьмем хотя бы Красную Армию. Она — своеобразный университет для крестьянских масс. Там, в Красной Армии,

крестьянин получает некоторый запас знаний и—это самое главное—горячее, часто трогательное, стремление поделиться этими знаниями со своими земляками.

Вот письмо одного красноармейца, уволенного в запас. Это письмо нельзя читать без чувства волнения и гордости—его писал истинный новый советский интеллигент, который один стоит многих людей с „высшим“ образованием, хранящим свои знания про себя:

„1924 г., августа 27 дня.

„Здравствуйте, дорогие товарищи, красные курсанты 1-й пехотной школы.

„По приезде меня из службы домой, я не забыл тех товарищей красных курсантов, которые приходили в 32 полк, когда нас подготовляли домой. Они рассказывали нам, чтобы мы, уходя домой, просветили крестьян; я постарался теми знаниями, которые я получил в Красной армии, поделиться с крестьянами. Но вот тов. курсанты говорили, что тысячи вопросов будут нам, а еще больше было, сразу по двадцати человек задавали вопросы. И первые вопросы мне сыпали: кто теперь царем остался на место Ленина. Я им об‘яснил, что в Советской Республике царей никаких нет, а они спрашивают: „а чем Ленин был?“ Я говорю—Председатель Совета Народных Комиссаров. А когда я хорошо раз‘яснил, тогда они довольны остались.

„Потом я 6 вечеров делал доклады: „Происхождение земли и жизни человека“. „Отчего зависит дороговизна товаров и как сделать товары дешевыми“, „Земельная политика прежде и теперь“, „Лесной кодекс и земельный кодекс“. Наилучше слушали и дыхание затаили: „О вере в бога и загробную жизнь“—этот доклад очень волновал, но благодаря тому, что у нас один военком как раз приехал в отпуск, так тот уже доказал. Сделали диспут, так мы с военкомом остались правы, и многие перешли и соглашались.

„Когда сразу я приехал и пошел меж молодежи и начал рассказывать, что такое Советская власть, так они и этого

не знают, а как постарался, да приложил всю энергию, так организовал избу-читальню. Теперь как свободное время, так идут в избу-читальню: грамотные читают, а неграмотные слушают; я каждому грамотному определил выучить неграмотного и сам уже 7 человек выучил читать и расписываться; человек 50 политике учу, то, что сам получил в Красной армии. Летом мало времени, а на зиму постараюсь больше— зимой у крестьян время больше.

„Теперь, тов. курсанты 1-й пех. школы, прошу дайте мне помочь вести среди массы путь ленинизма и бороться с темнотой, выпишите мне, курсанты, на полгода газету и журнал с приложением, я бы сам выписал, да нет средств, а мне хотя на время, пока я их завлеку, и они тогда согласятся выписать—так они не верят.

„Адрес мой: Гор. Ромны, Полтавской губ., Засульской волости, село Николаевка, Михаилу Семеновичу Подрезу“ [1].

„Лиха беда—начало“. А в деревне „оно“—новое вино жизни уже бродит. В старый деревенский быт врастается нечто, доселе незнаемое. Молодые ростки теснят корни прежнего, и корни эти сохнут, изжитое умирает,—правда, медленно, цепляясь за жизнь, но все же умирает. И обязанность каждого из нас помочь жизни похоронить навсегда то, что должно быть погребено. Пусть свежее, революционно-пенистое вино рвет старые мехи патриархального уклада деревни. В добрый час!..

Составляя книгу для чтения „Деревня после Октября“, я был далек от мысли давать тенденциозный материал, т. е. я в одинаковой мере не стремился нарисовать ни мрачно-„расейскую“, ни слащаво-революционную деревню. Поэтому, приводимые отрывки рисуют то, что есть: и старое и новое, и хорошее и плохое, и то, что надо преодолеть, и то, что

[1] „Ленингр. Правда“ от 1/X 1924 г.

должно быть достигнуто. Деревню я стремился представить ее основными штрихами (надо было считаться с размером книги) и, конечно, некоторые стороны деревенского, как хозяйственного, так и иного быта остались неосвещенными. Кроме того, как известно, литература о современной деревне не очень-то обширна и разнообразна — и поэтому многое из жизни нашей деревни еще до сих пор остается невыявленным.

Скажу, что если бы какому-нибудь товарищу, знакомому с деревней только из окна железнодорожного вагона, некоторые краски в созданной мною мозаичной картине деревни показались несколько мрачноватыми, пускай он уже не винит меня—такая, пока-что, наша деревня. Советую такому товарищу вспомнить слова тов. Зиновьева, сказанные им на XIII с'езде Р.К.П. как раз о деревне:

— Нечего создавать себе иллюзии: надо видеть то, что есть!

„Иллюзии гибнут, остаются только факты",—отметил еще в свое время Писарев. И ленинизм учит, что победит тот, кто смело смотрит факту прямо в лицо...

В настоящую книгу я стремился вводить возможно меньшее количество цифрового материала. Читателей, желающих в компактном виде познакомиться с цифрами, характеризующими основные моменты как хозяйственного, так и всякого иного быта деревни (до трат ее на удовлетворение своих религиозных потребностей включительно) за весь революционный период (по конец 1924 г.), я отсылаю к только что вышедшей моей брошюре „Современная деревня в цифрах" (изд. „Прибой"). Несколько простых табличек, но без пояснительного текста, я даю из упомянутой брошюры и здесь.

Ленинград, 5 Февраля 1925 г.

А. Большаков.

Наше сельское хозяйство.

В области *сельского хозяйства* налицо определенно выраженный восстановительный процесс. Следующие показатели характеризуют его:

1. Посевные площади (без ДВО[1], Туркестана и Закавказья), составлявшие в пределах Союза в 1916 г. 86,5 милл. дес., падают к 1922 г., после года великого неурожая, до 58,7 милл. дес., затем подымаются в 1923 г. до 69,9 милл. дес. и в 1924 г. до 75,9 милл. дес. Отдельные районы (напр., Украинская ССР) почти достигли уже уровня 1916 г.

2. Налицо быстрый рост с.-х. технических и рыночных культур. Площадь сахарной свеклы возросла в 1924 г. на 42% по сравнению с прошлогодней (с 226 тыс. дес. до 320 тыс.; до войны—574 тыс. дес.); льна—на 25% (с 845 тыс. дес. до 1060 тыс.; в 1916 г. 1383 тыс. дес.); конопли на 21% (с 530 тыс. дес. до 639 тыс.; в 1916 г.—545 тыс. дес.); площадь посевов хлопка—на 134% (с 194 тыс. дес. до 455 тыс.; в 1916 г.—774 тыс. дес.) и т. д. Доля посевов пшеницы и ячменя за последние три года безостановочно возрастает (на 100 десятин посева приходилось в 1922 году—9,3 дес. яровой пшеницы, в 1923 г.—12,0 в 1924 году—14,8 десятин).

3. Такую же восходящую линию показывает и скотоводство. Количество лошадей, составлявшее по РСФСР, БССР[2]

---

[1] ДВО—Дальне-Восточная Область (губернии: Забайкальская, Прибайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская и Камчатская).

[2] БССР—Белорусская Советская Социалистическая Республика, с центром в г. Минске, состоящая из 6 уездов (Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Минский, Мозырский и Слуцкий).

и УССР[1] в 1916 г.—29,8 милл. голов, к 1922 г. упало до 20,2 милл., в 1923 г. подымается до 20,3 милл., в 1924 г.—уже 22,2 милл. голов. Крупный рогатый скот за те же годы: 48,4 милл., 35,0 милл., 39,2 милл. и 46,3 милл. голов. Свиней: 18,6 милл., 8,6 милл., 9,1 милл. и 16,8 милл.

Следовательно, перед нами определенно выраженный процесс *интенсификации* сельского хозяйства. Налицо рост рыночности, товарности крестьянского хозяйства.

Но в развитии сельского хозяйства отмечаются и *отрицательные* моменты. Это—

Приостановка роста (или даже некоторое падение) за последние три года зерновой части сельского хозяйства. В недавно вышедшей книжке «Главнейшие сведения по госбюджету и т. д.» НКФ[2] дает следующие цифры валового сбора зерновых хлебов: в 1922 г.—3.096,6 милл. пуд., в 1923 г.—2.950,3 милл. пуд. и в 1924 г.—2.622,8 милл. пуд. К этому присоединяется *пестрота* урожая нынешнего года по отдельным районам. Районы, пораженные неурожаем, показывают резкое падение покупательной способности. След., в нынешнем году происходит *перераспределение по районам покупательной способности.*

Итак, сельскохозяйственная база, несмотря на частичный неурожай, расширяется и в нынешнем году. Восстановительный процесс не приостановлен: он достаточно интенсивно продолжается. Неурожай лишь *замедлил* темп восстановления и *усложнил* обстановку.

(Из статьи Г. Крумина „Под знаком роста и укрепления", см. журнал „Экономическое Обозрение", декабрь 1924 г.).

1923—24 хозяйственный год является вторым по счету годом развитя народного хозяйства в нормальных условиях.

---

[1] УССР—Украинская Сов. Соц. Республ., с центром в г. Харькове, состоящая из 9 губерний.

[2] Н. К. Ф.—Народный Комиссариат Финансов.

Эту нормальность, конечно, нужно понимать в том смысле что в течение года не было ни войны, ни голода, ни той оторванности от мирового рынка, какую страна к величайшему своему ущербу вынуждена была переживать в предшествующие годы.

На территории СССР, без Туркестана, Закавказья и Дальневосточной области, в 1913 г. площадь посевов главных зерновых культур составляла 87,06 мил. дес. В 1922 г. она снизилась до 58,48 мил., т.-е. до 67,17% довоенной посевной площади. 1923 г. поднимает ее до 69,92 мил. и в отчетном году мы наблюдаем новое ее увеличение до 75,86 мил., что составит уже 87% довоенной площади. Таким образом, за два года посевная площадь увеличилась почти на 30%. Прирост посевной площади на 30% за два первых восстановительных года дал возможность вывезти за границу 200 мил. пуд. хлеба.

Для оценки роста посевной площади необходимо иметь в виду то чрезвычайно существенное обстоятельство, что крестьянское хозяйство, начиная работу восстановления своих полей, не могло, за неимением средств, как следует возобновить свой живой и мертвый инвентарь. К работе восстановления оно вынуждено было подойти почти с голыми руками и с надеждой полевой работой раздобыть нужные ему средства для возобновления живого и мертвого инвентаря. К 1922 г. общее число лошадей сократилось на территории СССР на 33% и крупного рогатого скота на 27%. Поправить эти из‘яны было гораздо труднее. Состав стада, в миллионах голов, менялся следующим образом:

	Лошади.	Крупный рогатый скот.
1916 г.	29,8	48,4
1922 „	20,2	35,0
1923 „	20,8	40,0
1924 „	22,2	46,3

Таким образом, за последний год число лошадей возросло только на 6,7% и число крупного рогатого скота—на 15,7%.

Цифры показывают явное несоответствие между ростом посевной площади и ростом необходимого для нее скота. Если же можно было бы установить не общее соотношение роста посевной площади и скота, а более детальную картину распределения скота по районам посевной площади и по хозяйствам, то несоответствие двух основных факторов сельского хозяйства было бы более кричащим.

Такое несоответствие не могло остаться безнаказанным. Наказание явилось в форме пониженной урожайности посевной площади. Валовой сбор хлебов в 1924 г. составил 2.564 мил. пуд. против 2.802 мил. в предшествующий год, т.-е. на 237 мил. пуд., или на 8,5% меньше. Героическими усилиями крестьянских рук плетется тонкая ажурная сеть полей, но она почти беззащитна от внешних влияний природы и мало доходна.

Последнее обстоятельство, т.-е. ничтожная доходность крестьянских полей, обусловленная слабой урожайностью, живо ощущается трудовой массой, которая инстинктивно ищет выходов и пытается найти их в разных направлениях. Таблица валового сбора хлебов показывает, что при общем понижении валового сбора всяких хлебов понижается сбор озимой ржи (в 1923 г. 1.064 мил. пуд. и в 1924 г. 1.033 мил. пуд.), но одновременно резко повышается сбор торгового хлеба — пшеницы с 305 мил. до 362 мил. пуд. Таким образом, происходит более рациональное выравнивание пропорции отдельных культур в общем составе валового сбора. Тот же рационализм сельского хозяйства выявляется и в области крестьянского стада, что можно видеть на необычайно быстром развитии свиноводства: в 1923 г.— 9,1 мил. голов, в 1924 г.—16,8 мил., или 84,6% прироста. Наконец, если обратить внимание на посевные площади специальных культур, дающих особо ценные рыночные продукты, то здесь мы увидим особенно энергичный рост посевной площади. Если прирост площади выразить в %, то получим следующие две характерные колонны цифр:

	1923 г. к 1922 г.	1924 г. к 1923 г.
Лен	103	126
Конопля	116	121
Подсолнух	101	118
Свекла	134	142
Табак	569	100
Хлопок	302	234

Но и в этой картине не все является рациональным. Рост площади идет стихийно, рискуя выйти за пределы правильной пропорции с точки зрения общей экономики страны и ее возможностей на мировом рынке. С другой стороны, качество, как и на хлебных полях, значительно отстает от количества. В области конопли и подсолнуха побиты рекорды, так как здесь посевные площади превысили довоенную. Конопля оказалась менее всех других культур пострадавшей в годы войны и революции, и поэтому рост ее площади был, так сказать, в льготных условиях. Площадь конопли сокращалась только на 16%. Необычайна судьба подсолнуха: в 1916 г.—1.056 тыс. дес., в 1924 г.—2.099 тыс. дес., т.-е. почти удвоение. Два обстоятельства об'ясняют это явление. С одной стороны, после голода 1921 г. семенная ссуда в силу недостатка зерновых хлебов выдавалась в форме масличных семян. Эта „случайность“ оказалась „ко двору“, так как из-за убыли скота население вынуждено было заменять животные жиры растительными.

Низкий уровень доходности сельского хозяйства замедляет общий темп развития народного хозяйства, ослабляя покупательную силу крестьянства и его платежеспособность в отношении государственного и местного бюджетов.

(Из статьи М. Боголепова „По поводу 1923/24 хозяйственного года“, см. „Эконом. Обозрение“, декабрь, 1924 год).

Размер сельско-хозяйственной продукции в области полеводства определяется состоянием 2-х элементов: посевной площади и урожая с 1 десятины. Нижеприведенные цифры

характеризуют оба указанных элемента с исчерпывающей полностью.

Изменение посевных площадей.

РАЙОНЫ.	Общая посевная площадь.					
	1916 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
	В %% к 1916 году.					
Потребляющий	100,0	69,0	77,8	88,4	93,1	101,4
Производящий	100,0	80,1	71,0	59,1	76,1	84,0
Юго-Восток	100,0	72,5	72,7	54,8	71,6	73,9
Киргизская ССР	100,0	94,9	69,1	45,7	45,5	49,9
Сибирь	100,0	112,0	84,0	78,8	87,1	96,1
По РСФСР	100,0	80,5	73,3	64,6	77,6	84,7
Украинская ССР	100,0	97,6	97,6	78,1	91,3	97,4
По СССР	100,0	84,6	79,1	67,8	80,9	87,7
В том числе район, пострадавш. от неурожая	100,0	81,6	73,8	53,8	72,0	79.8

Посевные площади 1924 года составляют 88% 1916 года, при чем в потребляющем районе площадь 1924 г. *превышает* площадь 1916 г. на 1,4%. Близка к довоенной посевная площадь по УССР — 97,4%; посевная площадь Сибири также приближается к 1916 году—96,1%.

Производящий район и Юго-Восток, благодаря голоду 1921 г. и пониженному урожаю 1923 г., еще не достиг довоенной площади на 16—26%. Весь же пострадавший от голода район дает недосев в 20%.

Восстановительный процесс был настолько интенсивен в большинстве районов, что восстановление посевной площади и доведение ее до военной нормы идет весьма быстро, в частности достаточно было одного года—1923 г., чтобы довести сокращенную, благодаря голоду, площадь до площади 1921 года, т.-е. до года, когда разразился неурожай. 1924 год уже довел посевную площадь до 1920 года.

Следовательно, потребуется действительно не более 1—2 лет, чтобы сельское хозяйство важных для народного

хозяйства районов располагало тою же площадью, какая была в 1916 году.

Военный коммунизм при организации снабжения и распределения продуктов сельского хозяйства подошел к сельскому хозяйству с методами принуждения, вылившимися в форму разверстки, а так как сельское хозяйство при этом методе потеряло связь с рынком, то оно принуждено было реорганизовать свое полеводство, внести существенные изменения в севооборот: наибольший вес приобрели при новых условиях продовольственные культуры и наименьший — торговые культуры. Это вполне корреспондировало, с одной стороны, сжатию городского рынка и с другой, — сокращению потребления сырья промышленностью.

С новой экономической политикой и с оживлением торговли, вывозом за границу и ростом нашей промышленности начинает выявляться процесс восстановления старого, связанного с рынком—соотношения культур, т.-е. начинают относительно сокращаться посевы продовольственных культур и увеличиваться посевы технических культур.

В 1916 г. по РСФСР площадь под культурой ржи была равна 27,8% всей посевной площади, в 1922 году—она достигла уже 35,7%. Это при сокращении общей посевной площади означало меньшее сокращение площади под рожью и большее сокращение под другими культурами.

Но затем с 1923 г., хотя и медленно, начинается нарастание ценных культур и вытеснение продовольственных, поэтому в 1923 г. под рожью мы имеем 35,0%, а в 1924 уже 33,3%.

Особенно интенсивно шел вначале процесс расширения культуры проса, а затем—его сокращения; в 1916 г. под просом было—3,8%, а в 1922 г.—уже 11,1%, а затем начинается снижение и в 1924 г. мы имеем 6,5%, т.-е. столько же, сколько было в 1920 году. Еще год—два и культура проса вернется на свое место в севообороте, которое она занимала в довоенный период.

Если продовольственные, малоценные и слаботоварные культуры расширялись за период военного коммунизма и голода, а затем в период новой экономической политики сжимались в направлении движения к своим старым, исторически насиженным местам, то ценные товарные культуры двигались в обратном направлении. Они во время военного коммунизма и голода сокращались, а с новой экономической политикой и созданием и расширением товарного рынка—увеличивались, т.-е. они двигались по направлению позиций, в историческом прошлом завоеванных и за военный коммунизм и голод оставленных.

Так, культуры пшеницы и ячменя, занимавшие в 1916 г. по РСФСР—34,4%, упали в 1922 году до 18,5%, но затем к 1924 году поднялись до 23,5%.

То же мы видим по Украине. Здесь в 1916 году пшеница и ячмень занимали 52,1% всей посевной площади. В 1922 г. площадь под этими культурами упала до 28,0%, но с новой экономической политикой мы наблюдаем рост и в 1924 г. мы имеем уже 39,6%.

По Союзу в целом обе эти культуры имели:

в 1916 г.	38,7
„ 1922 „	21,1
„ 1924 „	27,8

Культура овса, также имевшая товарное значение для многих районов, в целом и общам дает то же отношение, что и культура пшеницы, с той только разницей, что по Украине она продолжает снижаться, благодаря отсутствию вывоза, а с другой стороны—благодаря интенсивному восстановлению культур пшеницы, ячменя и весьма устойчивой культуры ржи. Значение культуры кукурузы увеличилось на Украине за период военного коммунизма и голода — вместо 3% в 1916 г., площадь поднялась под этой культурой в 1922 г. до 8,4%. Даже в РСФСР, где она не имела большого значения в хозяйстве, за исключением Юго-Востока, поднялась с 0,5% в 1916 г. до 2,1% в 1922 году.

Увеличение площади под кукурузой стоит в прямой связи со следующими обстоятельствами: во-первых, она засухоустойчива, и во-вторых, требует семян для посева одной десятины около 1—2 пудов, что имеет огромное значение в неурожайные годы, когда население имеет минимум средств для посева и, в-третьих, НКЗем усиленно снабжал население кукурузой; но, начиная с 1923 г., т.-е. с того момента, когда началась ликвидация голода и его последствий, процент площади под кукурузой начинает систематически снижаться:

	% к общей площади.	
	По Украине.	По Союзу, в целом.
1916 г. . . .	3,0	1,1
1920 „ . . .	4,1	1,7
1922 „ . . .	8,4	3,9
1923 „ . . .	4,7	2,2
1924 „ . . .	3,9	1,9

Такое систематическое снижение не случайность. Дело в том, что в тех районах, где кукуруза приобрела большое значение и где она заменяла *продовольственные хлеба*, там она, поскольку голодный год остался позади и поскольку произошло восстановление торгового рынка,—должна была уступать место тем культурам, которые были *обычны*, *исторически обычны* для этих районов и которые начали теперь интенсивно восстанавливаться.

Необходимо отметить, что расширение кукурузы связано, главным образом, с голодным годом. Следовательно, голодный год вооружил кукурузу способностью вытеснить другие продовольственные хлеба.

Как торговая культура, т.-е. поскольку она не является продовольственным хлебом, кукуруза требует специальных оборудований для сушки, а при вывозе она сталкивается с конкуренцией кукурузы румынского производства. Все это, т.-е. отсутствие голода, отсутствие средств для специального оборудования (сушки), конкуренция с Румынией, поведет к тому, что, вероятно, площадь культуры кукурузы в бли-

жайшем году будет снижаться относительно и, если она не дойдет до уровня 1916 г., то будет к ней близка.

Если мы в текущем году имели дефицит в зерновых хлебах, то, что очень важно, имеем увеличение продукции технических культур, что связано было с увеличением посевной площади и относительно хорошим сбором.

Площадь *под всеми* техническими культурами 1924 года превышает таковую в 1916 году на 8%, что связано, главным образом, с ростом посевной площади под коноплей и подсолнухом. Площадь под коноплей превысила площадь 1916 г. на 17%, площадь под подсолнухом превышает даже на 97%. Но площадь под льном еще не достигла довоенной на 23%, табак на 38%, хлопок на 33% и сахарная свекла на 44%.

Темп восстановления технических культур за последние 3 года настолько интенсивен, что мы, несомненно, в самое ближайшее время достигнем площади 1916 года. Весьма знаменательно, что такая важная культура, поставляющая сырье для нашей текстильной промышленности, как хлопок, дает сзедующий темп роста:

1922 г.	100
1923 „	318
1924 „	804

Не менее интенсивный рост наблюдается и в движении культуры табака:

1922 г.	100
1923 „	569
1924 „	567

Культура сахарной свеклы, хотя и дает более медленный рост, но этот замедленный темп всецело стоит в связи с сравнительно медленным ростом свекло-сахарной промышленности.

1922 г.	100
1923 „	134
1924 „	189

Конопля в 1924 г. составляет по отношению к 1922 году 140, лен—130, подсолнух—120.

В общем, все технические культуры в 1924 г., по сравнению с 1922 г., повысили свою посевную площадь иа 41%, т.-е. составляют 141% по сравнению с 1922 г., взятым за 100.

Для многих непонятно следующее обстоятельство: каким образом имеет место интенсивный рост посевной площади в районах, где произошло огромное сокращение рабочего скота. Объясняется это тем, что в этих районах наиболее полно утилизируется рабочая сила скота. Обычная нагрузка лошади в мелких хозяйствах близка к 4 десятинам посева, тогда как нагрузка лошади в крупных хозяйствах (напр., в бывш. частновладельческих хозяйствах) в среднем равна 6—7 десятинам посева, а техническая норма повышается даже до 10 десятин. Так вот население, имеющее скот, повышает норму использования рабочего скота до возможного максимума и в порядке обработки своей пашни и в порядке обработки за плату пашни хозяйств без рабочего скота; кроме того, оно удлиняет срок службы рабочего скота, что равносильно увеличению количества скота, и использует рабочую силу коров. Все это и ведет к тому, что население может интенсивно расширять посевы при сравнительно слабом увеличении количества рабочего скота. Таков тот реальный „план“ и способы, которыми руководятся мелкие хозяйства при ликвидации голодных и неурожайных лет, сокращающих посевы.

Переходя к определению продукиии, мы прежде всего должны отметить, что, несмотря на то, что посевная площадь в 1924 г. увеличилась по сравнению с 1923 г. на 8,5%, размер общей продукции [1] не увеличился, а уменьшился, как видно из нижеприведенных данных.

[1] Без продукции совхозов и посевов на приусадебных землях.

Валовой сбор зерновых хлебов и картофеля в 1923 и 1924 г.г.

(В тысячах пудов).

	Годы.	Зерновые хлеба.	Картофель в переводе на зерно.	Итого.
С. С. С. Р.	1923	2.802.004	475.332	3.277.336
	1924	2.564.284	463.907	3.028.191
1924 г. в %% к 1923 г.	—	91,5	97,6	92,4

Таким образом, несмотря на увеличение посевной площади на 8,5%, общее производство, из-за неурожая в нескольких губерниях и пониженного урожая во многих губерниях, в 1924/25 г. сократилось на 8% сравнительно с 1923/24 годом.

По отношению к масло-семянам продукция выражается в следующих цифрах:

Годы.	Валовой сбор (в милл. пуд.). Лен.	Конопля.	Подсолн.	Итого.
1923	20,2	20,3	109,5	150,0
1924	25,7	19,8	94,5	140,0
1924 г. в %% к 1923 г.	127,2	97,5	86,3	93,3

Мы видим, что несмотря на то, что все масличные культуры дали увеличение посевной площади по сравнению с 1923 годом, валовой сбор увеличился только в отношении льняного семени (на 27%), конопля и подсолнух дали сокращение на 2,5% и на 13,7%. Это об'ясняется пониженным подесятинным урожаем в Курской, Орловской, Воронежской, Саратовской, Харьковской, Донецкой губерниях и отчасти на Юго-Востоке, захваченных засухой, т.-е. как раз в районе, где указанные культуры имеют значительное распространение.

Сбор льна-волокна исчислен нами для льноводных районов, то-есть районов с посевами волокнистого льна, так как

в других районах лен сеют, главным образом, для получения масло-семян, и если за последние годы здесь в связи с недостатком мануфактуры и стали вырабатывать лен-волокно, то все же товарного значения лен в этих районах не имеет.

В льноводных районах продукция льна-волокна (трепаного) определяется следующими цифрами:

Годы.	Всего.	Сбор трепаного волокна (милл. пудов). В том числе. Долгунцовый район.	Полудолгунцовый район.	Сибирский район.
1923	10,9	8,6	1,0	1,3
1924	14,9	12,2	1,2	1,5
1924 г. в %% к 1923 г.	136,7	141,9	120,0	115,4

Здесь мы видим прирост продукции, как результат увеличения посевной площади и более высокого урожая с 1 десятины. Особенно значителен этот прирост в районе льна-долгунца, т.-е. в районе, представляющем наибольший интерес с точки зрения снабжения промышленности сырьем и наших экспортных возможностей.

Другая волокнистая культура—конопля, дала в 1924 г. продукцию ниже прошлогодней, что, как уже указано выше, об'ясняется тем, что летняя засуха захватила как раз район с развитыми посевами конопли.

Сбор пеньки-сырца дает следующие цифры:

Годы.	Сбор пеньки-сырца (в милл. пудов).
1923	19,3
1924	19,0
1924 г. в %% к 1923 г.	98,4

Таким образом, несмотря на увеличение посевной площади под коноплей на 20,6%, сбор пеньки в текущем году несколько ниже прошлогоднего (на 1,6%).

Особенно большие достижения наблюдаются в восстановлении посевной площади наиболее ценной культуры—хлопка

(площадь 1923 г. по отношению к 1922 г. составляет 318%, а в 1924 г. — 804%). На сборе хлопка это отразилось следующим образом:

Годы.	Сбор хлопка-сырца (милл. пуд.) Туркестан.	Закавказье.	Бухара и Хива.	Всего.
1923	5,8	0,8	1,6	8,2
1924	14,4	3,7	3,8	21,9
1924 г. в %% к **1923 г.**	248,3	462,5	237,5	267,1

Таким образом, мы имеем увеличение продукции на 167% против прошлогодней. Но несмотря на то, что площадь под хлопком составляет по отношению к площади 1916 г. 67%, сбор едва достигает 43%. Это об'ясняется резким понижением урожайности хлопка в связи с ухудшением обработки земли и качества семян. Таким образом, основной задачей момента является повышение урожая с одной десятины.

Что касается прочих технических культур, то на первом месте здесь стоит сахарная свекла. Сбор сахарной свеклы в 1924 г. на 12% выше сбора 1923 г.

Годы.	Сбор сахарной свеклы (милл. берковцев 12-ти пудовых).
1923	13,4
1924	15,0
1924 г. в %% к **1923 г.** .	111,9

Из всех технических культур только табак дает понижение посевной площади по сравнению с 1923 годом. Сбор его выражается в следующих цифрах:

Годы.	Сбор табака (в тыс. пуд.). Махорка.	Желтый табак.	Итого.
1923	2.700	767	3.467
1924	2.550	540	3.090
1924 г. в %% к **1923 г.** .	94,4	70,4	89,1

Если в области полеводства ярко проявляются восстановительные процессы, то такие же процессы можно наблюдать и в области скотоводства.

Приводим соответствующие цифры (в %%):

	Годы.	Всего скота.	В ТОМ ЧИСЛЕ.					
			Лошадей.		Крупн. рог. скота.		Овец.	Свиней.
			Всех.	Раб. возр.	Всего.	Коров.		
По СССР	1922	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	1923	106,1	99,5	98,2	110,2	102,9	105,2	106,8
	1924	130,2	108,7	102,9	130,2	111,9	126,9	195,8

Приведенные данные с огромной силой убедительности доказывают, что восстановительный процесс в животноводстве проходит с неменьшей интенсивностью, чем восстановительный процесс в области организации посевной площади.

(Из статьи П. И. Попова „Итоги хозяйственного года и сельскохоз. баланс", см. журнал. „Экономич. Обозрение", декабрь, 1924 г.).

Основные элементы хозяйства[1].

I. Земля.

Как изменялось частное владение по категориям владельцев за период времени с 1887 по 1905 г., видно из следующей таблицы в % к общей площади частновладельческих земель:

Года.	Земли дворян составл.	Земли купцов составл.	Земли мещан составл.	Земли крестьян составл.	Земли прочих.
1877 г. 49 губ.	77,8	12,2	2,0	7,0	1,0
1887 г. 46 губ.	63,3	13,4	2,9	13,1	2,3
1905 г. 50 губ.	52,5	16,6	3,6	23,9	3,4

[1] Настоящая небольшая глава представляет собою детализацию некоторых моментов предыдущего общего очерка.

Как видно, роль крестьян в покупке земель с течением времени усиливалась весьма значительно, составляя из года в год все больший процент.

Соотношение числа владений отдельных категорий владельцев до революции и размер принадлежащей им площади видны из следующей таблицы:

Название категорий владельцев.	Земли в мил. дес.	Число владений.	Средний размер владен. в десят.
Дворяне	53,1	107.247	495,8
Крестьяне	13,2	490.393	26,9
Купцы	12,9	22.897	563,7
Мещане	3,7	84.901	44,3
Иностранцы	0,352	862	406,0

Группируя владения крестьян по количеству надельной земли, мы найдем для дореволюционного периода, что

до 5	дес. на двор	имеют	2.856.950 дворов	или 23,8%
от 5 до . . 10	„ „	„	5.071.511 „	„ 42,3%
Свыше . . 10	„ „	„	4.070.244 „	„ 33,9%

В результате революции по 40 губерниям Европейской России в распоряжение крестьянства поступило 17,9 мил. дес.

Количество крестьянской земли без лесов в указанных 40 губерниях до революции составляло 104 мил. дес., а после революции 121,9 мил. дес. Увеличение выразилось в размере в среднем 16,3%. По отдельным губерниям это увеличение различно и колеблется весьма значительно, что видно из нижеследующей примерной таблицы:

Размеры среднего земельного обеспечения крестьян на 1 едока в десятинах до и после революции:

ГУБЕРНИИ.	До революции.	После революции.	% увеличения.
Донская область	4,40	6,29	42,9
Пензенская губ.	1,0	1,45	45,0
Самарская "	2,24	3,37	50,4
Саратовская "	1,00	1,99	99,0
Тамбовская "	1,03	1,30	26,0
Тульская "	1,00	1,35	35,0
Татарская Республика	1,3	2,1	61,5

Для некоторых губерний увеличение обеспечения выразилось в весьма значительном размере. Этот размер прирезок находится в зависимости от общего количества некрестьянских земель в данном районе.

(И. Г. Борисов—„Экономическая география", изд. 3, 1924 г.).

Распределение земель СССР по угодьям.

УГОДЬЯ.	По данным.			
	Дореволюционным.		Новейшим.	
	Тысяч десятин.	%	Тысяч десятин.	%
Пашня	102.995	28	112.184	30
Сенокос	42.198	11	30.547	8
Лес	143.993	39	149.184	40
Остальная удобная земля	14.092	4	15.396	4
Неудобная	66.271	18	65.231	18
Всего	369.549	100	372.542 [1]	100

[1] Разница в общем итоге на 3 миллиона десятин нас не должна смущать. Эта разница меньше одного процента всего итога и при такой грандиозной работе, как описание и подсчет угодий громадной страны, она вполне допустима.

Движение посевной площади по СССР[1].

В 1914 г.	95,9	мил. десятин	100%
„ 1916 „	86,5	„ „	91%
„ 1922 „	58,7	„ „	61%
„ 1923 „	69,9	„ „	72%
„ 1924 „	75,9	„ „	79%

Пропорция культур по СССР.

	1916 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Рожь	25,6	32,6	33,1	31,6
Пшеница	28,0	15,4	17,3	20,3
Овес	18,1	12,8	13,2	13,7
Другие хлеба	17,4	23,1	21,2	18,1
Картофель	2,9	5,2	4,9	4,9
Лен	1,6	1,4	1,2	1,4
Другие культуры	6,4	9,5	9,1	10,0
	100,0	100,0	100,0	100,0

(А. М. Большаков—„Современная деревня в цифрах,“ 1925 г.).

% хозяйств с площадью пашни и сенокоса на едока.

	В 1922 г.	В 1923 г.	Изменение в % (+ или —).
До 0,5 дес.	15,0	11,9	— 20,7
От 0,51 до 1,0 дес.	35,2	34,7	— 1,4
„ 1 „ 1,5 „	31,7	33,6	+ 6,0
„ 1,5 „ 2,5 „	15,2	16,5	+ 8,6
Свыше 2,5 дес.	2,9	3,3	+ 13,9

(Проф. Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский—„Перспективы развития сельского хозяйства СССР“, изд., 1924 г.).

---

[1] Без Дальнего Востока, Туркестана и Закавказья.

II. Живая сила.

Сельское население уже сейчас превышает население 1916 г. и 1920 г., а именно: сельское население в милл. душ равнялось в

1916 году		96,8 милл.
1920 „		99,0 „
1923 „		102,6 „,

что, впрочем, об'ясняется не столько естественным приростом, сколько возвратом мобилизованных во время мировой и гражданской войн. Война и голод унесли за минувшие годы миллионы жертв из деревень, и вряд ли естественный прирост за эти годы был сколько-нибудь значительным; в некоторых же районах была несомненная убыль.

На 100 десятин приходится работников мужчин:

Районы.	1913 г.		1923 г.		Увеличение в процентах.	
	Посева.	Пашни + сенокос	Посева.	Пашни + сенокос.	Посева.	Пашни + сенокос.
Сев.-восточный	46,7	11,1	90,0	15,6	192,7	140,5
Сев.-западный	56,7	14,4	66,8	13,8	117,8	95,8
Западный	30,9	10,5	48,3	13,9	156,3	132,4
Центр.-промышл.	26,0	11,0	57,0	18,7	219,2	170,0
Вят.-Ветлужск.	22,7	10,1	40,4	11,7	177,9	115,8
Урал.	19,8	7,2	38,4	8,7	193,9	120,8
Центр.-землед.	24,1	13,5	37,5	15,4	155,6	114,1
Средне-Волжский.	19,6	10,8	41,4	12,3	211,2	113,9
Нижне-Волжский.	13,3	6,9	28,2	7,5	212,0	108,7
Крым	8,8	3,4	20,9	3,9	237,5	114,7

Отсюда видно, что если даже в ближайшее 5-летие крестьяне не только доведут посевы до уровня 1913 г., но даже превзойдут его—все же в густо населенных районах окажется избыток работников, который для рационального применения должен частью уйти в города и на окра-

ины, частью перейти к более интенсивной эксплуатации своих угодий. Пока же этот избыток рабочей силы может найти себе приложение в работе по землеустройству и мелиорации своих участков.

(Перспективы развития сельск. хоз. СССР, изд. 1924 г.).

Рабочие руки.

	Количество работников на 100 десятин посева по РСФСР:		
	Мужчин.	Женщин.	Всего.
1897 год. . .	21	24	45
1913 „ . .	22	25	47
1920 „ . .	31	43	74
1923 „ . .	42	46	88

(А. М. Большаков—„Современная деревня в цифрах", 1925 г.).

III Инвентарь.

А. Живой инвентарь.

Количество крестьянского скота на 100 душ сельского населения СССР.

Г О Д Ы.	На 100 душ населения приходится.			
	Рабочих лошадей.	Крупн. рогатого скота.	Всего прочего скота.	Всего в перев. на крупн. [1])
1916	23,9	49,8	108,4	80,3
1922	17,1	35,5	66,6	57,4
1923	16,8	39,2	70,6	59,3
1924	17,1	45,3	89,5	66,6

[1]) Перевод скота на крупный сделан по общепринятым нормам, а именно: за единицу считается одна корова, один бык или вол, одна лошадь, два жеребенка, два бычка или нетели, 4 теленка, 10 взрослых овец и 20 ягнят, 4 свиньи и 10 поросят.

Нагрузка рабочего скота пашней по СССР.

Годы.	Число десятин посева (в миллион.).	Всего голов рабочего скота (в миллион.).	На 100 десятин посева приходится рабочего скота.
1916	86,5	26,1	30,2
1922	58,7	18,1	30,8
1923	69,9	17,9	25,6
1924	75,9	18,7	24,5

(А. М. Большаков—Современная деревня в цифрах, 1925 г.).

Б. Мертвый инвентарь.

На 100 дес. посева приходится:

Области.	1910 г.			1920 г.			1923 г.		
	Сох.	Плугов.	Убор. машин.	Сох.	Плугов.	Убор. машин.	Сох.	Плугов.	Убор. машин.
Нечерноземная полоса.									
Запад	9,1	16,4	0,0	6,6	24,4	0,2	4,0	14,5	0,1
Центр	21,2	10,9	0,1	22,9	23,5	0,7	14,1	14,5	0,4
Сев.-восток	15,8	5,0	0,8	11,7	6,7	1,8	13,7	6,3	1,7
Черноземная полоса.									
Запад	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Центр	13,2	5,0	0,4	12,4	8,1	1,0	10,0	6,6	0,8
Юго-восток	1,5	5,4	2,5	1,6	7,5	3,3	1,4	6,3	3,6
Азиатская Россия	5,6	6,7	1,8	3,4	10,6	5,6	4,5	14,0	7,5
Всего по РСФСР	10,3	7,0	1,1	9,6	11,2	2,6	8,2	9,6	2,3

Отсюда видно, что в 1923 г. отношение с.-х. машин к посевам почти во всех областях близко к довоенному. В дальнейшем, при последующем приросте посевных площадей, понадобится дополнительное снабжение инвентарем. Специалисты НКЗ[1] считают достаточным ежегодное пополнение инвентаря на 35 милл. руб. для доведения площади посевов до довоенной нормы.

При помощи соответствующих долгосрочных кредитов, крестьяне, вероятно, в состоянии будут закупить то же количество, что отчасти доказывают уже современные бюджеты, по которым в 1922—23 гг. инвентаря (с транспортным) было куплено ими на 67 милл. рублей.

(Перспективы развития сельского хозяйства СССР, изд. 1924 г.)

Ввоз и внутреннее производство сельско-хозяйственных машин и орудий в СССР.

Годы.	В тысячах руб. по довоенным ценам.	
	Ввоз.	Внутреннее производство.
1913	48.906	60.508
1916	452	12.100
1918	2.751	6.382
1920	454	2.840
1922	5.568	7.428
1923	2.476[2]	9.180
1924	4.334	8.900

(А. М. Большаков—Современная деревня в цифрах, 1925 г.).

---

[1] НКЗ—Народный Комисс. Земледелия.

[2] Падение цифры ввоза не должно казаться странным: у населения не было денег на приобретение машин и орудий, кредит не был еще с'организован. Машины и орудия были нужны, но... они лежали на складах еще от прежних партий привоза.

Сельское хозяйство и крестьянство в 1924 г.

(Из речи председателя Совнаркома СССР на V Всемирном Конгрессе Коминтерна в заседании от 27 июня 1924 г.).

Наш Союз Социалистических Республик является одной из самых деревенских стран Европы; в нем крестьянство и сельское хозяйство играют пока что превалирующую роль. Из 130 миллионов всего населения нашего Союза приблизительно 100 миллионов падает на деревню и на крестьян. Отличительной чертой нашего сельского хозяйства является то, что оно есть хозяйство мелкое, хозяйство крестьянского двора. Мы совершенно не имеем крупных латифундий, крупных имений, фабрик зерна или мяса. Из земель, которые были конфискованы во время Октябрьской революции, насколько я помню, в количестве более 30.000.000 десятин, мы почти все роздали крестьянам. В руках государства осталось и удобных и неудобных земель что-то около 2 милл. десятин, которые должны быть использованы для организации показательных хозяйств, семеневодства, коневодства и т. д. и т. п.

Главная задача этих показательных хозяйств заключается в том, чтобы на конкретных примерах научить деревню более высоким методам полеводства и огородничества, чтобы помочь крестьянину восстановить его хозяйство, оказывая ему помощь улучшенными семенами, племенным скотом и т. д.

Основой всего сельско-хозяйственного производства, его рабочей ячейкой, является крестьянский двор. Этих дворов насчитывается 18—20 миллионов. Эти 18—20 миллионов самостоятельных земледельческих хозяйств работают на основе свободного товарооборота. За период революции и гражданской войны крестьянское хозяйство было сильно разрушено, конечно, меньше, чем была разрушена фабрично-заводская промышленность, но все-таки разрушено было очень сильно, ярким выражением чего явилось резкое сокращение посевной площади на территории Союза.

За период военного коммунизма отношение к сельскому хозяйству было построено на монополии торговли хлебом и натуральном налоге. Никто не мог торговать хлебом, кроме государства и его органов. Крестьянство обязано было сдавать государству весь излишек, кроме необходимого для его хозяйственных нужд, т.-е. для обсеменения полей и для потребительских нужд крестьянского двора, при чем в нашем законодательстве было точно указано, какие потребительские нужды учитываются. Все остальное крестьянство должно было сдавать государству. Государство владело монополией хлебной торговли. В этот же период производились массовые мобилизации крестьян в армию. В эпоху гражданской войны мы имели армию в пять слишком миллионов человек, которая в крупнейшей своей части состояла из крестьян и крестьянских работников. На ряду с этим производились мобилизации крестьян и со стороны белых—в районе расположения белых армий. С одной стороны, крестьяне были обессилены извлечением рабочей силы, с другой стороны—реквизициями скота, лошадей и т. п. для военных целей. Волны фронта докатывались до Москвы, и каждое продвижение фронта связано было с реквизицией у крестьян то Колчаком, то Деникиным, то другими войсками—хлеба, скота, а иногда и хозяйственной утвари.

Вместе с тем система продразверстки, которая оставляла крестьянину, сколько бы он ни произвел, только то, что ему было необходимо для его потребительских и производственных нужд, лишала крестьянина заинтересованности в развитии его хозяйства. Поэтому введение новой экономической политики, основа которой заключается в том, что крестьянин владеет всеми продуктами своего труда и уплачивает государству только налог, явилось гигантским рычагом для поднятия крестьянского хозяйства. И основная заслуга нэпа заключается в том, что при помощи новой экономической политики рабочий класс укрепил свой союз с крестьянином.

Если вы посмотрите хронику эпохи военного коммунизма, то вы найдете там указания на массовые протесты крестьян против тех или других мероприятий военного коммунизма. Мы имели тогда даже частичные восстания в целом ряде губерний. Новая экономическая политика установила союз рабочего с крестьянином и совершенно вычеркнула из нашей хроники крестьянские восстания и массовые крестьянские протесты. Громадным ударом послужил для крестьян, конечно, голод 1921 года.

Я оглашу сейчас цифры сокращения посевных площадей. Вы увидите, что в 1922 году посевная площадь сократилась особенно сильно—это результат жестокого неурожая 1921 года. По отношению к довоенным посевным площадям сокращение в 1920 году выразилось в 12 проц., в 1921 г.—в 22 проц., в 1922 г.—34 проц. После 1922 года наступает перелом. Крестьянство начинает оправляться от последствий голода, и в 1923 году мы имеем сокращение только на 23 проц. против довоенного. В настоящий момент величина посевной площади колеблется на уровне 85—90 проц. довоенной; ошибка здесь в ту или другую сторону возможна, но небольшая.

В связи с этим ростом посевных площадей, увеличение крестьянского производства оказалось уже достаточно большим для того, чтобы принять большое участие в так называемом осеннем кризисе, о котором я говорить буду дальше; здесь же ограничусь указанием, что по отношению к крестьянству этот кризис выразился в непомерном понижении цен на крестьянский хлеб.

Понижение цен произошло потому, что избыточного продукта крестьянского хозяйства оказалось больше потребности городов и потребности рабочего класса. Мы имели избыток хлеба, по покрытии всех потребностей в республике, более 200 миллионов пудов. Поэтому крестьянство может безболезненно развиваться, увеличивать свою посевную площадь, улучшать свое хозяйство только при том условии, если мы

завоюем внешний рынок для сбыта крестьянских товаров. Мы имеем не две соприкасающиеся плоскости—крестьянского хозяйства и нашей промышленности, а имеем треугольник, в который внешняя торговля западно-европейская входит в качестве обязательной органической части, без которой мы не в состоянии установить такое соответствие в продукции и между крестьянским хозяйством и нашей промышленностью, которое необходимо для быстрого развития сельского хозяйства. В текущем году мы уже вывезли из урожая 1923 г. около 180 милл. пудов хлеба. Это дало нам возможность поднять хлебные цены более чем на 60 проц., выравнять их по всей территории Союза и таким образом приблизить нижнее лезвие ножниц, относящееся к сельскому хозяйству, к верхнему лезвию, характеризующему цены на промышленные изделия.

Чтобы закончить с характеристикой под'ема в области сельского хозяйства, я приведу данные о росте площади под хлопчатником. В 1922 году мы имели около 55 тысяч десятин (в Туркестане и Закавказье), в 1923 г.—200 тыс. дес., увеличение почти в 4 раза и, наконец, в 1924 г.— опять увеличение в два раза—400 тыс. десятин. Однако, несмотря на столь быстрый темп восстановления хлопковых плантаций, мы в настоящее время едва достигли только немногим более половины довоенной площади, и еще в текущем году для удовлетворения потребности текстильной промышленности мы вынуждены были ввести в страну примерно столько же заграничного хлопка, сколько собрали своего. В предстоящем 1925 году площадь под хлопком значительно увеличится, и мы не будем уже в такой зависимости от иностранного хлопка.

Злобой настоящего дня является урожай этого года. О нем еще не было официальных сообщений в печати. Я и теперь приведу вам цифры, не окончательно проверенные, но которые дают в общем совершенно точную характеристику положения дел.

Урожай в хозяйстве Союза Республик имеет кардинальное значение, и размер урожая, при низком уровне крестьянского хозяйства, в огромной степени зависит от погоды, от климатических условий. Посевная площадь этого года, как я уже указывал, больше площади предыдущего года, но урожай этого года, по предварительным подсчетам, будет равен урожаю прошлого года. Если он равен ему по валовому сбору, это значит, что в отношении к десятине он хуже, потому что посевная площадь в этом году больше посевной площади предыдущего года. Таким образом, в будущем 1924—25-ом году, как и в предыдущем, мы будем иметь возможность, после покрытия всех нужд внутри страны, продолжить экспорт хлеба примерно в тех же размерах, как в текущем году, т.-е. в размере 200 мил. пудов.

Особенность урожая этого года заключается в том, что он гораздо более пестрый, чем урожай предыдущего года. Мы имеем хороший урожай в Сибири, вокруг Москвы— в центральной области, но мы имеем повторение неурожая в целом ряде районов, которые постиг голод в 1921 году, т.-е. в респ. Немцев Поволжья, Царицынской губернии, части Саратовской, части Ставропольской и т. д. По своей площади этот недород охватывает немного меньше $^1/_5$ части того района, который был поражен неурожаем в 1921-ом году. По качеству, т.-е. в смысле сбора с десятины в пораженном районе теперь и тогда, он приблизительно одинаков.

Центральный Комитет Партии и Совнарком, в полном убеждении, что страна к настоящему году располагает всеми данными для того, чтобы не допустить до бедствий в неурожайных районах, считают необходимым немедленно прийти на помощь крестьянству. Первейшей задачей является сохранение посевной площади в неурожайных районах, и правительство уже приняло меры, направленные к тому, чтобы посевная площадь не была сокращена в ближайшем году ни на одну десятину. Теперь это мы можем сделать без особого напряжения со стороны государства и без какого-

либо обращения к АРА и другим посторонним организациям. Осенью это потребует от нас снабжения пострадавших от неурожая крестьян семенами приблизительно в размере десятка миллионов пудов на озимый посев, что при двухстах миллионах возможных излишков для экспорта составит небольшую величину. В настоящий момент отдано распоряжение о том, чтобы передвинуть хлеб в район недорода, и приняты уже организационно-подготовительные меры для осенней посевной кампании, которая в этих районах начнется в конце августа. Но то обстоятельство, что по всей территории Союза, в общем и целом, мы имеем пониженный урожай, осложненный прямым недородом в отдельных районах советских республик, в значительной степени поколебало наши расчеты на то, что предстоящий год будет рекордным в смысле быстрого скачка вверх со стороны всего нашего хозяйства, ибо предварительные предсказания насчет урожайности были в величайшей степени благоприятны, и мы рассчитывали иметь до 400—500 мил. пуд. избытка хлеба для вывоза за границу. Программа эта сокращается. В отношении сельского хозяйства ближайший год будет характеризоваться, по всей вероятности, теми же цифрами и тем же положением, что и год, только-что пережитый, т.-е. в общем и целом будет годом удовлетворительным.

(„Известия“ от 4 июля 1924 г.).

Хозяйство в отдельных пунктах страны.

В качестве иллюстраций, поясняющих общие положения, изложенные выше, дадим краткие характеристики состояния хозяйств в отдельных селениях и волостях различных районов страны. Здесь будут самые разнообразные местности СССР: с крестьянским населением, с казачьим, пострадавшие от грандиозного голода 1921—1922 года, испытавшие всю тяжесть бандитского ига (напр. антоновщина—в Тамбовской губ.), совершенно не задетые голодом и гражданской войной районы и пр.

Деревня Янбакты.

Деревня Янбакты[1] раньше считалась самой богатой и хлебной деревней в районе. До войны в ней насчитывалось 310 хозяйств, которые имели в общей сложности около 600 лошадей, 400 коров и много мелкого скота.

Под влиянием же войны и голода число хозяйств в деревне сократилось почти на одну треть, т.-е. из 310 хозяйств теперь осталось 207, которые в настоящее время имеют только 104 годных для работы лошади и 101 корову и 56 голов мелкого скота (овец—25, коз—31).

Из домашней птицы на всю деревню имеется: куриц—48, уток—2, гусей совсем нет. Деревня Янбакты раньше была богата и земледельческими орудиями; из них сохранилось: плугов—120 шт., борон—165 шт., сох—55, молотилок—8, жнеек—5.

Кустарные промыслы в деревне не были развиты. Ремесленников почти нет совсем. На всю деревню имеется лишь один кузнец, один самоучка-слесарь.

Нет даже портного. Портняжные работы выполняют приезжие мастера.

---

[1] Деревня Янбакты в Татарской Республике. Обследование происходило осенью 1923 г.

При деревне имеется 8 старых ветряных мельниц.

Торговли нет совершенно — ни кооперативной, ни частной.

Состав населения следующий: до 17 лет 240 чел., рабочего возраста—430 чел., старшего возраста—200 чел. Из них учебного возраста—225 чел.; грамотных 180 чел. мужчин и 40 женщин; полных сирот—104, полусирот—125. Из беженцев голода возвратилось 235 человек.

В области земледелия применяется старая трехпольная система. Из 1.365 десятин озимого клина на этот год было засеяно 322 дес.; из 1.575 дес. ярового—387 дес. Под паром находится клин в 1.155 дес., из которых обработано 517 дес. Рожь сильно пострадала от засухи, а яровые хлеба почти полностью уничтожены саранчей. По урожайности рожь дает в среднем 15—20 пудов, а яровые 10—18 пудов на десятину.

Хлебный бюджет можно составить в таком виде:

Приход:

С 322 дес. озимого клина по 15 п. на десятину, всего—4.830 п.

С 386 дес. ярового клина по 13 п. на десятину, всего—5.018 п.

Итого с двух клинов—9.848 п.

Расход:

Для обсеменения 517 дес. озимого клина из расчета по 8 п. на десятину потребуется 4.136 п. ржи.

Яровыми хлебами предполагают засеять 500 дес., тоже из расчета по 8 п. на дес.—потребуется 4.000 п. яровых семян.

Всего на семена необходимо 8.136 пудов.

Таким образом, на нужды самого населения, состоящего из 925 душ, до нового урожая остается 1.712 пудов. Картофель в этот расчет не входит.

Необходимо заметить, что крестьяне этой деревни, несмотря на все ужасы пережитого голода 21—22 гг., не сознали еще громадного значения картофеля для крестьянского хозяйства, ибо на полях дер. Янбакты нет ни одной десятины, засеянной картофелем. Они все еще удовлетворяются только тем количеством картофеля, которое засевают в своих огородах на площади не более как в 15—20 кв. саж. Что касается других овощей—огурцов, капусты, свеклы и др.—их нет ни в одном хозяйстве.

Вот каково экономическое положение дер. Янбакты. Если обратить более серьезное внимание на вышеприведенные цифры, то можно будет легко понять, насколько слаба еще хозяйственная мощность деревни, едва уцелевшей от голода. Такое значительное сокращение хозяйств и рабочего скота безусловно не могло не повлиять и на размер площади посевов, и она сократилась больше чем на 75%.

Нельзя возлагать особых надежд и на будущий год. Вышеприведенный хлебный бюджет показывает нам неутешительную действительность. При таком незначительном приходе хлебов от нынешнего урожая крестьяне будут вынуждены или еще больше сократить площадь посевов или останутся на зиму без куска хлеба. Уже теперь некоторые хозяйства приступают к сбору разных суррогатов. Например, в дер. Янбакты в пищу употребляют какое-то растение под названием „катон“. Во многих хозяйствах мы видели муку из этого растения.

На наши вопросы: „Что будете сеять и как будете жить до нового урожая?“—крестьяне отвечают, что прежде всего приложат все усилия засеять свои поля, а потом некоторые члены семьи отправятся в города искать заработка. И действительно, в день нашего приезда в Янбакты 20 человек из этой деревни получили паспорта для отправки на поиски работ, и три хозяйства приготовились переселиться совсем в Сибирь.

Единственным после 21 года шагом вперед в этой деревне можно назвать некоторое увеличение скота: лошадей на 18 голов, коров на 14 голов и на несколько голов мелкого скота.

(Р. Сабиров—„Деревня Татреспублики после голода“, 1923 г.).

Хутор Быстрянский [1].

Хутор Быстрянский, Орловской волости, Сальского округа, Донской области, расположен от волостного центра в 6 в., от окружного в 28 в. и от областного в 395 в. Рынки, к которым тяготеет хутор по продаже продуктов животноводства и полеводства—Орловка и село Егорлыцкое Ставроп. губ.—продажа и покупка скота. Хутор образован в 1911 году из переселенцев-казаков северных станиц Донской области, главным образом станицы Усть-Быстрянской, от имени которой он получил свое название. Земельный фонд хутор получил из земель бывшего Войскового Земельного Совета, при чем земля была передана вопреки обычным казачьим порядкам непосредственно хутору, помимо станичного общества. Станичного передела, как такового, не было, и хутор представлял из себя самостоятельную общину, вполне независимую от станичного общества. Полученная ими земля была разделена между переселившимися казаками, и в общинном пользовании был оставлен только выгон, из которого каждый совершеннолетний казак получал пай. Общая площадь полученной хутором земли составляла 4.174 дес., из которых 4.087 дес. удобной и 86 дес. неудобной. Отведенную переселенцам-казакам землю ранее арендовали у Войскового Совета крестьяне, положение которых с переменой хозяев значительно ухудшилось вследствие уменьшения свободного арендного фонда и повышения арендной цены на землю. В то же время, при переходе их в новых усло-

[1] Обследование 1923 года.

виях от долгосрочной аренды целым обществом к годовой аренде отдельных хозяйств, появилась неуверенность в своем положении, которое стало зависеть от добрососедских отношений с казаками. После переселения казаков, на крестьян был распространен существовавший по отношению к иногородним налог—„посаженная плата“, взимаемая с усадебной земли. Крестьянское хозяйство становилось малодоходным; поэтому с 1905 года началось частичное переселенне крестьян в другие места. К настоящему времени крестьянские хозяйства по отношению к общему количеству домохозяев составляют 32,4%.

Высокая арендная плата, а также ряд притеснений по отношению к иногородним обострили отношения между ними и казаками. После революции крестьяне влились в общину в качестве равноправных членов. Во время гражданской войны все поголовно крестьянство пошло в Красную армию, а почти все казачество хутора пошло в белую армию.

До 1923 г. вопросы землепользования остро не стояли. Земли, при уменьшении площади посева, было более чем достаточно на всех, считая и влившихся в общину после революции крестьян. В 1923 г. в хуторе проведены землеустроительные работы, при чем проведен на шесть лет передел по едокам. Размер надела на одного едока составляет 5,6 десятины. Общая площадь хуторских земель: удобной 4.862 дес., неудобной 82 дес., а всего 4.944 десятины.

После передела земли маломощные хозяйства, получившие наделы, землю не обрабатывают, в аренду не сдают. Некоторая часть, правда, сдана зажиточным крестьянам за вспашку последними посева из за отсутствия рабочего скота, но большее количество земли не используется. То же самое мы наблюдаем в других группах: обеспеченность землей несоразмерна наличию рабочего скота, благодаря чему значительная площадь остается неиспользованной. В 1923 г. в хуторе только два хозяйства имели посев в 25 десятин, имея более чем по 100 десятин.

Вопрос землепользования не стоит остро; аренда, распространенная в больших размерах в дореволюционные годы, не только среди иногородцев, но и среди казачества, не практикуется. Хутор является типичным для данной местности.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

Павлодарская волость.

Павлодарская волость[1] расположена в глуши—в 130 верстах от губернского города Тамбова, в 45 верстах от уездного города Борисоглебска и в 28 верстах от ближайшей жел.-дор. станции Волконская, Ю.-В. ж. д. Вследствие слабости пассажирского движения связь всего уезда с центром плохая. Эта волость на совещании с тамбовскими губернскими работниками, при участии завед. Губстатбюро, признана типичной для Тамбовской губернии и избрана для обследования как бывшая в хозяйственном отношении под влиянием фронта и бандитизма.

Волость многоземельная, с ³/₄ площади бывшей помещичьей земли. Ликвидация помещичьего землевладения создала благоприятные условия для крестьянского хозяйства: избыток нетребующей удобрения черноземной земли, сравнительная близость полей от селений—максимум 5—6 верст.

В 1917 году в волости было всего земли—15.341 д., из них усадебной—959 д., пашни—11.145 д., сенокоса—1.391 д., леса и кустарника—428 д., выгона—1.125 д. и неудобной—293 д.

Из 11.145 дес. пахотной земли у крестьян было надельной—2.580 д., купчей—839 д., арендованной—2.985 д., всего 6.404 д.

По данным настоящего обследования в пользовании крестьян Павлодарской волости оказалось пашни, усадебной и сенокосной—6.565 дес.; остальная земля отошла крестья-

[1] Волость обследована в 1923 г.

нам других волостей, совхозам и в государственный земельный фонд, сдаваемый в аренду Уземуправлением.

Из обследованных 1.064 хозяйств—бывших до 1917 г. 856. До революции 533 хозяйства, кроме использования надельной и купчей земли, приарендовывали у помещиков 2.985 дес. и однообщественников — 74 дес. 656 саж. С нэп'ом вновь возродилось 232 арендатора.

Из 856 обследованных хозяйств в 1917 г. были: 1) без всякого сельско-хозяйствнниого инвентаря—204; 2) кроме того без плугов и сох—30; 3) с сохами и без плугов—256, с плугами и сохами было только—307 (у них плугов 326 и сох 354).

В первые годы революции зажиточным было все-таки легче: уклонением от продразверстки и использованием мешечников даже при падении хозяйства благосостояние их поддерживалось, беднота разорялась. Значительная часть бедноты находилась на фронтах.

Разделом сельско-хозяйственного инвентаря и другого помещичьего имущества воспользовались преимущественно зажиточные: бедняку не на чем было ехать за помещичьим добром, да и попавший маломощным через Комбед и другим путем помещичий с.-хоз. инвентарь был отобран и сдан в совхозы и теперь лежит там в неисправном состоянии, почти без использования.

Полученная маломощными при прирезке земля или оставалась незасеянной, или фактически переходила к зажиточным, последними обрабатывалась и использовывалась на издольных, более выгодных зажиточным, условиях. В первые годы революции при помощи Советской власти маломощные пользовались ресурсами зажиточных, создавалось некоторое равновесие—нивеллировка до перехода к нэп'у. Но фактически строго хозяйственной нивеллировки почти не было, хозяйственная мощь бедноты от перераспределения скота, имущества и продовольствия не увеличилась. Крестьяне на общих собраниях заявляли, что беднота даже не использовала свое

выгодное положение в первые годы революции. Наоборот, зажиточные крепко держались за свое имущество и, в целом, за хозяйство, даже приспособлялись к условиям военного коммунизма. Даже и в период бандитизма, ударившего по всем слоям крестьянства, хозяйственная мощь зажиточных пострадала преимущественно в отношении числа рабочих лошадей и скота, но сохранилась в виде более ценных усадеб, части скота, мертвого инвентаря и другого имущества. Маломощные же или совсем разорялись или оказались относительно при более разрушенных хозяйствах.

Если сравнить по группировке 1917 г., то оказывается, что посевная площадь в 1920 г. против 1917 г.: 1) в группе зажиточных, по понятным причинам (разверстка, конфискация, реквизиции, перераспределение и бандитизм), уменьшилось с 8,8 дес. до 4,4 дес. на одно хозяйство, т. е. вдвое; 2) в группе середняков—без изменения (по 4,1 дес. на 1 хоз. во все года); 3) в группе маломощных сократилось с 2,1 до 0,9 десятин на 1 хозяйство.

Переход к нэп'у в обследованной волости совпал с продолжавшимся бандитизмом, уже доведшим крестьянские хозяйства до сильного упадка, главным образом обезлошадения, так что в группе маломощных оказались многие середняки и даже бывшие зажиточные. Бандитизм продолжался до июня 1921 года.

После ликвидации фронтов, военных операций и переходом к мирной работе в волости увеличилось число рабочих рук.

В обследованных хозяйствах было:

1917 г.	из	4.881	гр.	работников	муж.	856.
1920	„	5.370	„	„	„	989.
1921	„	5.538	„	„	„	1.064.

При наличии ряда отрицательных факторов в связи с мирной обстановкой работы в условиях нэп'а, с освобожде-

нием трудовых сил от непроизводительной работы военного периода, среди всех слоев крестьянства волости обнаружился хозяйственно-производственный под‘ем, даже преодолевающий недостаток лошадей, изношенность инвентаря, недостаток семян, продовольствия (до урожая 1922 г.), тяжкие условия ремонта, отсутствие возможности приобретения запасных частей, новых машин.

В результате площадь посева с 3.376 дес. 1917 г. увеличилась в 1922 г. до 4.100 дес. Озимых на 1923 год засеяно 1.978 дес., против 1.942 дес. 1922 г. и 1.874 дес. 1917 г.

Наличие рогатого скота (коров), сократившееся в 1920 году до 918 голов против 1.043 — 1917 г., увеличилось в 1922 году до 1.027 голов, что в значительной степени об‘ясняется использованием коров для пашни и грузовых перевозок.

Число рабочих лошадей, сократившееся с 1.074 шт. 1917 г. до 450 к 1922 г., после реализации урожая увеличилось на 119 лошадей, т.-е. до 569.

Маломощные имеют только избыток земли и рабочих рук: и то и другое обесценено; случаи предложения рабочих рук за хлеб и земли за продналог не единичны. Господствует кабала и тяжелые условия отработки.

(Ст. Г. Дронина—Павлодарская волость, в сборнике „Крестьянское хозяйство за время революции“, изд. 1923 г.).

Горицкая волость [1].

Для изучаемой мною Горицкой волости сельское хозяйство—и не какое-нибудь луговодство или огородничество, а земледелие в тесном смысле этого слова, т.-е. полеводство,— является наиболее существенным нервом ее экономической жизни. Поэтому следует с особым вниманием остановиться

[1] Горицкая волость, Кимрского уезда, Тверской губ.; наблюдение производилось в течение всего революционного периода.

на анализе данных, характеризующих положение земледелия в волости как до революции, так и в революционную эпоху.

Процент беспосевных хозяйств поднялся с 11,9 в 1916 г. до 13,2 в 1920 г. Рост беспосевных хозяйств не следует понимать в том смысле, что некоторые хозяйства, которые в 1916 г. имели посев, теперь лишились его. В период 1916—1920 г.г. число хозяйств увеличилось на 21%. В числе этого 21% создавались хозяйства с целью не „крестьянствовать“, а просто „переждать“ в деревне промышленно-экономический кризис. В волости не было ни одного случая, когда бы посевное хозяйство именно в революционный период перешло в группу беспосевных. Известно немало фактов обратного характера. Каждое посевное хозяйство в среднем увеличило запашку с 2,55 до 2,64 дес. Благодаря этому среднему увеличению запашки отдельными хозяйствами, вся волость, имевшая в 1916 г. недосев в 23%, к 1921 г. совершенно избавилась от недосева.

Здесь мы подходим к одному из важных и любопытных моментов исследования. Посевная площадь в 1920 г. равнялась по данным волостной статистики 2.840 дес., и недосев по отношению к площади всей пашни (без парового поля), значащейся в волости по земельному плану, равняется 33%. По сведениям губернского статистического бюро недосев по волости еще выше, но мы его довели лишь до 33%, выверив губернские данные местными официальными материалами. Однако внимательное непосредственное наблюдение и тщательное изучение явления анулировали неверный вывод (33%), вытекающий из ложных положений.

Государство забирало у крестьянства так называемые „излишки“, не давая надлежащего эквивалента, ни денежного, ни товарного. Но по чрезвычайно скромному бюджету среднего хозяйства волости можно составить себе приблизительное понятие о том, какие продукты и предметы вынужден крестьянин искать на вольном рынке. „Излишки“ должны

поступить по твердым ценам в пользу государства, и власть напрягает все силы, чтобы учесть валовой доход крестьянского хозяйства: высчитывается высев, степень урожайности, регистрируется скот и пр. И вот, по линии этого учета доходности шла борьба между крестьянством и властью. Власть желала оставить для крестьянина и его скота только необходимые в течение года средства пропитания, игнорируя прочие нужды деревенского хозяйства. Крестьянин же, который в период революции плотнее подошел к своему хозяйству, напрягал свои силы в обратную сторону: ему необходимо было скрыть и действительный высев, и реальный урожай, и точное число наличного скота и пр., чтобы создать фонд для приобретения на вольном рынке всего нужного и для хозяйства и для домашнего обихода. Теперь ясно происхождение 33% недосева. Этот фиктивный недосев—фонд волости, из которого она черпает средства для определенных хозяйственных оборотов.

Что касается порядка главных культур по занимаемой ими посевной площади, то рожь, как и раньше, занимает первое место; лен, в течение 9 лет (с 1911 г. по 1919 г. включ.) занимавший пять раз второе место и четыре раза—третье, в 1920 г. занял только четвертое место; картофель, почти всегда занимавший пятое место, теперь попал на третье; пятое место занял ячмень.

Устойчивость ржи понятна—это основной продукт питания деревни.

Лен занимал раньше 20,7% всей площади посева; в 1920 же году—всего лишь 7,5%. Причины такого значительного сокращения льноводства в волости находятся в тесной связи с общими условиями. Дело в том, что крестьянское хозяйство Тверской губернии вынуждено было всегда опираться на второстепенные отрасли земледелия и промыслы (как отхожие, так и местные) и черпать в них главные средства для своего существования. Это видно из того, что, при средней доходности крестьянского хозяйства

(данные 1903—1908 г.г.) Тверской губернии в 325 р. 60 к., на доходы от земледелия и скотоводства приходилось 146 р. 90 к., а от промыслов—123 р. 80 к. Льноводство было настолько важным подспорьем, что доход от продажи продуктов льноводства из 146 р. 90 к. составлял половину (77 р. 80 к.).

Но империалистическая война, милитаризация промышленности, затем гражданская война и хозяйственная разруха в период революции—все это вместе взятое нанесло тяжелый удар льноводству. Заграничный рынок для нас закрылся; потребности русской промышленности значительно сократились. Льна стали высевать год от году все меньше и меньше, ограничивая его высев потребностями домашнего обихода.

Картофель раньше был второстепенным продуктом питания в деревенском быту. Он стоял на одной линии с капустой, огурцами, грибами, чего немало засаливали с осени. При наличии соляного кризиса и почти хронического неурожая на овощи и грибы в первые три года революционного периода, картофель сразу стал, на ряду с хлебом, основным продуктом питания. А так как у многих в хлебе большая недохватка, то картофель для изрядного числа семей сделался чуть ли не единственным продовольственным ресурсом. Кроме того, картофель шел в продажу, принося, как продукт сбыта, бо́льший процент прибыли, нежели все иные продукты полеводства.

Овес занимает второе место. Он всегда занимал то второе, то третье место. По сравнению с 1916 г. площадь, занимаемая овсом, выросла даже на 10%, и это потому, что в былое время крестьяне покупали пшенные и гречневые крупы, а теперь этих круп нет, поэтому в каждом доме часть овса перерабатывается в овсяную крупу.

Ячмень попал на пятое место, на котором он иногда и бывал. Злак этот плохо родится в районе волости, а так как каждый клочок распаханной земли теперь дорог, то ячмень и задвинули на пятое место.

Теперь посмотрим, как изменилась нарисованная картина за последние два года.

Все главные культуры занимают свои прежние (как и в 1920 г.) места. Со льном все еще тихо: повидимому ни у нас в России, ни за границей не совершается значительных сделок на русское льняное волокно.

Количество десятин посева, приходящееся на одно посевное хозяйство, начало уменьшаться. Дело в том, что число хозяйств в волости увеличивается (главным образом дележкой), правда, медленно (в 1922 г. на 1,2%, в 1923 г. на 0,7%), но все же увеличивается, а для распахивания больше нет подходящих площадей. Волость остается в пределах той площади пахотной земли, которую она имела в 1920 году—больше просто податься некуда.

Теперь посмотрим за все годы количество работников, приходящихся на 100 десятин посева. Их было 98—в 1916 г., 115—в 1920, 104—в 1922 и 109—в 1923. Какие соображения можно высказать по поводу приведенных цифр? В общем—не очень утешительные. Из специальной литературы нам известно, что культуры различных полезных для человека злаков и растений являются, при одинаковом размере площадей, различными по трудоемкости. Так, одна десятина культуры ржи требует 62,7 рабочих дня человека (конные дни я не буду считать), культура овса—22,4 дня, картофеля—47,2 и льна—83 дня. В 1916 году 100 десятин посева обрабатывалось 98 работниками, но тогда под льном было 674 дес. А в 1920 году, когда под льном было только 320 дес., на 100 десятинах посева мы имеем 115 работников. Уже одно сокращение высева льна дает 30.000 свободных рабочих дней, а тут еще лишних 17 работников на каждые 100 дес. посева, или лишних 714 работников на всю площадь посева (4.213 десят.). Революционные события нагнали в деревню много народу; но земля не в состоянии была занять производительным трудом все работоспособное население волости. В 1922 г. количество

работников уменьшилось—нэп многих пристроил в городах, но в 1923 году снова наблюдается рост числа работников по отношению к площади посева—кое-кто опять вернулся в деревню, так как в городах во многих учреждениях и предприятиях пошли сокращения личного состава.

Всего же населения в 1923 году на 100 дес. посева приходится 219 человек, т.-е. почти столько же, сколько и в 1916 году (тогда—216 чел.). Максимальное количество—230 человек—которое сидело на 100 дес. посева в 1920 г., рассосалось (отлив на сторону).

Мы видим, что в 1923 году количество как посевных, так и беспосевных дворов с точностью до одной десятой совпадает с соответствующими числами (в %%) для 1916 года,—значит, за последние три года посевных крестьянских дворов в волости стало больше, нежели в первую половину революционного периода.

Перейдем к вопросу о скотоводстве.

В нечерноземной полосе скотоводство является одним из предварительных условий для возможности земледелия. Рассматривая цифровую картину состояния этой отрасли хозяйства в 1916 г. и в революционный 1920 г., мы увидим следующее. Процент хозяйств, совершенно не имеющих скота, упал с 15,7 до 11,7. Это понятно: деревенские жители, а в их числе и приехавшие туда за последние годы, стремятся обзавестись скотом, чтобы использовать его—или как живой инвентарь (при падении отхожих промыслов у населения завязывается более тесная связь с земледелием), или как средство питания (продовольственный кризис, отсутствие на рынке молока, масла, мяса и др. заставляет многих приобретать корову, овец, чтобы иметь эти продукты). Количество безлошадных дворов увеличилось в процентах с 31,5 до 34; на одно хозяйство приходится вместо 0,85 только 0,67 лошади, а на 100 дес. посева вместо 35,3 лишь 29,4 лошади. Чем об'яснить отмеченный факт при наличии значительного увеличения общей площади запашки в волости и

на каждое отдельное посевное хозяйство? Укажу, что за последние годы в волости не наблюдалось случаев эпизоотии, и территория волости не служила театром военных действий—таким образом, исключительные обстоятельства не могли влиять на повышение цифры безлошадных дворов. Все об'-ясняется более просто, чем это кажется на первый взгляд. Если сравнить число хозяйств в 1916 г. и в 1920 г., то увидим, что прирост их выражается 21%; за последние годы крестьянские семьи пополнялись членами, отсутствовавшими почти десятки лет (жили на стороне), обремененными своими семьями; в крестьянской избе становилось тесно и людно, а разница в привычках, в традиционных взглядах на жизнь и житейские отношения вела к ссорам между коренным составом деревенской семьи и приехавшими горожанами; отсюда—выход из семьи, дележка, возникновение нового хозяйства. Но, построив свой собственный дом, не всякое новое хозяйство обязательно обзаводилось и лошадью: купив лошадь, надо было покупать и необходимый к ней инвентарь (сбрую, телегу, сани, плуг, борону и пр.); нередко на это не было средств, да и новые хозяева (особенно, если это были горожане) часто не знали, стоит ли обзаводиться крестьянством, плотно засесть в деревне или же пока что „переждать", а потом вернуться в город на фабрику, на завод, в лавку и пр.

Переходя к вопросу о распределении лошадей по хозяйствам, мы видим, что процент однолошадных хозяйств вырос с 54,6 до 65, но хозяйств с двумя лошадьми стало меньше почти на 12% (с тремя и более лошадьми хозяйств в волости было и есть очень немного)—двухлошадных хозяйств в 1920 г. всего-на-всего 1%. Явление это не следует об'яснять сокращением запашки на двор: запашка не сократилась, а увеличилась. Здесь другое: во-первых, при конских мобилизациях лошадей забирают преимущественно у парников (у кого пара лошадей)—естественно, что не желая терпеть убытки, парники продают вторую лошадь, хотя бы

она и была необходимой в их хозяйстве; во-вторых, законодательство, при выполнении разверсток, реквизиций животных и пр., не бронировало то или иное количество скота (а в числе его и лошадей) по отношению к посевной площади или вообще к размерам крестьянского хозяйства, что делалось по отношению к запасам хлебов, отсюда, если крестьянин имеет нужду во второй лошади и может обзавестись ею, он все же воздерживался купить ее, так как она была бы у всех, если можно так выразиться, „сучком в глазу", и сучок этот был бы все равно быстро из'ят. Правда, в законодательстве имеется некоторый намек на норму скота по отношению к посевной площади,—закон, нормируя кормовой хлеб, подлежащий оставлению при удовлетворении потребностей хозяйства, гласит: „кормы оставляются по следующему расчету: в хозяйстве, с посевной площадью до 5 дес. на 1 лошадь; от 5 до 10 дес.—на 2 лош.; от 10—17—на 3 лошади; от 17 до 24—на 4 лошади и т. д.". Но это служит лишь руководством при расчетах кормов, не бронируя в крестьянском хозяйстве лошадей по отношению к посевной площади.

Любопытно, что нерабочие лошади в 1919 г. составляли 14% числа рабочих, а в 1920 г. их уже 20%. Это увеличение числа нерабочих лошадей не случайное явление. Дело в том, что если лошади нет 3 лет, то она не подлежит реквизиции и не выполняет работ по наряду, кормы же (если ей от 2 до 3 лет) на нее оставляются. Цены же на лошадей именно за последний год поднялись очень высоко. Выкармливая молодую лошадь до возраста 2½—3 лет, крестьянин продает ее очень выгодно. Если же оставлять не жеребенка, а лишнюю телку или овцу, то надо выполнять мясной наряд в бо́льшем размере.

Количество бескоровных хозяйств несколько понизилось: с 18,7% до 18,3%, при чем на каждые 100 дес. посева коров осталось почти прежнее количество (52,2 и 52,1), на 100 же душ число коров уменьшилось с 24,1 до 22,6; на

отдельное хозяйство, в среднем, приходится 1,19 коровы вместо 1,17 в 1916 г. Эти цифры говорят о большей устойчивости коровы по сравнению с лошадью, что статистическими данными предыдущих лет подтверждается для всей страны.

Если мы обратимся к классификации хозяйств по числу коров, то убедимся, что между 1916 и 1920 г.г. разницы почти не существует; налицо даже незначительное улучшение: число однокоровных хозяйств понизилось на 0,6% за счет увеличения двух- и трехкоровных хозяйств. Овец, ягнят и пр. тоже почти одинаковое количество на отдельное хозяйство (небольшое уменьшение). Устойчивость эта понятна, так как, с увеличением числа хозяйств и запашки, в волости безусловно необходимо было увеличить и число коров, так как вести полевое хозяйство в нечерноземной полосе без навоза невозможно. Кроме того, как корова, так и овцы доставляют продукты питания, что чрезвычайно важно при отсутствии свободной продажи последних.

Я сравнивал два года: 1916 и 1920.

Но имеются данные, характеризующие скотоводство в волости и за два последних года, т.-е. за 1922 и за 1923 г.

Какую картину они рисуют? Что обозначилось нового сравнительно с 1920 годом?

Количество бесскотных хозяйств все время падает. Те, кто сунулись в деревню для того, чтобы „переждать“ революцию, и к 1920 году еще не успели обзавестись скотом, теперь понемногу обзаводятся им. Со скотом чувствуешь себя устойчивее, тем более что сенокос наделяется бесплатно. Правда, нэп открыл кое для кого из „пережидающих“ некоторые перспективы, и из волости, начиная с 1921 года, замечается отлив мужского населения, но лучше, пока что, в город сунуться одному, без семьи (вдруг, нэп обманет!), а жену и ребятишек все-таки оставить в деревне, обеспечив их, если и не посевом, то огородом, коровой и

парой овец. Приблизительно такого рода обстоятельства и соображения влияли на уменьшение бесскотных хозяйств в волости.

Падает и процент безлошадных хозяйств, но довольно медленно, хотя лошадь для крестьянина является более необходимой, нежели корова. Причина этого медленного падения ясна—дороговизна лошадей, и дороговизна эта резко растет вверх. Вот пример: осенью 1922 г. лошадь приобретали за 100 пудов ржи, а осенью 1923 г. такая же лошадь расценивается уже в 250 пуд. ржи. Здесь сыграл свою роль голод в Поволжье—там около $1^1/_2$ миллионов безлошадных дворов (во время голода лошади гибли или же их отдавали за бесценок). Теперь с Поволжья за лошадьми являются к нам, в Тверскую губ., а совсем недавно мы к ним путешествовали за конем. Кроме того, цены на хлеб относительно упали—это тоже влияет на дороговизну лошади.

Любопытно отметить, что за два последних года вырос процент хозяйств с 2, 3 и даже с 4 коровами. Я уверен, что здесь имеет значение изменение в системе взимания налогов. Теперь каждый налогоплательщик отвечает только сам за себя,—поэтому, если ему по его хозяйственным соображениям надо пустить 2, 3 или 4 коровы, то он и пускает их. При системе же разверстки, когда все плательщики были связаны круговой порукой в исправном внесении налога, дело обстояло не так: другому, смотришь, и надо бы завести еще корову, но он ее не заводил—а, вдруг, сосед не заплатит исправно свою долю налога и, может быть, за него придется и тебе отвечать, так как непременно скажут (и говорили):

— Ты состоятельный: у тебя вон корова лишняя—значит, тебе и платить надо больше, а заодно и недоимку соседа внеси!

Идя дальше по нашим графам, видим, что количество скота вообще как на одно хозяйство, так и на посевную

площадь упорно растет сравнительно с 1920 годом. Если же мы возьмем крупный скот (рабочих лошадей и коров), то убедимся, что в 1916 году его на 100 десятин посева приходилось 87,5 голов, а в 1923 году—87,8—т.-е. как будто бы намечается тенденция залечивать раны войны, а дефекты, нанесенные в этой области хозяйству революцией (в 1920 г. на 100 дес. посева только 81,5 голов крупн. скота) уже выправлены за минувшие три года. И коров, как мы видим по таблице, приходится на 100 душ населения больше, нежели и в 1920 и в 1916 годах.

Ясно без слов, что деревня в отношении скотоводства находится ныне в относительно благополучном состоянии. Никаких угрожающих явлений в этой области не замечается. Конечно, если мы станем сравнивать нашу Русь с иными государствами Европы, то получится, как говорится, „дистанция огромного размера".

Даем две таблицы, анализ которых мы только что проделали (см. табл. стр. 60 и 61-ую).

Коллективные хозяйства.

Конкретные условия, при которых развивалось коллективное движение, мы можем разделить на две группы: 1) внешне благоприятствующие и 2) неблагоприятствующие.

Рассмотрим условия первой группы.

1. Снабжение средствами производства, семенами и продовольствием несомненно по некоторым губерниям было более значительным по сравнению с крестьянским хозяйством.

Что касается средств производства, то в этом отношении можно говорить по преимуществу о мертвом инвентаре, тогда как в последние годы в минимуме часто оказывался рабочий скот. Затем следует иметь в виду, что земельные органы в первую очередь должны были снабжать советские хозяйства, а на долю коллективов оставалось часто очень мало.

Сравнительная характеристика скотоводства за 1916-й и 1920—1923 годы по отношению к отдельным хозяйствам.

Год	Процент хозяйств													На 1 хоз.			На 100 д. посева.		Коров на 100 душ населения.
	Без всякого скота.	Безлошадных.	С лошадьми.	Бескоровных.	С коровами.	С 1 лошад.	С 2 лошад.	С 3 лошад.	С 4 и более.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	Раб. лош.	Коров.	Молод. рогат. скота, овец, ягнят, свиней.	Рабочих лошадей.	Коров.	
1916	15,7	31,5	68,5	18,7	81,3	54,6	12,8	0,7	0,4	49,4	28,3	3,2	0,4	0,85	1,17	4,79	35,3	52,2	24,1
1920	11,7	34,0	66,0	18,3	81,7	65,0	1,0	0,1	0,0	48,8	23,8	3,7	0,4	0,67	1,19	4,57	29,4	52,1	22,0
1922	10,6	33,2	66,8	17,8	82,2	66,1	0,7	0,0	0,0	46,3	30,2	4,9	0,8	0,67	1,27	5,19	29,9	56,9	27,4
1923	9,5	32,7	67,3	16,6	83,4	66,5	0,8	0,0	0,0	45,8	31,4	4,5	1,7	0,68	1,28	5,14	30,5	57,3	27,3

Цифры за 1916 год см. в „Итогах сел.-хоз. перепи и 1916 г. по Тверской губ.“, вып. I, хоз. крест. типа, стр. 52—54. Цифры за 1920 г. выведены по материалам сел.-хоз. переписи 1920 г. (данные получены из Губерн. и Уездн. Стат. Бюро), при чем материал этот, в некоторых своих частях, был выправлен по нашему собственному материалу. Данные за 1922 и 1923 годы собраны на месте отчасти через волисполком, а отчасти через страх. агентство (скот теперь страхуется в обязательном порядке), при чем собранный материал был мною выверен.

Сравнительная характеристика земледелия за 1916 и 1920—23 годы.

Год.	Число хоз. в %%.		Десятин посева на одно посевное хозяйство.	На 100 дес. посева.		Средн. состав (ч. люд.) одн. хоз.	% посевной площади под:			Порядок пяти главных культ. по посевн. площ. на месте:				
	С посевом.	Без посева.		Всего населения.	Всего работников (м. и ж.).		Озимыми.	Яровыми.	Травами.	Первом.	Втором.	Третьем.	Четвертом.	Пятом.
1916	83,1	11,9	2,55	216	98	4,86	47,3	48,8	3,9	Рожь.	Лен.	Овес.	Ячм.	Карт.
1920	86,8	13,2	2,64	230	115	5,27	50,0	49,8	0,2	Рожь.	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.
1922	87,2	12,8	2,58	208	104	4,71	49,4	49,3	1,3	Рожь.	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.
1923	88,1	11,9	2,54	219	109	4,89	49,2	49,3	1,5	Рожь.	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.

Цифры за 1916 год взяты из „Итогов сел.-хоз. пер. 1916 г. по Тверской губ.“, стр. 52—55. Цифры за 1920 г.—см. прим. к табл. предыдущей. Цифры за 1922 и 1923 годы установлены мною на месте.

(А. М. Большаков.—„Советская деревня за 1917—1924 г.г.“).

Но во всяком случае многие коллективы мертвым инвентарем были вполне оборудованы.

Снабжение семенами по некоторым губерниям также оказалось условием, благоприятствующим возникновению коллективов и их дальнейшей хозяйственной деятельности.

Наконец, продовольственная помощь государства, как мы уже указывали, стимулировала возникновение коллективов, но вряд ли она могла способствовать укреплению их хозяйственной мощи.

Прежде всего продовольственная помощь, а также вообще снабжение предметами первой необходимости выражались в ничтожных размерах за отсутствием соответствующих запасов у самого государства. Даже советские хозяйства, которые в первую очередь удовлетворялись всеми необходимыми предметами, очень часто находились в тяжелом положении. Коллективы же в этом отношении, конечно, гораздо менее могли получить от государства, хотя в 1920 г. был издан циркуляр Наркомпрода и Наркомзема о том, что члены коллективов должны получать продовольственные пайки наравне с рабочими советских хозяйств. Однако, по свидетельству местных земельных отделов, этот циркуляр органами Наркомпрода обычно не выполнялся.

Об этом было определенно заявлено несколькими представителями на совещании работников социалистического земледелия (1920 г.) Такие же указания встречаются и в других материалах.

Так, например, в протоколе совещания коллективов Нижегородской губернии (сентябрь 1920 г.) по Павловскому уезду отмечено: „излишки прошлого года сдавали вместе с населением: от Продкома ничего не получали“. По Сергачскому уезду дело обстояло еще хуже: „до выделения из своих обществ коллективы получали от Продкомов наравне с крестьянами единоличниками, после выделения перестали получать“.

Подобные жалобы являются обычными для многих губерний.

Но и в отношении всех членов нужно сказать, что там, где была надежда на получение казенного пайка, стимулы для повышения затрат своей энергии чрезвычайно ослаблялись.

Если старательный крестьянин сокращал размер своей хозяйственной деятельности только потому, что ему оставлялось в хозяйстве столько же продуктов, сколько он мог получать и при менее интенсивной работе, то в отношении членов коллективов эта причина дополнялась еще и другой, а именно надеждой на то, что в случае недостачи продуктов государство может пополнить ее из своих запасов.

Ясно, что при таких условиях трудно было надеяться на проявление максимальной энергии среди членов коллективов. Она могла обнаружиться лишь в тех коллективах, которые не верили в реальность государственной помощи или же состояли из лиц государственно-настроенных и соглашающихся работать.

2. Финансирование коллективов государством должно было явиться также условием развития и укрепления коллективных форм хозяйства.

3. Среди других благоприятствующих условий отмечают еще льготы, которыми пользовались коллективы при выполнении продовольственной разверстки, трудовых и гужевых повинностей.

Но, однако, имеется ряд указаний с мест, что коллективы в такой же мере страдали от продразверстки, как и крестьянские хозяйства. Так, например, в отчете Сибирского Земотдела (за 1920 г.) сообщается: „Некоторыми продорганами забирается в коллективах весь семенной хлеб. Местами (Н.-Николаевский уезд) агенты продорганов заставляли молотить хлеб для разверстки зеленым“. В докладе Татарского Наркомзема имеется такое указание: „на с'езде сельско-хозяйственных коллективов Буинского кантона (29/XII—1920 г.) все коллективы указывали на свое затруднительное продовольственное положение вследствие непосильной разверстки, выполненной ими“.

4. К числу благоприятствующих условий относят также наделение коллективов землей по норме, превышающей местную крестьянскую норму. Но если принять во внимание, что в последние годы земля и у крестьян в значительной доле пустовала, то в большей обеспеченности землей нельзя видеть существенного преимущества их перед крестьянскими хозяйствами.

Таким образом, рассмотрев перечисленные условия, мы приходим к тому заключению, что хотя внешне они и благоприятны для развития коллективных форм хозяйства, но в действительности имели отчасти положительное значение, а отчасти и отрицательное; в общей же сложности эти условия не могли составить действительно прочной базы, на которой было бы возможно процветание коллективного хозяйства.

К тому же надо отметить, что вся система распределения казенных благ на членов коллективов оказывала нередко отрицательное моральное действие. Происходила погоня за казенным добром и пускались в ход все законные и незаконные средства. И если это добро доставалось легко, то и отношение к нему было такое же.

В противовес первой группы условий выступает многочисленный ряд причин, действующих задерживающе и разрушающе на развитие коллективных форм земледелия. К беглому обзору этих причин мы и приступим.

Мы не будем здесь касаться общих условий (общественно-политических и культурных), которые, конечно, то в большей, то в меньшей мере влияли на ход развития коллективных форм земледелия. Анализ этих условий завел бы нас слишком далеко, а потому мы ограничимся рассмотрением лишь специфических условий, действующих исключительно в сфере интересов коллективного земледелия.

1. Основной из причин, действовавших задерживающе и разрушающе на развитие коллективов, мы считаем политику земельных органов.

Выше мы уже дали анализ тех законодательных норм, которые были изданы Центральной властью в отношении кол-

лективов. Анализ этот показал, что изданные законодательные акты не содержат в себе точных норм, определяющих права и обязанности коллективов, и в то же время открывают очень широкие возможности для вмешательства в жизнь коллективов со стороны местных земельных органов. Последние пользовались своим правом весьма широко, и это отражалось на ходе коллективизации сельского хозяйства.

Прежде всего мы должны отметить, что многие местные земельные органы относились к коллективам недоброжелательно, а иногда и прямо враждебно. Это обусловливалось, с одной стороны, идейными соображениями (один губком коммунистической партии назвал коллективы „коммунистическим партизанством"). С другой стороны, враждебность некоторых уземотделов об'ясняется их личным составом, так как нередки были случаи, когда влиятельными деятелями земотделов оказывались бывшие местные землевладельцы.

Но положение коллективов ничуть не облегчалось, а, наоборот, иногда еще более затруднялось от доброжелательного отношения местных земельных отделов. В таких случаях земотделы пытались осуществить систему строгого регулирования деятельности коллективов в соответствии с своим пониманием и целями.

В качестве иллюстрации приведу некоторые выдержки из интересного доклада о состоянии коллективных хозяйств в Ново-Николаевском уезде на 1 июня 1922 г., составленного завед. под'отделом сельско-хозяйственной кооперации губземуправления. Он пишет: „Большой грех падает в распаде коллективов на земорганы, стремившиеся на основании устава коллектива взять в свои руки руководство всеми коллективами уезда. Связанность коллективов в Ново-Николаевском уезде достигла абсурдных размеров (как в 1920 г., так и в 1921 г.). Вообще попытка руководства сотнями хозяйств из канцелярии, сыпавшей сплошь и рядом нелепыми приказами и распоряжениями, немало коллективов обессилила, а многие и погубила."

Нам ничего не остается прибавить к этой яркой характеристике официального работника губземуправления; с полным правом ее можно распространить на очень многие уезды.

Далее вмешательство заморганов распространялось и на имущество коллективов, которым заморганы считали в праве распоряжаться, как государственной собственностью. В силу этого земорганы нередко отдавали приказы тому или иному коллективу выдать для нужд другого коллектива или земотдела определенное число коров, лошадей, орудий и т. д. Такое положение вызывало у членов коллективов опасение прежде всего за судьбу внесенного ими имущества; а кроме того и в отношении всего имущества члены коллектива чувствовали себя временными держателями его, так как оно в любой момент могло быть взято из их пользования. Все это, конечно, лишало стимулов к бережному хранению имущества и накоплению его, что могло вести только к разрушению хозяйства.

Не менее губительным для коллективов было вмешательство земорганов в их личный состав. Совершенно бесспорно, что надлежащий подбор членов коллектива является самым необходимым условием для успешной деятельности коллектива и его устойчивости.

Между тем, нередко наблюдались такие явления, когда земотдел вливал в состав действующих коллективов новые группы членов, не спрашивая согласия прежних членов. Иногда это происходило уже после выполнения всех полевых работ, когда новые члены оказывались для коллектива при его ограниченных продовольственных ресурсах тяжелым бременем. Несомненно, при таких условиях новые члены вызывали к себе вражду, а это вело к многочисленным конфликтам в коллективе и его постепенному разложению.

Кроме того, земорганы по своей инициативе даже исключали тех или иных лиц из состава коллектива. Это было, несомненно, полным произволом местных властей, так как законом таких полномочий им не было дано. В качестве

иллюстрации приведу лишь один пример. Среди членов 1-ой Чертковской коммуны (Пензенской губ.) возникли разногласия; одна часть членов пожаловалась на другую, обвиняя ее в политической неблагонадежности. В результате жалобы комиссия из представителей уземотдела, уисполкома и местного комитета коммунистической партии исключила из состава коммуны несколько членов. Губернская власть это постановление отменила. Но через некоторое время отдел управления губисполкома по другому поводу постановил исключить из коммуны сразу 21 человека, лишая их всего внесенного имущества. Можно себе представить, какое подавляющее впечатление произвел этот факт на окружающее население и на членов других коллективов, когда они увидели, что бывшие хозяева вернулись из коммуны нищими. После этого вряд ли нашлись еще смельчаки для организации новых коммун.

Далее, земорганы не только вмешивались в жизнь коллективов, но нередко по собственному усмотрению решали вопрос о самом существовании их. Земорганы ликвидировали коллективы вопреки желанию их членов по самым разнообразным поводам, не только за незаконные действия коллективов, но и за нецелесообразное, с точки зрения земотдела, ведение хозяйства, за малый размер этого хозяйства и пр.

Далее нужно упомянуть о другом вредном эксперименте, который иногда производился земорганами,—это переселение некоторых коллективов с одного земельного участка на другой. Делалось это обыкновенно в целях организации на данном участке советского хозяйства. Таким образом, не взирая не то, что данный коллектив, может быть, затратил массу сил и средств на устройство своего хозяйства, он должен был начинать эту работу сначала. В отношении единоличного крестьянского хозяйства такие мероприятия считались бы преступными, а к коллективам они применялись с легким сердцем.

В качестве иллюстрации приведу лишь один случай, который имел место уже в 1922 г.

В Тамбовской губ. с 1919 года существовала артель „Дружба", по своей организации представляющая полную коммуну в 85 душ (по преимуществу бывших рабочих). По свидетельству местного союза коллективов, всеработземлеса и губземотдела, артель является одним из лучших показательных коллективов в губернии. Но, к несчастью для артели, вблизи ее был пущен в ход завод, и рабочие пожелали получить земельный участок артели в свое пользование. После некоторой борьбы тамбовский губисполком постановил перевести артель на другой участок, а ее землю передать заводу.

Наконец, мы должны отметить еще следующий момент в политике земельных органов:

После об'явления нэп'а и большого увлечения так называемым „хозяйственным расчетом", некоторые земельные отделы приступили ко взысканию с коллективов за выданное им государством имущество (один земотдел взыскивал не только за выданных коров, но и за телят, которые от них родились).

Кроме того, некоторые земотделы решили, что, раз землю можно сдавать в аренду, то и с коллективов за отведенные им участки следует взыскивать арендную плату. Вот, например, какова арендная плата, которая была установлена с действующих уже коллективов на 1922 г. донским земотделом за участки бывшего государственного коннозаводства:

1) 4 пуда сена с десятины общей площади сенокоса;
2) 5 фунтов мяса с десятины попаса;
3) 10 % урожая с посевной площади.

Кроме того, коллективы должны уплатить продналог и семенную ссуду за 2 года с начислением 12 %. Условия несомненно не легкие.

Взимание с трудовых коллективов арендной платы за отведенную им землю является совершенно нелепой мерой. Крестьянство, получившее в свое владение бывшую частновладельческую или казенную землю, обязано государству уплатить за нее только налог. Почему же безземельные рабочие или малоземельные крестьяне, получившие бывшую

казенную землю не для единоличного пользования, а в целях организации коллективного хозяйства, должны вносить за нее еще и арендную плату?

Этим мы и заканчиваем беглый обзор основных моментов политики земельных органов в отношении коллективов. На основании этого обзора мы приходим к определенному заключению. Земельные органы своей политикой всячески старались создавать коллективное движение и в то же время нередко разлагали его. Коллективам внушалась мысль, что государство обеспечивает им все необходимое для личных и хозяйственных потребностей, и в то же время оно считает эти хозяйства своими предприятиями, с которыми земотдел может распоряжаться как угодно. Практически ни то, ни другое не было осуществлено в отношении всей массы коллективов, отдельные же коллективы были подвергнуты всем этим экспериментам. Но благодаря всему этому создавалась такая психологическая атмосфера, в которой подчас убивался дух хозяйственной инициативы и творчества населения, об'единенного в коллективы, не говоря уже о целом ряде мероприятий местных органов власти, прямо и непосредственно вредивших хозяйственной деятельности коллективов.....

Даем несколько маленьких табличек, которые обрисуют нам положение коллективных хозяйств за годы революции.

Рост числа коллективов.

	июль 1918 г.	октябрь 1918 г.	сентябрь 1919 г.	январь 1920 г.	февраль 1920 г.	март 1921 г.	конец 1921 г.	конец 1922 г.
коммуны . .	342	912	1.961	1 617	1.892	2.114	3.120	1.448
артели . . .	—	—	3.603	3.828	7.722	11.136	10.185	6.639
товарищества	—	—	622	804	886	1.356	2.514	3.941
Всего . .	342	912	6.186	6.249	10.500	14.606	15.819	12.028[1]

[1] К этой цифре надо прибавить 4.550 коллективов Украины. Добавляю новейшие цифровые данные: в 1923 г. было всего коллективов 13.091, в 1924 г.—13.849, а в начале 1925 г.—около 20.000. А. Большаков.

По данным Наркомзема к концу 1921 г. в 15.819 коллективах числилось 1.015.125 душ, которые распределяются следующим образом:

коммуны	202.619 душ
артели	653.356 „
товарищества	159.150 „
Всего	1.015.125 „

Приводим следующие цифры о площади всей земли коллективов к концу 1921 г. (в десятинах).

	Всего	В среднем на 1 коллектив
коммуны	609.019	195
артели	1.411.251	138
товарищества . . .	79.881	32
Всего . . .	2.100.151	—

По расчету на одну душу приходится следующее количество земли:

в коммунах	3,0
„ артелях	2,2
„ товариществах	0,5

Нижеследующая таблица представляет итоги по 447 артелям (10 губерний) и 129 коммунам (7 губерний). Губернии эти следующие: для артелей: Пермская, Московская, Орловская, Костромская, Воронежская, Самарская, Тамбовская, Калужская, Енисейская и Терская Область; для коммун: Тверская, Орловская, Воронежская, Пермская, Екатеринбургская, Енисейская и Терская Область.

	Всего семейств.	Число коллективов.	Число семейств в %%.							
			Без лошад.	С 1 лошад.	С 2 лошад.	С 3 лошад.	Без коров.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.
Артели.										
1918—19 г.	50	450	37,6	50,2	10,7	1,5	28,0	55,8	14,0	2,2
1920—21 г.	397	3.721	31,5	51,9	11,8	4,8	20,4	59,5	16,2	3,9
Всего.	447	4.171	32,2	51,8	11,7	4,3	21,4	59,0	15,9	3,7
Коммуны.										
1918—19 г.	65	722	50,6	41,5	7,1	0,8	47,2	43,5	6,4	2,9
1920—21 г.	64	1.169	61,2	22,2	10,1	6,5	56,8	29,0	10,3	3,9
Всего.	129	1.891	57,3	29,5	8,9	4,3	53,3	34,5	8,7	3,5

(Н. А. Конюков—„Коллективное земледелие", изд. 1923 г.).

По изданной отчетной книге „Сел.-хоз. кооперация в условиях нэп'а" (М. 1923 г.), по данным НКЗема, в РСФСР (без Украины) в средине 1918 г. было всего 342 сел.-хоз. коллектива, в октябре того же 1918 г. только 912, через год уже 6.186, через два года 10.500 и к концу „военного коммунизма", в марте 1921 г., уже 14.606 (из них четыре пятых приходилось на артели и одна пятая на „коммуны" и товарищества). В одной РСФСР (без Украины) в эти коллективы входило *около миллиона* душ, и этот совершенно здоровый и правильный процесс коллективизации бедняцкого хозяйства разворачивался все быстрее. Но затем пришел нэп, и отношение, особенно местных органов власти, к „коллективам" и „совхозам" резко изменилось. Их стали рассматривать как „социалистические фантазии" разных Лариных и подобных „утопистов" (а иногда для простоты—

и одного Ларина). Место плановой поддержки здорового „коллективного“ движения крестьянских низов занял разухабистый упразднительский „наплевизм“, следующим образом охарактеризованный украинским Наркомземом в его официальном отчете в УЭС (напечатано в указ. книге, стр. 36):

„Развертывание новой экономической политики обрушивалось тяжелым бременем на коллективы. Наступила полоса ликвидаторского отношения земорганов к этой форме хозяйства незаможного (бедняцкого) селянства. Началась разрушительная работа. Перебрасывались живой и мертвый инвентарь из колхозов в советские и даже частные хозяйства. Бывали случаи, когда земля и даже хозяйство колхозов сдавались в аренду частным лицам и бывшим владельцам и на выгодных условиях. Договоры, заключенные земельными органами с коллективами, грубо нарушались или расторгались в тех случаях, когда земотдел находил для себя выгодным передать землю коллектива какой-либо организации или частному лицу“.

Такое поведение было одной из „гримас нэп'а“, несомненным извращением действительных начал новой экономической политики и уклоном от ее целей, к тому же явно противоречившим партийной программе. Но, насколько важно было для крестьян сохранить возникшие уже коллективы, насколько упорно они за них держались, видно из того, что, несмотря на весь этот напор и злоупотребления, столь ярко описанные Укрнаркомземом, несмотря даже на частое обложение колхозов земорганами „арендной платой“ (УНКЗ пишет, что взимание с колхозов арендной платы за трудовое пользование землей „стало источником дохода земельных органов“),—несмотря на все это, крестьяне удержали существование почти всех коллективов (колхозов). По данным НКЗ (стр. 33 указ. книжки), к 1 января 1923 г. в РСФСР (без Украины) сохранилось 11.407 колхозов (из них 8.130 артелей), кроме того на Украине имеется около $4^1/_2$ тысяч,

а всего до 16 тысяч крестьянских производственных коллективов существуют и в настоящее время.

По характеру своему эти коллективы являются типичными производственными об'единениями крестьянских бедняцких хозяйств в группы технически необходимого размера (примерно по 4-й разряд из всех 9 налоговых разрядов, на какие разделена современная деревня). В среднем на артель приходится 65 чел., считая членов семьи (стр. 36 указ. книги), т. е. около 10 или 12 семей. На прочие коллективы, кроме артелей, приходится в среднем по 64 чел., считая членов семьи, т.-е. размеры те же. Таким образом *свыше одного миллиона крестьянского населения и сейчас об'единены в производственные коллективы вместо сотен тысяч прежних распыленных индивидуальных хозяйств.* Это составляет заметную величину и при наших российских масштабах. Значение наличности этого миллиона надо оценивать еще выше, если вспомнить прекращение прежнего содействия колхозам со стороны государственных органов в годы нэп'а и описанную Укрнаркомземом извращенную практику, имевшую нередко место на местах в указанный период. Между тем прогрессивная производственная роль бедняцких коллективов столь значительна для нас, что они заслуживают, наоборот, поощрения. Например, закон о сел.-хоз. налоге уменьшает в виде поощрительной премии налог за введение некоторых улучшений в хозяйстве. Из распыленных обособленных хозяйств смогут вводить такие улучшения в первую голову зажиточные и отчасти середняки. Они и получат эту премию. *Надо ввести такое же поощрительное уменьшение налога за переход от распыленных хозяйств к их производственной коллективизации.* В этом переходе мы заинтересованы во всяком случае не меньше, чем в улучшениях отдельных хозяйств: *этот переход сам по себе является уже улучшением, притом не только в общественном, но и в прямом технически-производственном смысле.*

Из всех артелей 64% приходится на имеющие менее 50 душ (из прочих коллективов 55%). В то же время из всех артелей тоже 64% имеют менее 50 десятин пашни на артель. В среднем во всех артелях приходится на душу несколько более полдесятины посева (точно—0,57). Но при этом хозяйство коллективов оказывается технически более высоким и совершенным, чем обычное среднее крестьянское хозяйство. Так, многопольный севооборот существует в 37% всех артелей (в прочих коллективах даже в 47%), в то время как обычное крестьянское хозяйство почти сплошь еще находится во власти жалкого трехполья. Если взять площадь тех культур, по наличности которых можно примерно судить о степени *интенсификации* полевого хозяйства (лен, картофель, корнеплоды, травы, огороды), то в общей площади всего посева она занимает:

в обычном крестьянском хозяйстве . . .	8,1%
в артелях	12,2%
в прочих коллективах	12,2%

Эти данные (по 31 губ. на основании сел.-хоз. переписи ЦСУ—см. стр. 39 указ. книги) показывают, что коллективные хозяйства являются более интенсивными и, следовательно, *более трудоемкими*, чем обычное крестьянское хозяйство. Иначе сказать, они с пользой применяют большее количество рук, чем какое нашло бы себе полезное применение на той же площади без ее коллективизации,—и этим уменьшают также возможность наплыва в города не находящей себе занятия в деревне и не могущей там прокормиться „резервной рабочей армии“.

Технически-производственное превосходство коллективов на практике над обычным крестьянским хозяйством *легко об'яснимо. Во-первых, коллективизация создает гораздо более крупное хозяйство*, чем каким является обычное хозяйство не только середняка, но и зажиточного.

Ведь на коллектив приходится в среднем около 37 десятин посева, и такая сравнительно крупная величина дает об'ективную возможность гораздо более целесообразного (рационального) хозяйничанья. Между тем, даже у зажиточного хозяина высшей по налогу группы (девятый разряд) *средний размер посева в хозяйстве более чем втрое меньше*, а у крестьянина-середняка еще гораздо менее. Во-вторых, раз люди вообще „решились на коренную ломку своих привычных хозяйственных устоев" (стр. 40), т.-е., на переход от личного хозяйства к коллективизации, то они и суб'ективно, *психологически* гораздо более легко предрасполагаются на опыты по части агрикультурных улучшений, чем рядовой крестьянин. Бедняцкие коллективы и в этом отношении об'единяют самые прогрессивные элементы деревни.

(Ю. Ларин—„Вопросы крестьянского хозяйства", изд. 1923 г.).

Ниже мы помещаем коротенькое сообщение тов. Д. Маллори о революционной роли американских коммун на Украине:

На шумных улицах Нью-Йорка, Вашингтона или Буэноса-Айреса, на полях и прериях американских просторов, в одиноких западно-американских ранчо постепенно созревала и крепла одна эта мысль в умах русских довоенных и дореволюционных эмигрантов:

— Назад в Советскую Россию, помочь ей восстановлением сельского хозяйства и внедрением подлинных социалистических форм, ехать на родину, но не в одиночку, не в тягость борющейся советской стране, а целыми группами, организованно, коммуной, работая и ввозя орудия и машины.

Так приезжали главным образом из Америки иммигранты, привозили с собою усовершенствованную культуру земледелия, тракторы, орудия, изредка и племенной скот, семенной и сортовой материал, получали от правительства землю, устраивались коммунами, создавали новые формы общежития, улучшали на своих участках урожай и становились образцовыми показательными хозяйствами.

Нетрудно понять, какую революционную роль в смысле сельско-хозяйственного развития советского села сыграли эти американские коммуны.

Их пока на Украине 11.

Первая по времени коммуна „Селянская культура“ организована была в Нью-Йорке в апреле 21 года.

Уже через месяц она была на Украине. С тех пор за три года прибыло еще 10 коммун, в том числе 5—в самое последнее время.

Обычно коммуна привозит с собою один или несколько тракторов. Она сразу революционизирует обработку земли и уборку хлеба. Работа идет тракторами, машинами, грузовиками. Скот у коммуны образцовый, хозяйство коммуна ведет по плану, вводит одиннадцатипольный севооборот, устанавливает связи с совхозами и сельхозами, опытными станциями, устраивает у себя мельницы, кузницы, различные мастерские, развивает пчеловодство, проводит строго коммунистический быт.

Уже одни названия коммун дают представление об их целях. Коммуны называются: „Красное знамя“, „Хлебороб“, „Им. Джона Рида“, „Селянская культура“ и т. д.

Американские коммуны имеют при себе: одни—театры, другие—свои клубы, образцово поставленные школы, ведут широкую культурную работу. Некоторые коммуны имеют свое собственное кино.

Каково отношение крестьян к коммунам? Сначала—недоумение. Потом, по мере того как коммуны входят в контакт с крестьянством, показывают преимущество новых форм земледелия перед старыми, крестьянство сближается с коммунами и ищет у них помощи и поддержки.

Коммуны, приезжая из Америки, из Канады, привозят с собой главным образом мертвый инвентарь. Лошади, рогатый скот, свиньи — покупаются уже здесь, в России. Но прекрасный уход, правильные корма делают скот коммун выделяющимся.

Иногда у коммун не хватает оборотных средств: тогда выписывают других членов, другие артели из Америки. Вливаются новые члены коммуны, новые средства, новые орудия.

Средний состав американской коммуны на Украине — 90—100 едоков при 75 проц. работников. Работают все. Наемного труда нет. Еженедельное обучение военному строю. При некоторых коммунах развивается виноградарство и садоводство.

Колоссальная роль американских коммун учтена земельными органами республики, которые оказывают им возможную помощь, как подлинным проводникам коммунизма на селе.

(„Известия" от 31/VII. 1924).

На землях бывш. помещицы Болдыревой Марии Алексеевны расположено советское хозяйство — Воронцовский совхоз [1]. Организован он в 1919 году. В 1920 г. был разрушен бандитами: здания сожжены, скот, хлеб и имущество растащено. В 1921 году совхоз начал восстанавливаться. Теперь он входит в губернский Тамбовский с.-х. трест одним из 18 совхозов, оставшихся в Тамбовской губернии.

Земельная площадь совхоза равна 796 десятин: пашни 500 д., сенокоса 175 д., выгона 23 д., огорода 15 д., сада 4 д., усадьбы 15 д. и неудобной земли 64 дес.

Инвентарь: плугов однолемешных 18, двухлемешных 5, трехлемешных 16, букеров четырехлемешных 4, борон железных 35, культиваторов 4, катков 1, сеялок рядовых 7, разбросных сеялок 2, жнеек 3, сенокосилок 12, конных граблей 4, молотилок паровых 1, зерноочистителей 5, корнерезок и соломорезок 3, сепараторов 3.

---

[1] В Знаменской волости, Тамбовской губ.

Огромная часть этого инвентаря непосредственно в хозяйстве не нужна. Большая часть его путем проката может быть использована крестьянами в своем хозяйстве.

Имеется племенной скот, в том числе один жеребец-заводчик, один бык-производитель, боровы, иоркширские свиньи. Возможность для организации случного пункта, таким образом, немалая.

Есть починочная мастерская, в которой два мастера.

При совхозе мельница, работающая водой; работает турбина в 90 сил; турбинная установка исправна. Мельница обслуживает около 15 селений; суточный размол равен 1.200 п. ржи и 500 пуд. проса, что дает в среднем около 120 п. дохода в день. В небольшом деревянном притыке при мельнице—динамо-машина, освещающая совхоз и 84 деревенских двора. В большом деревянном амбаре огромное количество инвентарного лома: колеса от косилок, части сеялок, жаток, ящики и т. п.

Амбар разлезается, содержимое начинает гнить.

В прошлом году совхоз дал убытку 1.800 пудов; в этом году предполагается получить около 2.000 пудов прибыли.

Хозяйственным способом из всей своей земли совхоз использует только 180 десятин, остальное же сдает в аренду, частью из доли, частью за хлеб.

Мы познакомились с состоянием хозяйства совхоза и затем побеседовали с крестьянами о том, что они знают о совхозе. Собрали крестьян человек 40 из двух ближайших селений, да членов артели и товарищества, находящихся в этом селе. Беседа с крестьянами велась в присутствии заведывающего совхозом, который отвечал тут же на все заявления крестьян. Основные крестьянские выводы:

„От совхоза нам помощи нет никакой, ничем он нам не помогает. Болдырева того не проделывала, что проделывалось и проделывается в совхозе. Совхоз не только местному населению, но и государству вреден, он государству ни фунта хлеба не дал, только берет от государства хлеб. Живет на

одной мельнице; мельница—одна на район: поневоле к ней пойдешь. Мельница на воде работает. На такой мельнице и глупый работать будет. Она вертится, и все тут. Такой совхоз ущерб всему государству дает".

К сожалению, при дальнейшей проверке эти крестьянские выводы заведующий совхозом никак не мог опровергнуть.

Прежде всего о том, как хозяйничает совхоз.

Озимый посев, снятый в 1923 году, был настолько плох, что давал выход только 30 фунтов с копны, тогда как у крестьян был выход 4 пуда с копны. Урожай у совхоза и не может быть хорошим: „несвоевременно пашут, поздно сеют, все у них ведется кое-как; вспахал—ладно, не вспахал—и то ладно"...

Прошлогодняя рожь до сих пор немолоченная стоит. Почва у совхоза не удобряется. Пахота производится плугом без каких бы то ни было минеральных удобрений.

В прошлом году у них такая работа была: запрягает 2-х волов работник, ездит, ездит, заезжает в лощину, ложится и дремлет, пока не появится заведующий. Как увидит, что заведующий идет, так и вскакивает и идет работать, как будто все время работал"...

Крестьяне только головой машут: „что же это вы делаете, такую землю портите"!..

Для животноводства в совхозе все условия налицо: луга, выпас, обильный водопой. Между тем, в совхозе имеется только 10 коров простой местной породы, которыми пользуются служащие совхоза.

Связи у совхоза с участковым агрономом никакой. Агроном совхоза не посещал, деятельности его не проверял. Совхозники агронома не звали.

Для характеристики хозяйства совхоза скажем еще о мельнице. Главный вишняк разрушен и закрыт мертвой плотиной. Вода перед мельницей поэтому засаривается. Пыль от просорушки загрязняет зерно. Часто зерно вытекает под камень. При мельнице не имеется заезжего двора.

А крестьянин про мельницу рассказывает: „Прошлой осенью приехал я в советское имение рожь размолоть, привез 24 пуда; 3 пуда отложил, а в размол пустил 21 пуд. Когда дело до расчета дошло, мельник требует за работу с 24 пудов. Я ему говорю: „да я только 21 пуд молол, как же вы, товарищ, неправильно берете“.—А он мне говорит: „Это не я беру, а революция берет, за которую вы в ладоши хлопали“...

Другой крестьянин добавляет: „Плохо мельница работает: из всех щелей мука на пшено сыплется. У камня, который размалывает, тоже дыры есть и оттуда сыплется, а потом они собирают и скотину кормят. Нужно полный ремонт произвести, чтобы ни одной пылинки не было“...

А третий прибавляет: „Приедешь часов в пять утра—все заперто, сунешься к мастеру, он гонит; сунешься туда—тоже не принимают. Так и дрогнешь около мельницы, как бродяга бесприютный, пока она откроется. А жаловаться начнешь на такие порядки,—тебе говорят: „не желаешь ожидать, пожалуйста уезжай, никто тебя сюда не просил“. А как я назад поеду, вон откуда приехал, а теперь назад ворочайся“...

Имеющийся в совхозе ненужный инвентарь об‘явлен к сдаче па таких условиях, что никто не берет: плуг—один пуд в день, бороны-зигзаг—тоже, культиватор—20 ф.

Неудивительно, что крестьянское население пока этой помощью не пользовалось.

Есть маленькая починочная мастерская при совхозе, но починки никому из крестьян не производилось.

За помол на мельнице берут из пуда ржи 6 фн. и 6 фн. из пуда проса. Плата такая же, как у частных мельников.

Если помножить высокую цену за размол на грубость какого-то огрызка помещичьей администрации, сидящего на мельнице, то все воспитательное контр-революционное значение этой мельницы будет целиком ясно.

При совхозе имеется производитель-жеребец,—плата за покрытие 5 пудов. Этим производителем никто не пользовался до настоящего времени. За быка берут 3 пуда,—покрыто 4 головы.

Такое небольшое количество случаев использования крестьянами хороших пород совхозских производителей об'ясняется очень просто: рядом в артели за быка берут $1^1/_2$ п. И тут необходимо произвести помножение на наглость болдыревского приказчика.

Рассказывает крестьянин: „Недели 2 назад я приводил корову сюда, так как нет у нас в селе племенного быка. У мельницы встретил помощника заведывающего: „У вас есть бык племенной?“ — „Есть“.— „Сколько плата?“ — „3 пуда“.— „Здесь, говорю, бык есть, берут $1^1/_2$ пуда“.— „Ну, ладно, давай 2 пуда“—„У меня сейчас с собой хлеба нет, принесу. Поверишь?“ — „Ладно“, говорит.—Ну, вот я прихожу через день с хлебом, хочу платить, а мне говорят: „Раньше бумажку из конторы принеси, тогда примем“... Я прихожу в контору, прошу бумажку. Бухгалтер спрашивает: „Сколько“?—Я говорю: „Два пуда“.—„У нас, грит, 3 пуда берут, я не могу с вас 2 пуда взять“.—„Ну я сказал, как мы условились с помощником, возьмите 2 пуда“. А бухгалтер свое. Я говорю: „Товарищ, вы по советскому закону должны племенной скот разводить, а вы цены набиваете; это, товарищ, так невозможно“. — А он говорит: „Какой я тебе товарищ?“. Тогда я ему: „Так что же мне обращаться в сельсовет, чтоб узнать, кто мне товарищ и кто не товарищ?“... Как я вышел, спрашивают у меня крестьяне: „что у вас там такое?“—„Да что же, у них нельзя товарищем называть“...

Когда мы выразили некоторое сомнение в точности этого рассказа, предположили возможность какой нибудь грубости со стороны крестьянина, то все крестьяне хором, да и заведывающий подтвердил, что рассказывающий „человек такой, что если воду черпает, то от него волна не идет, не то, чтобы человека обидеть“...

Когда мы у заведывающего совхозом спрашивали, какую помощь он оказывает крестьянам, он нам перечислил ряд случаев дачи им поросят в кредит. Поросята, по его словам,—от хороших иоркширских свиней.

На собрании крестьян совместно с заведующим выяснилось, что отработка за этих поросят такая, что крестьянину поросенок обходится значительно дороже покупного и что половина этих поросят оказалась никуда негодной. Таким образом, якобы кредит поросенком бедняку оказался только формой задатка под работу, выгодной преимущественно самому союзу.

Еще до бандитизма совхоз осветил 86 крестьянских дворов. Теперь совхоз хочет получить за лампочку в 16 св. 12 пудов в год, за лампочку 25 св.—14 пудов. Крестьяне говорили заведывающему:—„Вы учтите, сколько стоит керосин, не можем мы на много больше того платить, что керосин стоит,—у крестьянина, который пользуется керосином, самое большое за зиму 5—6 пудов хлеба уйдет на покупку керосина". В результате, до половины хозяев отказались от электричества: „В Советской России более чем гордятся, что Воронцовка идет на первом плане по электричеству. Электричество должно дешевле керосина обойтись, а вы такую вещь делаете, никак этого нельзя. Стыдно вам за это". Когда крестьяне не подписали договора, заведующий стал рвать провода, и „было это как раз в тот день, когда Ленина хоронила Россия". „Крестьяне все на похороны идут, а заведующий провода рвет"....

Для характеристики хозяйства совхоза и взаимоотношений совхоза с крестьянами остается сказать об условиях сдачи совхозовской земли в аренду. Из всей совхозовской земли сдается в аренду: из доли 195 десятин и за плату 304 десятины; расценка устанавливается заведующим совхозом и утверждается сельтрестом.

Исполу земля сдается так: обработка поля и свозка хлеба на гумно производится испольщиком. Семена дает сов-

хоз, при чем за свою часть семян испольщик возвращает при снятии урожая; молотьба пополам, при чем машины совхоза учитываются в долю; продналог и урожай пополам. 304 десятины сдается за плату—от 4 до 12 пудов за десятину. Количество земли, обрабатываемой силами совхоза, остается неизменным с 22 на 23 год, так же, как и в нынешний год.

В этом „образцовом луговом хозяйстве“ луга также сдаются из доли: уборщик получает $^2/_5$, совхоз—$^3/_5$.

Старая владелица брала примерно столько же.

Отсюда понятна оценка крестьянами этого „образцового“ хозяйства: „Что о совхозе говорить: раз он бумажный совхоз, нечего о нем говорить“.

А другой крестьянин: „Что в нем, в совхозе этом? Пользы в нем никакой, ни нам, гражданам, а государству и подавно. Одна тягота от него нам, гражданам. Вообще, совхоз никакой культивированности собой не представляет, показательных полей никаких не имеет. Ничего никому не дает, а нас только жмет“...

Третий крестьянин поясняет: „Я государству налог плачу, первый год платил 60 пудов, второй—50 пуд., третий год—70 пудов; в последнее время лошадь у меня пала, и то налог заплатил. А от совхоза пользы государство, кроме убытка, не видело никакой. От него ни тю, ни мю, ничто! можно сказать, никуда не годится совхоз“...

Четвертый крестьянин: „Тут много мелочи говорилось, а нужно дело разобрать, какая польза или какой вред от совхоза идет. А наш совхоз, вы сами видели, является вредителем, а не совхозом показательным,—один ущерб от него государству. Если совхоз, то пусть будет совхоз, чтобы учил нас, как наше хозяйство улучшать, а не как вошь голодная. Мы не за это воевали. Пусть действительно показал бы нам племенных лошадей, коров, или свою работу на лугу. У совхоза 175 десятин одних лугов, а показа

никакого. Сделать его надо так, чтобы он действительно показывал, а не то что Мария Алексеевна Болдырева на испольщине ехала“.

Заключительное слово имел красноармеец, недавно демобилизованный: „Возьмите красноармейца, — мы спрашиваем, какую помощь дал нам совхоз. Я думаю, что от совхоза мы, красноармейцы, должны были все-таки хоть какую помощь, хоть кредит какой получить в своих совхозяйственных делах, а помощи от совхоза никакой не получили. И очень обидно это бывает, когда вспомнишь,—ведь ты кровь свою проливал; ты под красноармейской звездой делал тяжелые походы; ты твердо стоял за завоеванную крестьянами землю, за Советскую рабочую и крестьянскую власть; ты гнал Врангеля, Колчака и многих еще. А когда мы пришли, то нам совхоз предоставляет такую аренду, какую мы платить не можем. А когда я хочу продать совхозу свой труд, то мне платят 15 фн. просом, а Знаменский совхоз платит 47 копеек. Совхоз должен нам помогать, а он представляет собою не что иное, как ту же помещицу Болдыреву. Своей работой он бьет по бедняку. Он бьет по Советской власти. Как же мы будем с остывшей кровью и остывшими силами бить новых врагов, которых еще много у Советской власти, когда совхоз ничего нам не помогает, никакого примера нам не показывает“.

Мы приводим эту итоговую крестьянскую оценку, так как по существу против нее ничего не могли возразить представители совхозовской администрации.

О том, как можно опоганить самое лучшее дело, Воронцовский совхоз показывает наиболее блестящим образом. Его контр-революционная роль под флагом советского хозяйства становится особенно четкой, когда сопоставишь с ней безусловно прогрессивное движение крестьян к кооперации в том же селе, почти на той же воронцовской земле. Эти крестьяне артелью еще с прошлого года на своей земле производят общую запашку и общий покос, в то время как

совхоз свою землю сдает исполу или в аренду отдельным хозяевам, работавшим в одиночку.

Для крестьянского отношения к совхозу характерно то, что не было почти ни одной речи, которая отрицала бы необходимость совхоза. Крестьяне только требовали: „дайте нам действительно хороших коров, поросят, учите нас, как улучшить наше хозяйство“.

А между тем этот совхоз имеет исключительно благоприятные условия для превращения в племенное хозяйство, для чего необходимо было бы его освободить от ненужных ему пашен, снабдить его действительно племенным скотом и на 100—150 десятинах организовать луговое и племенное хозяйство.

Опасность такого предприятия для Советской власти тем больше, вред от него тем крупнее, что население да и сама партия и Советская власть рассматривает совхоз как предприятие, которое должно служить примером строительства социализма. Таким образом, не только прямой вред приносит он государству, но и у значительной массы населения отнимает веру в возможность иного, чем их мелкое крестьянское хозяйство, вида хозяйствования на земле.

(Я. Яковлев—„Наша деревня“, 1924 г.).

Налоги.

Здесь уместно дать маленькие характеристики как самих принципов обложения, так и способов собирания налогов, применявшихся в течение революционного периода.

В 1918 г. господствовал принцип отчуждения так называемых излишков. Государство в этом году интересовалось только тремя продуктами: рожью, картофелем и овсом. В отношении упомянутых продуктов законодательство определяло норму годового продовольственного пайка и для людей и для скота (овес—для лошади, мука на посыпку для телят

и коров и пр.). Затем принималась во внимание необходимость обсеменения. Все же излишки, которые хозяйство имело сверх пайка и семян, оно должно было отдать государству по твердой цене. Те же хозяйства, у которых против законодательной нормы оказывалась недохватка в названных продуктах или не хватало на семена, те по твердой цене (очень низкой) получали свою недохватку из волостного фонда. В результате, если мы сосчитаем в цене ржи то, что населению полагалось внести за 1918 год, то выйдет 3.007 пуд. ржи[1]. А в мирное время (1913 г.) население волости пропивало на водке (переведем ее на рожь) почти 40.000 пуд. ржи. Государство в 1918 г. получило пустяк (если же из пустяка мы вычтем—к сожалению подсчитать нельзя—накладные расходы, то на государственные нужды из пустяка останется крупица). Вспоминая, какие именно хозяйства в 1918 г. платили, а какие не имели излишков, я скажу, что не только бедняки и середняки, но и часть зажиточных значилась без излишков. Так выходило потому, что реальный высев утаивался, настоящий урожай снижался, а власть, еще только конструировавшаяся, не имела никакой возможности выверить показания населения. Правда, сельские комиссии ходили осматривать хлеб по амбарам, но, по правде говоря, делалось это только так, „для проформы“, а, кроме того, в амбаре оставляли лишь часть хлеба — остальной переносили (даже не прятали) в другое место. Излишки возили в исполком без понуждений.

В 1919 году опять собирали излишки. Но в этом году продовольственный годовой паек был сокращен приблизительно на 25% (вместо 12 пуд. ржи на человека в год— 9 пуд. и т. д.). Кроме того, организованные комитеты бедноты—правда, кое-где и не очень рьяно—работали в сторону повышения собираемого количества продуктов. В отно-

[1] Речь идет о Горицкой вол., Тверской губ.

шении родов продуктов интерес власти был уже шире. Вместо того, чтобы все излишки свозить в исполком, а там потом раздавать часть их в пайки, предписано было поступать так: из излишков, имеющихся в данной деревне, удовлетворялись на месте же годовым пайком те, у кого были недохватки. А так как часто эти недохватки были формальными, по существу же сосед, вынужденный награждать продуктом своего труда однодеревенца, прекрасно знал, что у этого однодеревенца хлеба вполне хватит до нового урожая, то по деревне пошла свара.

— Что я на тебя обязан работать? Ишь какой „голодающий“! Сам, небось, хлеб продаешь, а на чужой заришься... и т. д.

В 1918 году такой свары не было, так как круг плательщиков излишков был очень узким—это были больше богатеи. А времена были такие, что богатеи предпочитали отмалчиваться, чтобы не обращать на себя особого внимания. В 1918 году, благодаря отчасти сокращению нормы пайка, а отчасти—застращиваниям власти, грозившей большими карами за неправильные показания о высеянном (аппарата же для проверки показаний все-таки не было),—контингент плательщиков значительно расширился: излишки оказались у очень и очень многих середняков. Только кто посмелее да половчее из середняков, тот затаивал свои продовольственные ресурсы и даже норовил (что многим и удавалось) попасть в число голодающих, т.-е. имеющих право на паек. Вот тут-то и пошли раздоры—ругались друг с другом, доносили друг на друга. Вмешивалась власть: имитировавший голодающего попадал в кутузку, но „голодающий“, сидя в кутузке, не оставался в долгу у тех, кого он считал виновником своих злоключений — выкладывал о них что-нибудь любопытное для власти (часто, правда, вздор или ложь). В результате создалась в деревне атмосфера недоброжелательства, сосед стал бояться соседа. Тошно стало жить в деревне....

Государство в 1919 г. получило с волости больше, нежели в предыдущем году.

1920 год был, как известно, самым тяжелым для государства. Разгар гражданской войны, почти угасшая промышленность, транспорт без топлива. Положение было близкое к параличу. Государство уже не могло довольствоваться, до известной степени, случайными излишками. Ему необходимы были твердые, точно определенные ресурсы для того, чтобы жить и бороться за свое существование. В отношении сбора налогов принцип излишков отошел в прошлое— его заменил принцип разверстки. Центр, подсчитав, сколько, по его мнению, можно собрать со всей страны разного рода взиманий (у нас в волости этих взиманий было 17 родов), разбивал или разверстывал все это по губерниям; губернии, сообразуясь с экономическим положением своих уездов, — по уездам; те — по волостям, а эти — по отдельным селениям. В селениях же сход домохозяев определял, кому из домохозяев и сколько надо было платить. Так как все были связаны общей ответственностью, круговой порукой, и никакой скидки с определенного в разверстку не полагалось, то сходы эти были чрезвычайно шумливы, иногда даже кончались дракой: всякому хотелось заплатить возможно меньше, но тогда сосед должен был платить больше. Учитывали друг друга до тонкостей: если ты, напр., держал собаку, то тебе это ставили на вид, говорили: „ты можешь собаку кормить, значит—ты и заплатить больше моего можешь". И я не шутя говорю, в деревне совсем перевелись собаки.

Контингент плательщиков заключал в себе 53% всех хозяйств волости. Но это не значит, что не платило 47% наиболее бедных. Нередко более состоятельный совсем не платил, а платил тот, кто был победнее да потише. Так называемых „горланов" часто выручало их горло—наваливали налог на менее состоятельных. Но в основной своей массе плательщики были все же зажиточные, а неплательщики—бедные.

Разверстка выполнялась не всегда в срок и аккуратно. Волостным милиционерам все время приходилось напоминать и грозить запаздывающим. Наша волость уплатила почти все, что с нее причиталось — в недоимке было совсем немного.

В 1921 году последовал декрет (от 21 апреля 1921 г.), где, между прочим, говорилось: „Размер налога определяется для каждого хозяйства в отдельности и исчисляется по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве и урожаю в данной местности". Круговая порука пала—это одно уже очень всех развязало. Однако, по родам отдельных взиманий, наша волость (с трудовой и гужевой повинностью) выплачивала 15 категорий разного рода продуктов. Так как деревня не имела отчетливого представления о том, сколько и чего именно надо платить, то эта многочисленность уплат, и подчас очень мелких (напр., 5 шт. яиц с хозяйства, пол или треть куры и пр.), производила угнетающее впечатление на психику плательщиков: казалось, что налогов бесконечная цепь и никогда их не выплатишь. К выплате натурального налога было привлечено уже не 53% всех домохозяев волости, как в 1920 году, а 87% и, следовательно,—большее количество пашни. Хотя вся волость в 1921 г. заплатила натурналога больше, нежели в 1920 году, но на каждую десятину пашни, по причинам только что указанным, его пало меньше. В выплате налога приняли участие уже и бедные хозяйства, если они только имели посев.

Налог сдавался учрежденным заготовительным конторам, которые не находились в ведении волисполкома, а зависели от уезда и губернии. Аппарат по сбору натурналога был чрезвычайно громоздким. Осенью 1921 года, на тверском губернском с'езде советов, во время прений по какому-то вопросу, зашла речь о том—какая именно часть налога тратится на организацию его сбора, хранение собранного, транспортировку и т. д. Пессимисты утверждали, что из всего собранного налога государство на свои нужды получит

только 25%, оптимисты говорили—75%. Я не знаю кто был прав, но во всяком случае и 25% не маленький процент.

В 1922 году собирался тот же продналог, но исчислялся он в ржаных единицах (по особой таблице эквивалентов), при чем существовавшее раньше большое количество разного рода взиманий исчезло. Каждый мог платить налог тем продуктом, которым ему было удобнее (по той же таблице эквивалентов). За своевременную выплату налога полагалась скидка в 20%. Наша волость получила эту скидку, так как внесла налог безнедоимочно и в срок. С единицы пашни пришлось заплатить большую долю валового дохода, чем в 1921 году—товарищ-урожай подвел. Налог каждый домохозяин отвозил в уездный город за 45 верст.

В 1923 году был введен (декретом от 10 мая 1923 г.), вместо продналога, единый сельско-хозяйственный налог. Обложение сельского хозяйства всякого рода дополнительными, кроме об'явленного налога, сборами было воспрещено законом под страхом уголовной ответственности. Налог исчислялся в ржаных единицах, но его можно было уплатить и деньгами (или хлебным займом, который в нашей волости получил широкое распространение в 1923 году). В 1924 г., несмотря на еще более низкий урожай, чем тот, какой был в предыдущем году, доля валового урожая, пошедшая на выплату налога, меньше прошлогодней.

(А. М. Большаков—„Советская деревня за 1917—1924 г.“).

Налоговая практика, как об этом говорят произведенные обследования [1], далеко не всегда совпадает с налоговой политикой. На налоговую практику влияет ряд факторов, которые, может быть, наперед трудно учесть, но которые в своей совокупности воздействуют и на крестьянское хозяйство и на крестьянскую психологию не всегда в желательном направлении. „Маленькие недостатки“ вырастают

---

[1] На юго-востоке России.

в большой недостаток, который необходимо учесть, чтобы не повторять ошибок прошлого.

В ст. Гиагинской крестьяне говорили, что налог не тяжел и „средственно платить, если начисляют его по закону“. Но беда в том, что закона сами крестьяне не знают, а власти не всегда его выполняют как следует.

— „Да што, мы нешто знаем, сколько нам нужно платить. Мы ведь в этом ничего не понимаем“,—сказал один крестьянин члену комиссии, производившей обследование в станице Ильинской. Кого ни спросишь, как исчисляется сельско-хозяйственный налог,—отвечают: „не знаем“,—замечает та же комиссия.

На почве этого „незнания“ возникает целый ряд ошибок и всяческих недоразумений. На будущее время это надо иметь в виду и не пожалеть средств на ознакомление крестьянства с налогом, чтобы каждый крестьянин знал наперед, сколько ему надо платить и сколько у него останется, иначе у мужика рушится всякий хозяйственный расчет.

Второй дефект, на который следует обратить внимание и который отмечен не в одном обследовании—это „арифметические ошибки“. В ст. Гиагинской комиссией были обнаружены в налоговых списках просто неправильности арифметического исчисления налога. Так, в одном случае крестьянину было насчитано к уплате 475 пуд., когда на самом деле с него следовало лишь 210 пудов. В ст. Ильинской с крестьянина следовало 338 пуд. 38 ф., а окладной лист выдан на 392 пуда. Вот этого-то „припека“,—как крестьяне окрестили всякого рода необ'яснимые для них надбавки,—деревня естественно не понимает и рассуждает, примерно, так: „Дескать, все равно я не могу заплатить полностью, так пусть уж лучше судят за все, а то заплачу, и все равно будут судить“. Налоговая практика, наводящая крестьянина на такого рода заключения, срывает всякую налоговую политику.

Волокита и бюрократизм точно также имели место и болезненно отражались на положении маломощного крестьянина, который не мог добиться законной льготы.

Обследование ст. Гиагинской отмечает: главной причиной неполучения льгот бедняками был бюрократизм самого аппарата. Заявление о предоставлении льгот подавалось крестьянином в кварткам, из кварткома оно направлялось в районный комитет или Сельсовет, затем в Волисполком, из Волисполкома в комиссию по обследованию посевов, и, наконец, с заключением комиссии, в налоговую комиссию, где и разбирался вопрос о предоставлении льгот. Вполне понятен при таком положении ответ крестьянина на вопрос, подавал ли он заявление о предоставлении льгот:—„Ходи, ходи, все равно ничего не выходишь, а только время убьешь". Или—„подавал, да где-то затерялось, так ничего не получил".

При обложении не было использовано в целом право на предоставление льгот. Неудовлетворены были иногда и семьи красноармейцев. Учет об'ектов совершался очень быстро, так что к моменту учета они не имели необходимых удостоверений от воинских частей. Пока достали—опоздали и льгот не добились. Совершенно не удовлетворялись ходатайства по краже и падежу скота, причины—запоздания с ходатайствами, трудность достать нужные материалы, вызвать комиссию для освидетельствования и пр.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

Продналог, который, конечно, задерживает и не может не задерживать под'ема всех хозяйственных групп, особенно сильно бьет по крестьянам маломощным.

Группировка хозяйств по продналогу подтверждает это целиком. В Ивановке[1] крестьяне определяли влияние прод-

[1] Никольской вол., Курской губ.

налога старой, на опыте столетий проверенной, крестьянской пословицей: „Пока жирный иссохнет, голодный сдохнет“.

Крестьяне нам насчитали до 16 различных видов налога, из них значительная часть волостных и сельских, возникающих по мере необходимости.

Раздражает крестьян, даже, я бы сказал, озлобляет, не столько размер налога, сколько огромное количество налогов, разнообразие формы их и разновременные сроки уплаты. Крестьяне всю эту зиму живут ожиданием очередного налога.

Если мы от ряда крестьян слышали, что „налог средственный, если будет урожай, платить можно“,—то одновременно почти от каждого крестьянина, с которым мы говорили, приходилось слышать также много горьких слов насчет наших налоговых порядков, в частности пени.

— Не столько налоги тяжелы,—говорили крестьяне в селении Никольском в караулке, где происходил опрос—с к о л ь к о п е н ю ш к и. Пришлют 20 февраля приказ о том, что если к 15 февраля всех налогов не внесешь, так пени. И хочешь, не хочешь, сразу начинаешь платить не только налог, но и пени.

Я захватил с собой экземпляр одного такого высокомудрого распоряжения Тимского уездного финотдела, который, конечно, сможет сослаться с полным основанием на губернский финотдел, тот в свою очередь не с меньшим—на Наркомфин.

Когда я просил крестьян (это было в Ивановке) передать мне экземпляр этого приказа, они согласились на это сразу, так как и председатель и секретарь совета наизусть уже успели его заучить, и в печатном тексте поэтому не нуждались.

Один из крестьян, типичный середняк, говорил нам с большой, очевидно годами скопленной, злобой:

— Мужик, что овечка: кому надо шерсть, тот ее и стрижет. Стриг царь, помещик, деникинцы и товарищи. А теперь бы ее надо пожалеть, а то до последку шкуру сдерешь, так после шерсти не настрижешь.

Огромную роль в недовольстве крестьянина играет грубость, пренебрежение к крестьянину в продовольственном аппарате. То, что крестьянин принимал, как естественное, от волостного писаря или урядника, того он не согласен терпеть от какого бы то ни было чиновника какого бы то ни было советского аппарата, тем более, взимающего с него налог. В этом сказывается величайший рост гражданственности крестьянина за время революции. О грубости, проявлении барского хамства чиновника ссыпного пункта знают все крестьяне. Они же знают, что в советском аппарате не место подобному чиновнику,—в этом крупнейшая гарантия возможности исправлять советский аппарат. В ближайшую продовольственную кампанию необходимо, помимо создания единого налога, важнейшей партийной задачей сделать отбор низового налогового аппарата, решительную вычистку из этого аппарата элементов, приносящих в него навыки помещичьего прошлого.

(Я. Яковлев.—„Деревня, как она есть", изд. 1923 г.).

Приведем по работе тов. Р. Левина, в качестве иллюстрации, сравнение тяжести довоенного обложения крестьянства с одним из революционных годов.

Для оценки тяжести современного крестьянского обложения сравним его с довоенным, когда крестьянство платило:

	Совокупная сумма обложения.	На душу населения.	В % отнош. к общ. сумме обложения.
Прямых налогов	155,1 милл. р.	1 р. 27 к.	13,8
Косвенных налогов, включая винную монополию.	963,0 „ „	или 7 „ 80 „	86,2
Итого .	1.118,1 милл. р.	9 р. 17 к.	100%

Если к этим платежам присовокупить те платежи, которые крестьянство вносило за землю:

Помещикам за аренду . .	284,3 м. р.	или 2 р. 33 к. на душу.
Крестьянск. банку . . .	56,1 „ „	„ — „ 79 „ „ „
Итого	340,4 м. р.	или 3 р. 12 к. на душу.

то окажется, что крестьянские платежи выражались в сумме— 1.458,5 милл. руб. или 12 р. 29 к. на душу.

Доля же крестьянства в налоговых обязанностях и национальном доходе в 1922/23 бюджетном году по сравнению с довоенным временем выражается следующим образом:

В довоенное время.		В 1922/23 г.		Налогов.	Обложение на душу.
Доля в % налоговых платежей.	Доля в % национал. дохода.	Доля в % в налог. платежах.	Доля в % в национ. доходе.	В довоенное время.	В 1922/23 г.
61,3	56	57	70—75	9 р. 17 к.; с платежами Кр. банку и помещикам 12 р. 29 к.	3 р. 65 к.

Таким образом, налоговое бремя крестьянства в текущем году составляет лишь 39% довоенного абсолютно и значительно меньше относительно его доли в национальном доходе и в отношении к платежам других групп населения.

Этот общий вывод необходимо оговорить. Во-первых, во все вышеприведенные исчисления не включены самочинные налоги, вводившиеся во многих местностях (в некоторых случаях в значительных размерах), но они представляют собой явление болезненное и по мере организации и укрепления местного бюджета изживаются. Во-вторых, надо иметь в виду, что при пониженном доходе тяжесть обложения ощущается сильней, чем его чувствует крепкое хозяйство...

(Р. Левин.—„Налоги и крестьянство", изд. 2-е, 1923 г.).

В какой мере обложение тяжело для населения, какую долю продукции оно извлекает от хозяйства? Вот вопрос, который необходимо осветить.

Обложение (единый сельско-хозяйственный налог) к условно чистой продукции составляло в процентах:

		По массовым данным.	По бюджетам.
Потребляющий район		—	9,1
Производящий	„	—	11,5
Юго-Восток	„	—	17,3
Сибирь	„	—	12,7
РСФСР	„	15,1	—

В какой мере единый сельско-хозяйственный налог был прогрессивен, т.-е. в какой мере поражал доходность в разных группах хозяйств, различных по своей мощности?

Группы хозяйств с площадью облагаемой земли на 1 душу.	Налог на 1 дес. в зол. рублях.	% обложение условно-чистой продукции.
До 0.25 дес. на душу . .	0,5	2,1
0.25 до 0,50	1,6	6,7
0.51 „ 0,75	2,5	10,5
0.76 „ 1,00	3,3	13,9
1.00 „ 1,50	3,7	15,5
1.51 „ 2,00	4,0	16,8
2.01 „ 2,50	4,4	18,5
2.51 „ 3,00	4,8	27,2
3.01 и более	4,9	20,6
Итого . .	3,6	15,1

Таким образом, несомненно сельско-хозяйственный налог был прогрессивен, и беднейшие группы облагались сравнительно незначительным налогом, и тяжесть налога распределялась более или менее равномерно в соответствии с налогоспособностью различных групп населения.

Сельское население и в газетах, и на митингах, и заседаниях исполкомов очень часто характеризует обложение Советской республики, как такое, которое является весьма обременительным для населения.

А между тем, если сравнить тяжесть теперешнего обложения с теми из'ятиями, которые имели место в недавнем

прошлом, то тех выводов, которые делают крестьяне, нельзя сделать. В самом деле, вот данные, которыми располагает ЦСУ по этому вопросу.

	Всех изʼятий от сельского населения на 1 душу населения.
в 1913 году	11 р. 33 коп.
в 1921—1922 г.	5 „ 28 „
в 1922—1923 г.	6 „ 64 „

Цифры этой таблицы показывают, что в отношении изʼятия современное обложение в два раза меньше довоенного.

Но тут требуется сделать поправки:

1) Продукция сельского хозяйства в настоящее время составляет 70% довоенной. Если внести эту поправку, то будем иметь, что, если бы крестьянин довоенного времени обладал той же продукцией, что теперешний крестьянин,—он платил бы не 11 р. 33 к., а на 30% меньше, т.-е. 11 р. 33 к. × 70% = 7 р. 93 к. против теперешнего плательщика—6 р. 64 к.

Значит, и при таком сравнении тяжесть обложения довоенного времени была сравнительно сильнее.

Если, несмотря на это, население субʼективно воспринимает современные налоги обременительными, то причину надо искать не в размере, а в характере отчуждений.

	1912—1913 г.	1922—1923 г.
	в милл. руб. золотом.	
Прямые налоги	155,1	366,4
Косвенные налоги	310,6	26,4
Винный доход	554,5	—
Арендные платежи	284,3	—
Платежи крестьянскому банку . .	56,6	—
Итого платежей . .	1.361,6	393,3
Эмиссии	—	270,8
Всего	1.361,6	664,1
На одну душу	11,33	6,64

Население считает налогами только прямые налоги, которые в 1912—1913 году с них собирались, а именно—только 155,1 м. р.; все остальные виды платежей оно

суб'ективно не воспринимало бы как налог. Приобретая ситец, чай, соль, железо и водку, население ни в коем случае не предполагало, что оно платит вместе с тем налог, и большой налог. Арендные платежи за землю также не воспринимались ими как налог. Таким образом, население противопоставляет современному налогу только налоги в прямой его форме. Противопоставляет 393,3 милл. руб. и делает отсюда ложные выводы.

(П. И. Попов—„Сельское хозяйство Союза Республик", 1924 г.).

Заработки населения.

Кроме отчуждения продуктов сельского хозяйства, крестьянское хозяйство является поставщиком своеобразного товара—труда. Поэтому крестьянское хозяйство получает денежные доходы не только в порядке отчуждения продуктов сельского хозяйства, но и в порядке реализации своей рабочей силы.

До войны заработок приносил сравнительно огромные доходы.

В 1913 году доходы с внеземледельческих промыслов достигали	1.800 м. р. зол.
В том числе поступали от города и промышленности	700 „ „ „
В 1922/23 г. общая промышленность равнялась	600 „ „ „
В том числе оплачиваемая городом и промышленностью	220 „ „ „

Таким образом, в общем в 3 раза сократился доход от промыслов, благодаря чему платеже-покупательная способность населения значительно понизилась.

По отдельным губерниям это сокращение можно иллюстрировать бюджетными данными.

Губернии.	Доходность промыслов.	
	На 1 хоз. в зол. руб.	В %% к общему доходу хозяйства.
Вологодская до войны	116	23,4
1922/23 г.	35	9,8
Московская до войны	164	22
1922/23 г.	59	7,5
Пензенская до войны	78	12,9
1922/23 г.	42	6,7

Это сокращение дохода от промыслов переживается населением болезненно, особенно в период уплаты налогов и в момент, когда население нуждается в продуктах промышленности. Как для уплаты, так и для покупки продуктов промышленности ему приходится выбрасывать, главным образом, продукты своего сельского хозяйства, тогда как ранее в его платеже-покупательных рессурсах денежные поступления от промыслов играли сравнительно значительную роль.

(П. И. Попов — „Сельское хозяйство Союза Республик“, 1924 г.).

Бюджет [1].

Все практические задачи современной экономической политики упираются в вопрос о взаимоотношениях между городом и деревней. И ни один тип статистического исследования не может быть более пригоден для освещения этого вопроса, чем именно бюджетные исследования.

Бюджет вскрывает прежде всего внутреннюю жизнь крестьянского хозяйства. Он показывает, с какими капиталами и запасами труда приступает крестьянин к производству, как

[1] Нижеприводимый материал получен на основании обработки бюджетов 350 хозяйств, расположенных в 14 губерниях. Исследованные бюджеты относятся к хозяйствам, значительно возвышающимся над средним уровнем. Бюджеты взяты за 1922—23 годы.

из этих элементов строится организационный план хозяйства, какие производятся затраты и какой продукт получается в конце хозяйственного процесса, как растекается этот продукт по двум руслам—денежного и натурального обращения, какое назначение получает он затем в процессе производственного и личного потребления, какие итоги, наконец, дает хозяйство к концу бюджетного года и в каком состоянии оказываются к этому сроку его имущество и капиталы.

Крестьянский бюджет есть зародыш счетоводного хозяйственного баланса. И как без правильного баланса нельзя составить себе представления о доходности или убыточности, о жизненности или обреченности промышленного предприятия, так и без бюджета нельзя определить экономического самочувствия крестьянского хозяйства, нельзя угадать перспектив его развития, нельзя построить и правильной сельско-хозяйственной политики.

В практическом и теоретическом крестьянском счетоводстве к числу издержек производства не причисляются обыкновенные затраты собственного семейного труда. Без этой важной статьи расходного бюджета остальные материальные издержки производства складываются довольно однообразно во всех экономических районах (см. табл. на стр. 101).

Поступления от сельского хозяйства составляют главный, но не единственный источник существования крестьянской семьи. Чтобы получить полный список ресурсов, которыми располагает крестьянское хозяйство, необходимо к валовой сельско-хозяйственной продукции прибавить еще, по крайней мере, поступления от леса и общую сумму промысловых и личных заработков. Точно также вычитание хозяйственных расходов из валового дохода не определяет еще той суммы ценностей, которая остается в свободном распоряжении хозяйствующей семьи: из нее еще должны быть отняты уплачиваемые государству налоги (см. табл. на стр. 102).

Мы можем свести общий баланс хозяйств. За вычетом из всей суммы валовых поступлений хозяйственных расходов

Состав хозяйственных расходов.

Губернии.	Весь расход [1]. На 1 хозяйство.	Весь расход [1]. На 1 десят. с.-х. площ.	То же в относительных цифрах. Полеводство. Всего.	Полеводство. В том числе. Семена.	Аренда.	Плата с.-х. раб.	Инвентарь.	Постройки.	Животноводство. Всего.	Животноводство. В том числе. Корм.	Прочие расходы по скоту.	Покупка скота.	Прочие расходы.	Итого.
1. Архангельская	228,9	44,0	33,4	10,9	—	0,1	1,2	21,2	65,7	62,6	0,4	2,7	0,9	100
2. Вологодская	142,0	21,9	30,8	16,2	0,3	3,0	4,1	7,2	69,2	58,7	2,7	7,8	—	100
3. Новгородская	156,0	16,3	22,0	14,4	0,1	1,7	1,1	4,7	77,2	73,1	0,7	3,4	0,8	100
4. Минская	426,8	52,0	24,0	15,6	0,3	0,9	3,2	4,0	71,9	68,3	1,6	2,0	4,1	100
5. Московская	323,3	55,7	19,4	12,0	—	0,4	2,8	4,2	79,7	70,9	2,4	6,4	0,9	100
6. Пензенская	205,0	25,3	30,4	19,6	1,3	0,3	3,7	5,5	68,6	58,0	1,4	9,2	1,0	100
7. Симбирская	157,0	21,5	23,7	15,8	0,8	2,6	1,9	2,6	70,7	62,0	1,6	7,1	5,6	100
8. Самарская	158,7	10,7	23,7	15,0	0,1	6,0	0,9	1,7	75,7	58,5	0,9	16,3	0,6	100
9. Пермская	314,4	31,1	33,1	16,6	0,3	0,5	0,8	14,9	65,9	61,9	0,7	3,3	1,0	100
10. Тюменьская	306,2	26,6	32,3	10,9	—	3,9	3,9	13,6	67,1	63,4	0,5	3,2	0,6	100
11. Алтайская	369,4	12,7	19,2	9,2	3,7	3,4	1,6	1,3	80,8	78,6	1,4	0,8	—	100
12. Полтавская	290,6	40,4	32,1	16,2	0,1	5,3	4,8	5,7	64,1	57,3	1,0	5,8	3,8	100
13. Екатеринославская	313,4	27,5	25,0	19,0	—	1,4	2,5	2,1	71,4	65,7	1,0	4,7	3,6	100
14. Кубано-Черноморская	626,7	24,0	26,5	20,4	—	3,2	2,4	0,5	72,6	67,4	1,1	4,1	0,9	100
Среднее	28,7	29,2	26,8	15,1	0,5	2,3	2,5	6,4	71,5	64,8	1,2	5,5	1,7	100

[1] Здесь и в дальнейшем оценка выведена в пудах ржи.

Состав валового дохода крестьянского хозяйства.

Губернии.	Валовой доход на 1 хозяйств.					В %/% к итогу.				
	Всего.	В том числе.								
		Сельское хозяйство.	Промыслы.	Лесное хозяйство.	Прочие.	Сельское хозяйство.	Промыслы.	Лесное хозяйство.	Прочие.	Итого.
1. Архангельская	820,5	586,2	127,2	97,8	9,3	71,5	15,5	11,9	1,1	100
2. Вологодская	354,4	297,9	34,9	21,6	—	84,1	9,8	6,1	—	100
3. Новгородская	375,9	324,4	35,0	11,8	4,7	86,3	9,3	3,1	1,3	100
4. Минская	947,9	876,5	68,7	2,3	0,4	92,5	7,2	0,2	0,1	100
5. Московская	793,2	728,5	59,4	4,8	0,5	91,8	7,5	0,6	0,1	100
6. Пензенская	619,4	569,0	41,7	8,7	—	91,9	6,7	1,4	—	100
7. Симбирская	358,8	280,0	77,2	1,4	0,2	78,0	21,5	0,4	0,1	100
8. Самарская	356,2	323,7	28,6	3,5	0,4	90,9	8,0	1,0	0,1	100
9. Пермская	763,4	667,6	34,2	58,7	2,9	87,4	4,5	7,7	0,4	100
10. Тюменьская	707,5	589,8	57,0	50,5	10,2	83,4	8,1	7,1	1,4	100
11. Алтайская	797,8	696,3	65,5	0,7	35,3	87,3	8,2	0,1	4,4	100
12. Полтавская	884,5	776,6	99,7	—	8,2	87,8	11,3	—	0,9	100
13. Екатеринославская	831,4	758,9	72,5	—	—	91,3	8,7	—	—	100
14. Кубано-Черноморская	1.927,3	1.876,0	40,0	—	11,3	97,3	2,1	—	0,6	100
Среднее по всем губерн.	752,7	667,9	60,1	18,7	6,0	87,2	9,2	2,8	0,8	100

и налогов, получается полный условно-чистый доход или та сумма ценностей, которая служит крестьянину фондом потребления и сбережений. Можно назвать эту сумму также оплатой годового труда крестьянской семьи (см. табл. на стр. 104).

Присоединение внеземледельческих доходов, с одной стороны, и уплата налогов, с другой, отчасти взаимно балансируясь, изменяют своим сальдо цифру условно-чистого дохода (= валовой доход—хозяйственные расходы) от сельского хозяйства. В трех из исследованных губерний это сальдо оказывается пассивным, т.-е. крестьянин отдает больше ценностей по налогам, чем ему удается получить их от посторонних сельскому хозяйству заработков.

В Пензенской губернии эта переплата мало уменьшает выведенную ранее цифру дохода, в Алтайской губернии полный условно-чистый доход оказывается на $^1/_6$ ниже сельско-хозяйственного, в Кубано-Черноморской области почти на целую $^1/_4$. В остальных губерниях налоги ниже внеземледельческих поступлений, и, таким образом, полный условно-чистый доход повышается по сравнению с сельско-хозяйственным. Особенно значительно такое повышение в северных промысловых губерниях. В Новгородской губернии оно равно $^1/_3$, в Пермской $^1/_5$ в Тюменьской $^1/_3$, в Архангельской даже $^4/_7$ прежнего дохода.

Можно не останавливаться на сопоставлении полной и сельско-хозяйственной оплаты одной рабочей силы семьи, которые находятся для каждой губернии, понятно в том же самом отношении, как и оба условно-чистых дохода всего хозяйства.

Две последних графы таблицы на стр. 104 дают, однако, нечто новое. В первой из них вычислена чистая доходность хозяйства по расчету на душу населения. Здесь перед нами окончательный показатель, в котором есть уже все элементы, влияющие на уровень благосостояния крестьянского хозяйства: и продуктивность сельского хозяйства, и роль промышленных доходов, и хозяйственные расходы и налоги, и численность хозяйствующей семьи.

Общий баланс крестьянского хозяйства.

Губернии.	На 1 хозяйство.		Условно чистый.		Налоги.				Оплата труда семьи.			Потреб. фонд.		
	Валовой доход.	Хозяйств. расход.	На 1 хозяйство.	На 1 рабочую силу.	На 1 хозяйство.	На 1 душу населения.	В %%: К валов. доходу.	В %%: К услов. чист.	На 1 хозяйство.	На 1 рабочую силу.	На 1 день затрач. труда.	На 1 члена семьи.	Оценка: В совзн. 1923 г.	Оценка: В довоен. руб.
1. Архангельская	820,5	228,9	591,6	134,5	17,6	2,4	2,1	2,9	574,0	130,5	0,64	78,6	943,2	66,0
2. Вологодская	354,4	142,0	212,4	78,7	22,3	4,3	6,3	10,5	190,1	70,4	0,37	36,6	391,6	27,4
3. Новгородская	375,9	156,0	219,9	75,8	30,7	5,1	8,2	14,0	189,2	65,2	0,31	31,5	441,0	30,9
4. Минская	947,9	426,8	521,1	140,8	47,6	7,0	5,0	9,1	473,5	128,0	0,68	69,7	578,5	39,5
5. Московская	793,2	323,3	409,9	123,6	33,5	4,6	4,2	7,1	436,4	114,8	0,85	60,6	715,1	50,1
6. Пензенская	619,4	205,0	414,4	121,9	62,4	9,0	10,1	15,1	352,0	103,5	0,65	51,0	357,0	25,0
7. Симбирская	358,8	157,0	201,8	56,1	24,8	3,6	16,9	12,2	177,0	49,2	0,36	26,0	182,0	12,7
8. Самарская	356,2	158,7	197,5	53,4	14,6	2,2	4,1	7,3	182,9	49,4	0,43	27,7	207,7	14,5
9. Пермская	763,4	314,4	449,0	121,4	28,1	3,9	3,6	6,2	420,9	59,3	0,63	59,3	539,6	37,8
10. Тюменьская	707,5	306,2	401,3	138,4	33,7	5,9	4,7	8,4	367,6	126,8	0,25	64,5	580,5	40,6
11. Алтайская	797,8	369,4	428,4	119,0	155,2	22,8	19,4	36,2	273,2	75,9	0,48	40,0	260,0	18,2
12. Полтавская	884,5	290,6	593,9	156,3	96,4	13,9	10,9	16,2	497,5	130,9	0,63	73,2	439,2	30,7
13. Екатеринославская	831,4	313,4	518,0	161,9	42,1	8,2	5,1	8,1	475,9	148,7	0,91	93,3	625,1	43,7
14. Кубано-Черномор.	1927,3	626,7	1300,6	255,0	288,6	31,7	14,9	22,2	1012,0	198,4	0,15	111,2	834,0	58,4
Среднее	752,7	287,0	465,7	124,0	64,1	8,9	7,5	12,5	401,6	103,6	0,52	5,88	506,8	35,4

Наиболее состоятельным оказывается население юга и юго-востока (Екатеринославская, Полтавская губ. и Кубано-Черноморская обл.). К ним присоединяются хозяйства крайнего севера, обильно снабженные кормами, обладающие неразрушенным скотским капиталом и почти не затронутые налоговым бременем. Среднее положение занимает полоса от Белоруссии до Приуралья включительно (Минская, Московская, Пензенская, Пермская, Тюменьская губ.). Беднее всего оказывается население северных губерний, к которым присоединяются пострадавшие от голода Симбирская, Самарская губ. и полуразрушенное хозяйство Алтайской губернии.

Перевод ржаного измерения доходности в денежное несколько изменяет эту картину. Благодаря тому что цена ржаной единицы понижается с севера на юг, различия в уровне благосостояния сильно сглаживаются. Теперь довольно резко возвышаются над общим уровнем только Архангельская губ. и Кубанская область, где потребительский фонд составляет 943 и 834 руб. в год на душу населения. В большинстве губерний все районные колебания в уровне благосостояния хозяйства укладываются между 400 и 700 руб. образца 1923 г. В трех губерниях, Симбирской, Самарской и Алтайской, уровень благосостояния опускается значительно ниже.

Средняя доходность на душу населения составляет по всем губ. 58,8 пуд. ржи в год. По местным ценам эта сумма равняется 506,8 руб. дензн. 1923 г. По ноябрьскому вольному курсу это 46 руб. зол., а с поправкой на падение покупательной силы золота — 35,4 зол. довоенных рублей. Таким образом, чистый доход от заработков одной средней души сельского населения составляет в настоящее время около трех довоенных рублей в месяц. Это весь потребительский фонд крестьянина, за счет которого должно оплачиваться и всякое дальнейшее увеличение налогов. Следует еще раз напомнить, что эта цифра скорее преувеличена, чем преуменьшена. Исследованные бюджеты относятся к хозяй-

ствам, значительно возвышающимся над средним уровнем, а покупательная сила ржаной единицы не упала еще осенью 1922 года до того уровня, на каком она оказалась в последние месяцы.

Представляет большой интерес сопоставить современный доход крестьянина с довоенным. Такие сопоставления, как упоминалось, должны делаться с большой осторожностью, и по причине условности перевода одной ценностной единицы в другую и по причине разнотипичности и разновидности исследованных хозяйств. Если, тем не менее, решиться на такое сравнение, то получится следующий результат: средняя оплата годовой рабочей силы семьи по довоенным, наиболее поздним, бюджетным исследованиям составляла для 8 губерний 102 руб. 60 коп. в год. Аналогичная цифра по нашим бюджетам равна 922 руб. образца 1923 г., или 83 золот. руб., или 62,2 довоенных золот. рубля.

Падение дохода на одну рабочую силу составляет, таким образом, около 40% по сравнению с довоенной нормой...

До сих пор мы рассматривали крестьянский бюджет в его общем виде, без разделения на денежные и натуральные части. Крестьянское хозяйство стояло перед нами как бы изолированно от внешнего мира. Нас интересовал оборот ценностей внутри самого хозяйства, а не его внешние экономические связи.

Между тем, эти последние имеют огромное значение. Судьбы крестьянского хозяйства связаны с судьбами всего народного хозяйства самым тесным образом. Крестьянское хозяйство участвует в народно-хозяйственном обороте ценностей несколькими различными путями. Оно является прежде всего главным массовым потребителем продуктов промышленности, и вопрос о емкости внутреннего рынка для изделий последней не может быть освещен без определения покупательной силы крестьянского населения. С другой стороны, на почве районной специализации, крестьянское хозяйство принимает живейшее участие и в образовании внутреннего рынка на продукты сельско-хозяйственного происхождения.

Наконец, крестьянское хозяйство является главным плательщиком прямых и косвенных налогов, за счет которых строится государственный бюджет, оплачивается пассивное сальдо внешней торговли, погашаются убытки крупной промышленности и укрепляется почва для оздоровления денежной системы.

Платежно-меновые связи крестьянского хозяйства служат, таким образом, тем звеном, которое соединяет в одно гармоническое или дисгармоническое целое государственное хозяйство, крупную промышленность и сельско-хозяйственное производство. Изучение этих связей является необходимой предпосылкой построения системы рациональной экономической политики.

В нижеприводимой таблице даются абсолютные суммы валовых добровольных отчуждений крестьянского хозяйства, а также—процентное распределение их между отдельными продуктами (см. табл. на 108 стр.).

Общий вывод о нормальности или ненормальности существующего состава рыночных отчуждений можно получить при сравнении его с пропорциями довоенного времени. Это и сделано ниже по отношению к 8 почти одноименным губерниям потребляющей и производящей полосы, при чем для полноты картины присоединен и 1921—22 г. (см. стр. 109).

Что покупает современный крестьянин, и на какие потребности тратит он по преимуществу свои фонды? Ответ на этот вопрос дает следующая таблица, где губернии расположены в порядке возрастающей общей суммы расходов, а последняя распределена в процентном отношении между важнейшими категориями потребностей (см. стр. 110).

Представляют интерес некоторые динамические сопоставления относительно строения крестьянского спроса на продукты промышленности. Они выполнены в табл. на стр. 111.

Размер и состав валового рыночного отчуждения.

ГУБЕРНИИ.	Всего отчуждено на сумму пудов ржи.		В %% к сумме отчуждений.																		
			Полеводство.									Животноводство.						Пр. отрасли.			Всего.
	На 1 хозяйство.	На 1 дес. с.-х. пл.	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.	Греча. Просо.	Картофель.	Масляничные.	Прочие.	Всего.	Мол. пр.	Мясо.	Яйца.	Скот.	Прочие.	Всего.	Сено.	Овощи, фр., мед.	Всего.	
1. Алтайск.	58,8	2,0	—	10,5	—	—	2,7	—	1,9	1,0	16,1	31,5	0,9	0,3	29,6	0,3	62,6	8,2	13,1	21,3	
2. Арханг.	13,2	2,5	0,7	—	—	6,8	—	5,3	2,3	6,1	21,2	15,1	15,9	—	27,3	6,1	64,4	14,4	—	14,4	
3. Пермск.	27,2	2,7	21,3	18,8	13,2	—	—	—	2,9	3,7	59,9	1,1	2,9	1,1	18,4	0,4	23,9	3,0	13,2	16,2	
4. Самарск.	54,9	3,7	12,0	31,3	—	—	—	14,4	—	7,7	65,4	1,3	—	0,5	7,3	0,9	10,0	13,1	11,5	24,6	
5. Симбирск.	34,2	4,7	38,6	—	3,2	—	5,0	3,8	—	6,1	56,7	3,8	—	—	17,6	2,6	24,0	10,2	9,1	19,3	
6. Новгор.	52,4	5,5	18,5	—	0,4	—	—	1,1	—	0,6	20,6	20,4	6,5	0,2	47,9	1,0	76,0	—	3,4	3,4	
7. Тюменьск.	82,4	7,2	16,5	17,6	5,7	—	—	0,6	—	1,7	12,1	1,3	0,6	0,4	19,7	—	22,0	8,8	27,1	35,9	
8. Кубанск.	193,4	7,4	—	52,3	—	5,1	—	—	1,2	8,6	67,2	5,7	2,0	0,6	15,0	0,4	23,7	6,8	2,3	9,1	
9. Вологодск.	75,7	11,6	29,9	—	4,0	—	—	0,8	5,1	2,2	42,0	39,0	1,7	0,9	8,6	0,7	50,9	2,6	4,5	7,1	100
10. Московск.	69,5	12,0	8,9	—	2,6	—	—	2,0	11,1	2,0	26,6	1,4	27,8	1,0	41,9	0,7	72,8	—	0,6	0,6	
								Кукуруза.													
11. Екатериносл.	146,2	12,8	16,6	15,2	0,3	11,2	3,0	2,3	5,0	1,2	54,8	7,3	—	0,1	35,6	1,4	44,4	—	0,8	0,8	
12. Минск.	143,5	17,5	53,2	2,0	—	11,7	—	4,9	—	0,6	62,4	4,7	4,3	2,3	16,9	0,9	29,1	0,1	8,4	8,5	
13. Пензенск.	160,6	19,8	54,8	—	4,2	—	2,2	2,9	—	1,2	65,3	1,0	0,5	0,6	30,6	0,5	33,2	1,3	0,2	1,5	
14. Полтавск.	234,0	32,5	35,7	16,0	1,7	1,9	4,3	1,8	1,2	17,1	79,7	3,0	2,8	0,9	10,3	—	17,0	0,6	2,7	3,3	
Среднее	96,1	10,1	21,9	11,7	2,5	1,9	1,2	2,9	2,2	4,3	48,6	9,9	4,7	0,6	23,3	1,1	39,6	4,9	6,9	11,8	

Состав рыночных отчуждений прежде и теперь.

В относительных числах.

Группы продуктов.	Потребляющ. район. В %% к итогу. До войны.	1921-1922 г.	1922-1923 г.	Производящ. район. В %% к итогу. До войны.	1921-1922 г.	1922-1923 г.
Полеводство всего . . .	59,3	39,2	37,8	62,6	39,3	66,9
В том числе продовольств. хлебов	1,1	21,8	29,5	28,7	18,0	59,1
В том числе кормовых хлебов	6,5	3,9	2,1	14,6	8,2	3,8
В том числе картофель .	0,7	7,5	2,2	3,1	9,0	4,0
В том числе масличные .	50,1	5,6	4,0	7,2	2,7	—
Усадьба всего	1,0	10,4	4,2	3,3	12,7	5,2
Луговодство	3,0	0,8	0,7	1,3	0,6	4,2
Скотоводство всего . . .	36,2	48,5	56,2	30,9	46,3	23,2
В том числе мясо	0,2	2,6	10,2	0,8	2,0	0,2
В том числе молочных продуктов	18,8	15,7	16,4	0,8	6,2	2,6
В том числе кожи, овчина, шерсть	0,8	1,5	0,8	1,5	0,6	1,3
В том числе скот	16,4	28,7	28,8	27,8	37,5	19,1
Птицеводство	0,5	1,1	1,1	1,9	1,1	0,5
Итого . . .	100	100	100	100	100	100

Состав спроса на продукты промышленности в относительных числах.

Губернии.	С.-х. инвентарь.	Строител. матер иал.	Хозяйств. материал.	Итого хозяйствен. потреблен.	Пищевые продукты.	Одежда и мануфактура.	Обувь.	Освещение.	Табак.	Мыло.	Мебель и посуда.	Прочие.	Итого личн. потреблен.	Всего.
1. Архангельская	1,7	2,1	9,4	13,2	17,5	17,1	11,2	3,0	3,8	1,7	1,7	30,8	86,8	100
2. Самарская	5,7	0,8	2,0	8,5	37,6	6,5	2,4	15,8	10,1	4,5	—	14,6	91,5	100
3. Новгородская	2,5	11,4	5,2	19,1	25,8	18,2	12,7	13,6	0,8	5,5	1,3	3,0	80,9	100
4. Пермская	5,8	0,6	8,1	14,5	22,5	25,2	8,4	9,8	1,7	10,1	0,9	6,9	85,5	100
5. Алтайская	5,3	2,5	9,1	16,9	16,4	34,8	11,1	7,1	—	1,8	2,3	9,6	83,1	100
6. Пензенская	11,8	8,9	5,9	26,6	19,2	10,1	7,6	10,4	1,1	7,4	1.1	16,5	73,4	100
7. Симбирская	3,3	30,3	3,2	36,8	15,0	21,6	6,7	5,9	2,2	6,1	1,5	4,2	63,2	100
8. Московская	0,2	2,8	12,9	15,9	13,1	31,7	18,8	4,0	2,3	10,4	1,2	2,6	84,1	100
9. Вологодская	8,6	5,5	1,7	15,8	26,5	25,2	8,6	5,9	6,1	3,8	2,9	5,2	84,2	100
10. Минская	6,6	2,3	4,6	13,5	10,8	26,3	19,6	6,5	1,8	5,4	1,8	14,3	86,5	100
11. Тюменская	11,9	0,8	2,2	14,9	14,0	21,1	6,8	3,3	1,2	4,7	1,3	32,7	85,1	100
12. Кубано-Черноморская	7,3	12,9	5,1	25,3	4,1	16,2	35,0	5,3	3,1	5,6	0,2	5,2	74,7	100
13. Екатериносл.	17,4	4,8	14,1	36,3	6,7	23,6	18,8	7,7	0,3	1,5	2,1	3,0	63,7	100
14. Полтавская	5,9	1,6	9,2	16,7	28,6	20,6	9,8	7,8	2,4	2,8	3,7	7,6	83,3	100
Среднее	6,7	6,3	6,6	19,6	18,4	21,3	12,7	7,6	2,6	5,1	1,6	11,1	80,4	100

Изменение спроса на продукты промышленности в относительных числах.

ГРУППЫ ПРОДУКТОВ.	До войны.	1920—21 гг.	1921—22 гг.	1922—23 гг.
I. Хозяйственное потребление .	16,6	38,1	20,8	23,1
В том числе:				
1. Строительный материал .	7,0	24,6	9,0	7,2
2. Сельско-хозяйственный инвентарь	8,7	9,7	8,3	8,3
3. Хозяйственный материал .	0,9	3,8	3,5	7,6
II. Личное потребление	83,4	61,9	79,2	76,9
В том числе:				
1. Продовольствен. продукты.	19,0	15,5	27,1	15,3
2. Одежда, обувь, мануфактура, галант.	43,8	21,7	29,6	41,1
3. Наркотики	11,9	7,9	2,9	3,5
4. Мебель и предм. комфорта	3,9	6,2	2,9	1,8
5. Осветительные материалы.	2,8	6,5	9,8	7,1
6. Мыло	1,8	3,5	6,3	5,3
7. Прочие	0,2	0,6	0,6	2,8
Всего . . .	100	100	100	100

(Проф. Л. Н. Литошенко—„Крестьянский бюджет в 1922—23 году", изд. Центр. Стат. Управл., 1923 г.).

Питание.

Питание сельского населения может быть с известной натяжкой названо фокусом, в котором отражается общее положение сельского хозяйства в стране и все происходящие в нем изменения. Поэтому изучение вопроса о питании сельского населения имеет сугубо-важное значение. Оно дает возможность определить размеры потребления пищевых продуктов населения вообще, установить отличие современного питания от нормального физиологического и обычного довоенного и степень его ухудшения или улучшения и, таким образом, определить общее благосостояние сельского населения в стране...

Нормы потребления основных питательных веществ по бюджет

Губернии.	Белки. Растительн. происхожд. До войны.	1923 г.	Животного происхожд. До войны.	1923 г.	Всего. До войны.	1923 г.	Единиц энергии (калорий). До войны.	1923 г.
Архангельская .	—	1,5	—	1,71	—	3,21	—	215.577,18
Вологодская . .	1,14	1,06	0,72	0,85	1,86	1,91	127.100,31	128.271,78
Новгородская . .	1,48	1,20	0,72	0,88	2,20	2,08	150.333,70	147.688,64
Московская . .	0,96	1,20	0,84	0,80	1,80	2,00	123.000,30	134.316,0
Пензенская . .	1,23	1,32	0,61	0,61	1,84	1,93	125.733,64	129.614,94
Самарская . . .	—	0,94	—	0,38	—	1,32	—	68.648,56
Симбирская . .	1,68	1,07	0,10	0,73	1,78	1,80	121.633,63	120.882,40
Пермская . . .	—	1,14	—	1,10	—	2,24	—	150.433,92
Минская	—	1,23	—	0,64	—	1,87	—	125.585,46
Полтавская . .	1,24	1,35	0,73	0,70	1,97	2,05	134.617,00	137.663,90
Екатеринославск.	—	0,96	—	1,44	—	2,40	—	152.179,20
Кубано-Черномор.	—	1,06	—	0,76	—	1,82	—	122.227,56
Крым	—	1,83	—	0,12	—	0,95	—	63.790,10

Губернии.	Углеводы. Растительн. происхожд. До войны.	1923 г.	Животного происхожд. До войны.	1923 г.	Всего. До войны	1923 г.	Единиц энергии (калорий). До войны.	1923 г.
Архангельская .	—	13,11	—	0,58	—	13,09	—	919.393,02
Вологодская . .	9,14	8,31	0,27	0,40	9,41	9,01	643.018,24	605.093,58
Новгородская .	11,84	10,10	0,29	0,36	12,13	10,46	828.385,36	701.472,68
Московская . .	8,58	10,87	0,35	0,33	8,93	11,00	610.218,16	733.738,00
Пензенская . .	10,25	14,45	0,20	0,22	10.45	14,67	714.085,08	985.007,86
Самарская . . .	—	7,80	—	0,17	—	7,97	—	535.372,26
Симбирская . .	13,52	9,3	—	0,34	13,52	9,64	923.868,92	648.633,12
Пермская . . .	—	9,33	—	0,48	—	9,81	—	670.049,98
Минская . .	—	10,13	—	0,25	—	10,38	—	697.100,04
Полтавская . . .	10,38	11,29	0,18	0,14	10,56	11,43	721.601,76	767.516,94
Екатеринославск.	—	7,26	—	0,65	—	7,91	—	532.219,78
Кубано-Черномор.	—	8,34	—	0,29	—	8,63	—	579.591,5
Крым	—	6,68	—	0,02	—	6,70	—	449.958,60

(Из статьи Н. Гонтаревой—„Питание сельского населения во время

[1] Считаю необходимым к таблице Н. Гонтаревой, чтобы сде-
Говоря о питании, надо рассматривать этот вопрос с точки

ным данным на одну среднюю душу обоего пола в год [1]

Жиры							
Растительн. происхожд.		Животного происхожд.		Всего.		Единиц энергии (калорий).	
До войны.	1923 г.	До войны.	1923 г.	До войны.	1923 г.	До войны.	1923 г.
—	0,33	—	2,01	—	2,34	—	356.461,56
0,30	0,25	0,79	0,88	0,02	1,13	158.100,31	172.137,42
0,43	0,30	0,75	0,89	1,18	1,19	182.900,35	181.277,46
0,42	0,37	0,95	0,80	1,37	1,17	212.350,41	178.050,78
0,39	0,31	0,61	0,59	1,00	0,90	155.000,30	137.100,60
—	0,22	—	0,35	—	0,64	—	97.493,76
0,44	0,24	0,06	0,68	0,50	0,93	47.500,15	140.147,23
—	0,26	—	0,97	—	1,23	—	187.328,82
—	0,27	—	0,87	—	1,14	—	173.660,76
0,36	0,74	0,66	0,72	0,02	1,16	158.100,31	176.707,24
—	0,47	—	1,39	—	1,86	—	233.341,24
—	0,52	—	1,81	—	1,33	—	202.604,22
—	0,19	—	0,18	—	0,37	—	56.363,58

Единицы энергии.				Единиц энерг. на едока [2]).	
В один год.		В один день.		В один день.	
До войны.	1923 г.	До войны.	1923 г.	До войны.	1923 г.
—	1 491.431,76	—	3.921,73	—	5.490,42
928.218,86	905.502,78	2.543,06	2.754,80	3.998,64	3.856,72
1.162.119,41	1.030.438,78	3.183,89	2.823,12	5.095,12	3.552,37
945.568,87	1.051.104,78	2.590,60	2.879,74	4.145,53	4.031,64
994.818,72	1.251.723,40	9.725,53	3.429,37	4.151,20	4.801,12
—	721.514,58	—	1.976,75	—	2.767,45
1.123.002,69	1.909.662,80	3.076,72	2.492,21	4.543,80	3.489,09
—	1.007.812,72	—	2.733,73	—	3.827,22
—	96.346,26	—	2.729,71	—	3.821,59
1.014.319,07	1.081.888,08	2.779,00	2.964,07	4.063,00	4.149,70
—	967.740,22	—	2.651,34	—	3.711,88
—	904.423,29	—	2.477,87	—	3.469,02
—	570.112,28	—	1.561,95	—	2.186,73

революции", см. журнал „Социалистич. хозяйство", кн. I, 1924 г.).

лать ее совершенно ясной, сделать нижеследующее примечание: зрения сохранения сил и энергии населения, т.-е. с точки зрения нор-

В 1923 году население было обеспечено продовольственными ресурсами, а потому оно в 1924 с.-х. году питалось удовлетворительно; вместе с тем необходимо отметить, что население из года в год повышает свои нормы потребления, как видно из следующих цифр (потребление в калориях взрослого едока):

Дата обследования.	Потребляющий район.	Производящий, не пострадавший от голода.	Район голодный.	Итого.
Февраль 1920 г.	3.365	3.856	—	3.594
„ 1921 г.	3.280	3.658	2.478	3.285
„ 1922 г.	3.571	3.107	1.958	2.811
„ 1923 г.	3.798	3.746	—	3.762

Наука принимает 2.500 — 3.000 калорий за норму, обеспечивающую легкую работу, 3.000 — 3.500 калорий

мального питания. Нормальное же питание—это „такой подбор пищи, при котором все расходы тела, как бы они ни были своеобразны и оригинальны, правильно пополняются, и организм поэтому находится в полном материальном и энергетическом равновесии".

Основные питательные начала, заключенные в разного рода пище, как животного, так и растительного происхождения, это—белки, жиры и углеводы. Вещества эти, „кроме доставления свободной энергии, имеют для человеческого организма и органическое, конструктивное значение—они могут заменять друг друга в очень узких пределах; благодаря этому пищевое потребление человека должно содержать все три упомянутых продукта в известном, более или менее постоянном, соотношении между собой". Энергия же, которая освобождается при распаде питательных веществ в нашем организме, может быть точно измерена и измеряется при помощи особой единицы—калории, которой соответствует определенное количество механической работы. Таким образом, по количеству и роду потребляемой известным организмом пищи мы можем определить количество соответствующих этой пище калорий и их механических эквивалентов. И, наоборот, по этим последним величинам можно судить о количестве затраченного на них пищевого материала. Приведенные положения служат ученым базой для построения пищевых норм, для выяс-

обеспечивают среднюю работу, 3.500—4.000 калорий обеспечовают тяжелую работу и свыше 4.000—обеспечивают очень тяжелую работу.

Если по этим группам разбить погубернские нормы потребления, то следующим образом характеризуется питание сельского населения в 1922 и 1923 г.г.:

	Число губерний			
	Потребляющ. пол.		Производящ. пол.	
	1922 г.	1923 г.	1922 г.	1923 г.
С недостаточным питанием и с питанием, поддерживающим минимум жизненных процессов	—	—	30	—
Обеспечивающее легкую работу	—	—	7	—
Обеспечивающее среднюю работу	9	1	9	13
Обеспечивающее тяжелую работу	14	18	5	28
Обеспечивающее очень тяжелую работу	1	3	1	13
Итого	24	22	52	54

нения соотношений питательных начал и для общего учета освобождающейся при распаде питательных веществ энергии.

Годовое потребление белков, жиров и углеводов вычислено Н. Гонтаревой в пудах. Наукою же установлено, что физиологически для одного человека, в среднем, в год необходимо: 2,49 пудов белка, жиров—1,41 пуд и углеводов—10,14 пуд.

Но что такое калория?

Калория—единица измерения теплоты; она выражает то количество теплоты, которое требуется для повышения температуры одного килограмма воды на 1 градус Цельсия. Одной калории соответствует такое количество механической работы, которое необходимо для поднятия того же килограмма воды на высоту 425 метров. Обе эти нормальные величины образуют собою одну общую величину в 425 килограммометров. Эта-то величина и называется в науке „механическим эквивалентом теплоты".

[2] Здесь имеется в виду уже не „средняя душа обоего пола", а взрослый мужчина.

Таким образом, сельское население в 1923 году в общем было обеспечено продовольствием и могло развивать энергию по восстановлению своего хозяйства. Ожидаемый средний урожай в текущем году еще более поставит работу населения в нормальные условия. Можно сделать тот вывод,— что эпоха разрухи, когда население страдало от недостатка продовольствия—позади и что для восстановления хозяйства, поскольку это зависит от продовольственных ресурсов, имеются все предпосылки.

(П. И. Попов—„Сельское хозяйство Союза Республик", 1924 г.).

Омское губернское статистическое бюро уже второй год изучает питание сельского населения. Обследование ведется путем опроса крестьянских хозяйств—преимущественно бедняцких и средняцких—сельско-хозяйственными корреспондентами статбюро.

В нынешнем году [1] обследовано в разных районах губернии 245 хозяйств. Полученные данные суммированы и итоги сравнены с прошлогодними. В результате получены следующие цифры: в среднем 1 чел. в день потреблял разных продуктов в 1923 г. 3 ф. 90 зол., в 1924 г.—4 ф. 35 зол. Наиболее значительно увеличилось потребление мяса и рыбы—с 15 до 28 зол., а также молока и молочных продуктов—с 49 до 70 зол.

Небезынтересно отметить, что потребление ржаного хлеба повысилось почти вдвое (с 41 до 70 зол.) за счет уменьшения пшеничного хлеба с 1 ф. 15 зол. до 84 зол. Это об'ясняется тем, что ряд последних засушливых лет показал крестьянству большую устойчивость озимой ржи в сравнение с пшеницей, и оно стало увеличивать посевы ржи за счет пшеницы.

Потребление крестьянством молока и молочных продуктов увеличилось вследствие быстрого количественного

---

[1] В 1924 г.

роста и продуктивности молочного скота. Характерно при этом, что, несмотря на лихорадочное развитие маслоделия, крестьяне определенную часть молока и молочных продуктов оставляют себе, очевидно не нуждаясь в сбыте своей продукции.

С удовлетворением отмечая улучшение питания деревни, омское губстатбюро предполагает продолжать свои наблюдения и дальше. Произведенные опыты показали, что крестьянство охотно идет навстречу таким экономическим обследованиям и, очевидно, начинает понимать их важную роль в строительстве народного хозяйства.

(„Известия ЦИК-а СССР и РСФСР“ от 24/VII 1924 г.).

Попытаемся выяснить,—конечно, очень и очень приблизительно,—насколько питание населения волости [1] соответствует теоретическим нормам питания вообще, и фактическим нормам питания сельского населения России, в частности. Из всего революционного цикла мы возьмем только один год—1920, год высокой урожайности хлебов.

Для нашей цели нам необходимо знать состав населения волости по числу, полу и возрасту—это мы знаем; еще надо знать количество потребленных населением волости продуктов—этого мы в точности знать не можем, так как записей по учету израсходованных на продовольствование продуктов не велось. Но мы можем высчитать количество питательных продуктов, полученных населением волости от своего хозяйства в течение 1920 г. Предположим, что все эти продукты, за вычетом семян и того, что отчуждено в пользу государства, были всецело употреблены населением на свое продовольствование. Производя некоторые расчеты, мы получим среднюю норму питания по

[1] Речь идет о Горицкой волости, Кимрского уезда, Тверской губ. В своей книге я иллюстрирую эту главу, часть которой здесь приводится, рядом довольно сложных цифровых таблиц; в данной хрестоматии таблицы эти, ради упрощения вопроса, не приводятся.

волости. Но эта норма, само собою разумеется, будет теоретическим максимумом. Поведем наши поиски в несколько ином направлении. Укажем, что хотя алкоголизм не выкачивает в настоящее время ни одного рубля из крестьянского бюджета [1]), что хотя отсутствие свободной торговли [2] до чрезвычайности сузило местный рынок, вталкивая потребление продуктов сельского хозяйства (в том числе и пищевых продуктов) в пределы каждого данного хозяйства, и что хотя чрезвычайно быстрое падение ценности денег и громоздкость акта товарообмена безусловно, на ряду с другими причинами, и способствовали развитию натуральных форм хозяйства, стремящегося к самоудовлетворению своего собственного спроса,—но, несмотря на все изложенное, современное крестьянское хозяйство ощущает существенную потребность в разнообразных продуктах и предметах, производство которых лежит вне крестьянского хозяйства. А так как отхожие промыслы, игравшие в мирное время немаловажную роль в бюджете деревни, пали, то неотложные потребности каждому домохозяину приходится удовлетворять, ликвидируя известную часть своего натурального дохода, затрачивая и доход, реализирующийся в форме пищевых продуктов. В главе о среднем хозяйстве волости был дан бюджет такого хозяйства. Из этого бюджета видно, что именно и в каком количестве ликвидирует среднее хозяйство, чтобы получить извне все для себя необходимое. Так как описываемая волость является волостью с подавляющим числом средних хозяйств (на это указано в своем месте), то предположим, что каждое хозяйство для удовлетворения своих неотложных нужд продаст или обменяет

[1] До войны средняя крест. семья в России, тратя ежегодно 101 р. 20 к. на покупку товаров, обложенных акцизом, 77 р. 7 к. тратила на покупку водки, чая и сахара, при чем на водку шла большая часть последней суммы (см. ст. М. И. Боголепова—„Государственное хозяйство“, „История России в XIX в.“, изд. бр. Гранат, том VIII, стр. 37).

[2] Следует помнить, что речь идет о 1920 г., когда нэп еще не родился.

одно и то же количество одних и тех же пищевых продуктов. Мы знаем, что число тех или иных различных комбинаций с запасами продовольствия равняется, повидимому, числу хозяйств в волости. Но в общей массе разнообразных хозяйственных вариаций индивидуальные черты отдельных комбинаций сгладятся и наше предположение оправдается с некоторыми ограничениями, то-есть по всей волости картофеля, может быть, будет продано несколько меньше или больше того количества, которое мы получим для волости на основании данных по среднему хозяйству, но зато поступит в продажу ячмень и т. д. Одним словом, нащупывая приблизительную среднюю норму питания населения волости, мы можем примириться с неточностью нашего метода.

Итак, выкинув из валового дохода семена, все отчужденное в пользу государства и все проданное и произведя известный расчет, мы получим минимальную норму питания по волости, которая тоже является нормой теоретической. Но действительная средняя норма, как нам кажется, будет лежать в пределах между теоретическим максимумом и минимумом и, несомненно, ближе к последнему.

Таким образом, мы получим представление о питании крестьян Горицкой волости и сможем сопоставить его с теоретическими и фактическими нормами, являющимися следствием определенных исследований.

Вся работа по изложенному плану проделана в наших таблицах. Оказывается, что средней максимальной суточной нормой для одного человека будет (в граммах):

1.903 гр. пищи, при чем: белков—74, жиров—33, углеводов—473, или в переводе на калории—2.553.

Средняя же минимальная суточная норма для одного человека будет (тоже в граммах):

1.692 гр. пищи, при чем: белков—61, жиров—22, углеводов—436, или в переводе на калории—2.245.

Спрашивается: хорошо или плохо питается „средний“ человек Горицкой волости? Наш „средний“ человек пи-

тается не хуже, чем питался такой же „средний" всероссийский человек: последний, по исследованиям Марреса, имел калорийную обеспеченность в 2.308 кал. при 105 гр. белка, 41 жиров и 364 углеводов. У нас, правда, углеводов значительно больше, но в пище сельского населения, употребляющего, главным образом, растительную пищу, где углеводы преобладают в значительной степени, углеводов вообще много—это обстоятельство не раз отмечалось исследователями. Наша средняя норма сравнительно недалека и от средней теоретической нормы, где белков—95 гр., жиров—54, углевод.—233, а всего калорий—2.413. Но она отстает от нормы питания крестьянства в период 1896—1915 г.г. (3.154 калории), от питания крестьян в 1916 г. в Тульской губ. (3.152 калории), мы уже не говорим о среднем крестьянском пайке какого-нибудь датского крестьянина (4.375 кал.).

Вывод, который можно сделать, заключая настоящую главу, сформулируется так: в 1920 году, в год высокой урожайности хлебов, питание „среднего" крестьянина, в отношении его калорийной обеспеченности, было ниже ряда норм, известных по исследованиям для мирного времени.

(А. М. Большаков—„Советская деревня за 1917—1924 г.г.").

Экономические группы в крестьянстве.

Денежно-товарные отношения, с момента введения новой экономической политики, выдвинули для крестьянского хозяйства необходимость увеличения продуктов сельского хозяйства для продажи, т.-е. выдвинули необходимость увеличения в первую голову зернового производства, а в дальнейшем—и увеличение скотоводства.

Расширение скотоводства требовало некоторого времени для выращивания молодняка и потому в первые годы вве-

дения новой экономической политики в большинстве районов мы еще не находим прибыли рабочего и крупного рогатого скота.

Только в районах обилия естественных лугов — северном и Приозерном — имелся уже в 1922 году некоторый прирост продуктивного и мелкого (но не рабочего) скота.

Рабочий скот требует более длинного периода для выращивания. Только в 1924 году можно ожидать в местностях, не пострадавших от неурожая 1921 года, прироста и рабочего скота.

Таким образом, в первые годы нэп'а крестьянство могло расширить свое хозяйство только по линии зернового производства, увеличивая площадь посева, выращивая мелкий скот, налаживая второстепенные отрасли сельского хозяйства—птицеводство и пчеловодство.

Что касается мертвого инвентаря, то количество его индивидуальному хозяйству трудно восстановить сразу, особенно уборочные машины или сеялки. Такого рода инвентарь по плечу только богатым крестьянам или организациям маломощных. Маломощным следует об'единяться в товарищества по закупке крупного инвентаря или по аренде его в госскладах, ибо товарищество или кооператив всегда дешевле и скорее, чем отдельное лицо, получит возможность использования в земледелии улучшенного сельско-хозяйственного инвентаря.

Средства производства по обработке и уборке, даже двигатели (паровые, электрические), наиболее доступны *об'единениям крестьян*, их кооперации в обработке и уборке полей.

Только при этих условиях можно избежать того положения, в какое неизбежно встает маломощный к богатому крестьянину, у которого есть молотилка и жнейка; маломощный, обмолачивая и убирая свои поля машинами богатого, должен уплачивать ему продуктом или работой высокую

плату. Такое положение неизбежно, пока маломощные не организуются и не арендуют сами непосредственно в госскладе нужные им орудия и машины. А пока что владельцы молотилок и жнеек в деревне получают крупные барыши от эксплуатации своих машин и богатеют еще больше. Их хозяйства, скот и другие средства производства увеличиваются из года в год, заводятся в их хозяйствах новые улучшения. Часто накопленный капитал не ограничивается расширением земледельческого производства, а вкладывается в торговлю и промышленные заведения. Это, в свою очередь, расширяет почву для эксплуатации маломощного крестьянства, которое уже платит богатому не только за пользование его машинами и рабочим скотом, но делается его клиентом или, скорее всего, должником по забору товара в лавочке богатого.

Такое положение вещей порождает неравенство крестьянства. В каждый данный момент мы находим в деревне разные по засеву площади. Вот как группировались хозяйства союзных республик в 1920 году:

Группы	1920 г.
Беспосевных	7,5
Маломощных	64,4
Средних	18,0
Зажиточных и богатых	10,1
Итого	100

После 1920 года, имел место голод (1921), который совершенно изменил группировку крестьянских хозяйств; последствия голода на хозяйстве производящих районов сказались со всей ужасающей силой в 1922 году; в 1923 году положение этих районов улучшилось, но все же оно далеко от положения 1920 г. Так как благополучными по урожаю являлись только губернии потребляющего района, то только здесь и заметно изменение группового состава в сторону увеличения зажиточного крестьянства в период нэп'а.

ГРУППА.	% хозяйств потребляющих губерн. 1920 г.	1923 г.[1]
Беспосевных	7,0	2,0
Маломощных	68,7	67,3
Средних	21,0	24,7
Зажиточных	3,3	6,0
Итого	100	100

Таким образом в губерниях, пострадавших от голода 1921 года, новая экономическая политика, сказавшись на расширении посевов, изменила группировку в сторону увеличения слоев среднего и зажиточного крестьянства и уменьшения групп беспосевных и маломощных. По числу голов рабочего скота хозяйства группируются по сравнению с 1920 г. так (48 губ. РСФСР):

ГОДЫ:	% крестьянских хозяйств. Без раб. скота.	С 1 гол. раб. скота.	С 2 гол. раб. скота.	С 3 гол. раб. скота.	С 4 гол. и более.
1920	26,6	51,0	13,6	4,3	4,5
1922	37,1	50,0	6,9	1,9	1,1
1923	30,6	54,6	11,0	2,4	1,4

В 1923 году замечается лишь незначительное увеличение групп лошадных хозяйств по сравнению с 1922 г. (влияние голода); но процент хозяйств безлошадных, равнявшийся в 1922 году 37,1 проц., упал в 1923 году до 30,6 проц. Положение со скотом, хотя и слабо, но улучшается.

[1]) Так как группировка для 1923 года взята по данным текущей сел.-хоз. статистики, которая при механическом способе отбора всегда несколько преуменьшает группу беспосевных и преувеличивает группу зажиточных, то в действительности % беспосевных должен быть больше 2, а % зажиточных—меньше. Но общая тенденция уловлена совершенно верно: группа беспосевных стала меньше, а группа средних и зажиточных—больше.

Таким образом, состав крестьянства в каждый данный момент не однороден—он делится на группы, экономическая мощь которых различна. Каждая из групп в различной степени и в различном направлении использует условия нэп'а, поэтому и характер будущего развития групп не одинаков. Одни усиливаются экономически, другие падают. И так как крестьянские хозяйства разобщены, каждое живет и работает отдельно на свой страх и риск, то, конечно, слабые экономические хозяйства, при отсутствии особо благоприятных для них условий, не могут подняться сразу на должную производственную высоту; они не могут занять положения, когда при средней затрате сил и средств они получали бы достаточное количество продуктов и для потребления в собственном хозяйстве (на личные и производственные потребности) и для обмена через рынок на продукты промышленности, нужные в хозяйстве.

Экономическое положение разных групп в настоящее время рисуется следующими чертами:

ГРУППЫ:	% хоз. нанимающ. рабочих.	% хоз. с промыслами.	На хозяйство приход. рабоч. лошадей.	На хоз. приход. коров.	Десят. посева на 1 душу.
Маломощные	1,1	20,0	0,7	1,0	0,25
Средние	1,4	9,6	1,5	1,4	0,70
Зажиточные	5,0	7,9	3,2	2,4	1,47
Богатые	13,6	7,7	4,5	3,1	3,00

Богатое крестьянство имеет посев на 1 душу 3 дес.; следовательно может отчуждать по меньшей мере две трети всех продуктов полеводства, тогда как маломощный должен покупать хлеб, чтобы прокормить семью и скот. Поэтому-то мы и видим, что одна пятая маломощных хозяйств занимается внеземледельческими промыслами. Маломощное крестьянство до войны почти все занималось промыслами (от 80

до 99 проц. хозяйств маломощных); в настоящее же время городская промышленность наша не может занять всех, желающих работать, и потому промысловые заработки крестьянского населения сильно сократились. Кустарные промыслы, те, которые имели раньше связь с фабрикой (напр., самоварных частей, гармоник, замков и др. металлических изделий—в Тульском кустарном районе) также упали во время войны 1914—17 годов и с тех пор еще не организовались в полной мере. Поэтому промысловые заработки в крестьянстве еще слабы. Зажиточное крестьянство как раньше, так и теперь, промыслами занимается мало; работник из богатой семьи уходит на сторонние заработки только в случае выгодности их — высокий заработок или жалованье на службе.

Из приведенных выше характеристик различных групп крестьянства настоящего времени (2-я таблица назад) мы видели, что и теперь экономическое господство высших групп по отношению к низшим выражается довольно высокими цифрами. Такое положение вещей неизбежно, если принять во внимание, что крестьянские хозяйства не равны по своим хозяйственным ресурсам. Неравно и число едоков, а, следовательно, и количество земли в пользовании; неравное число работников и работниц, скота—все делает неизбежным экономическое неравенство хозяйств в деревне. При крупном посеве, при 1—2 рабочих лошадях, обязательно расширяются и второстепенные отрасли производства: больше держат мелкого скота и птицы, что увеличивает товарность хозяйства, связь его с рынком, как продавца хлеба, молочных продуктов и прочих. Такое хозяйство имеет и улучшенный инвентарь, иногда и уборочные машины.

Маломощное хозяйство, имея в пользовании 1—3 десятины, не может обзавестись ни рабочим скотом, ни инвентарем. Ему волей-неволей приходится арендовать их у зажиточных. Зажиточное хозяйство, конечно, извлекает выгоду из такого положения и берет в уплату за скот и инвентарь

работой, продуктами и деньгами, чаще определяя *высокую плату*, пользуясь безвыходным положением маломощного хозяйства. Чтобы избежать зависимости от богатого крестьянина на этой почве, маломощным необходимо организоваться в коллективы, кооперативы для общей покупки или аренды инвентаря и машин, или арендовать их сообща через комитеты взаимопомощи. Другого пути нет.

Интерес маломощного крестьянства заключается именно в том, что оно будет более мощным, только *действуя в производстве сообща, а не раздельно.* В отдельности маломощные представляют собою слабые хозяйства, которым трудно и даже невозможно стать на твердую экономическую базу в производстве.

Только путем об'единения в коллективы они приобретают экономическую силу, с одной стороны, и избавятся от эксплуатации со стороны богатого крестьянства—с другой.

(Статья А. Хрящевой—„Ленингр. Правда“ от 9/VII 1924 г.).

Ниже мы приводим в выдержках характеристики экономических групп в крестьянстве по некоторым отдельным волостям, типичным для известных районов России. Эти выдержки заимствованы из небольшого сборника—„Крестьянское хозяйство за время революции“ (изд. „Красная Новь“, 1923 г.), где собраны материалы обследования семи волостей, при чем обследование производилось по специальному поручению ЦКРКП.

I.

Вот данные по Павлодарской волости, Борисоглебского уезда, Тамбовской губ. (из статьи Г. Дронина).

На расширенном заседании волисполкома постановлено было считать хозяйства: 1) з а ж и т о ч н ы м и—с полным наличием скота как рабочего, так и продуктового, с наличием мужской рабочей силы и сельско-хозяйственного инвен-

таря; 2) середняками—с частичным наличием того же; 3) маломощными—с отсутствием рабочего скота, малым количеством продуктового скота и упадком сельско-хозяйственного инвентаря. Промыслы, как явление редкое, по волости принимались во внимание только в том случае, когда степень зажиточности хозяйства от них зависела. Такое определение степени зажиточности дало (по показаниям регистраторов) следующие результаты:

в 1917 г.	зажиточных—23%	середняков—47,2%	маломощных—29,8%.
„ 1922 „	„ 4,5	„ 38,2%	„ 57,3%.

С 1917 г. до 1922 г. из зажиточных 10% хозяйств перешли в середняки, 8,8%—в маломощные; из середняцких 17,1% в маломощные, 0,3%—в зажиточные; из маломощных только одно хозяйство поднялось вверх в середняцкие. Вновь образовавшихся: зажиточных—8 хозяйств, середняцких—65 хозяйств, маломощных—135 хоз. Из них образовавшихся от разделов—148, вернувшихся из города 25.

Верхушка деревни, кулацко-зажиточный слой, оказалась в значительной степени срезанной: в 1917 г. хозяйств с посевом в 7 и выше десятин было 15,7%, в 1920 г. число таковых понизилось до 7%, при чем свыше 15 дес. не осталось ни одного посевщика; в 1922 г. эта категория посевщиков поднялась до 8,5%, но с посевом свыше 15 дес. появилось только 1 хозяйство. Трехлошадных и более в 1917 г. было 13,2% хозяйств, а в 1922 г. осталось только 1 хозяйство из 1.064.

Группа беспосевных крестьян в 1920 г. уменьшилась было с 4,5% до 3%, а в 1922 г. опять поднялась до 3,4% (36 хозяйств); группа с посевом от 1-ой до 2-х десятин в 1920 г. опустилась до 18,8%, против 25% 1917 г., а в 1922 г. вновь поднялась до 24,6% (262 хозяйства). Это свидетельствует, что современные условия развития хозяйства для 28% (298 хозяйств) беднейшей части деревни становятся более тяжелыми в сравнении с до нэп'овским периодом.

Уменьшилась группа посевщиков с 2-х до 4-х дес. до 35,1% (384 хозяйства) против 43,2% 1920 г.

Многопосевная группа вновь начинает возрождаться: групп с посевами в 7 и более десятин на 1 хозяйство с 5,8% в 1920 г. поднялась до 8,5% в 1922 г.

Средняя группа с посевом от 4-х до 7 дес. против 20 г. в % отношении несколько даже понизилась: с 28% до 27,4%, но численно с 273 хоз. повысилась до 292. Таким образом, 1.064 хозяйства 1922 г. при распределении по группам распадаются на: 1) маломощную с посевами менее 4-х дес. на хозяйство—682 хоз., из них беднейшая часть в 28% общего числа 1.064 хоз. 2) Середняцко-зажиточная—382 хоз. с посевами в 4 и более десятин; из первой группы во вторую перевести 158 хозяйств, обеспеченных, каждое: одной лошадью, 1 коровой и 1 сохой или плугом, получается маломощная группа в 524 хозяйства и середняцко-зажиточная—540. Из последней группы следует считать крайне зажиточной верхушкой приблизительно 90 домохозяев, как имеющих 7 и более десятин посева на одно хозяйство. По приблизительной группировке на 1922 год надо считать 28% бедняков, 21,2% маломощных, 42,3% середняков и 8,5% зажиточных.

II.

Возьмем отрывок из материалов М. Прокопцева по Мало-Толкаевской волости, Самарской губернии.

Мы знаем, что процесс расслоения крестьянства в период Октябрьской революции был замедлен; даже наоборот—происходила некоторая нивеллировка крестьянских хозяйств. Со введением новой экономической политики этот нивеллирующий процесс в деревне приостанавливается, и на его место вновь выступает процесс деления крестьянских хозяйств по имущественному признаку. Возрождается группа зажиточных крестьян, может быть несколько другая по своему

составу, а, на ряду с нею, на противоположном полюсе отлагается группа хозяйств маломощных, не редко и совсем неимущих. Нам необходимо установить, на какие группы подразделялись хозяйства в обследованной волости и какие изменения коснулись этих группировок.

Зажиточных	в 1917 г.	262,	в 1920 г.	215,	в 1922 г.	157.
Средних	„ „	397,	„ „	474,	„ „	419.
Маломощных	„ „	230,	„ „	304,	„ „	478.

Они имели к 1922 г.

ГРУППЫ.	Число хоз.	Мужчин.	Женщин.	Лошадей.	Коров.	Овец и свиней.	Плугов.	Машин.	Земли.	Пл. посева.
Зажиточные . . .	157	565	608	297	233	386	209	258	1.642	770
Средние	419	1.260	1.277	416	394	318	670	287	3.651	1.141
Маломощные . .	478	918	1.144	71	135	61	124	51	2.886	571

Из приведенной таблицы видно, что в настоящее время маломощная группа не может вести самостоятельно хозяйство, а при отсутствии каких-либо ремесл и промыслов, которые могли бы дать заработок, она поставлена в очень тяжелые условия. Комитет крестьянской взаимопомощи не сможет удовлетворить нужды даже круглых сирот-малолеток и полных инвалидов, не говоря уже о прочей бедноте.

Поэтому нарастание антагонизма между имущими и неимущими неизбежно.

Будучи не в силах справиться с землей, которая досталась после раздела по едокам, беднота вынуждается сдавать свои наделы крестьянам, имеющим лошадей и инвентарь, в аренду или для обработки, но общий недостаток

скота исключает возможность обработки всей земли и обрекает бедноту на то, что значительная часть принадлежащей ей земли не будет обработана, что несомненно ухудшит ее положение.

Экономическая зависимость бедноты от зажиточного элемента усугубляется отсутствием подчас хлеба, который она вынуждена занимать у имущих. Каких-либо кабальных сделок на этой почве не происходило. Но в дальнейшем они неизбежны, ибо никакого организованного кредита нет, и беднота должна будет обращаться только к зажиточным элементам деревни. На этой почве неизбежны конфликты между беднотой и зажиточными.

Все мероприятия государства, которые будут направляться в сторону оказания содействия крестьянам в восстановлении и преобразовании хозяйства, должны быть обращены поэтому, главным образом, в сторону обслуживания интересов маломощной группы.

III.

Теперь идет Шамраевская волость, Белоцерковского уезда, Киевской губернии (из статьи З. Цыбульского).

Задачей обследования было выяснить число маломощных, середняцких и зажиточных хозяйств. На основании подсчета крестьянских показаний установлено:

Годы.	Число хозяйств.						Итого.
	маломощн.	%%	середняцк.	%%	зажиточн.	%%	
1917 . . .	648	60,6	364	34,1	57	5,3	1.069
1920 . . .	843	67,5	374	30,0	31	2,5	1.248
1922 . . .	997	76,1	303	23,1	11	0,8	1.311

Таким образом, число маломощных хозяйств с каждым годом увеличивалось, середняцких и зажиточных хозяйств — падало.

Какова экономическая мощность крестьянского хозяйства по каждой группе, можно судить по следующим данным:

Количество десятин посевной площади приходится: для зажиточной группы на 1 хозяйство—3,64 дес. (в 1917 г.), 3,63 дес. (в 1920 г.) и 3,56 д. (в 1922 г.). Для середняков соответствующие цифры будут: 2,36 д., 2,45 д. и 2,34 д. Для маломощной группы—1,11 д., 1,40 и 1,43.

Количество рабочего скота на одно хозяйство по указанным годам: для зажиточных—2,41, 2,01 и 1,31; для середняков—1,66, 1,54, и 1,18; для маломощных — 0,67 лош., 0,69, и 0,54.

Количество коров приходится на одно хозяйство: для зажиточных—1,71, 1,49 и 0,89; для середняцких—1,14, 1,09 и 0,86; для маломощных—0,76, 0,76 и 0,50.

Количество плугов на 1 хозяйство: для зажиточных—0,80, 0,77 и 0,73; для середняков—0,50, 0,43 и 0,41; для маломощных—0,12, 0,10 и 0,09.

Количество культиваторов: для зажиточных (на 1 хоз.)—1,23, 1,08 и 0,91; для середняков (на 1 хоз.) — 0,38, 0,38 и 0,35; для маломощных (на 1 хоз.)—0,10, 0,9 и 0,9.

Борон на одно хозяйство: для зажиточных—2,03, 1,85 и 1,69; для середняков—1,34. 1,28 и 1,20; для маломощных—0,43, 0,35 и 0,37.

Количество овец на 1 хозяйство: для зажиточных—5,07, 4,48 и 3,10; для середняков—2,34, 2,26 и 1,69; для маломощных—0,59, 0,52 и 0,42.

Количество свиней на 1 хозяйство: для зажиточных—1,26, 0,96 и 0,46; для середняков—0,77, 0,71 и 0,38; для маломощных—0,37, 0,35 и 0,17.

Как видите, характеристика каждой группы по степени зажиточности довольно ярка. Зажиточная группа в общем в три раза экономически сильнее маломощной и в два раза сильнее середняцкой.

(„Крестьянское хозяйство за время революции", изд. 1923 г.).

Обследование станицы Гиагинской, Кубано-Черноморской области, рисует процесс расслоения деревни с продолжающейся передвижкой середняцких хозяйств, с ростом бедняцких хозяйств на одном полюсе и усилением кулацких хозяйств—на другом. Процент хозяйств по посеву распределяется по годам следующим образом:

Группировка хозяйств по посеву:

Годы.	Без посева.	До 1 дес.	1,1—2 дес.	2,1—4 дес.	4,1—6 дес.	6,1—8 дес.	8,1—10 дес.	10,1—13 дес.	13,1—16 дес.	16,1—30 дес. и выше.
1917	38,2	2,6	3,6	8,8	13,7	7,2	7,7	5,1	5,1	8,0
1920	25,1	8,4	8,5	20,6	12,1	9,8	6,2	5,3	2,0	2,0
1921	16,2	11,4	10,6	25,9	11,4	6,8	8,1	5,1	2,6	1,0
1922	15,6	5,7	9,3	24,1	18,8	11,7	7,1	4,6	2,0	1,1
1923	15,7	5,9	9,4	19,8	19,6	12,8	6,8	5,5	2,7	1,8

(„Как живет и чем болеет деревня“, изд. 1924 г.).

Если взять Великороссию, то крестьянские дворы могут быть по основному признаку—посеву—разбиты на пять основных групп:

1. Полупролетарские—вовсе не имеющие посева или имеющие его менее одной десятины на хозяйство. Средний размер семьи около 4 человек. Соответствует первым двум продналоговым разрядам, т.-е. имеющим менее полудесятины пахотно-сенокосной площади на душу.

2. Маломощные—имеющие более одной, но менее двух десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи около пяти чел. Соответствует третьему и четвертому проднало-

говым разрядам, т.-е. имеющим более полудесятины и менее одной десятины пахотно-сенокосной площади на душу.

Первую (полупролетарскую) и вторую (маломощную) группы обычно об'единяют в один слой бедняцких хозяйств (почти сплошь не имеющих своего рабочего скота и находящихся в кабальной зависимости от зажиточной верхушки деревни).

3. Середняки, имеющие не менее двух, но не более четырех десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи около шести человек. Соответствует пятому и шестому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более одной, но менее двух десятин пахотно-сенокосной площади на душу.

4. Зажиточные—имеющие более четырех, но не свыше восьми десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи более шести человек. Соответствует седьмому и восьмому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более двух, но менее трех десятин пахотно-сенокосной площади на душу.

5. Кулаки,—имеющие более восьми десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи более семи чел. Соответствует девятому продналоговому разряду, т.-е. имеющим более трех десятин пахотно-сенокосной земли на душу.

Четвертая и пятая группы могут быть также об'единяемы вместе для некоторых сопоставлений в качестве деревенской верхушки[1].

Ко времени Октябрьской революции 1917 г. великорусское крестьянство распалось согласно указанному делению на такие четыре части:

Бедняки	40,2%	всех дворов.
Середняки	28,9%	„ „
Зажиточные	22%	„ „
Кулаки	9%	„ „

[1] Тов. Ларин разбивает крестьян на экономические группы по слишком формальным признакам. Еще покойный Ленин отмечал, что хозяйство крестьянина, мощность этого хозяйства, надо рассматривать неотрывно от окружающей среды: напр., для Тверской губ. 3 коровы говорят о зажиточности данного хозяйства, а для Сибири зажиточным будет имеющий 15—20 коров и т. д.

При этом из приходившихся на долю бедняцких хозяйств 21,8% относятся к первой группе („полупролетарской“) и 18,4% ко второй группе („маломощной“).

После революции одна за другой следуют две волны, понижающие роль деревенской верхушки („зажиточных“ и „кулаков“) в общей массе крестьянских дворов. Во-первых, в ноябре н. ст. 1917 г. возвещается и после таяния снегов в 1918 г. осуществляется конфискация помещичьих земель, распределяемых между деревенскими низами. Между тем раньше большая часть посевов на помещичьей земле арендовалась крестьянами, притом преимущественно именно деревенской верхушкой. Потому конфискация помещичьих земель фактически означала передачу беднякам части тех посевов, которые ранее находились в руках крестьянской верхушки. Поэтому 1918—1919 хоз. год должен был дать уже существенно иное распределение крестьянских дворов между разными слоями, которое и обнаружила сел.-хоз. перепись 1919 г. Вот данные о распределении крестьянских дворов по 25 губерниям:

	в 1917 г.	в 1919 г.	+ или —
Бедняки	42,2%	49,4%	+9,2
Середняки	28,9%	29,3%	+0,4
Верхушка	31,0%	21,3%	—9,7

Мы видим, что процент бедняцких хозяйств прибавился на ту же величину, на какую сократился процент верхушечных, а доля середняцкого слоя осталась без изменений. Но перераспределение пользования одной только помещичьей землей (ранее арендованной, а затем конфискованной) не удовлетворило деревенскую бедноту и середняка. Бельмом на глазу стояло господствующее положение внутри деревни собственной крестьянской верхушки. И вот, после первой, противопомещичьей, аграрной революции, прокатывается волна второй революции — внутридеревенской, противокулацкой. Во второй половине 1918 г. начинают появляться „комитеты бедноты“, которые в течение 1919 г. проделывают

работу внутридеревенского распределения производственных возможностей. Потому в 1919 — 1920 хоз. году налицо имеется уже значительно иное распределение крестьянских дворов по основным группам, которое обнаруживается переписью 1920 г.:

	1919 г.	1920 г.
Бедняки	78,7%	91,8%
Верхушка	21,3%	8,2%

При этом в составе верхушки сходит почти на нет кулачество, охватывавшее в 1917 г. всего 9% дворов, в 1919 г. еще 3,7% и в 1920 г. только 1,7%.

Что основной причиной перегруппировки крестьянских дворов является именно наличность двух последовательно прокатившихся по деревне аграрных революций (против помещиков и против кулаков), а отнюдь не особое специфическое влияние продразверстки, лучше всего показывается дальнейшей историей внутрикрестьянского расслоения. В самом деле, 1920—1921 хоз. год был годом наиболее тяжелой продразверстки; следующий 1921—1922 хоз. год был годом большого неурожая—и тем не менее оказывается, что установившиеся к 1920 г. соотношения между основными группировками остаются в общем почти без перемены. По данным группировки крестьянских хозяйств, в связи с взиманием продналога в 1922—1923 хоз. году имеем сравнительно с 1920 г.:

	1920 г.	1922 г.
Бедняки и середняки .	91,8%	92,1%
Зажиточные и кулаки .	8,2%	7,9%

Наметился зато очень интересный процесс внутри самой деревенской верхушки; в ней стала расти явно кулацкая группа:

	1920 г.	1922 г.
Зажиточные	6,5%	5,5%
Кулаки	1,7%	2,4%

Определенно кулацкая группа настолько окрепла за последние годы „первого периода нэп'а", что приближается уже к анулированию того разгрома, какой создала для нее вторая аграрная революция (внутридеревенская), и приближается (а в 1923 г., возможно, уже приблизилась) к восстановлению того положения, какое она занимала в деревне после первой революции (противопомещичьей). Вот относящиеся сюда сравнительные данные за 1919 г. и за 1922 г.:

	1919 г.	1922 г.
Бедняки	49,4%	52,4%
Середняки	29,3%	39,7%
Зажиточные	17,6%	5,5%
Кулаки	3,7%	2,4%

В этом сравнении впечатление ослабляется еще тем, что для 1919 г. взяты только 25 великорусских губерний, а для 1922 г. вся Великороссия (точнее—вся РСФСР без азиатских территорий). Общее обнищание в пострадавших от голода 1921 г. областях сдвинуло несколько в сторону малоимущих всю картину, хотя и не изменило ее существенно. Если же взять сравнимые по территории цифры (опубликованные уже в „Правде" т. Соколовым), то результат будет еще более наглядным:

	1919 г.	1922 г.
Бедняки и середняки	78,7%	87,5%
Зажиточные	17,6%	9,0%
Кулаки	3,7%	3,5%

Следовательно, за два года нэп'а процент кулачья поднялся вдвое (с 1,7% в 1920 г.), а процент зажиточных почти на половину (с 6,5% в 1920 г.).

Такое быстрое возрождение деревенской верхушки тем более меняет всю социально-политическую обстановку современной деревни, что, во-первых, экономическое могущество этой верхушки далеко превосходит ее численность, а, во-вторых, мы имели со времени сбора приведенных данных

еще один нэповский год (1922—1923 хоз. год) и скоро вступим в следующий подобный же (1923—1924 хоз. год). Потому, чтобы из рук у нас не уплыла постепенно и политическая и экономическая власть в деревне, надо практически иметь в виду два пункта:

Во-первых, стихийному при нэп'е росту зажиточно-кулацкого производства противопоставить сознательную производственную политику государства, направленную к производственному под'ему на общественных началах близких нам элементов деревни („коллективизация бедняцкого хозяйства").

Во-вторых, тщательно изучать фактический характер тех или иных принимаемых ради смычки с деревней мер для установления, кому они идут на пользу—верхушке или низам, и для такого направления нашей кредитной политики, политики хлебных цен, налоговой политики в деревне и т. д., чтобы они служили *смычке с бедным большинством*, а не с зажиточным меньшинством деревни...

Значение крестьянской верхушки определяется не количеством зажиточно-кулацких дворов, а *той частью деревенской продукции, какую они сосредоточили в своих руках, и той экономической зависимостью, в какую они поставили от себя остальные части крестьянства.* В обоих этих отношениях дело зашло достаточно далеко уже в настоящее время.

Отчетные данные о сборе продналога в 1922—1923 хоз. году обнимают 49 губерний и областей Великороссии (точнее—всю РСФСР без азиатских территорий). По этим данным оказалось:

	Из всех дворов.	Из всей пах.-сенок. земли.	Из всего налога.
Полупролетариат	17,9%	6,2%	2,3%
Маломощные	34,5%	25,9%	18,5%
Середняки	39,7%	47,9%	51,1%
Зажиточные	5,5%	10,6%	15,3%
Кулаки	2,4%	9,4%	12,8%
	100%	100%	100%

(Ю. Ларин—„Вопросы крестьянского хозяйства", 1923 г.).

Кооперация.

Обследователи [1] особо тщательно отнеслись к вопросам о ценах, накидках и торговых ресурсах обследуемых кооперативных ячеек. По этому вопросу все наши выводы основаны на огромном количестве документов: счетов, накладных, циркулярных писем, постановлений, балансов и т. д., сопоставленных и сравненных с соответствующими документами вышестоящих кооперативных организаций. Мы излагаем их ниже в самой сжатой форме, по важнейшим потребительским товарам крестьянина, в виде сводки.

Примечание. Все цены даны в червонном и пшеничном исчислении, при чем пшеница—основной зернопродукт—бралась по продажным ценам местных крестьян на тот же момент.

Легкая мануфактура. Взяты цены десяти Епо: Куберлеевское, Зимовниковское, Тацинское, Маньково-Калитвенское; из Кубанских: Варениковское, Кореновское, Бабиче-Кореновское, Темиргоевское; из Терских: Александровское, Незлобинское. Шесть сортов, включая ситцы.

		До снижения:	После снижения:
Средние цены на	Ситец	88 копеек	42 копейки.
	Бязь	65 копеек	53 копейки.

Фабричная себестоимость 1 аршина . . . . 18 копеек.

Общая накидка на фабричную себестоимость до снижения . . . . 390%, после—130%.

---

[1] Обследователи работали в ноябре—декабре 1923 года по заданию Юговостбюро ЦКРКП. Обследованию подверглась низовая сеть кооперации (потребительской и сельско-хозяйственной). Главный район, где работали обследователи,—Донская область, Кубань, Горская республика и Кабардинско-Балкарская область.

Из этих 130%:

56% . . .	накидывает	Трест.
11% . . .	"	Центросоюз и его контора в Ростове.
28% . . .	"	Губсоюз.
35% . . .	"	Епо.

Итого 130%.

Считая на пшеницу, Епо продает 1 аршин, в среднем, по 1 пуду 11 фунтов. Довоенная цена (13 копеек) . . . 6—7 фунтов.

Разница . . . . 630%.

Спички. Себестоимость производства ящика спичек 3 руб. 58 коп.

Цена ящика спичек в Епо в сентябре . . . . . . 22 " — "

Общая накидка—18 руб. 42 коп.—распределяется так:

1. Накидка Синдиката	3 руб.	42 коп.	(95%).
2. " Акциз	6 "	66 "	(185%).
3. " Донобсоюз[1])	5 "	33 "	(148%).
4. " Епо	3 "	— "	(83%).

В пшенице цена Епо за ящик спичек равна .	37 пудов	
Из них: себестоимость фабрики	6 "	20 фунтов.
Накидка синдиката	5 "	20 "
Акциз	11 "	
Накидка кооперации	14 "	
Довоенная цена в пшенице	8 "	30 "

Разница . . . . 320%.

В процентах общая накидка на себестоимость производста равна. . . . . 511%.

Колебания цен на 1 коробку спичек в Епо от $2\frac{1}{4}$ копеек до 3 копеек или от 2 фунтов до 3 фунтов пшеницы.

[1] Донской областной союз потребительских обществ.

Гвозди. По ценам Донских кооперативов, Ставропольских и Кубанских. Пуд гвоздей в Епо стоил в октябре до . . . . 35 руб.

Из них заводская себестоимость пуда	4 „	80 коп.
Общая накидка	30 „	20 „

В %% накидка равна . . . 629%.

Завод принадлежит Донобсоюзу и находится в Ростове.

Как это получилось:

Донобсоюз продает пуд с накидкой	192%	за . . .	14	рублей.
Ставропольский Союз „ „ „	100%	„ . . .	28	„
Отделение Союза „ „ „	$3^1/_2$%	„ . . .	29	„
Сельский Кооператив „ „ „	26%	„ . . .	35	„

В переводе на пшеницу пуд гвоздей стоит 60 пудов пшеницы.

Из них:	Заводская себестоимость	$8^1/_2$ пудов.
	Накидки	$51^1/_2$ пуда.
Довоенная цена пуда гвоздей в пшенице . .		$3^1/_2$ „

Разница с довоенной ценой 1600%.

Как общее явление, цены сельско-хозяйственных товариществ, в хозяйственном отношении более слабых, чем Епо, отличаются от цен и накидок сельских Епо разве только большими размерами...

Ощепринятый в низовой сети метод—равнение на цены вольного рынка (с некоторым снижением: 5—10%), а также—равнение на распоряжения Союза; например (17 октября 1923 года), заведующий Торговым отделом Донобсоюза пишет Маргаритовскому Епо:

„Настоящим *разрешается* Вам снизить цены на имеющиеся у Вас товары, составив ведомость, которую переслать нам“.

Колебания в ценах, внезапные и крутые, и психологически угнетают крестьянина. Калькуляция ведется с размаху, и дробные доли %% никого не интересуют. Частный торговец поднимает цены постепенно, не отставая в общем от

Епо; он отлично осведомлен о всех „секретных“ предписаниях союза по поводу цен, немедленно применяется к ним; поэтому цены Епо, при худшем ассортименте, не конкурируют с ценами частного торговца, а, наоборот, зачастую идут впереди, а в общем составляют с ними единый фронт...

Роль лишнего звена в торговом аппарате кооперации как нельзя лучше передает печатаемая ниже таблица, сопоставляющая цены розничного магазина Донобсоюза в Миллерове с ценами на те же товары Миллеровского Епо (закупающего в Москве и Ростове).

	Цена Донобсоюза:	Цена Миллеровского Епо:
Ситец набивной № 10, аршин . . .	50 копеек . . .	37 копеек.
Махорка ящик (Заусайловская) . .	65 рублей . . .	32 рубля.
Мыло ядровое ящик	16 „ . . .	8 рублей.
Сатин аршин	81 копейка . . .	38 копеек.

Товары Миллеровского Епо, пройдя более короткий путь от фабрики до потребителя: Москва—Миллерово, оказываются дешевле товаров Миллеровского магазина Донобсоюза на 26%...

Торговля в кооперативах ничтожная. Крестьяне либо воздерживаются от покупок, по большей части, либо закупают на частном рынке, где цены на отдельные предметы растут более умеренно. Частный торговец явно разбогател, увеличил обороты. Однако крестьянин не любит покупать у частного торговца—этот всегда норовит покупателя-крестьянина надуть:

„Не знаешь, сколько в действительности следует платить за товар у частного торговца—торговаться-ли еще полчаса или назначена последняя цена“ (из заявлений крестьян).

При равных ценах крестьянин предпочитает покупку и продажу производить в Епо, покупающем зерно, например, оптом. Крестьянин предпочитает кооперацию, и хотя и не покупает, но в Епо зайдет излить недоуменье и недовольство. „Когда придет то времячко, что за аршин ситца не будем платить 2—3 пуда пшеницы“.

„Если бы эта кооперация сама собой выглядела так, чтобы крестьянин за 30 фунтов пшеницы мог получить 1 аршин ситцу, мы бы в кооперацию все пошли“.

„Мы думали, когда возьмем в свои руки фабрики и заводы, все будет дешевле. Уйдите, пожалуйста, от нас с вашими фабриками и заводами!“ — отвечают крестьяне на резонные доводы коммуниста — председателя кооператива.

„Крестьяне, надо сказать, стоят на стороне кооперации, но когда подойдут к ее стенам, оказывается, что она им не помощник“...

Письма председателей сельских Епо и инструкторов с мест в Правление Донобсоюза—не письма, а вопли. Председатель Романовского Епо Ермолаев (26 августа) пишет:

„Убедительная к вам просьба разрешить вопрос, что делать с товаром, полученным от конторы Донобсоюза по договору. Цены такие, по которым продать или обменять нет возможности. Мануфактура, купленная на рынке, стоит на 75% и более ниже; подошву мы не можем продать ниже 500 рублей пара, а частные торговцы продают такую же по 300—350 рублей; в виду чего мы, имея а магазине товары, отказываем покупателям, дабы избежать больших нареканий на кооперацию“.

В деревне высокие цены послужили одной из причин убийственной медленности оборота капиталов Епо и Т-в. Вычисленная с возможной точностью средняя скорость оборота равняется одному разу в три месяца. *Частная торговля в деревне оборачивает свой капитал в шесть раз скорее* и доводит скорость оборота до 2-х раз в месяц и более (пример—торговцы Морозовского округа). Для достижения подобной скорости оборотов в современных условиях, частные торговцы проявляют поразительную энергию, предприимчивость и ловкость; об‘единяясь по 2—3 человека в „товарищество“ (или „трест“, как они назвали себя в Егорлыцкой станице), они разделяют обязанности так, что

один торгует, другой ездит в Москву за товаром, везя его с собой в пассажирских и скорых поездах, третий ведет прочие дела. К работе привлекаются все взрослые члены семьи. Покупая у трестов за наличные, они добывают исключительно ходкий ассортимент: ездят офенями и коробейниками по богатым селам и т. д. Соответственно уменьшаются у частного торговца и накладные расходы на единицу оборачиваемого товара в шесть раз, по сравнению с Епо.

Обороты губсоюзов, разумеется, совершаются с такою же скоростью, как и низовой сети—один раз в 3—4 месяца,—поскольку они опираются на трех-этажную низовую сеть.

Сравним эту скорость с товарооборотом ростовских частных оптовиков-мануфактуристов, совершающих полный оборот в один месяц: *за месяц* они оборачивают не менее 20 вагонов мануфактуры. В этом их важнейший козырь...

Что касается ассортимента товаров, то процент *неходовых товаров* в Епо чрезвычайно высок:

Самарское Епо, ноябрь, ...	75%
Глафировское Епо, ноябрь, ...	70%
Зимовниковское Епо, ноябрь, ...	60%
Тарасовское Епо, ноябрь, ...	40%

Какие же это товары?

„Имеются *дамские капоты*, расцененные по 20 рублей золотом, *или 33 пуда пшеницы*" (Мальчевское Епо).

„Повозки старинной моды, шляпы городские, рюмочки и стаканчики" (Мальчевское Епо).

Зимовниковское Епо: „еле-еле разделались с большими абажурами и спиртовками—вернули их Донобсоюзу. Большой запас рюмок, когда пустили по дешевке, был крестьянами раскуплен в связи с развитием *,самогона*".

Глафировское Епо: „Имеются *чугуны 30-фунтовые*, в то время как крестьяне покупают 5-фунтовые, имеются *сковороды 15-фунтовые;* колесная мазь есть, но не продается, потому что в развес продавать ее невыгодно—половина веса заключена в таре".

Не лучше и ассортимент в сельско-хозяйственных товариществах. Все обследованные товарищества Сальского округа жаловались, что союз „всучил“ им под заготовку хлеба товары, как, например, *вентиляторы*, *дамские панталоны* и др. Сельско-хозяйственные орудия в Епо и Т-вах, как общее явление, отсутствуют (есть, разумеется, исключения)...

Имеют ли возможность сельские кооперативы при данных условиях освободиться от бюрократической зависимости, получить некоторую свободу хозяйствования, маневрирования, более выгодных закупок и т. д.? Ответ мы находим в нижеследующих данных.

Средний процент собственных средств сельских Епо по Юго-Востоку, по отношению ко всему их балансу	43,3%.
Чужие средства	56,7%.

У сельско-хозяйственной кооперации собственных средств меньше и соотношение для всего края равно, приблизительно, 1 : 2. Но эта видимость собственных средств не должна нас обманывать. В оборотах низовой кооперации они, как правило, не участвуют, *они фактически являются мертвым капиталом*, так как заключены в недвижимом имуществе и мертвом инвентаре, а также в неходовых товарах. Балансы перечисленных ниже Епо, не имеющих значительных недвижимых имуществ (организовавшихся, большей частью, в послереволюционный период), показывают резкое падение процента собственных средств:

	Собственные средства.	Кредит:
Зимовниковское Епо	5%	95%
Куберлеевское „	12½%	87½%
Кропоткинское „	21%	79%
Орловское „	26%	74%

Весь кредит получают из Донобсоюза.

В Гниловском Епо оказалась совсем особенная база (из доклада члена правления Донобсоюза Селиванова): хозяй-

ственная прочность этого Епо основана на том, что председатель Епо является также председателем волисполкома и поддерживает Епо материально и в административном порядке. В данное время председатель стремится уйти из Епо, и в связи с этим настроение у остальных членов ликвидационное (!).

Сельско-хозяйственные т-ва Дона и Кубани (из числа бедных собственным недвижимым имуществом):

	Собственные средства.	Кредит.
	В процентах:	
Зимовниковское т-во	0,2	99,8
Орловское „	5	95
Варениковское „	17	83

Кредит получают на 80—90% у союзов...

В большинстве обследованных кооперативов фактически пайщиков нет; в других—количество внесших полный пай насчитывается незначительными процентами по отношению к охватываемому району.

Правления уделяют самое ничтожное внимание делу привлечения крестьянских паев и связи с пайщиками. Отношения „казенные“. Пример:

Сотни крестьян в период расцвета общества состояли членами его, внесли туда паи, все как полагается, и теперь считают себя пайщиками. Между тем, правление круто проводит линию, что кто не вносил последний раз дополнительных паев, не является членом. Всех старых организаторов кооператива механически вычеркнули, вызвав с их стороны горячий протест вместо того, чтобы признать их членами, выдать книжки (как они того требуют) и предоставить возможные льготы по внесению дополнительных сумм. Поэтому в Епо теперь число членов упало до 50, на 25.000 населения волости. Второй пример—из жизни с.-х. т-ва станицы Выселки. Пожилой крестьянин-середняк Лыдченко состоял в течение многих лет членом Кореновского с.-х. т-ва,

имеет даже книжку старую. Теперь его и многих других односельчан выключили за невзнос дополнительных 50 пудов пшеницы. „Охотно внес бы, да слишком затратился на хозяйственные перестройки, да и взнос не под силу“—жалуется он...

Отсутствие широкой крестьянской базы у сельских кооперативов кладет на их работу отпечаток бюрократизма и разложения. Имеется от 3-х до 6-ти членов правления, ведущих дела от имени кооператива, но, в действительности, бесконтрольных хозяев.

В то время как частный торговец не отделяет своей судьбы от судьбы товаров, которые он отбирает, покупает или доставляет в свою лавченку, короче—он кровно заинтересован, члены правления Епо в большинстве случаев видят в себе особую породу рантье, получающих жалованье за свое звание. Звание члена правления не обязывает непременно работать у прилавка, вести книги или производить закупки. Эту работу производят служащие, члены же правления, кроме заседаний, значительное время и средства затрачивают на раз‘езды по командировкам—по делам Епо.

„Один из членов правления (Морозовского Епо) выехал в Ростов и живет там уже 2—3 недели. Считайте проезд да другие расходы, то ясно, что товар не может прийти дешевле в Епо“—пишет обследователь.

Если правление проворовалось, оно обычно остается безнаказанным; уполномоченные соберутся, пошумят изрядно, отведут душу—редко доходит дело до суда. Просто—выбирают других, а о прежних пойдет по избам нескончаемый разговор, как они, будучи правленцами, кормились. Обкрадывание кооператива — весьма распространенная вещь, и к ней привыкли. Лже-кооперативам бывает при таких условиях нетрудно напялить на себя кооперативную личину; обследователи обнаружили несколько их. Вот, например, Мечетинское сельско-хозяйственное т-во „Самопомощь“, об‘единяющее десять кулаков, которые нажили огромные капиталы

во время раздачи семенной ссуды. Крестьяне зовут его „Самасволочь“. Никому из бедноты ссуды они не дали,— спекульнули на ней. В данное время заготовляют хлеб и продают товары по поручению местного отделения Госторга. Членом правления „т-ва“ состоит „для связи“ один из работников отделения Госторга...

Сотрудники всюду набраны с таким расчетом, что правление правит, счетоводы считают, а приказчики продают. Работники в большинстве случайные люди, незнакомые с кооперативными принципами. Всюду общие жалобы на плохое обслуживание потребителя, неумелый подход к покупателю: не умеют раскинуть товар, предложив его, равнодушны. Магазины содержатся в крайне неряшливом виде. Аппарат не заинтересован.

Обливское Епо:

„Штат безусловно велик по сравнению с оборотом, а также недостаточно использован. Несмотря на то, что имеется бухгалтер и конторщик, очень трудно добиться необходимых и точных справок. Штат вполне можно сократить путем привлечения к работе членов правления в качестве бухгалтера, кассира и приказчика. В маленькой лавченке Епо всем сотрудникам разместиться негде“.

Такое же положение и в Обливском т-ве: „правленцы т-ва, имея некоторые выгоды от закупки товаров в Царицыне, где цены дешевле ростовских, растрачивают их на излишние частые командировки в Царицын и тем сводят разницу к нулю“.

Магазин Донобсоюза (поселок Пролетарский):

„Члены комиссии, явившись в магазин, застали такую картину: у прилавка стоит крестьянин и держит в руках пару подошв, находясь в большой нерешительности. Спрашивают у крестьянина, сколько с него просят за подошвы:— 1.200 рублей. В прейс-куранте Епо стоит цена—800 рублей. По заявлению приказчика, произошла ошибка. Комиссия поинтересовалась, почем продается колесная мазь. Приказчик

называет цену. „Позвольте,—заявляет присутствующий здесь инспектор Донобсоюза,—вчера вы с меня взяли больше". Снова ответ: „Произошла ошибка!"...

Как обстоит дело в хозяйственно более крепких и деятельных кооперативах, из числа обследованных? Вот пример—Целиновский пункт:

„Дело поставлено прекрасно. За три месяца своего существования пункт заново выстроил довольно обширный магазин и амбары для ссыпки зерна на 50 тысяч пудов. Отношения с местным населением самые лучшие. В этом районе недавно населилось 11 тысяч молокан и 7 тысяч духоборов. Народ весьма трудолюбивый и честный, все земледельцы. Пункт дает им в кредит товары, они, в свою очередь, сдают пункту зернопродукты и по реализации их получают деньги.

„Постановка дела здесь настолько популярна, что сюда в значительном количестве везут зерно из соседней Ставропольской губернии. Весь успех нужно приписать заведующему пунктом Я. Я. Чеснокову. Он очень рьяный и опытный работник. По его словам, местность у Целины—золотое дно. Но Донобсоюз связывает его. Не дает нужного ассортимента. Цены невозможные. Чесноков подумывает уйти из Донобсоюза, организовать кредитное т-во с посредническими операциями. Доставать товары из первых источников; оборудовать маслодельный и сыроваренный заводы, завести молочную ферму. Жизнь бьет ключом в этом человеке" (из доклада)...

Число служащих Донобсоюза, после крутого сокращения штатов, возросло с марта 1923 г. по август почти вдвое (было 140—стало 268); средняя ставка их с февраля по август возросла почти втрое (с 23—до 60 рублей). В 4-х местных конторах 168 служащих; на их содержание идет 10% от продажи ими товаров. На каждое из Епо, входящих в Донобсоюз, падает 4 сотрудника Донобсоюза и его отделений.

Число служащих Кубсоюза также растет:

Июль	1923 года	1.193 человека.
Август	1923 „	1.296 „
Сентябрь	1923 „	1.365 „

Сопоставим эти астрономические цифры с числом об'единяемых Кубсоюзом Епо (сельских 337); мы видим, что на каждое Епо, в среднем, приходится 4 служащих Кубсоюза (!).

Инструкторов Кубсоюза числится 68 человек: один инструктор на пять Епо (!).

Средняя нагрузка служащих, вычисленная по отношению к работе сотрудников Донсельтрудсоюза, равна за девять месяцев 1923 года 28,2% довоенной нормы.

Укажем кстати, каковы размеры аппарата у „культурных торгашей"—в заграничных кооперативных союзах более или менее сходного типа. Пример:

Союз датских потребительских обществ (сельских, по преимуществу). В 1913 году он об'единяет 1.359 обществ (сравни с Кубсоюзом); союз имеет 13 собственных фабрик, лабораторию, опытную семенную станцию, 27 складов и т. д. Его оборот 32 миллиона в довоенных рублях.

Служащих в союзе 544 человека, из них 88 конторщиков (сравни с Кубсоюзом!).

А каков аппарат частного оптовика, работающего в наших условиях? Мануфактурная оптовая торговля „Бахчисарайцев и Богарсуков" в Ростове. При обороте в 100.000 червонных рублей в месяц, этой фирме необходим следующий штат: 4 продавца, один кассир, один бухгалтер, один конторщик, два упаковщика, один сторож (всего 10 человек); это—при отпуске товаров для провинции отдельными кусками и небольшими партиями; при продаже кипами этот же аппарат достаточен и для оборота в 200.000 червонных рублей в месяц. Его расходы на содержание магазина и торгового аппарата составляют 23,5% всех расходов, а к себестоимости

товара 4%; банковские проценты и налоги—главные расходы—составляют 60% всех его расходов.

При возрастающих оборотах у него нет ни одной пишущей машинки, и немногие исходящие пишутся от руки.

Вот почему частный торговец, калькулируя на основе цен госторговли и кооперации, накопляет сотни процентов на капитал, и почему первоначальное накопление кооперации не дало такого же роста. Разницу с'ел аппарат.

Сравнивая дорогой аппарат кооперации с аппаратом частного торговца, надо иметь в виду, что демократический и советский характер кооперации требует в наших условиях некоторых расходов, которых нет у частного торговца (например, постановка отчетности, содержание выборных органов, культ-просветительные расходы и т. д.). Мы и не предлагаем слепо копировать, а хотим сказать только, что наша общественность и наша демократия должны обходиться потребителю дешевле, чем теперь обходятся, что это возможно, и вместе с тем необходимо, как условие успешной борьбы с частной торговлей...

Кое-кто из товарищей, прочитав вышеизложенное, скажет, может быть: здесь произнесен тяжкий приговор кооперации... Надо искать новые формы...

Такой вывод будет свидетельствовать о слабых нервах или об отсутствии правильной перспективы и понимания кооперации. Мы ответим словами Ленина:

„Без кооперации мы социализма не построим“. „Раз государственная власть в руках рабочего класса... у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения... В наших условиях кооперация... совпадает с социализмом... Гигантское, необ'ятное значение приобретает для нас кооперирование России“.

В чем же дело? А в том, что во время гражданской войны и в первые годы нэп'а кооперация не была самой ударной точкой для израненной страны и задыхавшейся от крайнего напряжения сил нашей партии. Сельская коопера-

ция только в марте 1921 года перестала быть прежде всего подсобным техническим аппаратом продразверстки, а еще через два года Ленин пишет: „Мы перегнули палку, переходя к нэп'у, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации". „У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию".

Результат: сельская кооперация, важнейшее звено смычки, далеко зашла в своем гниении. Она деревню не обслуживает необходимыми товарами и в сотой доле.

Предоставленная во многих отношениях самой себе, низовая кооперация развивалась так, что больше всего приблизилась к нашим целям рабочая ветвь ее и далеко позади осталась сельская.

Для укрепления нашей важнейшей командующей высоты—сельской и городской кооперации—партия должна, урезавши в другом месте, передвинуть на эти участки добавочные средства и надежных людей, пересмотреть наличный состав и усилить свое повседневное внимание и руководство.

Важнейшие для кооперации вопросы: как добиться максимального упрощения—нормализации аппарата и накладных расходов, как изжить обильные остатки военного коммунизма, как перестроить взаимоотношения, чтобы все доходы от успешной торговли оставались в первичных ячейках, как оттеснить от крестьянина частного торговца, или заставить частного торговца (методами рыночной борьбы) делать в деревне наше дело—все эти вопросы должны перестать быть внутренними кооперативными вопросами—вся партия должна втянуться в обсуждение их.

(Одновременно необходимо преодолеть заметное в торгово-промышленных кругах третирование кооперации, недоверие, неохоту торговать с ней и т. д.).

Построить социализм, совершить „культурную революцию"—это значит, по словам нашего вождя, добиться, чтобы многомиллионный распыленный мелкий крестьянин стал пай-

щиком—осознал, что нужно записаться в Епо и пойти на собрание членов его, потому что Епо приносит всевозможные выгоды и вполне заслуживает доверия. Необходимо при участии всей партии создать эти выгоды, эту обстановку крестьянского доверия честному и дельному кооператору.

(И. Дейчман.—„Кооперация в деревне, как она есть", изд. 2-е, „Прибой" в Ростове-на-Дону, 1924 г.).

Общее состояние кооперации, по данным обследования [1], представляется в таком виде.

К моменту возобновления своей деятельности (после двухлетнего перерыва) первичные потребительские кооперативы не имели никакой материальной базы, и вышестоящими кооперативными органами им не было оказано никакой материальной поддержки. По этим причинам все первичные кооперативы вынуждены были в первую очередь приступить к созданию собственными силами оборотного капитала, для чего и занялись торговлей по принципу „дешевле купить—дороже продать". Некоторые из них торговали настолько „успешно", что, как например, Ольховатское Епо, Воронежской губ., за 1922 год получило чистой прибыли свыше 50%. Надо ли говорить, насколько удорожал этот кооператив свои товары. Но и помимо этого, стремления низовой кооперации получить побольше прибыли, чрезмерное вздорожание товаров вызывается тем, что получаемые кооперацией товары проходят 3 промежуточные инстанции, из которых каждая начисляет на них от 25 до 50% прибыли. В результате цены на товары в большинстве кооперативных лавок значительно превышают рыночные.

---

[1] Обследование произведено в сентябре—ноябре 1923 г. по программе, выработанной ЦКК и НК РКИ (по инициативе Центр. Контрол. Комис. Росс. Ком. Партии). Обследование охватило 13 губерний и две автономные республики, в пределах которых подверглось изучению 120 волостей (в каждой губернии избиралось по два типичных уезда, а в каждом уезде по две типичных волости).

При таких условиях торговая деятельность кооперации почти во всех обследованных волостях развивается чрезвычайно слабо. Мало того, кооперация обычно совершенно не учитывает потребности крестьянского рынка. В большинстве обследованных кооперативов отмечается несоответствие товаров потребностям населения: часто отсутствуют самые необходимые предметы крестьянского обихода, зато имеется пудра и т. п. Из Натальинской вол. (Саратовск. губ.) сообщают: „Кооперативы в стадии организации; товаров мало и неподходящего ассортимента. Отсутствуют самые необходимые предметы сельско-хозяйственного обихода и таковых в ближайшее время не ожидается; нет веревки и „литья", а в продаже, главным образом, селедки и грузди. В отделении ЕПО в Ст.—Лебежайской вол. (той же губернии), кроме спичек и соли, ничего нет". И такими сведениями буквально пестрят данныя обследования.

Ряд обследований касается постановки дела снабжения через кооперативы сельско-хозяйственными орудиями. В этой области отмечается не только недостаточность количества имеющихся в кооперативах орудий, но и то, что очень часто они непригодны по местным условиям к обработке полей. Так, например, в Воронежской губ., где требуются плуги „Буккера" или „Сакковские", кооперацией получены „Эккертовские", однолемешные и маломощные, и легкие бороны „Зигзаг". И те и другие остались нереализованными. Обследование отмечает чрезмерно высокую стоимость в кооперативах сельско-хозяйственных орудий, что не позволяет приобретать их даже наиболее зажиточным крестьянам. В обследовании Россошанского уезда (Воронежской губ.) приведены сравнительные цены сельско-хозяйственных орудий в Райотделпроизводсоюзе, выраженные в ржаных единицах:

Наименование орудий.	Довоенная цена.	Цена 1923 г.
Косилка	150 пуд.	500 пуд.
Молотилка	150 „	300 „
Жатка-лобогрейка	120 „	704 „
Плуг	20 „	150 „
Буккера	45 „	200 „

Однако, и при таких высоких ценах крестьяне, остро нуждающиеся в с.-х. орудиях, могли бы приобретать некоторые машины коллективно, при условии предоставления приемлемого для крестьян кредита, но дело кредитования населения обычно находится также в плачевном состоянии. Обследованием отмечается, что ссудные операции по Воронежской губ. прошли крайне неудачно и окончательно подорвали авторитет кооперации в глазах населения. Для иллюстрации из данных обследования этих губерний можно привести такой факт: в Воронежском уезде крестьянам были выданы ссуды на покупку лошадей в размере от 70—400 руб. совзнаками 23 года, а отчасти и непосредственно лошадьми. Лошадь оценивалась по 100 р. зол. каждая. К осени 1923 года оказалось, что крестьяне должны внести за лошадь по 60—70 тыс. рублей, тогда как рыночная цена за такую лошадь в момент обследования была не свыше 30 тыс. рублей. Денежные же ссуды, выданные в октябре 1922 года, подлежали возврату к 1 октября 1923 г. по курсу дня уплаты. В результате крестьяне за каждые 100 руб. (совзн.) полученной ссуды должны внести 20.642 руб. (дензн. 23 г.). Это оказалось совершенно непосильным для большинства крестьян, получивших ссуды, и многие из них предлагали в уплату ссуды приобретенных ими за эту же ссуду лошадей. Конечно, при подобных условиях кредитования говорить о завоевании кооперацией доверия населения не приходится...

Если обратиться к работе кредитных с.-х. т-в, то последние наибольшее внимание уделяют развитию своей торговой деятельности. Кредитные операции т-ва заключаются в выдаче ссуд крестьянам—членам кооператива на покупку лошадей и прочие с.-х. нужды. Ссуда подлежит возврату по золотому курсу, что, при постоянном падении дензнаков, ставит обычно кредитующихся в крайне тяжелое положение. Отмечались случаи передачи крестьянам-беднякам лошадей, получаемых т-вами из райсоюза с начислением 9—10% на

себестоимость. Имеются указания на продажу населению с.-х. орудий с начислением на себестоимость 50—100%. Большое внимание обращают эти т-ва на заготовки зерна для райсоюзов, а часто и просто на мелочную торговлю. Причиной такого ненормального направления деятельности с.-х. т-в обследование считает, главным образом, их бедность, отсутствие достаточного оборотного капитала. Крестьяне не в состоянии создать для кредитных товариществ достаточного оборотного капитала для выполнения настоящих задач по кредитованию, и поэтому им приходится главное внимание обращать на увеличение своего капитала путем торговых и заготовительных операций.

(„Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК и НК РКИ", изд. 1924 г.).

В Орловской волости[1] на долю кооперативного оборотного капитала приходится 93,938 руб. 36 коп. золотом, а на частного 42,882 руб. 30 коп. золотом. Как будто бы перевес на стороне кооперации; однако, если мы примем во внимание, что частный торговец быстрее оборачивает свой капитал, то перевес останется на стороне частной торговли.

Что касается деревенских „нэпманов", то обращает на себя внимание, во-первых, то, что они получают кредит не только у их частных оптовиков, но также у кооперации и госторговли, во-вторых—сами они кредитуют крестьян и, в-третьих, накидывают на свой товар сравнительно немного—15—20%.

Таким образом, частная торговля, если и не держится на кредите, то во всяком случае, кредит позволяет торговцу при незначительных капиталах широко развивать свои операции. Торговец кредитует крестьянина. Между тем, по заявлению председателя местного ЕПО, кооператив часто не

[1] Речь идет о юго-востоке России.

может добиться кредита у госорганов и даже вынужден иногда прибегать к кредиту у частных лиц, платя высокий процент. В отношении кредита кооперация поставлена в худшие условия по сравненню с частным торговцем.

Далее отмечается, что частный торговец стремится отпускать товары по ценам ниже кооперативных, хотя бы эта разница была незначительна: ситец в феврале ЕПО продавало по 42 коп. аршин, сельско-хозяйственная кооперация по 40 коп., а частный торговец по 39 коп.; набор товара на сапоги стоил в кооперативе 13 руб. 50 коп., а у частного торговца 13 руб. 25 коп.

Частная торговля не имеет значительных оборотных капиталов, но она лучше приспособляется к рынку, быстрее оборачивает свой капитал и широко пользуется кредитом. Она использует испытанный прием торговли, имевший в дореволюционное время в деревне широкое распространение— отпуск товаров в кредит.

Мы уже отмечали, что кооперация находится в отношении кредита в худших условиях, чем частный торговец. Несмотря на все наши заботы о кооперации, мы не сделали для нее того, что сделал частный оптовик для деревенского торгаша. Что кооперация не имеет оборотных средств—это всем достаточно известно. Но это препятствие, стоящее на пути развития кооперации, можно обойти, предоставив ей кредит. Вопрос о кредите кооперации — вопрос о борьбе с частной торговлей в деревне. До тех пор пока этот вопрос не будет разрешен, кооперация будет биться попрежнему, прибегая порой к помощи частных лиц. В Орловской волости (хутор Быстрянский) кооперация с трудом выдерживает конкуренцию частной торговли; она лишена возможности диктовать цены на рынке.

Но не всякий кредит идет на пользу кооперации. Гиагинское ЕПО хотя и имеет товарный кредит у Кубсоюза, но теряет на ассортименте, не всегда получая тот товар, который нужен. В этом случае кредит из положительного

фактора превращается в отрицательный. Товарная неувязка между низовой кооперацией, с одной стороны, союзами и госорганами, с другой, приводит к тому, что в селе Старо-Макарьевском, Ставропольской губернии, в феврале 1924 года кооператив закупил у частных лиц товаров на большую сумму, чем у губсоюза.

Факты кредитования кооперации у частных лиц под высокий процент и закупка у них товаров свидетельствуют прежде всего о том, что у нас нет еще единого фронта госторговли и кооперации. Создание его—настоящая задача дня, тем более, что рыночный торговец и частный оптовик этот фронт создали.

Больной вопрос об ассортименте товаров в кооперации все еще продолжает оставаться больным вопросом. Пользуясь товарным кредитом у своих союзов, деревенский кооператив сплошь и рядом вынужден брать не то, что ему нужно, а то, что ему дают, по пословице: „даровому коню в зубы не смотрят". Ответственность за нагрузку деревенских кооперативов неходовыми товарами целиком ложится на союз, который заставляет низовую кооперацию расплачиваться в конечном счете за дефекты работы всего кооперативного аппарата в целом.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

Выше было упомянуто о существовании только одной кооперативной лавки на все четыре волости, осмотренные нами в Спасском кантоне[1]. Это лавка Гусихинского волостного кооператива, существующего с 1921 года. Расположена она в центре деревни, в хорошем и большом каменном здании. Штат ее состоит из председателя правления, одного приказчика (член правления) и одного конторщика.

[1] В Татреспублике (Казанская губерния).

В начале своей организации кооператив имел около 50 членов. Но по истечении года, увидев незначительность оборота кооператива, члены его не возобновили взносов и не внесли паевых денег. В настоящее время существует только правление кооператива, не имея ни одного члена.

Это ненормальное явление хотя и сильно беспокоит председателя правления, но в устранении его он ничего не предпринимает.

Мы беседовали с крестьянами о кооперации вообще и о данном кооперативе, в частности, и при этом, всесторонне доказывая выгоды кооперативов, советовали им записываться членами своего кооператива.

Но изменить их прежнее недоверчивое отношение к кооперативу не удалось.

— Мы, — говорят они, — уже пробовали записываться членами кооператива. Но результата нет никакого. Цены на товары в кооперативной лавке такие же, как у частных торговцев. Вообще кооператив не может оказать нам ни в чем и никакой поддержки.

Из этого видно, что правление кооператива в течение двух лет своего существования не только не могло завоевать авторитет среди населения, но, наоборот, возбудило у крестьян отрицательное отношение вообще к идее кооперации.

Настоящее положение кооператива весьма плачевно. В его лавке имеется всего лишь несколько штук серпов и кос, мешок соли, 2—3 десятка коробков спичек и немного разной другой мелочи, вроде иголок, ниток и др. На такой операции в правлении работают трое.

Для того, чтобы иметь более наглядное представление о положении данного кооператива, приведем его баланс на 1 августа с/г.:

Баланс на 1-е августа 1923 г. Гусихинского волостного кооператива.

НАЗВАНИЕ СЧЕТОВ.	СУММА.	
	Руб.	Коп.
Счет Кассы	543	90
„ Товаров	4.103	38
„ Аренд. фрукт. сада	1.135	—
„ Имущества	72	45
„ Заготовок	45	—
Баланс	5.899	73

Баланс говорит сам за себя. Он красноречиво показывает, насколько тяжело положение Гусихинского волостного кооператива и насколько вообще слабо поставлено дело кооперации в деревнях.

В данном случае нельзя свалить всю вину исключительно на правление кооператива. Оно не совсем бездействовало. Оно искало пути к выходу из этой точки замерзания, Но ему загородили дорогу, как это ни странно, вышестоящие кооперативные органы.

После осмотра Гусихинского кооператива, до нашего слуха дошло название еще одного кооператива в Мало-Цильнинской волости Буинского кантона. Но это было только название.

В Цильнинской волости еще в 1921 году был организован волостной кооператив, членами которого записалось около 100 человек и было собрано несколько сот тысяч рублей денег (надо помнить, что в начале 21 года сотни тысяч играли большую роль в торговом обороте). На кооператив возлагали большие надежды. Но он не оправдал их. Дела не только не пошли вперед, но погасли в самом зачаточном состоянии. Отчет на 1923 год показал совершенную бездеятельность правления и отсутствие всякого оборота.

Никто до сего времени еще не знает, куда шли, на что израсходованы, или кто присвоил деньги кооператива.

Несмотря на это, в начале сего года было избрано новое правление, и оно уже давно зарегистрировано Буинским отделом Татсоюза. Избранные в правление лица именуют себя членами правления Цильнинского волостного кооператива. И все!.. В течение пяти месяцев правление не выказало никакой деятельности, и кооператив не продвинулся вперед ни на шаг. На паи никто не записывался. На руках у правления нет ни копейки денег. Председателем правления является бывший член старого правления—седобородый старик. Он не только не читал что-нибудь и когда нибудь о кооперативе, но даже ничего о нем до сего времени и не слыхал. Волость возложила на него эту великую задачу потому, что он раньше великолепно вел свои торговые дела.

И председатель правления и его члены имеют и в настоящее время более или менее обеспеченные хозяйства, поэтому они не так-то сильно беспокоятся о кооперативе.

Таково настоящее положение Цильнинского волостного кооператива, а что будет с ним в будущем, об этом не знает и само правление.

В то время когда деревенские кооперативы пребывают на мертвой точке, разные Ушаковы, Хаджи Гимазы крупными шагами идут вперед, развивая не по дням, а по часам свои частные торговые операции. Они готовятся одним ударом уничтожить гусихинские и цильнинские кооперативы.

Кооперативы же, вместо того, чтобы бороться с открытыми и скрытыми коммерсантами, готовыми проглотить и бедняков и средняков, еще сами не имеют понятия о своих задачах и не могут войти в свои основные роли. С другой стороны, они и физически неспособны на такую борьбу. Ибо, не получая ниоткуда ни материальной и ни моральной помощи, они вынуждены или кое-как влачить свое жалкое существование, или же замирать в самом начале своего рождения.

(Р. Сабиров—„Деревня Татреспублики после голода“, изд. 1923 г.).

Очень хорошее впечатление произвел на нас Районный Союз Кооперативов[1]. По обороту он занимает второе место за „Хлебопродуктом“, но трудности кооперативной работы, отсутствие оборотного капитала чрезвычайно затрудняют его работу. Со сбором паевых и членских взносов дело из рук вон плохо. Кампания по сбору взносов проходит отвратительно, да и там, где взносы поступают, они дают исключительно хлеб, расцениваемый в 10—15 коп. по довоенным ценам, а главное, конечно, в том, что крестьянство в кооперацию не идет, потому что у него нет надежды что-нибудь осязательное на этом выиграть.

Должен здесь признать также, что основной ассортимент товаров в Союзе Кооперативов продается дешевле и частных лавок и Хлебопродукта, но только роль этого удешевления в общей цене настолько мала, что не является достаточно притягивающим мотивом для крестьянина, чтобы предпочитать кооператив прочим торговым предприятиям, дающим ряд мелких удобств в отношении сроков уплаты, времени продажи, выбора товаров, привычных способов выторговывать грош...

А между тем, именно развитие частной торговли толкает мысль крестьянина к кооперации. Только нужна крестьянину действительная кооперация, которая приносила бы пользу, хотя бы самую малую, своему действительному члену. Поэтому, вредом для кооперации является кооперативная „кампания“, которую мы имели возможность наблюдать, когда трудное дело кооперирования, об‘единения людей в общем деле, заменялось митингом заезжего оратора, огульной записью, при отсутствии в то же время какой бы то ни было реальной помощи делу организации кооперации.

Из всех сел, нами обследованных, кооперативная лавка встретилась только в одном, в селе Зуевке.

Председатель правления—сын купца, учился в Томском Технологическом, „пострадал“, был исключен, приехал

---

[1] Тов. Яковлев обследовал Никольскую вол. Курской губ.

к отцу, жил на отцовских хлебах, подторговывал, „работал подпольно, как революционер“, по его словам.

По смерти отца принял в свое ведение лавку. Перед военным призывом ликвидировал торговлю и был принят в военное училище. Вернувшись с войны, в своем доме организовал кооператив, сам был выбран председателем правления. Имеет вид штабс-капитана в отставке: выхоленные усы, принимает и отвечает в высшей степени любезно, предупредительно. Жалованье неопределенное. По собственным словам, получает только десять пудов в месяц. А в комнате старинная кровать, книжный шкаф, полный набор мелочей, которых не видно в крестьянской избе и которых не сохранила бы семья, не имеющая во время революции никакого дохода. Видно, что хозяин живет не продажей вещей и, во всяком случае, не на 10 пудов в месяц.

У него, в качестве члена правления, бывший приказчик, который фактически играет роль приказчика при нем. Еще есть приказчик, который, действительно, 10 пудов в месяц получает.

Членов в этом кооперативе нет, взносов никто не вносит...

Председатель районного союза потребительской кооперации т. Новиков рисовал нам цены в виде снежного кома, катящегося с горы: от завода к тресту, от треста к синдикату, от синдиката к Центросоюзу, от Центросоюза к Губсоюзу, от Губсоюза к Уездсоюзу, от Уездсоюза к Райсоюзу и от Райсоюза, наконец, к „многолавке“, которая продает уже крестьянину.

Каждая из этих организаций начисляет некоторый процент на свое содержание. Проценты эти растут сверху донизу, составляя по его расчету не меньше 100% исходной цены.

Чрезвычайно важно было бы проверить, хотя бы на перечисленных выше товарах, составляющих основной предмет крестьянских покупок, поскольку крестьянские покупки не

выходят еще преимущественно из круга предметов потребления, из каких элементов складываются те три пуда, которые платить приходится мужику за пуд соли. Сколько из них получает государственная промышленность, сколько с'едает наш аппарат и сколько получает государство в виде налогов.

Если бы по соли, керосину, ситцу, чугуну, рыбе, гвоздям и железу произвести подобного рода расследование, выделить тот накладной расход, который дает наш отвратительный аппарат, то, может быть, получился бы материал, который позволил бы судить об успехах смычки с крестьянством лучше, чем какие бы то ни было тезисы.

(Я. Яковлев. „Деревня, как она есть". Изд. 1923 г.).

Покупная способность деревни.

По данным статистико-экономического управления Наркомвнуторга, денежные доходы деревни в 1922—23 году определяются в 1.332.000.000, в 1923 — 24 году в 1.888.000.000 р., при чем по итогам сельско-хозяйственной продукции оба года приблизительно равны, но нынешний год дал увеличение доходов деревни в связи с сжатием „ножниц" и повышением против прошлого года цен на с.-х. продукцию.

При попытке определения денежных доходов деревни в 1924—25 году статистическо-экономический отдел Наркомвнуторга исходил, с одной стороны, из ухудшения видов на урожай, с другой—из увеличения цен на с.-х. продукцию и улучшения животноводства и других побочных отраслей сельского хозяйства. Таким образом, денежные доходы деревни в предстоящем году намечены приблизительно в 1.906.000.000 руб.

Расходы деревни на фабрикаты промышленности составили в 1922—23 году 441 милл. руб., в 1923—24 году 610 милл. рублей и предположены на 1925 год в 780 милл. руб. Уве-

личение деревней потребления фабрикатов об‘ясняется тем, что в предшествующем году деревня восстанавливала свое хозяйство и поэтому меньше тратила на фабрикаты, а с улучшением хозяйства увеличила свои закупки продукции промышленности. В отношении мануфактуры можно отметить расход деревни в 1922—23 году в 41 милл. руб., в 1923—24 году в 57 милл. руб. и в 1924—25 году предполагается сбыт на 76 милл. руб.

В общем и целом можно вывести заключение о значительном увеличении покупной способности населения не только города, но и деревни, где емкость рынка по сравнению с предшествующим годом увеличилась на 42 проц.

Приведенные выше цифры являются приблизительными и ориентировочными, выведенными без учета увеличения в этом году посевной площади.

(„Известия“ от 31/VII. 1924 г.).

Низовой советский аппарат.

I. Сельсоветы.

ЦКК и РКИ было произведено обследование[1] 129 сельсоветов, но лишь по 117 имеются данные о количестве членов сельсоветов. В среднем на сельсовет приходится 7,6 членов. Наиболее многочисленные сельсоветы встречаются на Украине, где обследование не отметило ни одного сельсовета с количеством членов меньше 25. Затем следуют Дагестан и черноземная полоса. Напротив, в черноземном районе огромное большинство (до 70 проц. сельсоветов) имеет по 1—3 члена.

В обследованных местностях один депутат сельсовета приходится в 34,4 проц. на 200 жителей, в 53,1 проц.— больше чем на 250, и лишь в 12,5 проц.—на 200—250 жителей. Эти данные указывают на то, что только в 12 проц. сельсоветов число членов сельсоветов соответствует требованиям „Положения о сельсоветах“. В подавляющем большинстве случаев действительное положение вещей далеко не совпадает с требованиями закона.

Сведения о классовом составе членов сельсоветов дают следующую картину: крестьян приходится на сельсовет 98,4 проц., рабочих и интеллигентов—по 0,8 проц. Крестьяне-депутаты по своему имущественному состоянию распределяются так: бедняков—43,5 проц., середняков—51,8 проц., кулаков—4,7 проц. Огромная часть депутатов принадлежит

[1] Обследование произведено в конце 1923 года.

к беспартийным. Из 225 членов по обследованным 105 сельсоветам коммунистов всего лишь 20 человек (под коммунистами имеются тут в виду члены РКП, кандидаты и члены РКСМ).

Больше всего беспартийных приходится на Белоруссию (все 100 проц.), на нечерноземную полосу—95,5 проц.; меньше всего на Украину—27,3 проц., что об'ясняется тем, что на Украине сельсоветы в значительной части находятся в руках незаможников, среди которых число коммунистов весьма значительно.

По грамотности депутаты сельсоветов распределяются следующим образом: грамотных—58,8 проц., остальные малограмотные или вовсе неграмотные. Больше всего неграмотных приходится на Дагестан, меньше всего на нечерноземную полосу и Украину.

Сведения о техническом персонале сельсоветов имеются по 66 сельсоветам. В 16 из них канцелярские обязанности несут выборные члены, а в 50 вольнонаемные работники, главным образом, по одному секретарю.

На местах наблюдается крайняя пестрота в оплате труда как выборных, так и технических работников сельсоветов. Большие колебания наблюдаются в пределах одной и той же губерний, иногда одного и того же уезда. Размер зарплаты для председателя и членов сельсовета колеблется от 60—80 коп. до 4—5 рублей в месяц, а для секретарей—от 60 коп. до 4 рублей. Исключение составляет лишь Ленинградская губерния, где заработок сельских работников значительно выше—от 3 р. 80 к. до 17 руб. в месяц. Наиболее часто встречается цифра от 2 до 3 р. 50 к.

Сохранилась до сих пор натуральная форма оплаты сельсоветов, при чем заработная плата в натуре наблюдается чаще, чем в денежной форме. Размер оклада в натуре колеблется от 20 до 100 пуд. хлеба или же определяется подушным исчислением по 2—$2^1/_2$—5 фунтов хлеба с едока в год.

Обследование ЦКК и РКИ находит материальное положение работников советского аппарата в деревне весьма тяжелым, а для громадного большинства сельсоветов „катастрофическим“.

Характер деятельности сельсоветов вполне аналогичен с деятельностью волостных исполкомов. На повестку ставятся вопросы политические, хозяйственные, доклады, отчеты, организацибнные, финансовые, налоговые, коммунальные, об общественной взаимопомощи и культурные. Всего чаще ставятся вопросы хозяйственные, политические и финансово-налоговые. Затем следуют вопросы организационные и культурные. На последнем месте стоят вопросы об общественной взаимопомощи, коммунальные и отчеты.

На ряду с сельсоветами собираются сельские сходы. Данные по 44 сельсоветам указывают на то, что в среднем на каждый сельсовет приходится по 13,4 схода в год.

В обследовании ЦКК и РКИ говорится, что „какого-либо заметного влияния на работу сельских сходов кулацкого элемента не обнаружено“. Нужно отметить, что это утверждение не совпадает с выводами других авторов, занимавшихся обследованием нашей деревни, и нуждается в проверке.

(Статья Эрдэ в „Известиях“ от 24/VII 1924 г.).

В деревне вы редко встретите сельский совет, работающий в полном составе членов, самостоятельно решающий все касающиеся данного селения вопросы и несущий полную ответственность за них.

Это явление, по нашему мнению, не представляет из себя характерной особенности, присущей одной только Татреспублике, а распространено по всей территории РСФСР.

Все повседневные текущие дела сельсоветов ведутся только двумя его членами, а именно—председателем и секретарем. Остальные, более серьезные вопросы решаются всей

деревней на обыкновенных сходах. Вследствие этого крестьяне не придают особенного значения выборам в сельсоветы и смотрят почти безразлично на личность выбираемых. Раньше при выборах никогда не руководствовались инструкциями и указаниями волисполкомов и кантисполкомов, но в последнее время в некоторых селениях выборы в сельсоветы начинают принимать нормальный вид и выбранными оказываются лица, более соответствующие своему назначению и более деловитые.

Неудачные выборы членов сельсовета отзываются отрицательно и на его работах. Например, при обследовании канцелярии сельсоветов [1], мы наткнулись на такой курьезный случай: секретарем одного сельсовета является бывший николаевский солдат, прослуживший на военной службе 7 лет и научившийся там грамоте. Разобраться в его журналах было совершенно невозможно. Написанное им, он может читать только сам. Поэтому все бумаги, направленные в волисполком, и сопровождает он сам.

Между тем, в этой деревне имеются хорошо грамотные молодые люди. На наш вопрос, почему секретарем сельсовета не выбирают одного из них, хорошо грамотных и поэтому могущих принести деревне больше пользы, крестьяне дали нам следующий ответ:

„Они еще молоды, не знают жизни. В настоящее время в сельсовете очень большая работа, для выполнения которой требуется человек, знакомый с положением деревни“.

Это безусловно неправильный взгляд. Сознательная, хорошо грамотная молодежь, участвовавшая на красных фронтах, пережившая все ужасы голода, отлично знает и Советскую власть и деревню и сможет великолепно управлять последней.

Хотя и очень редко, но все же встречаются такие сельсоветы, которые большинство вопросов решают самостоя-

---

[1] Речь идет об обследовании сельсоветов Татреспублики, произведенном в 1923 г.

тельно без сходки, прибегая к ее помощи только для решения исключительно важных вопросов, как налоговые вопросы, раздел земли и другие.

Как на один из таких советов, можно указать на сельсовет дер. Ст. Шаймурзы, Буинского кантона. Председатель этого совета—член партии с трехлетним стажем, хорошо грамотный, пользующийся большим авторитетом среди крестьян. Ст. Шаймурзы—громадная деревня и поэтому много работы и в сельсовете. В канцелярии работают два писаря; один выборный—секретарь сельсовета, другой—наемный, исполняет должность делопроизводителя. Дела ведутся на татарском языке. При введении татарского языка воспользовались теми руководствами, которые составлены для русского языка. Все бумаги, полученные свыше, совместно с копиями ответов на них, пришиваются в особые дела.

При сельсовете организована еще ячейка, обязанность секретаря которой исполняет тот же председатель.

Как в сельсовете, так и в ячейке все необходимые для комиссии материалы представляли очень скоро. Распределение крестьянских хозяйств на вышеприведенные группы, экономическое состояние их до голода и в настоящее время можно вывести прямо из книг сельсовета. Хранятся в книгах также и все сведения об умерших от голода, о возвратившихся беженцах голода, о пустующих землях и др. При необходимости можно найти все эти сведения без всякого труда.

Если бы представилась возможность дополнить этот сельсовет еще двумя—тремя более сознательными товарищами, дальнейшая судьба деревни была бы обеспечена, и нам не пришлось бы думать об управлении ее общественной, экономической и политической жизнью. Но, к сожалению, таких советов весьма и весьма мало.

(Р. Сабиров.—„Деревня Татреспублики после голода“, изд. 1923 г.).

Примером безличного сельсовета, по данным комиссии, может служить сельсовет с. Старо-Марьевки, Ставропольской губ. [1].

Первый вопрос, который возникает при оценке деятельности сельской власти, это—какой слой он представляет и чьи интересы выражает. Старо-Марьевский сельсовет представляет безусловно менее зажиточную часть населения, так как в составе его середняки и зажиточные составляют незначительное меньшинство, а бедняки и маломощные—абсолютное большинство. Кроме того, в составе совета имеется 42% (11 из 26-ти) коммунистов.

Гораздо труднее ответить на вторую часть вопроса, чьи интересы совет выражает. Казалось бы—бедноты. Но реально этого „выражения" не существует ни в какой форме. Имеют ли основание зажиточные быть недовольными своим советом. Тоже нет, так как совет их не обижает. Например, имущество ушедших с белыми осталось нетронутым; не поставлен предел к растущему экономическому влиянию зажиточных над бедными. Короче говоря, совет не имеет определенной политической физиономии. Поэтому он не заслужил ни особой любви бедноты, ни особого недовольства противоположной части населения.

Дела у совета очень много. Он тонет в бумажном потоке. Близость города лишь усиливает этот бумажный дождь, хотя до некоторой степени помогает улучшить чисто техническую постановку дела. Если во главе совета стоит бывший рабочий-кустарь, член РКП т. Затерюкин, то канцелярией управляет прожженый человек, давно работающий по этой части и у земского начальника и спасавшийся от войны в госпитале и инженерной дистанции, некто Павин. Порядок он завел, и бумажка посылается аккуратным образом куда следует и как следует. Когда говоришь с ним, как-то невольно у него получается, что все и вся держится лишь

---

[1] Обследование от 1923 г.

на нем одном, что не будь его—пропал бы сельсовет, а тут до пропажи Советской власти рукой подать. Одним словом, порядок „по-городскому“ чувствуется повсюду. Но по сути дела, совет далеко не справляется со своей задачей.

(„Как живет и чем болеет деревня“, изд. 1924 г.).

II. Волисполкомы.

Прежде, нежели говорить о волисполкомах, следует познакомиться с физиономией новой волости, т.-е. с размерами ее, как по площади, так и по количеству населения, и с иными хозяйственными чертами ее.

Площадь обследованных областей[1] (13 губерний, одна автономная и одна национальная республика) охватывает около 40 тыс. кв. верст. Площадь отдельных волостей колеблется от 50 до 3.500 кв. верст. В одной и той же губернии (Ленинградской) имеются волости—Вознесенская и Губаницкая,—размеры которых колеблются очень сильно (от 3.500 до 300 кв. верст). Наибольшее число обследованных волостей (44,7 проц.) имеют площадь от 200 до 500 кв. верст, 25,5 проц. волостей—от 500 до 1.000 кв. верст, 19,1 проц.—менее 200 кв. верст и 10,7 проц.—свыше 1.000 кв. верст. В общем около 70 проц. волостей приходится на группу от 200 до 1.000 кв. верст. В нечерноземном районе на эти группы приходится только 66,6 проц. с явным преобладанием группы в 201—500 кв. верст и с заметным количеством (22 проц.) волостей менее 200 кв. верст.

Волости черноземного района почти целиком укладываются в пределах этой последней группы. Волости же Украины на 75 проц. размером от 200 до 1.000 кв. верст.

---

[1] Речь идет об обследовании конца 1923 г. ЦКК и РКИ; подробности обследования опубликованы в специальной работе „Волисполкомы и сельсоветы“, изд. 1924 г.

Белорусские волости (всего обследованы две) мелки,—до 200 кв. верст.

Изменение границ происходило в $^3/_4$ из обследованных волостей, при чем $^3/_4$ волостей „образовались до революции“. Только у 28 проц. дореволюционных волостей остались старые границы.

В обследованных волостях населения имеется 814 тысяч человек. Количество населения на одну волость колеблется в больших пределах: в нечерноземных волостях 66% волостей имеют население от 5 до 15 тысяч жителей. Черноземный район характеризуется 71 проц. волостей с населением от 15 до 25 тысяч человек. Дагестанские волости на 80 проц. населены от 5 до 10 тысяч человек. Украинская волость на 87,6 проц. имеет населения от 25 до 30 тысяч человек.

По всем волостям типичной является группа от 5 до 10 тысяч жителей на волость, но в отдельных волостях размер населенности сильно уклоняется от приведенных цифр, в пределах от 1.375 человек (Краснореченская волость, Саратовской губ.) до 49.667 человек (в Новомосковском районе, Екатеринославской губ.).

Еще более резки различия в плотности населения волостей. Почти $^2/_3$ волостей приходится на группы плотностью до 45 человек на одну кв. версту. По районам типичная плотность распределяется так: а) в нечерноземном районе 79 проц. волостей имеют на 1 кв. версту до 45 человек; б) на Украине 66,6 проц. волостей—свыше 45 человек; в) в черноземном районе—50 проц. до 45 человек и 50 проц. свыше 45 человек.

Дагестан приближается к нечерноземной полосе РСФСР, а Белоруссия—к черноземной.

Колебания плотности населения опять-таки чрезвычайно велики—от 1,5 человека (Шимозерская волость, Ленинградской губ.) до 184,8 (Васильковский район, Киевской губ.).

Плотность населения по всем волостям 25,7, а за исключением трех северных уездов Ленинградской губ.— 41,5. Степень населенности характеризуется такими данными:

На одну волость приходится: а) в нечерноземном районе 2.073 хозяйства, б) в черноземном районе 2.423, в) на Украине 6.702, г) в Дагестане—2.591, д) в Белоруссии— 1.911. Средняя украинская волость насчитывает максимальное число хозяйств.

Число сельсоветов, приходящихся на различные волисполкомы, различно, колеблясь от 3 до 37. Но в типической группе волостей (40,5 проц.) на волость приходится от 6 до 10 сельсоветов. В нечерноземном районе около половины волостей насчитывает свыше 10 сельсоветов, при чем имеется 5 волисполкомов с числом сельсоветов более 20.

На один сельсовет приходится: а) в нечерноземном районе 6,3 селения, б) в черноземном — 5,5, в) на Украине — 3,4. г) в Дагестане—4,1. В среднем—4,9.

На Украину приходится минимальное число селений на один сельсовет.

75 проц. всех виков имеют среднее расстояние до сельсоветов от 3 до 12 верст с преобладанием расстояния от 6 до 9 верст. Нечерноземный район дает большие отклонения от этих цифр. Черноземный же район лишь в одном случае дает расстояние до 3 верст и ни одного свыше 12. На Украине все 100 проц. волостей размещаются в пределах 6—15 верст. Расстояния до сельсоветов в украинских волостях в среднем выше, чем в волостях прочих районов, но более равномерны.

В обследованных волостях наблюдается следующая картина состояния путей сообщения и связи:

Железные дороги прорезывают 13 волостей, при чем в 10 волостях имеются станции. В общем же кратчайшее расстояние от волисполкома до железнодорожной станции у 27 проц. до 5 верст, у 16 проц.—от 6 до 10 верст,

у 11 проц.—от 11 до 15 верст и у 46 проц.—свыше 15 верст (до 144 верст).

Водные пути сообщения имеют известное значение лишь для 4 волостей. Шоссе является редкостью.

Что касается сети грунтовых дорог, то она находится в прямой зависимости от площади волости. Плотность сети тем ниже, чем больше площадь.

Состояние грунтовых дорог, как указано в работе ЦКК и РКИ, различно, смотря по району. Крайним типом является, с одной стороны, Натальинская волость, Саратовской губ., где твердый глинистый грунт сам по себе освобождает волисполкомы от необходимости прокладывать искусственные пути; с другой стороны, Шимозерская волость, Ленинградской губ., где единственная дорога в 36 верст не допускает скорости движения больше 3 верст в час.

Отмечается скверное состояние путей сообщения в Белоруссии, где мосты частью „разрушены до основания и во многих местах засыпаны землей“.

Наличие почтово-телеграфных отделений отмечено в 65 проц. обследованных областей. Телефонные станции имеются в 19 волостях из 45 (42 проц.).

В общем типическая волость нечерноземного района характеризуется следующими данными: средняя площадь ее не превышает 800 кв. верст, но на крайнем севере (бывш. Олонецкая губ.) эта территория расширяется до 3 тыс. кв. верст и выше. Если же север исключить, то площадь нечерноземной волости центра занимает 360 кв. верст. Население здесь разбросано многочисленными мелкими поселениями в среднем по 87 на волость. Дороги плохи, сеть их в северных волостях ничтожна. В центре сеть дорог гуще и состояние их лучше.

На Украине типичная волость (или „район“) имеет другие особенности: здесь волость крупнее центральной черноземной и заключает в себе в полтора раза больше населения; населенность плотнее. Здесь отмечены крупные гу-

стонаселенные селения (около 200 хозяйств и более 1.000 человек на каждое селение).

Типичная волость черноземной полосы РСФСР некоторыми своими особенностями приближается к волости нечерноземной полосы, а именно—площадью и количеством населения на одну волость. Другие особенности этой волости приближаются к типичным районам Украины (по количеству сельсоветов и селений на волость).

Надо отметить, что обследование ЦКК и НК РКИ охватило преимущественно крупные и укрупненные волости; и поэтому средние величины, выведенные обследованием, расходятся с данными НКВД и ЦСУ.

По данным ЦСУ и НКВД, средняя волость из 7.679 волостей европейской части РСФСР и Украины определяется в 470 кв. верст, с 10.780 чел. Сравнительно со средней волостью дореволюционного периода размеры нынешней средней волости лишь немного крупнее.

Конечный итог, к которому приходит ЦКК и РКИ на основании обследования, сводится к следующему: „Только при крепкой связи крепкий административный центр способен справиться с работой по обслуживанию интересов свыше 10 тысяч населения, расселенного на территории в 22 версты в квадрате и свыше чем с 50 поселениями".

(„Известия" от 20/VII. 1924 г.).

Волостные советы являются учреждениями, стоящими ближе всех других к деревне, в самом центре деревенской жизни. Когда бы вы ни подошли к исполкому, у его крыльца всегда найдете группу крестьян, прибывших по делам своего общества, или по своему личному делу. Во всякое время дня волисполком за работой. Здесь рабочий день не ограничивается часами или минутами, а определяется количеством работы, ее важностью и срочностью, наличием посети-

телей. Срочных дел, очередных и внеочередных кампаний в волостях можно насчитать десятками.

Наша комиссия в двух кантонах обследовала 4 волисполкома[1]: один русский, один чувашский и два татарских. В общем работу в волисполкомах можно считать удовлетворительной и вполне налаженной. Все распоряжения центра и кантисполкома проводятся в жизнь своевременно.

Установлена крепкая и деловая связь между волисполкомом и населением волости. Нормальному ходу работы мешает только отсутствие работников для работы в различных комиссиях или неподготовленность для этой цели наличных работников.

Например, работа в земельных комиссиях, имеющих громадное значение в крестьянской жизни, ведется весьма плохо. Члены комиссии незнакомы с земельным кодексом и не имеют ясного представления о своих обязанностях. Чтобы понять полную непродуктивность этих комиссий, достаточно только указать на то, что в некоторых деревнях даже не знают об их существовании.

В таком же положении находится и комиссия взаимопомощи. Дело крестьянской взаимопомощи не поставлено как следует ни в одной волости. При наличии в каждой деревне десятков сирот возвратившихся беженцев голода, не имеющих ни одной грядки посева, на эти комиссии надо бы обратить больше внимания и наладить на местах дело взаимопомощи.

При сознательном отношении к своим обязанностям, комиссии взаимопомощи могли бы засевать значительную часть пустующих участков и этим обеспечить бесприютных сирот и ослабленные хозяйства.

Но комиссии засевали всего лишь 5—6 десятин земли на всю волость.

---

[1] В Татреспублике, в 1923 г.

Несмотря на все эти недостатки волисполкомов, осуждать их слишком строго не приходится. Во-первых, со дня появления земельных законов прошло еще не так много времени, и с ними еще не успели хорошенько познакомиться не только члены волисполкомов, но и работники кантонного и даже центрального масштаба. Волисполкомы также недостаточно информированы о работах комиссий взаимопомощи. Во-вторых, волисполкомы слишком завалены работой, что иногда задерживает даже проведение самых срочных кампаний.

Поэтому, вместо того, чтобы обвинять волисполкомы за их недостатки, нужно принять меры к устранению этих недостатков в будущем.

В минувшие годы большинство председателей и членов волисполкомов состояло из верхушек деревни, но последний состав несколько отличается от прежних и в волисполкомах преобладают представители среднего слоя. Почти в каждом волисполкоме работают 2—3 партийных товарища.

По образованию и политическому развитию почти все 100 проц. волостных работников занимают самый низкий уровень.

В волисполкомах хотя и получаются газеты, журналы и новая советская литература, но их мало читают даже члены волисполкомов и партийные. Вообще волостные работники мало следят за ходом событий и за политической и экономической жизнью не только иностранных государств, но даже своей страны.

Вследствие этого волисполкомы, в настоящей их постановке, хотя и являются хорошими техническими органами, проводящими в жизнь все распоряжения центральной власти и исполняющими обязанности посредника между последней и деревенским населением, но не могут быть культурными очагами, серьезно влияющими на политическую и общественную жизнь деревни.

Нам очень много придется поработать для устранения этих недостатков волисполкомов, занимающих самую важную

позицию между правительством и крестьянством. Ясно, что и в этой работе прежде всего нам потребуются вполне подготовленные работники. Вообще мы не обойдемся без переброски в волости по 2—3 работника в каждую для ведения культурно-просветительной и организационной работы, по кооперации и др. Только тогда волисполкомы могут выполнить свою задачу по укреплению Советской власти в деревне.

(Р. Сабиров—„Деревня Татреспублики после голода", изд. 1923 г.).

Являются ли волисполкомы инициативными творческими советскими ячейками или только исполнительными? Указание на этот счет дает нам один из волисполкомов Касимовского уезда, Рязанской губернии, и свидетельство его подтверждается всей массой протоколов: „Самое главное внимание обращалось на проведение в жизнь всевозможных распоряжений высших органов, а также на проведение всевозможных налоговых кампаний". Коротко и нехорошо. Не хорошо потому, что при нарастающем темпе хозяйственного и культурного строительства в деревне чрезвычайно важно, чтобы она проявляла через свои органы управления максимальную самодеятельность, а не только шла на помочах у уездного центра.

(Из ст. С. Тагера „Работа волисполкомов", „Известия", май, 1923 г.).

Волисполком в данное время превращен исключительно в административный центр, выполняющий задания вышестоящих органов. Отношения с населением у него сложились только в форме—„всё давай". Фактически волисполком никаких запросов и нужд населения не обслуживает. Есть такие волостные исполкомы, где мы имеем целиком беспартийных членов, мало или совсем не сведущих в вопросах советского строительства, и пьяного секретаря из бывших волостных писарей. Нечего и говорить, что опыт 5-летней работы они совсем не усвоили. А какое влияние

проводит такой волисполком? Может ли быть население довольно таким исполкомом? Наш госаппарат нуждается в притоке из партии опытных работников, тем более это надо сказать про первичные ячейки Соввласти. Там безлюдье ощущается прямо-таки болезненно. Чтобы восполнить пробел в волости, надо бросить работников с уездным опытом и практикой. Но еще хуже дело обстояло со средствами; низовой аппарат почти не снабжался. Все это были подачки, при чем несвоевременные и не полные. Он пробивался до сих пор в невероятно тяжелых условиях и вынужден был устанавливать свои налоги и сборы. Были поборы и просто кормежки по дворам. Нечего скрывать, в черном теле мы держали такой важный аппарат, и тут грех и беда наша общая. Все мало-мальски ценные, самодеятельные работники вынуждены были бежать из волости, а оставшиеся в таких условиях быстро разлагались. Начинали брать взятки и потакать самогонщикам. Такова, в общих чертах, картина состояния нашего волостного аппарата.

(Из ст. М. Болдырева „Как укрепить волостной аппарат", „Известия", май, 1923 г.).

Ни для кого не секрет, что работа нашего низового аппарата в смысле обеспечения его живыми работниками протекает крайне ненормально. Естественно поэтому, что в волости частенько встречаются серьезные злоупотребления. Пензенская „Трудовая Правда" указывает на случаи, когда налоговые поступления, как в натуральной, так и в денежной форме, растрачивались. А так как налоги приходилось все-таки сдавать в финотдел полностью, то для пополнения затрат волости производили дополнительные сборы. Крестьяне, плохо разбираясь в инструкциях и декретах или в большинстве совершенно их не зная, безропотно исполняют требование об уплате дополнительного обложения. В волости укоренился также другой советский бич — взятка. Более

всего обидно, что по волостной власти крестьяне судят о Советской власти вообще. Конечно, с злоупотреблениями необходимо бороться суровейшим образом путем беспощадных репрессий. Но в то же время нельзя упускать из виду, что причина этих злоупотреблений часто коренится в полной необеспеченности волостных работников. Не взирая на совершенно определенное решение IX С'езда Советов о содержании всех трех членов волисполкома за государственный счет, чуть ли не до последнего времени оплачивался только один председатель. Лишь к концу 1922 г. начали оплачивать и остальных членов волисполкома, но по такой низкой ставке, которая фактически не дает возможности работникам существовать. Мы знаем, какую тяжелую работу ведут волостные работники, обслуживающие население огромного района. Они не знают отдыха ни днем, ни ночью. И при такой безумной трате энергии и сил жалованья, которое получает из государственных средств волостной работник, еле хватает ему на хлеб. Такое положение чрезвычайно унижает волработника, особенно в глазах волостных кулаков.

(Из ст. Г. Нерадова „Волостной работник должен быть обеспечен", „Известия", май, 1923 г.).

Председатели и члены президиумов Исполкомов в большинстве своем — коммунисты, в селах по-преимуществу крестьяне из коренных жителей. Связь ответственного состава с партией, рабочим классом и местным коренным крестьянством в лице этих работников, таким образом, как будто установлена надежно. Но фактически она прорывается то там, то здесь такими, примерно, явлениями: работник малограмотен, плохо справляется с работой или на свое хозяйство отвлекается, или выпивает, или не инициативен, нет административных способностей, нехозяйственен, кругом в родстве и свойстве, по ногам и рукам спутан или—

обратно—пришлец, чужак, которого только в силу этого одного долгое время не долюбливают и т. д. и т. п.

Ответственная работа в станицах и селах, помимо чуткого учета всех особенностей вообще и данного села или станицы, в частности, и непременной, безусловной хозяйственности работника в общественных делах, требует по своему разнообразному содержанию и особой разносторонности качеств работника. Естественно поэтому, что подбор председателя и членов президиумов нередко оказывается мало удовлетворительным; точно также и в техническом аппарате встречаем людей, которые должны бы быть далеко за его пределами. Напр., тип секретаря—„прожженного человека", умеющего только угождать начальству и угодить ему, секретаря-формалиста, для которого существо дела—нуль, но лишь бы форма была, секретарей, у которых под наблюдением большой не по плечу им делопроизводственный аппарат, в котором один перегружен, другой болтается и т. д.

Город пока еще не дал низовому аппарату необходимых сил и хорошего руководства. Наоборот, явления оторванности города от деревни отмечаются всеми обследованиями, а также отмечается и дезорганизующее, неумелое руководство города деревней.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

Рязанская школа секретарей волисполкомов реорганизуется в постоянные курсы по переподготовке наличного состава секретарей ВИК'ов. Согласно постановления ГИК'а через эти курсы должны пройти все секретари волисполкомов[1].

(„Известия", июль, 1924 г.).

---

[1] Подобные школы или курсы организованы уже почти в каждой губернии. Несомненно, они дадут значительные результаты, а отчасти уже и дали их.

Во всей работе волисполкома можно проследить, что волисполком стоит на перепутье. С одной стороны, его давят еще традиции вчерашнего дня, с другой стороны, в силу некоторого культурного роста деревни, начинают выдвигаться другие вопросы: вопросы об агрономической помощи, вопрос о землеустройстве, о школе и т. п. Этот вчерашний день, который в значительной степени продолжает быть и сегодняшним днем в волисполкомах, может быть характеризован такого рода справкой. На каждого крестьянина, не внесшего налога, к нашему приезду[1] было составлено 19 бумаг, которые в общем прошли на лошадях около 250 верст.

1) В случае, если крестьянин не платит налога, сельсовет составляет на него акт (соответствующая бумага отправляется в десятиверстный путь, в волость к фининспектору). 2) Фининспектор, взяв за основу заключение сельсовета, составляет свой акт и направляет его уже со своим заключением к инспектору-контролеру (15 верст). 3) Контролер дает свое заключение и направляет бумагу в Уфо (25 верст). 4) Зав. Уфо налагает административное наказание (бывает так: Грошин—бедняк, форменный пролетарий, член РКП—7 суток, Сергеичев—зажиточный, у которого хозяйство „что надо"—двое суток). 5) Зав. Уфо направляет свое решение к райконтролеру для исполнения (25 верст). 6) Райконтролер направляет к начальнику милиции для исполнения (15 верст). 7) Начальник милиции распоряжение об отсидке направляет в сельсовет (10 верст). 8) Сельсовет вызывает гражданина и отправляет его сидеть с соответствующей бумагой на руках (10 верст). 9) Отсидевший идет домой с соответствующей препроводилкой (10 верст). 10) Сельсовет пред'являет отсидевшему требование: уплати в трое суток налог и отбирает в этом подписку. 11) Так как административное наказание в 95% не дает никаких результатов, то сельсовет снова дает свое

[1] Речь идет о Знаменской волости, Тамбовской губ.

заключение (расстояние между сельсоветом и крестьянином не будем считать, хотя и оно достигает 5—7 верст). 12) Сельсовет свое заключение препровождает финагенту (10 верст). 13) Финагент препровождает акт с заключением сельсовета к райфининспектору (15 верст). 14) Райфининспектор направляет в Уфо (25 верст). 15) Уфо направляет в суд (количество верст не поддается учету).

Даже в укрупненном волисполкоме по точному расчету, нами произведенному, 90% всей работы падает на работу налоговую. Удивительно ли после этого, что по такому важнейшему вопросу, как посевная кампания и т. п., волисполком, на старших глядя, ограничивается отпиской, вроде того, что „признать необходимым помощь маломощным" или „признать необходимым засеять весь яровой клин" и т. д., и т. п.

Если мы хотим серьезно поставить вопрос о превращении низовых органов, волостных и сельских в органы местного самоуправления и управления, в низовые ячейки Сов. власти, то мы должны поставить налоговую работу в такие условия, чтобы она не вытесняла всех остальных работ. Позволят это проделать только переход к волостному бюджету и освобождению низовых советских органов от бюрократического творчества вышестоящих аппаратов...

(Я. Яковлев—„Наша деревня", изд. 1924 г.).

III. Милиция.

Над помещением, где работает исполком, в пространном мезонине находится управление деревенской милиции. Начальником милиции состоит запасный красноармеец Касьянов. Ему перевалило уже за тридцать, роста он невысокого, строгий, очень строгий и спокойный, тихий, неразговорчивый, с острым носом и острым взглядом.

Касьянов дрался на разных фронтах ровно пять лет, получил восемь ран и познал доподлинно, что такое дисциплина, порядок, смелость, беззаветность.

Получив две последние раны в Карелии, долго он пролежал в госпитале, а потом, выйдя в запас, был назначен на пост начальника милиции в волость. Явился.

— Касьянов, вновь назначенный на пост...

Но что такое? Что за чепуха? В управлении милиции невероятная вонь самогона. В комнате с низким потолком на столах бутылки с недопитой влагой, несколько обалделых фигур с красными физиономиями, и среди них уволенный начальник,—и запах, этот отвратительный запах одуряющего напитка...

— Что это такое?!...

Об'яснение дал сам уволенный начальник милиции.

— Так что... видите ли, я покидаю пост...—заминаясь и улыбаясь ответил он.—А это...—он указал на пьяную публику,—провожающие меня...

Провожающие, увидя новое лицо, несколько оторопели. Повставали, выпучили одурелые глаза, хлопали веками... Касьянов бросал на них грозные взоры.

— Вы кто такие?—раздался начальственный вопрос.

— Мы-ы... Мы-э-э... И-й-ик... Земляки.

— Это он вам разрешил пить в управлении рабоче-крестьянской милиции?

Касьянов ткнул пальцем в нетвердо стоявшего уволенного начальника.

— Очень уж хороший челове-эк... Так мы-ы, значится, провожаем...

Острое лицо и острый нос Касьянова налились кровью, маленькие глаза запылали гневным огнем.

— Вон отсюда!—закричал он.—Милиционер! Посадить их за решетку, пока не отрезвеют!

Милиционер мгновенно предстал перед провожающей компанией и сделал жест: „Пожалуйте вон отсюда“!

Сильнейшее изумление охватило пьяную братию. Шагнула она к выходу, но один из нее остановился и взмолился:

— То-есть, что же тут такое случилось? Разве нельзя хорошего человека проводить честь честью? Где же это видано, чтобы это... людей приличных, как говорится, да шасть за решетку!.. Позвольте, товарищ любезный...

— Посадить без разговоров! До полного отрезвления!

Бурно началась деятельность нового начальника милиции, боевого и дисциплинированного Касьянова. Уволенный Колосков, обожая крепкую влагу, натворил столько всяческого безобразия, что, кажется, в год целый его не выметешь. Запах самогона несся почти из каждой крестьянской избы, пьяные шатались по улице, разгул был безбрежным; ободряемое скверным законником, крестьянство просто ошалело от хмельного яда, и веселье было такое, что дух захватывало. Пили мужики исподтишка, а то и с полной откровенностью, напивались бабы, прикладывались к бутылкам и малые дети...

У нового начальника милиции, верного и преданного законам Советской Республики, волосы встали дыбом, круги зеленые заходили перед острыми глазами. Он тотчас же организовал трехмесячник борьбы с самогоном; он поставил на ноги весь невеликий штат милиции, состоящий всего из двенадцати человек! А район, вверенный его зоркому оку, заключал в себе свыше полутораста пьянствующих деревень!..

В помощь явной милиции Касьянову пришлось образовать по деревням еще и тайную. Закипела отчаянная работа. Яростные обыски дали великие результаты. Народному волостному судье Грабову были переданы сотни дел о самогоне. И народный судья, тоже верный сын Советской Республики, стал косить направо и налево. Кроме основного наказания, он накладывал еще и жестокие штрафы, и только голая беднота — какая-нибудь многодетная вдова или захудалая старушонка — попавшая в поле зрения невиданного еще законника, Касьянова, освобождались от штрафов.

Вой, стон и скрежет зубовный пошли по пропахшим водкой деревням. Пьянствующее и торгующее крепкой влагой крестьянство выпучило в ужасе глаза. Новый начальник милиции показался всем страшным разбойником, от которого никому не было пощады. И невозможно было укрыться от его зоркого ока... хоть в землю на сто саженей уйди—все равно откроет!..

В такой то деревне завтра должна состояться свадьба. Тайная агентура докладывает Касьянову, что в доме молодых припасено, кроме всего прочего, порядочно самогону.

Касьянов приводит себя в порядок, садится на тележку и отправляется на свадьбу.

— Никаких не может быть попущений!..

И в самый разгар свадебного веселья появляется, словно привидение, грозный начальник закона и порядка. Хозяину не верится, что он приехал по какому-нибудь кляузному делу,—не может быть! Это визит доброго человека по случаю редкого празднества. С распростертыми об'ятиями хозяин спешит навстречу Касьянову, но у того слишком сердитый вид, и хозяин замирает на месте. Гости с изумлением глядят на нежданную администрацию... Замерла разудалая гармоника, оборвалась пляска, песня лопнула на полузвуке... Чья-то рука застыла в воздухе с рюмкой...

И среди общей тишины и нелепо застывших фигур Касьянов, ни слова не говоря, устремляется к столу с яствами, берет бутылку и нюхает своим острым носом...

— Самогон!

Хозяин и гости в отчаянии.

— Помилуйте, Павел Митрофаныч!.. Ведь свадьба!.. Во сколько это лет!..

— Все равно. Существует одно положение: не разрешается ни на свадьбах, ни на похоронах! — чеканит Касьянов.

Помощник его пишет протокол—и дело передается судье Грабову. Проходит несколько времени—и неумолимый судья

впивается взором своим в виновника свадебной пьянки. Стоит он, солидный, высокий, крепкий, видимо, работящий, трудолюбивый,—и добрая полусотня пар глаз слушателей смотрит на него.

— Виновеп?—спрашивает судья.

— Нет, не виновен,—отвечает подсудимый.

— Но самогон пили?

— Пили. Только не я его принес в дом, а гости. Все сообща порешили веселиться по такому важному случаю.

Судья Грабов, осудивший доселе все сто процентов преступников по части самогона, на сей раз смягчается. Теперь он ничего не может поделать. Нет никакой возможности установить, кто добыл водку: хозяин или его гости, прибывшие из многих деревень. И сам того не сознавая, поддается он еще обаянию „такого важного в жизни человека события". Он выносит оправдательный приговор.

Начальника милиции Касьянова коробит такое решение дела. Он не хочет знать „важных событий", — он знает только одно:

— Водки не должно быть ни на свадьбах, ни на похоронах. Чтоб даже и запаху не было. На то—закон!..

Я как-то спросил Касьянова:

— Куда это вы пропадаете, Павел Митрофаныч?

— Как куда!—быстро ответил он.—Дела у меня всякого много. Ведь почти двести деревень на моем глазу. Везде ведь самому надо.

Он стал мне рассказывать о делах своих. В одной деревне украдено у тепловала около ста пар валенок. Три вечера пришлось потратить, чтобы найти воров. Обыкновенно, в деревнях случались кражи, но почти всегда они были мелкими, незначительными: пропадала какая-нибудь холстина, вывешенная на улице для просушки; исчезала вдруг чья-нибудь курица, заходившая на чужие дворы; пропадало чье-либо бревно, которое тотчас же находилось у соседа и, после отчаянной перебранки, возвращалось по при-

надлежности. Пропажа же ста пар валенок, естественно, являлась событием величайшей важности, — и ревностному Павлу Митрофанычу пришлось много поработать, чтобы раскрыть кражу.

Я видел потом целую гору валенок, которые валялись в помещении милиции, словно трофеи труда Касьянова и его помощников. Видел я еще и двух крестьян, в избе которых нашли эти валенки. Деревенские воры, впрочем, были на свободе и вели себя довольно непринужденно. В ожидании чего-то, они сидели на диване и дружелюбно переговаривались с одним милиционером. Через неделю—другую состоится суд над ними, им вынесут точный приговор по уголовному кодексу законов, дадут еще двухнедельный срок для обжалования в губернский суд в кассационном порядке, но это последнее—вздор: они на своем волостном суде чистосердечно сознаются в преступлении и не думают даже обращаться в губернский суд. Пройдет две недели после первого приговора—они будут арестованы и посажены в тюрьму. А пока что—они на свободе и пользуются всеми правами, как и незапятнанные граждане. Бывает, впрочем, что и до суда посадят за решетку какого-нибудь мелкого шаромыжника,— но делается это для устрашения: пойманный милиционером или агентом уголовного розыска воришка ни за что не хочет сознаться в своем грехе и всячески открещивается, — „я, мол, не я...“ Ну, его и посадят в отдельную комнату с решетчатыми окнами, заколотив ржавым гвоздем дверь, за неимением надлежащего запора. По прошествии трех-четырех часов упрямца извлекают на волю и опять допрашивают...

В былое, окаянное время считалось преступным для мало-мальски приличного человека—пожатие им руки полицейскому чину. Рука прежнего блюстителя тишины и порядка была нечистой, преступной, часто залитой кровью рабочего. Но теперешнему стражу закона и порядка я всегда крепко жму руку, и делаю это не потому, что он носит громкое звание:

— Представитель рабоче-крестьянской милиции РСФСР.

Нет, все эти многоговорящие слова могут быть поистине пустым звуком, если в управлении милиции раздастся звонкая оплеуха, или загудит глухой удар кулаков по голове, или случится что-нибудь еще более печальное. И было бы нестерпимо, еслиб в помещении милиции с утра до вечера гремела стосаженная брань, как это бывало в неизмеримом количестве и отборнейшем качестве в прежних, ум помрачающих, участках...

Нет, я жму руку милиционеру за то, что с его уст не слетает в различных склонениях слова „мать" и за то, что в каждом представшем перед ним двуногом он видит прежде всего—Гражданина РСФСР...

(Л. Григоров—„Очерки современной деревни", изд. 1924 г.).

В отношении милиции следует отметить, что по местам сеть ее слишком тонка, а работники часто неудовлетворительны.

Развитие самогона — хороший показатель слабости милиции: энергичная работа милиции неизменно приводит к сокращению винокурения. А таких „самогонных" мест еще достаточно.

Встречаются и иные факты; например, в селе Винодельном, Ставропольской губернии, милиция беспрерывно боролась с бандитизмом и тем заслужила признательность населения.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

IV. Суд.

Суд над провинившимися крестьянами происходит далеко не в торжественной обстановке: небольшой зал с грязными от времени обоями, запыленный потолок, грязный пол, уставленный грубо сколоченными некрашенными скамьями; на переднем месте—подмостки, на подмостках три незатейли-

вых стола и несколько стульев. На стене, перед публикой портреты Маркса, Ленина и Троцкого.

К началу заседания суда из отдаленных и близких деревень с'езжаются обвиняемые, обвинители, свидетели и заинтересованные родственники; иные крестьяне, оставляя лошадь для работы в поле, приходят издалека пешком, захватив с собою краюху ржаного хлеба. В ожидании суда вся прибывшая компания рассыпается на небольшие группы и проводит время в мирных беседах. Наряжено крестьянство—кто во что горазд; кто босой, кто в валенках, несмотря на жару, кто в рваных сапогах, а кто и в очень приличной обуви; одеянье у всех довольно плохое, за самым малым исключением. Женщины в более сносных платьях, а мужчины чаще всего в долголетних выцветших пиджаках или в давно не видавшей мыла ситцевой рубахе.

Отношение к деревенскому суду у крестьян в полной мере почтительное. У иных из выступавших, в качестве ли свидетелей, либо обвиняемых, я замечал в глазах так называемый священный ужас; иные, стоя перед судьей Грабовым и заседателями, сильно робели и, в страхе, бледнели и говорили прерывистыми голосами. Иные держали себя свободно и просто, быстро отвечали на вопросы судьи, вступали в прения со своими противниками.

А сам судья Грабов, работу которого мне привелось наблюдать в течение четырех дней, когда было рассмотрено около шестидесяти дел, — произвел на меня впечатление очень и очень отрадное. Такое же впечатление от всего судейского аппарата в волости осталось у ревизора из Москвы. Я присутствовал на этой ревизии — и вместе с ревизором удивлялся точности и порядку, заведенному Грабовым во всех разветвлениях волостной юстиции, и, кроме всего прочего, изумление вызывала невиданная еще в деревне литературность изложения заключений деревенского судьи—истинного сына деревни, прошедшего всего одноклассную приходскую школу.

Несомненно, это был самородок, развернувший свои духовные богатства только в годы великой революции. Чистейший коммунист с головы до пят, он пользуется большим уважением во всем уезде и может служить образцом для многих товарищей, работающих в городе...

Вот судится деревенский озорник и драчун. Много времени деревня терпела его, много синяков и шишек он наставил на крестьянских лбах и под глазами; сотни раз выводил из терпения тишайших односельчан, придираясь к ним по всяким пустякам, издеваясь пад ними и показывая на их спинах свою физическую силу. И никто не смей жаловаться, потому что озорник грозит и совсем кости поломать! И долго молча переносили глумление над собой односельчане: „еще и в самом деле кости поломает, разбойник!“. И терпели. Но нашелся один парень, которому не под силу было переносить издевки драчуна, и пожаловался этот парень судье Грабову.

— Я шутил...—оправдывался деревенский силач.

— А я чуть жив остался...—жаловался избитый.

— Мы знать ничего не знаем... — говорили свидетели, опасливо косясь на деревенского драчуна.

Судья Грабов быстро сообразил, в чем тут дело. Осторожно, словно крадучись, он стал расспрашивать робких перед физической силою свидетелей и постепенно вынудил их сказать всю правду про озорника. В результате—шесть месяцев принудительных работ. Озорник почти в беспамятстве от такого неожиданного финала, а крестьянство, на удивление мирное в огромном большинстве, ликует...

Нередко бывает и такое явление в деревенской жизни. Какой-нибудь шустрый парень, при разделе хозяйства, ловко подведет стариков—родителей его жены,—и сильно ожесточается этот парень, если кто-нибудь из стариков осмелится пользоваться переведенным на его имя добром. Он подает в суд—и судья Грабов ничего не может сделать

в пользу стариков. Он только злобно бросит в лицо легальному мошеннику.

— Ловко же вы обработали стариков!

А тот и глазом не моргнет. Он провел свою „работу" через земельную комиссию, все сделано в законном порядке, и никто не смеет теперь нарушать этот порядок. Тут проглядывает нечто от старого мира. Беспомощность народного судьи, следующего по указке юридической буквы, не может не вызвать досаду на несовершенство красной юстиции. Но здесь, впрочем, со стороны советских законодателей может последовать довольно веское возражение:

— Жизнь так сложна и так полна всяческими явлениями, что никакое законодательство не может угнаться за всеми ее видами. И единственный верный путь к искоренению нравственного уродства, это—широкое, всеоб'емлющее просвещение. И тогда юстиция отойдет на задний план и в будущем, быть может, займет место в архиве истории человечества...

(Л. Григоров—„Очерки современной деревни", изд. 1924 г.).

Суды и следственные власти не справляются с нагрузкой [1]. Следствие и судопроизводство превращаются в волокиту и вызывают ряд недоразумений и нареканий. В частности, в делах о самогоне,—самогон отбирается милицией у всех на виду и на слуху, а разбора дела долгое и весьма долгое время не слышно и не видно.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

Перед нами камера народного судьи Знаменского участка. Казалось бы, если судить по старинке, что может быть более бюрократического, чем суд, по соответствующим статьям

[1]) Речь идет о юго-востоке России.

кодекса накладывающий наказания на граждан. А этот суд превращен судьей, тов. Садовцом, в подлинную школу новой общественности.

Казалось бы, где можно проявить коммунистическую точку зрения в таком вопросе, как обмен коровы на лошадь?

Было одно такое дело.

Отдал бедняк торговцу лошадьми свою корову, да приплатил хлеба, чтобы лошадь купить. Купленная лошадь оказалась больной. По обычному буржуазному праву, раз покупатель видел лошадь, которую покупал, он знал, на что идет,—значит, делу конец. А тут суд разобрал дело и постановил корову и хлеб вернуть бедняку...

Особенное внимание крестьян привлекают дела по взысканию средств на содержание ребят.

Судья собирал несколько раз крестьянок, беседовал с ними, раз'яснял им советские законы. В результате, в течение 5 мес. до 30 таких дел накопилось.

Павлов—зажиточный крестьянин, поторговывает. Сарахина—дочь бедняка. Родился у них ребенок. Павлов сейчас на попятную: „Не знаю, кто в этом деле виноват"...

Суд дело рассмотрел и обязал Павлова платить на содержание родившегося у Сарахиной ребенка по 2 пуда муки и 1 пуду пшена ежемесячно до совершеннолетия.

По иску гражданки села Знаменки Ивановой, Марии Ивановны, к Новикову, Дмитрию Архиповичу, прирабатывающему ремеслом, суд постановил платить на содержание рожденного Ивановой от Новикова ребенка ежемесячно по 2 пуда муки и $1^1/_2$ пуда пшена.

Даже самогонное дело может стать школой советского строя. Предстали перед судом рядом два самогонщика: богатый и бедняк. Народу собралось столько, что суд пришлось перенести в Народный дом: в помещении суда места нехватало. Самогон дело выгодное: за четверть самогона 1 пуд хлеба дают, а из пуда 8 четвертей самогона можно выгнать. Оба занимаются этим прибыльным делом.

Но один—от бедности: ни лошади, ни коровы, одна земля, надо было на семена подработать к весне; другой—от богатства: две лошади, весь инвентарь. Первого приговорили к общественному порицанию с предупреждением, что в следующий раз будет наказан строго; второго посадили и имущество конфисковали.

Особенно важен для гражданского воспитания населения суд за незаконные действия власти. Выдал Никольский сельсовет удостоверение гражданке Семилетовой на бесплатное получение леса. В удостоверении указал, что у Семилетовой нет ни лошади, ни коровы, и изба развалилась. По проверке оказалось, что у нее и лошадь, и корова, и дом в порядке, и свиней немало. Суд привлек сельсовет к ответственности.

На беседах с крестьянами 4 сел мы проверяли отношение их к приговорам на содержание ребенка. Голоса за то, что „родился—и ладно, чего искала, то и нашла“,—лишь одиночные. Подавляющее большинство, даже степенные хозяйки, даже старые женщины считают, что „это самое добро для нас“.

Характерно то, что закон этот почти все бабы знают, хотя и неграмотны, хотя и на сходах не бывают: „Конечно, это нужно,—меньше детей невинных погибнет“.

Так новое врастает в старое.

Так и камера народного судьи 8 участка может превратиться в подлинную школу обучения советской конституции, советского права, новой морали.

За 5 месяцев несколько дел было возбуждено по газетным заметкам. Написал крестьянин заметку в „Тамбовской Правде“: „Позорные действия начальника милиции“. Судья доступным ему способом достоверность заметки проверил и возбудил против виновного уголовное дело. Материал направил губпрокурору.

Появилась другая заметка, также в „Тамбовской Правде“: „Мусор, а не семенная ссуда“. В результате направлено к прокурору дело о недоброкачественном отпуске Воронцов-

скому сел.-хоз. т-ву семенной ссуды Сампурским элеватором.

В газете появилось однажды письмо, обвиняющее правление сел.-хоз. т-ва с. Никольского в расхищении имущества. По ст. ст. 108 и 113 уг. кодекса дело было рассмотрено в народном суде. Председатель правления и 3 члена правления присуждены к лишению свободы.

(Я. Яковлев—„Наша деревня", изд. 1924 г.).

Коммунисты и комсомол.

Нашими коммунистами я называю всех тех лиц из населения нашей волости [1], которые состояли или состоят в РКП. Из них часть вступила в партию через местную ячейку, другие стали членами РКП. на фронте или в городах. Одни работали в качестве партийных людей тут же, на глазах своих земляков, в волости или уезде; остальные—далеко от родных мест. О всех этих лицах я собрал самые подробные сведения — поскольку, конечно, это было возможно. Может быть, несколько человек, сделавшихся партийными на стороне и давно порвавших всякую связь с нашими местами, и остались мною неучтенными. Целью же написания настоящего маленького очерка служит желание выявить тот материал, какой дала РКП. наша волость. Я постараюсь ответить на вопросы: когда преимущественно мои земляки собирались под знаменем РКП. и когда это знамя покидали и почему его покидали; как работала местная партийная ячейка и пр. Ведь каждая волость—это ручеек, может быть, очень незначительный сам по себе, но вместе со многими другими, себе подобными, такие ручейки образуют крупные партийные артерии, слияние которых с более могучими городскими потоками и образует, в конце концов,

[1] Горицкой вол., Тверской губ.

единое русло—Российскую Коммунистическую Партию с ее сотнями тысяч членов.

Сперва приведу нижеследующие таблички.

№ 1.—Из населения волости:

Вступило в РКП:				Выбыло из РКП:			
в 1917	г.	5 чел.	7%	в 1917	г.	0 чел.	0%
„ 1918	„	19 „	29 „	„ 1918	„	2 „	4 „
„ 1919	„	22 „	34 „	„ 1919	„	11 „	25 „
„ 1920	„	12 „	19 „	„ 1920	„	10 „	23 „
„ 1921	„	4 „	6 „	„ 1921	„	14 „	32 „
„ 1922	„	3 „	5 „	„ 1922	„	6 „	14 „
„ 1923	„	0 „	0 „	„ 1923	„	1 „	2 „
Итого		65 чел.	100%	Итого		44 чел.	100%

Один из товарищей (Н. С. Хорев), вступивший в РКП в 1918 г., работал и до революции с большевиками.

№ 2.—Из числа указанных 65 человек:

крестьян	29 чел.	45%
рабочих	21 „	32 „
других [1]	15 „	23 „
Итого	65 чел.	100%

№ 3.—За выбытием 44 чел. осталось в РКП:

рабочих	9 чел.	43%
крестьян	7 „	33 „
других	5 „	24 „
Итого	21 чел.	100%

Рабочие оказались наиболее устойчивым элементом.

№ 4.—Из числа 44 человек выбыло:

добровольно	34 чел.	77%
исключено	10 „	23 „
Итого	44 чел.	100%

[1] Под „другими" я разумею детей духовенства волости, учительства и пр.

№ 5.—Из 65 человек:

мужчин	63 чел.	97%
женщин	2 „	3 „
Итого	65 чел.	100%

№ 6.—Из 21 члена РКП к 1924 году:

умерло	5 чел.	24%
здравствует	16 „	76 „
Итого	21 чел.	100%

№ 7.—Из 65 чел. образоват. ценз имели:

низший	58 чел.	89%
несколько больший .	4 „	6 „
средний	3 „	5 „
Итого	65 чел.	100%

№ 8.—Из 65 чел. работало:

в волости или уезде . . .	34 чел.	52%
за пределами уезда . . .	20 „	31 „
не несло общ. раб. . . .	11 „	17 „
Итого	65 чел.	100%

До революции за политические преступления из 65 членов РКП только один понес наказание (администр. высылка и 2 мес. тюремного заключения).

За что были исключены 10 человек? Некоторые—за шкурничество: например, в 1921 году была мобилизация партийных на польский фронт—два члена партии вдруг „заболели“; врачи, призванные к одру „болящих“, установили притворство; этих „товарищей“, конечно, немедленно изгнали из РКП. Третьего „вычистили“ за то, что он оказался бывшим городовым, четвертого—за то, что тот до революции судился за конокрадство. Некоторых исключили за некоммунистическое поведение (пьянство, спекуляция), одного за должностные преступления.

Почему уходили из РКП? Это один из любопытнейших вопросов.

Вот мой земляк—рабочий, путиловец. В 1917 году, по семейным обстоятельствам, он оставил завод и приехал к нам в волость. На заводе он был передовым рабочим, ездил в качестве делегата от рабочих с подарками на фронт и проч. Из РКП он ушел в 1921 г., так как в тот момент он был, по его мнению, левее покойного тов. Ленина и не мог переварить „поправения" РКП, вступившей на путь новой экономической политики. Теперь же он открыл в нашем селе лавку и, поскольку может, пожинает плоды новой экономической политики. Так как этот бывший путиловец—человек развитой, то он иногда чувствует себя не совсем удобно и порой изрекает:

— В этом естестве (т.-е. торговцем) мне к путиловцам являться нельзя—прибьют...

Вот другой тип. Человек совершенно несознательный. Дядя его—коммунист и член волисполкома. Дядя приспосабливает к коммунизму и племянника, чтобы дать ему, как коммунисту, местечко служащего в исполкоме. Но вот, дядя, про которого дознались, что он был городовым, вылетает и из исполкома, и из партии. Племянник тоже уходит из партии—ведь, надежда на теплое местечко пропала!

Есть ряд лиц, которые сделались коммунистами на фронте. Демобилизовавшись, иные из них уже не записывались в местную ячейку. Делалось это, главным образом, под влиянием родных, при чем аргументация родственников носила самый разнообразный характер. Мне, например, известны такие аргументы, которые действовали на малоустойчивого коммуниста:

— Смотри (говорит отец или мать), вот ты пришел из армии. Баба у тебя уж затяжелела. Скоро и родит. Слышно, что у вас, у коммунистов, крестить то ребенка нельзя?

— Да, не полагается. Да и к чему? Предрассудок,— довольно бойко отвечает сын-коммунист.

— Дурак! Ты бы подумал со своей башкой: народ в волости весь крещеный, а твой один нехристем будет! Да, ведь, нас засмеют, на нас пальцем показывать будут. Это еще в городе подходит, где люди в одном доме живут и друг друга не знают, а у нас этакий обычай не годится. Здесь все, как на ладоше—потому и поступать надо всем на один лад.

Или:

— Что тебе в крестьянстве твой коммунизм даст! Может быть завтра война будет с Англией или там с другой державой. Других-то пока призовут, а тебя то, партийного, в первую голову погонят. Тебе не надоело на фронтах-то быть? Ты там по фронтам шляться будешь, а мы здесь за твою партийность своим хребтом отдувайся—работай на твою семью!...

Вот разные такие родительские или женины „увещевания“, повторяемые изо дня в день, переходящие сперва в легкие, а потом и в крупные ссоры, в конце концов достигают своей цели: коммунист-фронтовик превращается в беспартийного крестьянина.

Другая категория покинула ряды партии потому, что „крестьянское хозяйство не позволяет состоять в партии“.

Я знаю одного бывшего матроса, энергичного местного партийного работника. Из партии он ушел в 1921 году, вернувшись с врангелевского фронта, куда был мобилизован как партийный. В деревне у него бедное хозяйство, жена и пятеро маленьких ребят. Этот товарищ рассказывал мне:

— Пришел я с фронта. Семья последнюю краюху хлеба доедает. Без меня в хозяйстве произошло много упущений, где же бабе со всем справиться, да ее я, кстати, еще и беременной оставил. Вот такое мое хозяйственное положение, а уком (уездный комитет партии) хотел меня на партийную работу мобилизовать. Подумал я, подумал—да и ушел из партии, т.-е. пришлось уйти—поправляется он.

Другой, вышедший из партии „из-за крестьянства“, поведал:

— Я человек, как вы знаете, небольшого развития. Но все же, по мере сил, кое-что, как партийный, делал. Делал потому, что время позволяло, я с братом не был еще в разделе. В прошлом году разделились мы. Надо было свое хозяйство налаживать. Работать, как партийный, я уж совсем не могу—некогда. Надо или в партии быть, или свое хозяйство вести. Ну, и решил выйти из ячейки...

Вот трое других. Они служащие волисполкома, в 1919 году одновременно вступили в РКП, пробыли в ней ровно две недели и вместе ушли из партии. Виновником их вступления в партию был уполномоченный укома, допустивший такую отсебятину:

— Кто хочет служить в исполкоме, должен быть партийным!

Тогда, не долго думая, эта троица (один из них—бывший волостной писарь, прослуживший в этой должности свыше 30 лет, другой—бывший бухгалтер одного из петроградских заводов и третий—бывший фельдшер) поспешила записаться в местную ячейку.

— Почему же вы ушли?—спрашиваю я одного из них.

— Причина у всех одна. Сделались мы партийными и думаем, надо почитать Бухарина—книжка то под руками была. Собрались как-то вечерком, начали читать, а там такое по религиозному вопросу написано, что хоть святых из дому выноси! Ну, и выписались — по религиозным убеждениям...

Все эти три лица продолжали и по выходе своем из партии благополучно служить в волисполкоме, потому что, как технические работники, они были безупречны.

В 1919 году у нас в волости было небольшое восстание дезертиров. Порядок был восстановлен прибывшим отрядом красноармейцев. Но до прибытия отряда дезертиры устроили облаву на местных коммунистов, и последним пришлось скрываться, где попало. После этого восстания двое товарищей, опасавшихся за свою жизнь, вышли из партии.

Один товарищ, вступивший в партию в 1919 году, в 1920 году, будучи председателем уездного исполкома, вышел из партии по мотивам невозможности для него подчиняться некоторым требованиям партийной дисциплины.

Зная внутренний удельный вес всех своих земляков, побывавших за эти годы в рядах РКП, я, человек непартийный, должен все же засвидетельствовать, что ушли наиболее легковесные [1], которые записывались в коммунисты или желая использовать партию для своих корыстных целей, или — „страха ради иудейска“ (уход после восстания), или—малоустойчивые, которые, может быть, и могли бы быть недурными партийными работниками, но обязательно в среде, густо насыщенной коммунистами, — на заводе, в полку и пр.

В заключение два слова о нашей волостной ячейке РКП.

Численный состав ее в 1918 г. был 18 человек (остальные коммунисты нашей волости числились в других ячейках); потом он дошел до 33 человек, а в средине 1923 г. снизился до 4 человек. Члены ячейки в 1923 году: пред. волисполкома, судья, начальник милиции и казначей волисполкома [2]. Как в 1923 г., так и за прошлое время, члены ячейки, занятые служебными обязанностями, никакой специальной культурно-просветительной работы не вели.

— Не было времени и не было соответствующих сил,— говорят члены нашей волячейки.

В силу отмеченных условий (коммунисты из ячейки стояли в стороне от культ.-просвет. работы), ячейка не

---

[1]) За исключением одного товарища—Н. Г. Дмитриева.

[2]) Начальник милиции и судья не из состава населения нашей волости. Я в своем очерке учитываю только крестьян нашей волости или давнишних ее обывателей. Коммунистов же не из местных людей за все эти годы было у нас человек 5, не больше.

является в волости руководительницею общественного мнения среди населения волости.

Комсомольской организации (Коммунист. Союз Молодежи) в волости не имеется [1].

(А. М. Большаков—„Советская деревня“, изд. 1924 г.).

В Никольской волости [2] 11 человек в ячейке, в том числе 3 крестьянина. Из этих трех — один председатель волисполкома. Оба подымают свое хозяйство непосредственно в связи со своей должностью.

„Непосредственно у станка“ один крестьянин села Зуевки Алистратов. Работа его партийная состояла в сборе продналога. Скромный рядовой крестьянин, признается сам, что не пользуется авторитетом. Так же, как и все крестьяне, не сразу признается, что ему приходится оплачивать „дружескую услугу“ — право пользоваться инвентарем, предоставляемым ему соседом. Мечтает о пятипольи, даже крестьян на это подговаривает, думает, что так подымет свое хозяйство.

Было у него до революции $^{1}/_{16}$ десятины под усадьбой,— а теперь $^{1}/_{2}$ десятины под усадьбой и 6 под пашней. Засеял в 20-ом году две десятины, в 22-ом полторы, а полторы исполу сдал. Осенью засеял $^{1}/_{2}$ дес., а яровых надеется три десятины поднять. Уверен, что подымется.

Был портным, но о портняжеском деле и не думает, хотя инвентарь и лошадь приходится брать за отработок. По всему видно, что с городом порвал окончательно и твердо идет к своей цели—стать середняком.

Яркой фигурой в ячейке является Юдин, Григорий Афанасьевич. До революции $8^{1}/_{2}$ десятин имел—коновалом был. Но так на помещиков осерчал, что с самой революции все бросил и пошел по советским делам.

---

[1] Комсомольская организация появилась в Горицкой волости в начале 1924 г., а в сентябре возник и пионерский отряд.—А. Б.

[2] Курской губернии.

Хозяйство ослабло, конечно: с $5^1/_2$ десятин посева в 17-ом году дошло до $3^3/_4$ дес. в 22-ом году.

Церкви противником давно стал, до революции еще, даже старуха не постится.

Рассказывает, как, чтобы спасти пожарный обоз, пришлось его под собственными окнами поставить,—а то бы растащили обязательно.

Добился двух учителей на 111 дворов. В самый голодный год устроил учителей, собрал им 46 пудов хлеба, 30 пудов картошки, 9 пудов конопли и 4 овцы, от кулаков забранных.

— „Но попам продолжают сыпать почем зря, а молодежь в силу не вошла еще“.—В приходе его кормится поповскими делами 8 человек: поп, псаломщик, дьякон, 3 сторожа, „титор“ и „подтитор“. А в Опочкинском приходе было 11 человек: 2 попа, дьякон, 2 псаломщика, 3 сторожа, „титор“, „подтитор“ и регент—целую гимназию можно было бы содержать за этот счет.

Типичный крестьянский коммунист по своим занятиям. В 20-ом году работал по продразверстке, в 21-ом по продналогу, и в 22-ом г. в заготконторе. Рассказ о спасении обоза и учителей выудили из него с трудом,—это он не считает за партийную работу, не привык считать партийной работой... Другую, кроме продналоговой, партийную работу представляет с большим трудом. Был одно время членом Уисполкома.

Распределение обязанностей и профессий остальных членов ячейки: — старший милиционер, служащий угрозыска, помощник начальника станции, железнодорожный рабочий, секретарь ячейки, ныне—полукрестьянин, Кочергин—сын мелкого купца.

Ячейка в целом вопроса о поднятии крестьянского хозяйства не обсуждала. Открытых собраний ячейки не было. Мое предложение такое собрание устроить, по примеру ряда крестьянских ячеек, рассматривали с удивлением, как плод незнания местных условий: не соберутся, да и крестьяне не

придут, или придут только кулаки. Ясно, что открытые собрания нарушат мирное существование ячейки, поработавшей осенью на продналоге, а ныне собирающейся изредка для очередных дел и для проведения очередных кампаний.

Среди этих кампаний и туберкулезная кампания. Для этой туберкулезной кампании секретарь ячейки бегал по всем селам, агитировал крестьян, собрал даже несколько сотен миллионов рублей. А крестьяне, перечисляя нам налоги, на них накладывающиеся (общим числом 16), не забыли упомянуть и такого налога, как „туберкулезный".

По словам самих членов ячейки, четверо из них читают регулярно газеты, четверо читают их редко, остальные „средне". При более подробном рассмотрении, что значит „регулярно", что „редко" и что „средне", обнаружилось, что наиболее частое чтение—раз в неделю, раз в 2 недели... Газету выписывать непосильно. Говорят—и правду говорят,—что Москва чересчур в роскошь ударилась, а крестьянам и им, деревенским коммунистам, газеты нет.

В Шумакове при агропункте организовались курсы сельско-хозяйственной грамоты. Уком предложил волячейке послать туда учителей грамоты, но не догадался предложить той же волячейке или ячейке комсомольцев послать своих членов—учиться на этих курсах. А комсомольцы—„максомольцы"—те и не слыхали про Шумаковские курсы,—а хотели бы учиться.

Председатель волисполкома обстраивает свое хозяйство. Получил из милиции с 1-го февраля на работу лошадь, землю обрабатывает пока брат жены. Земли сейчас 7 десятин (в 22-ом году получил). Хату построил из постройки купца. Семена получил в продорганах. Секретарь ячейки ругает его ругательски:—„Обуржуазился, не подчиняется распоряжениям ячейки, не делает докладов, сарай купца бывшего купил у волости за 40 пудов, в то время как он стоит гораздо дороже".

Секретарь ячейки рассказывает, что крестьяне относятся к коммунистам „добродушно, но Кочергиным и председателем колют глаза“.

Эти одиннадцать человек—плод непрерывного уменьшения еще с тех времен, когда в 18-ом году сотни были в партии. В одной Никольской сельской ячейке 85 человек было еще перед белыми. Встречали мы в волости красноармейцев, по уровню несомненно превосходящих средний уровень членов ячейки,—но в партию они не идут. Не записываются и те, что в Красной армии в партии состояли. Заедает деревня, засасывает инерция. Каждый красноармеец как будто в клеточку готовую попал, из которой не выберется. Хотя по соседству есть случай и некоторой активности бывших красноармейцев. В Рогозецкой волости вошло в ячейку 6 членов из Красной армии. В селе Грядасове вышел на митинг бывший красноармеец—„умнее и сложнее даже, чем я“ (сообщает секретарь ячейки), говорил, что религиозный момент препятствует ему в партию вступить: „Войдешь в партию, а тут запретите детей крестить—куда после на селе денешься?..“

Другой такой красноармеец (вспоминает член ячейки) активно сочувствует, в партию не вступает потому, что „слишком отрывает“.

В нашу никольскую ячейку красноармеец деревни Княжая подал заявление; ему секретарь сказал: „Дай поручителей по уставу“,—а поручителей „откуда взять?“ Он походил, походил и бросил...

Последних статей ленинских никто из членов ячейки не читал и не слыхал о них.

По нашему приблизительному подсчету, только по 5-ти нами исследованным селам имеется не менее 20—25 красноармейцев—коммунистов, по возвращении в село не записавшихся в партию, которые по сознательности не уступают ныне числящимся членам партии.

Перспектив вступления в партию при нынешнем типе работы—никаких, по словам всех членов ячейки.

Задача—извлечь из красноармейцев наиболее добросовестных и преданных, привлечь их в той или иной форме к работе партии,—кажется неосуществимой членам ячейки;—да она, действительно, неосуществима, если ячейка останется в том составе, в каком она есть, и на той работе, на которой она есть: на продналоге, плюс очередная кампания, которую нужно отбарабанить,—и с плеч долой.

Чтобы двинуть вперед работу такой ячейки, нужно, во-первых, освежить состав, во-вторых—изменить характер работы, в третьих—дать организатора, который бы мог проделать и то и другое. Комсомольцев 12, в том числе 7 сыновей крестьян. С осени все до одного работали на продналоге. Продкампанию вынесли на своих плечах. Работы по раз'яснению и пропаганде продналога не вели и не могли вести, потому что сами ничего не знали. Мобилизовали и погнали их на продналог. Выполняли они исключительно административные функции.

В церковь не ходят, говорят, что ходить нечего: „Там все поповские байки, каждый день одно и то же“; но насчет существования бога ничего сказать не могут: „ничего не знаем, книжек не читали“.. Книжек вообще не получают. Про попов готовы повторить любой анекдот и рассказать свежий, которого до сих пор прослышать не приходилось. Но мы на десятках крестьян уже увидели, что подобного рода анекдоты ничего не стоят: они ничуть не мешают попу фунты носить, и причащаться, и говеть, а на школу ни одного фунта не давать.

Программы и устава партии комсомольцы Никольской волости не видали, а видеть хотели бы. Про журнал „Молодая Гвардия“, которым так гордится ЦК РКСМ, не слыхали. А ведь ячейка имеет центром волостной пункт, который лежит на железной дороге, на великом пути из Москвы в Харьков.

Жалуются на коммунистов, что не понимают их работы, не оказывают нужного содействия; только последний секретарь ячейки стал обращать на них внимание.

Считают вполне естественным факт сосредоточения своей работы на продналоге, не знают, что работа может и должна быть иной.

Стал спрашивать я, почему вступили в Комсомол. Тут стало обнаруживаться новое. Большинство вступило из тоски по учению, по книге, которой нигде в деревне не достанешь. Хотят узнать, что такое партия, хотят „иметь развитие политическое и понимать мир“, хотят „иметь литературу и руководителей“... А один из комсомольцев, сын крестьянина, недавно вступивший, один из наиболее смышленых, прямо говорит: „Чтобы старые нелепости, вопхатые в голову, уничтожить, нужно воспитание“, и с отчаянием прибавляет: „и нет руководителей, нет книг, газеты через 2 недели видишь, и то Тимскую, уездную, из которой проку нет никакого“.

О четырехпольи не слыхали и не задумывались. Доклада такого у них в ячейке не было ни разу; никто об этом им не рассказывал, книжек не встречали. (А наш, тянущийся за „большими“, Комсомол Всероссийский тонкости пролетарской культуры в „Молодой Гвардии“ отделывает!). А рядом никольский землемер живет, который готов лекции прочитать, недалеко агроном, который тоже от этого не откажется; также недалеко сельско-хозяйственные курсы, о которых, как я уже говорил, не слыхали товарищи комсомольцы. Про книжку говорят: „Видит око, да зуб неймет“.—Откуда крестьянским сыновьям на десятимиллионную „Молодую Гвардию“ денег достать?

Ребята смышленые, глаза у них прямо разгораются при обещании прислать из Москвы книжки о том, что такое Коммунистическая Партия, Советская власть, как земля движется вокруг солнца, что собой представляют звезды, откуда пошли христианские праздники на земле. Хотят комсомольцы перестать быть только „максомольцами“ крестьянскими, но не помогает им в этом ни партия, ни союз.

Радуются тому, что председатель волисполкома в нашем присутствии обещает шкафы, чтобы вытащить из под

спуда книги библиотеки, ликвидированной за отсутствием шкафов и занятия помещения под ссыпной пункт. Два года уже в таком состоянии находится библиотека, никак волячейка и волисполком не могут разбогатеть на шкафы для библиотеки. Не пришлось мне поглядеть эту библиотеку, но заранее уверен, что немного от нее сохранилось за эти два года.

Основное, что бросается в глаза в работе и ячейки партийной и ячейки комсомольской,—это то, что живут они по инерции; нет вовсе инициативы никакой, нет попыток вовлечь крестьян в работу, нет понимания необходимости не только сосредоточиваться в себе, а быть передаточным механизмом от рабочего класса ко всей крестьянской массе.

Продналог, финработа и административно-милицейская работа с'ели коммунистическую ячейку и ячейку комсомольцев, с'ели целиком, со всем аппаратом, всей психикой, всем сознанием...

Секретарь ячейки работает добросовестно, но где ему разрушить ту инерцию в партийной работе, которая не им создана и которая является всероссийским явлением...

(Я. Яковлев.—„Деревня, как она есть", изд. 1923 г.).

Пожалуй, самое интересное и новое, что есть в деревне, это коммунисты. Их мало, всего семь на всю волость[1], да и то четверо в городах—в Онеге, Архангельске, один в Ленинграде. Мне они настолько интересны, что я опишу двоих из них, с которыми мне пришлось ближе встретиться. С третьим говорить почти не пришлось.

Наш хозяин, высокий, худой, бледный, болезненный и молчаливый Александр, заведующий кассой взаимопомощи,

[1] Обследователь был в одной из волостей Онежского уезда, Архангельской губ.

своеобразная личность. Он стал коммунистом на военной службе. На фронте, в окопах, он расстроил себе здоровье и теперь, вернувшись, наконец, домой, он не может работать. Когда жена и сестра уходят в лес по ягоды или в поле на сенокос, он чувствует себя одиноким и несчастным. Целый день он бродит по избе или лежит на сеновале. Если ему становится получше, он принимается за налаживание полозьев, за точку кос, ходит удить рыбу. Если он чувствует себя совсем бодро, то идет с женой на сенокос и доволен, что снова работает, что он, наконец, дома у себя на земле, а не в городе, не на фронте. Землю он любит, как любит ее каждый крестьянин, искони работающий на земле. Город его интересует, но в город его не тянет. Праздники и воскресенья он соблюдает по своему. Оденется во все чистое, сядет за стол и читает „Новый Энциклопедический Словарь", оставленный чиновником поляком, уехавшим в Варшаву, и проводит за чтением несколько часов. Жену он тоже заставляет читать и жену словарь интересует, но она малограмотна и только смотрит картинки да читает по складам надписи. Женат он гражданским браком. Жене в церковь ходить не позволяет и не хочет крестить ребенка, который у них скоро будет. Но дома иконы есть, мать их снимать не позволяет, ему же они не мешают, он знает твердо, что бога нет, но иногда, когда заночует корова в лесу, или не дает, сколько надо молока, ему вспоминаются деревенские поверья, и душа его смущается. Вдруг вспомнит, что мать, придя с работы, пошла к корове, не умывшись и не благословясь. И непременно ее упрекнет: „Порядка не держишь". И тотчас же смутится пуще прежнего: „Тьфу, пропасть! Да разве в этом порядок? И чего это я?".

С другим коммунистом, именно Андреем, нам пришлось встретиться вскоре в исполкоме. За это время мы узнали, что он женат и ведет хозяйство образцово,—первый хозяин на деревне. В исполком он забрел случайно, мы при-

гласили его зайти и к нам. С этого началось наше знакомство. Он часто заходил к нам.

Бывший механик на военном корабле, работавший и в городе руками и словом в недавние тяжкие годы, он получил острое нервное расстройство и поехал в деревню к своему хозяйству. Он любит город, но любит и землю, и как человек энергичный, он сразу стал налаживать хозяйство по-новому. Отец его применял удобрение торфом, он ввел у себя удобрение суперфосфатом, и ему удалось получить великолепные результаты. Крестьяне по его примеру пробовали удобрять, но берут так мало суперфосфату, что он и не действует, и потом говорят, что у них ничего не выходит. „А вот у него так выходит. Известно, коммунист". Да и нет суперфосфату: привезут его в филиал всего 30 фунтов, как раз на одного хватит, да и то мало.

Андрей очень недоволен, что крестьяне не хотят по его примеру перейти на многополье. Земля плохая, надо перейти на скотоводство, а уж если не хотят, так сеяли бы клевер, хоть сена бы хватало, можно было бы держать лошадь. А то лошадь осоки не ест, приходится прикупать сена, не всякий это может. А лошадь необходима—земля все равно не прокормит. Приходится ходить зимою на работы к Северо-лесу и на железную дорогу. Крестьянин с лошадью зарабатывает вдвое больше безлошадного на лесных работах. Северо-лесом Андрей недоволен, как-то всегда при расчете нехватка продуктов, то сахару нет, то и чаю нет. Но когда сам Андрей приходит за получкой, он получает всю выдачу. Кто вместе с ним придет, тоже получит, а пришедшим через полчаса, обязательно чего-нибудь не додадут. Андрея контора, пожалуй, боится. Он и в газете пропишет, как бывало не раз.

(Ст. Н. Богдановой—„Наволоцкая дурка"; см. сборн. „Старый и Новый быт" под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

При обзоре деятельности обследованных ячеек [1], прежде всего бросается в глаза, что деятельность их протекает, главным образом, под знаком всевозможных „кампаний“, начиная от кампании по сбору налога и кончая кампанией по воздухофлоту. Конечно, нужны и кампании, но при крайне ограниченном количестве работников в деревне, надо выбирать то, что важнее. В хутор Быстрянский, где ячейки нет, член волостной ячейки, находящейся в пяти верстах, приезжал лишь для собирания сельско-хозяйственного налога и для перевыборов Сельсовета. Во всяком случае „административно-командное“ начало еще преобладает в жизни ячейки над организационной и культурной работой.

Мы питаем большое пристрастие ко всякого рода планам, порой забывая, что план существует не для плана, а для более успешного выполнения стоящих перед нами задач, а эти задачи не всегда втискиваются даже в очень хорошие планы. Относительно упомянутой выше ячейки станицы Ильинской, Кубанской области, в обследовании указано: „ячейка работала по примерному плану, высылаемому Кавказским Парткомом, и по плану, выработанному Волпарткомом, который был разработан бюро Волкома для руководств над всеми ячейками, но работа проводилась часто сверх плана, т. к. жизнь нарушала планы. И далее в обследовании отмечено: „план не выполнен сполна, потому что нет достаточных сил для его выполнения“.

План—хорошая, даже необходимая вещь. Но, при построении плана, необходимо общие задачи сочетать с конкретными условиями, и прежде всего экономить силы деревенских коммунистов. А этого пока нет.

Мы все хорошо знаем, что в деревне мало работников, что пополнение кадра их—нелегкая задача, и тем не менее канцелярщина кое-где отрывает работников от непосредствен-

---

[1] Речь идет об ячейках Кубанской области.

ной практической работы. В селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии, бумага заедает ячейку. Работает за ячейку лишь один секретарь, да и тот не очень грамотный. Не успевает он один справиться с работой, несмотря на то, что работает он целый день. Так и держит он все дела у себя дома, чтобы свободную минуту можно было посвятить своей канцелярской работе.

Надо разгрузить сельскую ячейку от бумажной работы, сократить до минимума отчетность...

Что делает ячейка? Более подробные сведения о вопросах, которые ставятся на собраниях ячеек, мы имеем относительно станиц Гиагинской и Ильинской. Здесь мы имеем неизбежный „текущий момент", вопросы международной и вообще „большой политики" и—меньше всего—насущные вопросы местной жизни. Между тем, в обследовании отмечается, что именно обсуждение вопросов местного значения вызывает особый под'ем.

Сносно поставлена политико-просветительная работа в селе Винодельном, Ставропольской губернии, где работают две школы политграмоты; организуется кружок по изучению ленинизма. Хуже обстоит дело в станице Гиагинской, где никто из членов газет не выписывает, а многие совершенно их не читают; снабжение ячейки литературой носит случайный характер; большинство членов политически неграмотно. Еще хуже обстоит дело в селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии, где не ведется никакой культурно-просветительной работы, тогда как большинство членов точно также политически неграмотно. В этом, конечно, деревенские коммунисты неповинны, ибо, не имея ни надлежащего руководства, ни литературы, без помощи города они не смогут ничего сделать. Прежде всего нужна литература, литература и литература, рассчитанная на рядового деревенского коммуниста, популярно написанная и связанная с практическими вопросами деревенской жизни.

Между прочим, следует отметить удачный опыт ильинской ячейки, которой удалось привлечь к культурно-просветительной работе местную интеллигенцию.

Материалы обследования не дают исчерпывающего представления о работе ячеек, но все же имеется ряд указаний на то, что деревенские ячейки оторваны от крестьянской массы и мало занимаются насущными вопросами деревенской жизни. Эта оторванность отмечена в Тарасовской волости, Донской области; в селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии; в станице Гиагинской, Кубанской области, где крестьянская масса имеет „мало представления о том, что делает ячейка“. При таком положении вещей, само собой разумеется, ячейка не может завоевать себе должного авторитета.

В обследовании станицы Ильинской мы находим указания на то, что начинания ячейки встречают „недоверие“ у крестьянства по причине деятельности ячейки в период разверстки. Однако, ильинской ячейке удалось преодолеть недоверие крестьянства—в ячейку обращаются за советами, идут с жалобами, единодушно выбирают в ревизионную комиссию ЕПО и КОВ.

Беднота, судя по обследованиям (ст. Ильинская, ст. Старо-Марьевская, сл. Винодельное), остается вне сферы влияния ячейки, не втягивается в советскую работу; точно так же, как отмечено в некоторых обследованиях, недостаточно влияние ячейки на кооперацию.

Из болезней деревенских ячеек указывается на хозяйственное обрастание, кое-где—на власть самогона и цепкость религиозных предрассудков. В станице Ильинской коммунисты, наравне с другими, празднуют религиозные праздники „по всем правилам“. „Пекут пироги, готовят лучшую пищу, самогон, зовут гостей и сами ходят в гости“, ячейка борется с этим. Последнее постановление ячейки по этому вопросу было таково: все члены ячейки—одиночки должны выбросить иконы из дома, а многосемейные выбросить иконы

из своих комнат, всех соблюдающих религиозные обряды: крещение детей и венчание—исключить из партии.

Деревенский быт засасывает коммунистов, и его влиянию город должен противопоставить свое влияние: дать газету, книгу, живую, а не канцелярскую связь.

В работе среди женщин деревенские ячейки, судя по обследованиям, не могут нащупать правильного подхода. Ильинская ячейка, да и не она одна, никак не может сдвинуть эту работу с мертвой точки. Мы имеем слишком мало материала, чтобы судить о работе РЛКСМ. Однако можно полагать, что и комсомол болеет теми же болезнями, какими болеет деревенская ячейка РКП.

(„Как живет и чем болеет деревня“—сборн. матер. под ред. Н. Л. Янчевского, изд. 1924 г.).

Во всех аулах [1] существуют комсомолы, организованные самой же черкесской молодежью, главным образом той, которая училась раньше в русских школах. Процент молодежи, записавшейся в комсомол, выше, чем у русских. На каких-нибудь 80 дворов аула мы имели 46 человек комсомольцев. Парни почти все записались.

Но что же делают в комсомоле и чего хочет молодежь от комсомола? Когда я пришел в аул Панахес, то меня отвели в избу-читальню, которая является местом собраний комсомола. Это простая кунацкая, стены которой увешаны плакатами, иллюстрирующими выполнение налога, благотворное влияние „нэпа“ на сельское хозяйство, торговые сношения деревни с городом и покупку облигаций хлебного займа; несколько карикатур на Керзона, на Пуанкаре и пр., а на столе лежало десятка полтора книжонок, все на русском языке и по содержанию предназначенные для русского крестьянина и рабочего, а потому и мало говорящие уму и

---

[1] В Шапсугской вол. по р. Кубани.

сердцу черкеса. К тому же некоторые из этих книг устарели. Характерно, что среди них я нашел и совершенно неразрезанные. Пришедший со мною комсомолец, лет 27, страшно жалел, что он не умеет читать. На вопрос, что его побудило записаться в комсомол, ответил на ломанном русском языке: „наша совсэм не умей читать, мы желай учиться читай". Подобные ответы мне не раз приходилось слышать от черкесской молодежи. Время от времени они собираются в эту кунацкую читальню, хотя они ее прямо называют: изба-читальня, и там секретарь читает им литературу, и тут же переводит, что непонятно. Одно из таких собраний я посетил и вот что там слышал: „советская власть дала нам автономию, свободу учиться на нашем адыгском языке, мы должны быть сознательными, выполнять налог и раскупать облигации продналогового займа, а также жертвовать и на „воздушный флот". Говорил это с едва заметным акцентом молодой черкес, окончивший партшколу в Краснодаре. Это было агитационное собрание комсомола по случаю недели помощи воздушному флоту. Собрание было какое-то молчаливое. Выслушав оратора, молодежь не обмолвилась ни одним словом. Помешал ли мой приход или полное согласие с докладчиком причина этому, не знаю. На вопрос, почему они не высказались, один ответил: „наша все так понимай".

Молодежь почти вся неграмотна. Партийной организации РКП в посещенных мною аулах совсем нет. Девушек в комсомоле также нет, если не считать одной русской. Русская молодежь, если есть в ауле, то вся в комсомоле.

(А. С. Бай.—„Черкесы и русская культура"; см. сборн. „Революция в деревне", под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

В ячейке РКП Знаменской волости [1] 17 человек и 2 кандидата. Из этих 17 человек—1 судья, 3 члена

[1] В Тамбовской губернии.

ВИК'а, 1 начальник милиции, 4 милиционера, 1 секретарь ячейки РКП, 1 приказчик в кооперации, 2 служащих в совхозе, 1 воспитательница детского дома, 1 секретарь артели, 1 председатель сельсовета и 1 только крестьянин без административных занятий. Из этих же 17 членов ячейки только 5 вышедших из местных крестьян, остальные имеют то или иное, в большинстве бедняцкое, хозяйство в разных районах республики.

У ячейки своя история. Когда в 1918 году ее организовал приехавший из города рабочий, записалось человек 60. Через 2—3 недели, когда кончился наиболее боевой период дележа имения, осталось человек 12. Эти 12 почти все ушли на фронт, и ячейка распалась. Мамонтовское нашествие не застало уже ячейки. После нашествия вновь образовалась ячейка, но в ином уже составе. Вошли совхозские рабочие и администраторы. В таком составе ячейка просуществовала до антоновского бандитизма. Бандиты убили трех членов ячейки, остальные частью пошли в армию, частью разбрелись. Ячейка, таким образом, опять распалась до декабря 1922 г. В декабре 1922 года 2 рабочих совхоза вновь организовали ячейку. Эта ячейка стала пополняться за счет приезжающих административных лиц (судья, милиционеры, служащие совхоза и т. п.). Вновь прибывающие—в подавляющем большинстве крестьянского происхождения, вступившие в партию в армии.

Из ячейки выбыли за последние $1^1/_2$ года двое вследствие перевода по службе, двое „в виду самогонных ненормальностей“, двое за попытку незакономерного использования власти.

Состав ячейки определяет ее работу.

Ячейка живет как будто вне села. Вопросы о положении сельского хозяйства ни разу не обсуждались. Секретарь ячейки, тов. Михеенков, говорит нам: „Я хорошо не могу припомнить об этом вопросе. По собственной инициативе этот вопрос я никогда не ставил. Этот вопрос нужно было бы поставить“.

Ячейка ни разу не ставила вопроса о землеустройстве, хотя отсутствие землеустройства исключает какой бы то ни было серьезный под‘ем крестьянского хозяйства. В селе топят печи навозом и соломой, поэтому навоза для удобрения совершенно не остается. А тут же на землях общества торф имеется. Вопрос о том, чтобы начать разработку этого торфа и освободить навоз для полей, ни ячейка, ни волисполком ни разу не ставили. У нардома уборные; в них на сажень в глубину и на аршин в ширину человеческих удобрений. Каждый день в них тонут, но ни разу вопроса о них ни одна из местных властей, ни ячейка, ни комсомол не ставили.

Вопрос о положении маломощных крестьян, об условиях найма лошади и сдачи земли, о работе комитета взаимопомощи не обсуждали ни разу. Сами коммунисты на собрании ячейки признают, что в волости у них хищническое землепользование, что зажиточные крестьяне засевают чужую землю. Бедняки же законов не знают и налог платят за других. Все же вопроса об этом не обсуждали.

Хотели устроить доклад волисполкома по всем отраслям, но „ВИК у нас новый, работает недавно, поэтому отложили его доклад“...

Удивительно ли, что крестьяне о коммунистах своих говорят: „Мы сами по себе, а они сами по себе... Ячейка молчит, и мы молчим“... „Как рельсы на железной дороге идут рядышком и не встречаются, так и мы с нашей ячейкой,—рядом живем, а в жизни не встречаемся“... „Одним словом, шишкомотатели“...

А много ли можно спросить с этой ячейки? Каждый член ее на советской работе занят целиком. Помощи настоящей от высших комитетов партийных она не имеет. Литературы подходящей, кроме Коваленки, тоже не имеет. Инструктора здравого, который бы приехал, по настоящему посмотрел работу, не видали; о том, что делается в партии, имеют представление очень смутное. О всесоюзной конференции представления более, чем туманные, о дискуссии—еще

более. Секретарь ячейки на кружке политической грамоты докладывал, по Коваленке, „о развитии капитализма“. „Развитие капитализма пошло от того, что человеческое общество, которое ходило в стадах, начало разделяться, и появилось разделение классов... От одного к другому, так и дошло до появления капитализма и ликвидации хождения в стадах“... Конечно, причина этого изумительного описания развития капитализма не в Коваленке и не в Михеенкове—секретаре ячейки, который с рассвета до ночи мотается по селу,—а в работе всего нашего аппарата партии, с низу до верху являющейся еще до сих пор городской партией. (Городской в смысле сосредоточения своей работы исключительно на городе). И даже постановления прошлого партийного с'езда о том, чтобы в каждую волость месяца на $1^1/_2$ отрядить 2—3 учителей, одного коммуниста, одного естественника, не провели мы еще почти нигде.

Вопрос об изменении характера работы наших деревенских ячеек является, прежде всего, вопросом изменения характера работы наших уездных, губернских и центральных учреждений партии...

Ячейка комсомола Знаменской волости возникла в 1920 г. Ее организовал рабочий порохового завода. Во время бандитизма ячейка распалась и восстановилась снова в 1922 г. За это время через ячейку прошло 38 человек.

Из этих 38 часть ушла в Красную армию, часть учится, часть выбыла из-за брака в церкви, неподчинения союзной дисциплине и т. п. Часть была убита бандитами, один-два сами ушли в бандиты, двое торгуют в городе табаком.

Ныне в ячейке 15 человек: из них 4 учатся в Тамбове в школе II ступени, один—в совпартшколе, 6 комсомольцев—дети местных мастеровых, остальные—дети крестьян, в подавляющем большинстве маломощных. Работает ячейка только „для себя“.

По расписанию, по плану, ячейка РКСМ по понедельникам собирается на полит. кружок, по вторникам — на

ячейковые собрания союза, по средам—на собрания ячейки РКП, по четвергам разбирает устав РКСМ, по пятницам и субботам ведет политические собеседования в целях самообразования.

Собраний беспартийной молодежи ни в одном из сел ячейка не проводила. Единственным общественным делом ячейки, выходящим за рамки самой ячейки, был выпуск стенной газеты.

Всего было выпущено 4 номера. В одном из номеров была помещена карикатура на пьяного финансового инспектора Сусакова. Об этом номере газеты знают почти все крестьяне села Знаменки. Этим номером ячейка завоевала большее доверие среди крестьянской молодежи, чем всей остальной работой.

Никакой работы среди допризывников не было. Никакой спортивной работы. Спортивную работу попытался в селе организовать некий Шапов, исключенный в 1921 г. из РКП и из военной школы, крайне озлобленный против партии и Советской власти.

Читки газет по селам ячейка не проводила. Читают газету крестьяне, с ячейкой не связанные.

Уже из этого видно, что ячейка с крестьянской молодежью связана чрезвычайно слабо. Этим определено в конечном счете и отношение крестьянской молодежи к ячейке комсомола и к комсомолу в целом.

В Измайловке мы видели ряд превосходных ребят, которые могли бы быть не худшими членами комсомола, чем нынешние члены. Никто их в комсомол не звал, некоторые подали заявление в знаменскую ячейку, заявление пошло гулять по инстанциям.

Никто из волостной комсомольской ячейки в это село не приезжал, никакой литературы не распространял.

В Софьинке молодежь про комсомол говорит: „слыхали, да дела их не видали“. О том, какие задачи комсомола, „никто не знает, потому что никто не говорил“.

В Знаменке, в волостном селе, молодежь о комсомоле, конечно, знает больше, чем в других селах, но все говорят в один голос: „работы их не видали"...

Требования молодежи к комсомолу сводятся к одному: к требованию помощи тем, кто желает выбиться из темноты, невежества. Поскольку комсомол стоит вне культурной, общественной работы села, постольку он обречен на мелкие склоки то между членами самой ячейки комсомола, то между ячейкой комсомола и ячейкой РКП.

Чтобы стать действительно организацией, ведущей за собой и воспитывающей молодежь деревни, комсомол должен впитать в себя новые слои деревенского молодняка из маломощных и средних слоев деревни. В ряде мест комсомол такой организацией становится. Для того, чтобы он стал такой организацией повсеместно, необходимо повернуть внимание комсомола к нашей деревне...

(Я. Яковлев—„Наша деревня", изд. 1924 г.)

В дождливый день едем в подшефную волость, на станцию Гусино [1]. За два дня просили волком известить гусинскую ячейку о нашем приезде. Приехали. Распорядительность секретаря ячейки т. Левинсона помогла, и через некоторое время из окружающих деревень к библиотеке-читальне потянулись группы босых и вымоченных дождем крестьян. Набралось их чуть ли не 400 человек.

Начинаем собрание. Час с лишним слушают крестьяне понятный доклад о виновниках мировой войны, о причинах ее во зникновения, о тех, кто был против этой войны, возможна ли такая бойня в ближайшее время и как ее предотвратить.

Затем выступает врач с об'яснениями разных заболеваний и советами, с помощью которых болезнь возможно предупредить.

Потом выступает приехавший с нами правозаступник. Крестьяне забросали его вопросами о незаконностях по земле-

---

[1] Гусино—Катынской волости, Смоленской губ.

устройству, жалобами на медлительность решений земельных комиссий и т. п.

После собрания идем в библиотеку-читальню и в бюро ячейки. При входе в помещение поражаемся порядку и убранству: на стенах портреты вождей, прекрасно отделан „уголок Ленина", тут же плакаты о пользе агрономии, кооперации и т. п. Библиотечная комната отделена от маленького читального зала. Внешне впечатление отличное. Но посмотрим на работу. Об этом говорит следующее: книг в библиотеке около 5.000; полное собрание сочинений Ильича; негодной, старой литературы нет; выписывается различных названий газет—15; журналов—30; подписчиков всего около 7.000 человек; из них: крестьян—88 проц.; рабочих и служащих ж.-д.—12 проц.

Обращаем внимание на наличие хорошей детской литературы и большое привлечение учащихся к ее чтению.

Кроме того, библиотека имеет более чем в 30 деревнях отдельных чтецов-крестьян. Избы последних украшаются одним-другим плакатом, и получается нечто в виде примитивной избы-читальни.

Необходимо отметить материальную помощь потребительского кооператива, тесно работающего с ячейкой.

Сама ячейка имеет в своем составе всего 3 членов и 5 кандидатов, но влияние ее на окружающее крестьянство большое, несмотря на то, что организована она лишь весной текущего года. Этой же ячейкой создана ячейка РКСМ, насчитывающая 25 членов и кандидатов. Наличие периодической партийной печати и масса марксистской и ленинской литературы помогают гусинцам быть в курсе всей жизни партии, и партпросвещение и воспитание кандидатов идут успешно.

В полдень крестьяне, более чем 1.000 человек, собрались к ячейке, где для них была устроена лотерея, в которой разыгрывались с.-х. орудия, предоставленные потребительским кооперативом.

(Сообщение С. Шутова—см. „Известия", 22. VII. 1924 г.).

Общественная деятельность ячейки[1] выражается, главным образом, в участии при обсуждении всех сельских дел на сходах. Ячейка участие принимала в кампании перевыборов совета. От ячейки членом волисполкома прошел один комсомолец. Один член ячейки является членом волостного комитета взаимопомощи. Во всех проводимых кампаниях и неделях комсомольцы принимают активнейшее участие, даже большее, чем ячейка РКП; в виду слабости последней, проведение кампаний ложится почти исключительно на комсомольцев. Также комсомолец состоит корреспондентом в Тамбовской губернской газете.

Воспитательная работа заключалась в коллективной читке и разборе „Азбуки коммунизма", книжки политграмоты Коваленко, истории РКП (б) Бубнова и русской истории в сжатом очерке Покровского. Последняя читка была перед первомайским праздником, где читали литературу о происхождении и значении праздника первого мая. Пройденное на 75% совершенно не усвоено. В селе имеется одна изба-читальня при ячейке РКСМ. Изба-читальня занимает одну комнату в помещении волисполкома, имеется один стол, несколько стульев, 2 поломанных рояля, поломанный граммофон, в библиотеке имеется около 250 брошюр различного содержания изданий 19, 20, 21 и 22 г.г. включительно. Большинство имеющейся литературы не разрезано. Изба-читальня с горем пополам работала аккуратно до пасхи. Собирались, главным образом, взрослые на громкое чтение школьных работников и комсомольцев. Посещаемость была не более 25-ти человек в день.

Тяга к учению и знанию у комсомольцев сильная, большинство желает уехать учиться.

Вот несколько портретов комсомольцев волости.

---

[1] Ячейка в Княж-Богородицкой волости, Тамбовской губ.; время обследования конец мая 1923 г.

Тимофеев—19 лет, в РКСМ с 20 года, сотрудник волисполкома, политически развит слабо; глава семьи, на иждивении 5 человек. Предан РКСМ, имеет стремление учиться.

Кочетков—20 лет, в РКСМ с 20 года, был в Красной армии, политически малограмотен и азбучно — развит слабо. Настроение архиреволюционное. Безлошадник, имеет стремление поступить в Красную армию (в кавалерию и обязательно к Буденному).

Максимов—19 лет, в РКСМ с 22 года, живет в 10-ти верстах от ячейки, на все собрания ходит аккуратно. Политически немного грамотен, был курсантом военной школы, был на фронте. Любит газеты и книги. Страстное желание попасть в рабфак или, в крайнем случае (по его словам), в совпартшколу. Организовывает ячейку у себя в селе. Из середняцкой семьи.

Ежаков—20 лет, в РКСМ с 22 года, малограмотен и азбучно и политически. В РКСМ вошел чтобы „развиться" (собственные слова); безлошадник, одинок, задания ячейки выполняет аккуратно.

Максаков Михаил—23 лет, в РКСМ с 22 года, развит мало, но есть желание как можно больше знать, особенно в политике. Единственный комсомолец во всей ячейке, читающий сейчас книгу; середняк.

Максаков Павел — 21 года, в РКСМ с 1922 года, очень малограмотный (читает по складам), в РКСМ вступил потому, что там брат (находится под его влиянием).

Парамонов—23 лет, в РКСМ с 23 года, политически развит слабо, демобилизованный красноармеец, ничем себя, кроме аккуратных посещений собраний и бесед, не проявил; безлошадник.

А вот типы ячеек в Тамбовской губернии.

Мы можем обобщить в три основных группы все ячейки, как-то: 1) ячейки, занимающиеся, главным образом, советской, административной и организационной работой, в которых совершенно отсутствует организованная

работа по воспитанию своих членов. Такие ячейки существуют в изрядном количестве и под боком парт'ячеек, хотя и редко, но бывает и без них, заменяя этим самым партийную ячейку; 2) ячейки, у которых имеется слабо организованная воспитательная работа, ведущаяся от случая к случаю, но где советская работа элемент преобладающий, но, по сравнению с первыми, меньше развит; 3) ячейки, что называется, „ни рыба, ни мясо"; часть из них похожа на Артемьевскую, часть на Воронцовскую. Что же касается нашего представления о большом числе ячеек „культурок", то можно сказать, что таковых нет, и как о типичных ячейках нам надо перестать говорить.

(Андрей Шохин—„Комсомольская деревня", изд. 1923 г.).

В заключение настоящей главы приведем слова из речи товарища Зиновьева—то место его речи, где он говорит о предстоящих Союзу Коммунистической Молодежи задачах в деревне.

У вас в союзе около 800 тысяч членов, из них 40 проц. рабочих и 32 проц. крестьян. Социальный состав меняется к лучшему. Количественная сторона в общем и целом развивается более или менее правильно.

Центральным вопросом является вопрос о работе союза в деревне. Я должен тут сделать маленькое предисловие. Я очень советую товарищам не возвращаться к прошлому спору, который ликвидирован, смотреть не с точки зрения того, кто первый подметил тот или иной недочет. Я слышал на одном из собраний молодежи очень хороший термин: „ты, говорит, мне стараешься пришить уклончик". От этого надо отказаться. Пусть никто из нас не пришивает другому уклончика. Дела у нас и так хоть отбавляй.

Сколько у нас крестьянской молодежи? У меня есть данные о числе молодежи в городах. Если взять три возраста—

15, 16 и 17 лет, то в городе у нас всего около 1.500.000, в деревне же, если взять возраст от 14 до 24 лет, у нас насчитывается 18.000.000 крестьянской молодежи. Из этой молодежи организовано в Комсомоле и довольно плохо организовано 233.000. Как видите, довольно мало. По данным Центрального статистического управления, на каждую тысячу в деревне насчитывается неграмотных 300 человек этого возраста. Исходя из этого расчета выходит, что из общего количества крестьянской молодежи — неграмотной молодежи 6.480.000. Вы видите, что тут надо засучить рукава и серьезно заняться этим делом. Вот первая и основная задача РКСМ. Вы должны взять на себя дело ликвидации неграмотности среди этих $6^1/_2$ миллионов неграмотных юношей. Мы долгие годы были партией городской, родились в рабочих предместьях, по существу оставаясь и остаемся рабочей пролетарской партией. Мы только еще приступаем к завоеванию влияния в деревне, и у нас нет оснований делать какие-нибудь упреки союзу молодежи, почему он не продвигается в деревню. Партия еще тоже мало продвинулась в деревню. Работа только еще начинается, и вы должны этот вопрос поставить во всю его величину.

Мы попрежнему выдвигаем лозунг, что рабочая молодежь будет вся в нашем союзе, а деревенская молодежь не может быть вся в союзе. Конечно, разница между металлистом и текстильщиком есть, но эта разница не решающая, а второстепенная, между тем как разница между середняком и бедняком и середняком и кулаком является уже классовой разницей. Вот почему мы не можем мечтать о том, что вся крестьянская молодежь будет у нас в союзе. Но когда мы приступаем к крестьянству, надо подчеркивать задачу — во что бы то ни стало запахать поглубже и ближе подойти. Основное наше ядро—рабочая молодежь, но часто приходилось наблюдать: чем больше пролетарский состав мы имеем в РКСМ, тем меньше он был связан с деревней. Этому надо положить конец, надо во что бы то ни стало союзу и партии

сказать, что это есть одна из наиболее боевых задач нашего времени. Мы должны зарубить себе на носу, что полтора миллиона есть основная база; та часть, которая занята сейчас на фабриках и заводах, это есть основное ядро в этой базе, и это основное ядро должно быть у нас. Руководство должно принадлежать именно этому пролетарскому ядру. По мере упрочения пролетарского ядра мы будем укрепляться и в деревне.

(Из речи тов. Зиновьева на VI всесоюзном с'езде Союза Ком. Мол.—см. „Известия" от 15/VII. 1924 г.).

Электрификация в деревне.

С переходом власти в руки трудящихся, вопрос об электрификации деревни стал перед Советской властью на ряду с другими культурными и экономическими задачами.

В Волоколамском уезде Московской губ. электрификация прежде всего коснулась уездного города (в 1918 г.).

В 1919 году вопрос об электрификации деревни был поднят самими крестьянами.

Инициаторами, первыми начинателями электрификации деревни в уезде были крестьяне села Ярополец.

Электрификация этого села началась по инициативе и под руководством П. Н. Кирилина, крестьянина села Осташево, работавшего в селе Ярополец. Для электрификации села Ярополец и окружающих его деревень создался кооператив, который с помощью Волоколамского уисполкома, отпустившего для начала работ — сто тысяч рублей дензнаками того времени, начал постройку гидроэлектростанции на реке Ламе, при плотине ярополъской мельницы.

Мельница эта раньше принадлежала помещику Безобразову и была передана уисполкомом ярополъскому кооперативу.

Уисполком отпустил селу Ярополец небольшую динамо-машину, взамен которой в городе Волоколамске устанавливалась более мощная.

Когда кооперативу в селе Ярополец удалось засветить электрические лампочки в крестьянских избах, сараях и пр.—неожиданный свет привлекал внимание всего окружающего крестьянского населения, проезжавшего мимо села Ярополец.

Электрификация стала интересовать почти всех крестьян уезда, имеющих возможность получить двигательную силу для выработки электрической энергии,—или от водяных мельниц, или от имевших где-либо тепловых двигателей.

Крестьяне охотно собирали для нужд электрификации средства натурой (рожь, овес, картофель) и денежные. На эти самостоятельно добытые средства крестьяне нанимали квалифицированных рабочих-специалистов по постройке и оборудованию электрических станций.

Кроме того, крестьяне сами охотно, подчас семьями, шли на различные работы по заготовке и подвозке требующихся материалов, и делались чернорабочими.

За 1919 год в уезде было приступлено к постройке крестьянским населением 7 электрических станций.

В дальнейшие же годы к ним прибавилось еще 6 и было приступлено к расширению имевшихся ранее электростанций.

Деревня Кашино, Ярапольской волости, вначале не была включена в район освещения электрическим светом от Ярапольской гидроэлектростанции по причине дальности расстояния деревни от села Ярополец.

Крестьяне деревни Кашино были этим очень удручены, но мысль о возможности получения электрического света их не покидала.

Они решили оборудовать собственную электрическую станцию. В то время у них имелся небольшой нефтяной двигатель при существовавшей тогда трудовой артели по выработке и ремонту сельско-хозяйственных орудий, преимущественно веялок.

Напрасны были уговоры председателя местного Совета народного хозяйства. Он убедительно доказывал крестьянам деревни Кашино, делегированным к нему, что электрическая станция, которую они хотят устроить на нефтяном двигателе, в настоящих условиях советского хозяйства, явится неэкономным новшеством.

Нефти в Республике мало, да и получить ее очень трудно. Не менее затруднительно будет достать электрические принадлежности и другие необходимые материалы.

Кашинские крестьяне твердо стояли на своем:—давай им электрический свет и только!

— Чем мы хуже яропольских.

— Ждать не можем...

И крестьяне деревни Кашино не стали ждать. Вот как рассказывает один из них дальнейшую историю с электрификацией своей родной деревни:

В начале 1920 года мы приступили к проводке электричества в избы и тянули уже магистральную линию. Рабочие-специалисты были из Волоколамска.

— К концу работ оказались недостатки. Государственные склады нам не отпустили, что требовалось, и перед нами возник вопрос:

— Как быть, что делать—продолжать или кончить?

— Мы решили выкрутиться из положения и купили недостающие материалы у частного лица, хотя это было в то время запрещено. Мы не чувствовали себя виноватыми в этой сделке, да к тому же у нас у всех перед глазами с потолков свешивались шнуры, принуждавшие нас к дальнейшим работам. Однако, иначе посмотрела на „дело“ приехавшая контрольная комиссия, и за то, что мы не положили 90% полученных материалов в сарай и прикупили остальные 10%,—мы попали на скамью подсудимых.

— Суд постановил сельско-хозяйственному товариществу „Заря“—сделать внушение, чтобы на следующий раз мы правил не нарушали.

Но мы, повторяю, не унывали и продолжали спокойно делать свое.

В товариществе состояли членами все крестьяне деревни Кашино, за исключением кулаков, которые давно над товариществом посмеивались и палец о палец не стукнули, чтобы ему помочь.

Члены товарищества — крестьяне внесли необходимые деньги, и мы купили динамо.

Кулаки говорили:

— „Вот тоже выдумали. В такое время да электричество!“.

А мы шли своим путем и 1-го ноября 1920 года достигли столь желанной издавна цели.

Динамо-машина была привезена, установлена на фундаменте. К ней привернули болты и натянули ремень.

Все делалось лихорадочно. Во многих избах не было еще электрических лампочек.

1-го ноября 1920 года с трепетом сердца решено было „попробовать“.

Часов в семь вечера дали свет.

Линия уличных фонарей, которые были включены, все засветились сразу.

Все крестьяне деревни Кашино не верили случившемуся.

— „Я, — рассказывает Сергей Курков, — побежал домой. Есть ли в моей избе свет?

Вскакиваю, а отец — целоваться лезет“.

Деревня поднялась вся!

Все, и малые и старики — все, у кого в избе не было лампочки, выбежали на улицу, как на пожар.

Подымая головы, они переходили от одного фонаря к другому.

Несмотря на морозный воздух, многие были одеты легко, на-распашку, и стояли на улице до ночи.

У кого свет был в избе, — те радовались и прыгали вокруг лампочек, любуясь своими лицами, стенами, которые имели совсем другой вид.

Старуха и старик Гаврила, проживавшие здесь,—ахнули.

— Да какой ты стал хороший,—белый-то какой.

— Теперь и помирать можно.

А старик ходит вокруг светящегося шарика и широким-то крестом крестится.

Смеху что было над ними в то время,—не рассказать!

Тотчас же, после пробного пуска электрической станции, была избрана ее администрация.

Решено было ознаменовать великое событие в деревне: приготовить скромный, но по тому времени богатый обед с приглашением на него всех представителей уездной и центральной власти, оказывавших крестьянам помощь в деле электрификации деревни Кашино.

Выработали порядок празднования, разослали пригласительные письма. Курков предложил крестьянам:

— А не пригласить ли нам Владимира Ильича Ленина?

Одни соглашались, другие говорили:

— „Да как бы беды какой не накликать. Дескать, как вы смели."

Колебались недолго. Желание видеть тов. Ленина взяло верх.

В Москве письмо было передано в Совнархоз и оттуда вместе с бумагами было отослано с курьером в Кремль.

— Мы верили в его отзывчивую душу,—и по сие время говорят крестьяне деревни Кашино...

В настоящее время этой электрической станции уже не существует. Деревня Кашино включена в район и получает свет от Ярапольской гидроэлектростанции, которая, благодаря даровой силе воды, освещает 16 окружных деревень.

После открытия своей электрической станции кашинские крестьяне предполагали и у себя устроить нечто подобное— осветить три близлежащие деревни и уже приступили было к постройке нового помещения, но сделать районную электростанцию им не пришлось.

В старом здании электрической станции теперь опять находятся мастерские, которые освещены.

Силами крестьян и молодежи было недавно достроено здание предполагавшейся районной станции, и теперь в нем кашинские крестьяне открыли свой крестьянский клуб, имени Владимира Ильича Ленина. После перехода к Ярополъской электрической станции, — сельско-хозяйственное товарищество „Заря“ временно прекратило свою работу, но теперь оно возникло снова.

(С. Ленинградский — „Ленин среди крестьян дер. Кашино“, изд. 1924 г.).

Советская Россия — крестьянская страна, и земледелие есть основа ее хозяйственной жизни. Без поднятия сельской промышленности невозможно и общее наше экономическое возрождение. А для укрепления и развития сельского хозяйства необходимо снабдить его всеми достижениями современной техники, и в первую голову — дешевой электрической энергией.

Советская власть, признавая всю важность электрификации деревни (применения электрической силы для освещения деревни и движения всякого рода сельско-хозяйственных машин), решила прийти на помощь крестьянскому населению в деле электрификации сельского хозяйства.

С этой целью создано особое общество „Электрокредит“ (адрес: Москва, Ильинка, Юшков пер., № 6, второй этаж), которое снабжает крестьянские общества и кооперативы в долг за небольшие проценты всеми необходимыми для электрификации материалами и машинами.

Каждое крестьянское сельское общество или кооператив, желающие произвести у себя электрификацию, должны вступить пайщиками в общество „Электрокредит“, благодаря чему они будут иметь право получить от общества ссуду на электрификацию, соответственно внесенному ими паю в кассу общества. Ссуды выдаются в размере 5-ти или 10-ти кратном по отношению к внесенному паю. Срок ссуды допускается от 6 месяцев до 3 лет. Процент по ссуде платится не-

большой—от 6% до 12% в год. „Электрокредит“ не только выдает все необходимые для электрификации материалы, но помогает также разработать план электрификации и установить все нужное оборудование. Таким образом, каждая деревня имеет возможность теперь с самыми небольшими первоначальными затратами ($^1/_5$ или $^1/_{10}$ всей стоимости) получить для своего пользования дешевую электрическую силу для своих машин и яркий электрический свет в своем жилище.

(Настольный крестьян. календарь на 1924 г., изд. „Прибой“).

По сибирским дебрям уже забегал холодный электрический свет.

Приехавшие в Мариинскую тайгу „бедные, как церковные крысы“, рабочие и крестьяне основали здесь коммуну „Любовь“. Велика оказалась их любовь к труду: 21 декабря 1923 г. над падями и урманами, над выкорчеванными пнями, над землей, узнавшей лезвие плуга, загорелся электрический огонь.

Шум „динамы“ привлек окрестное население; пришли „диву дивиться“; так надивились, что теперь сами просят содействия коммунистов „протянуть подальше проволоку“.

Другая коммуна „Трудовая пчелка“ (в Щегловском уезде), приобретя локомобиль для мельницы, построенной рукой коммунаров, надеется пустить скоро по покорным бороздам „советских лошадей“—электрические плуги.

В том же уезде коммуна „Труд“, воздвигшая прекрасную школу и нардом, привлекающие на свои беседы сотни крестьян, выписывает „динаму“ и начинает строить электростанцию.

„Огненная смычка“ ширится по сибирским просторам.

В селе Вороново на р. Оби, между Томском и Новониколаевском, местное с.-х. товарищество, воздвигшее заводы—кирпичный, крахмально-паточный, по ремонту с.-х. машин,—решило пустить в ход „холодный огонь“. Электрифицировать

предположено не только предприятия т-ва, но и окрестности. На этот же путь в текущем году вступают деревни: Алаево, Томского уезда, и Горскино, Щегловского уезда.

А в селе Колпашево — административном центре огромного, залитого водою, облепленного гнусом, знакомого с ревом медведя Нарымского края, — уже горит электрический огонь. Здесь инициатива принадлежит коммунистам. Они первые зажгли огонь. Ныне, под светом электрических лампочек, они устанавливают подлинную смычку с крестьянством в нардоме.

В селе Ново-Рождественском, Томского уезда, пионерами „холодного огня“ явился комитет взаимопомощи.

В том же уезде, в Лопатинской волости, в селениях, расположенных по речке Шигарка, веселой и бодрой, как и все тамошнее население, создается первое в Сибири акционерное об'единение для электрификации 12 деревень. Вопрос уже близок к практическому разрешению.

А по линии Томской жел. дор., на станциях, где еще светится тусклый огонь ламп, предположено построить отдельные электростанции (в Тяжине, Ижморской, Мариинске, Алтайской и др.). По проекту эти электростанции должны обслуживать окрестные села и деревни [1].

(Сообщение В. Бантова в „Известия“ от 20/VII 1924 г.).

Избы грибами вросли в землю. Горбатые избы—древние, покривившиеся. В деревне скрипят перекладины у колодцев, за колодцами тянутся бугры и овраги. А над оврагами, над соломенными шляпами изб—электрические провода.

Это кормит светом соседний Шатурстрой. В электрифицированную избу вошел, стукнувшись головой о косяк двери. Скупой квадрат окошка.

---

[1] После сообщения об электрификации д. Кашино, имевшей место в 1920 году, мы намеренно привели заметку В. Бантова от середины 1924 г. Товарищи, следящие за жизнью СССР хотя бы только по газетам, знают, что за последние четыре года электрификация — правда, медленно, но упорно—просачивается в деревню. В будущем дело пойдет, конечно, быстрее.

Рамы обложены газетной бумагой. Поднимая соломенную пыль, тычется под ноги поросенок.

Хозяин избы увешивает бревенчатые стены обоями. Обои он не клеит, а прикрепляет каждый кусок к стене одним гвоздем.

Кончив работу, хозяин оглядел избу любовным глазом.

— Ну, теперь—ладно! А то как зажгешь кнопку, так на душе — мутно. Стены — обшарпанные. А надо, чтобы и на стене порядок был, раз кнопка зажигается...

Щелкнул в избе выключатель. Изба залилась мягкой, ласковой волной электричества. И в желто-белых волнах заплавали, остро выступая, некрашеные скамьи, закопченая печь, горшки. Одни стены, задрапированные лоскутьями обоев, были чистыми.

Хозяин прищелкнул языком.

— Теперь — л-ловко! — взор его упал на скамьи: — не тае! Торчат сукины дети, как неприкаянные, общую картину портят. Стульев надобно нам, вот что, жена!

Жена облила хозяина ядом гневных глаз.

— Совсем сказился... Олух царя небесного! Игде нам со стульями? Чай, не баре...

Прося глазами сочувствия у меня, добавила:

— Беда с этим, с лектричеством самым. Раньше все было ладно, когда лучина горела, а теперь ему — стульев захотелось. Абоев!

Хозяин тряхнул соломой кудрей.

— И-э-эх, Домнушка, лучина горела, бедность нашу, убогость нашу прикрывала. Не видать было кругом ничего. Тьма тьмущая... А теперь, свет лектрический, точно кум-приятель. Он говорит тебе: грязно у вас здесь, в избе у вас. Раз—лектрификация избы, так, значит, и лектрификация жизни должна произойтить. Желаю со стульями! И с абоями! Да не на гвоздочках, а на клейстере, потому у меня душа по хорошему плачет...

(Дав. Ханта—Деревня, см. „Красная Нива“, № 30 за 1924 г.).

Суд над трехпольем.

Суд над трехпольем состоялся в начале марта 1924 г. в Жилевской волости, Серпуховского уезда, Московской губ. Суд был самый настоящий. Возник он по жалобе крестьянина дер. Тишково—на вред, наносимый трехпольем. Следственная комиссия Рабоче-Крестьянской Инспекции обследовала полевое хозяйство тишковцев и весь вред, приносимый им трехпольем. На основании этого обследования был составлен обвинительный акт, а потом назначен состав судей из представителей крестьянства, агрономов и от шефа волости, а также защитников и обвинителя трехполья. Свидетелями о трехполье выступили сами крестьяне. Одни из них искренно и горячо защищали трехполку, другие указывали на вред от нее и не менее горячо предлагали вводить многополье. Таким образом, был организован показательный суд над трехполкой, который является и должен явиться типичным крестьянским агросудом при пропаганде многополья.

Председатель суда тов. Родионов — от шефа волости Тимирязевской С.-Х. Академии, члены суда: тов. Кузнецов — представитель Волисполкома, тов. Невский — местный агроном, тов. Базаров — представитель рабочих химического завода, тов. Агальцов—от крестьян Жилевской волости, тов. Рябов—от Центрального Дома Крестьянина, прокурор тов. Алексеев—помощник губернского агронома; общественный обвинитель тов. Ефимов от РКП и защитник, по назначению, тов. Самосюк, член РКП.

Свидетели — местные крестьяне, экскурсант Всесоюзной С.-Х. Выставки, куровский крестьянин и крестьянин Герасим Седов из дер. Бурцево.

В 3 ч. 40 м. в переполненном зале клуба открывается заседание суда.

Распорядитель суда: „Граждане, прошу встать, суд идет". Все встают. „Прошу садиться. Прошу соблюдать строжайшую тишину".

Председатель читает обвинительный акт:

„29 июня 1923 года Следственная Комиссия Московской Рабоче-Крестьянской Инспекции по жалобе граждан деревни Тишково обследовала поля названного селения. При обследовании обнаружилось нижеследующее:

Земля дер. Тишково разбита на три поля: паровое, озимое и яровое. Паровое поле вспахано еще не было. Местами на него был вывезен навоз. Оно поросло различным мелким бурьяном, на котором пасся тощий крестьянский скот дер. Тишково. Земля заклякла и заскорузла. На озимом поле росла тощая рожь, необычайно изреженная, сильно заросшая васильками, метлой, костром и другими сорными травами. По приблизительному определению комиссии урожай озимых можно считать равным, примерно, не более 40 пудов на десятину.

Столь же жалкую картину представляло и яровое поле, которое сплошь заросло сурепкой. Урожай яровых ни в коем случае не превышал 35 пудов на десятину.

При обследовании самой деревни выяснилось следующее. В ней 55 дворов при 312 едоках. Пахотной земли 155 десятин. Всего скота—42 лошади и 59 коров и нетелей. В среднем на 1 двор приходится немного более одной коровы. Из 55 дворов—13 дворов не имеет лошадей. Полученного навоза крайне недостаточно для удобрения пашни, за вычетом того количества, которое необходимо вывезти на огороды. На паровое поле приходится на дес. около 800 пудов или 40 с небольшим телег. При таком удобрении о высоких урожаях думать не приходится.

Живут в деревне Тишково бедно: постройки завалились, пашут сохами, деревянными боронами, хлеба своего хватает только до рождества.

Почвенное исследование показало, что земля сама по себе здесь не плоха. Преобладает суглинистая почва (легкий суглинок). В условиях Московской губернии это — лучшая почва. На ней хорошо должны родиться

все хлеба и картофель. Правда, она сильно распылена. Верхний слой питательными веществами беден. В глубоких слоях почвы пища для растений есть, но она совершенно не используется, благодаря тому что корни злаков слишком коротки и не достигают до этого богатого пищей почвенного слоя.

Население питалось впроголодь. Многие от земли бежали. Московские рестораны, кабаки и трактиры были пристанищем для тишковцев, где они служили в качестве половых.

Из сказанного следует, что целая треть земли при трехполье пропадает даром. Поля занимаются однообразными хлебами, и поэтому пашня сильно засоряется. Земля выпахивается и обращается в бесплодную пыль. Трехполье не позволяет расширять скотоводство, потому что нет кормов. Благодаря малому количеству скота, земля не получает достаточного удобрения. Из-за отсутствия навоза, хлеба в деревне хватает только до рождества. Благодаря трехполью, до сих пор землю обрабатывали сохой; в деревне нет даже деревянных плужков. Когда-то хороший скот выродился. Постройки и инвентарь пришли в совершенную негодность. Государственные налоги поступают неисправно.

Таким образом, трехполье разрушает крестьянское хозяйство, тем самым подрывает основу Рабоче-Крестьянской Республики, способствует неисправному поступлению налогов и сборов, препятствует развитию фабрично-заводской промышленности и тем самым ухудшает положение рабочих.

Допрашиваются свидетели.

Председатель. Гражданин Ланин, что вы можете сказать по делу о трехпольи?

Ланин. Я могу одно сказать. Я живу на свете 65 годов и хозяйствую годов 40. И любитель я сельского хозяйства и скотоводства и крестьянства вообще. Из всей деревни давно я хотел свое хозяйство поставить так, чтобы оно было наглядно и прочим. Но проведение этого при трех-

польи не удавалось: заведу скот—корма не хватает, посею хлеба—на всю семью не хватает. Я один раз все-таки решил завести четырехполье. Будет побольше травы, меньше будем работать. Как один раз посеял я клевер, уродилось хорошо. Но крестьяне примера моего не признали, сказали, что пашню распахивать очень трудно будет. И в настоящее время мы остались с трехпольем, и каждый крестьянин заботится о поле, а у него ничего не выходит. Травы плохо родятся на суходолье, и иного выхода крестьянам нашим нет, как только сеять травы. И мы решили оставить трехполье и вести хозяйство другим манером, в лучшую сторону, чтобы и хлеб родился и трава была, а то крестьяне не знают, за что хвататься. Мы сеяли хлеб за хлебом, а он вытаскивал все удобрение, и молодому поколению жить будет нечем—весь капитал мы вытащили из земли. Деревня наша, быть может, жила когда-то и хорошо, но тогда было 25 дворов, а сейчас—60, а земля остается одна и та же. Молодому поколению остается заниматься только земледелием, а при трехполье им делать нечего. И косим мы траву с Петрова дня до Покрова дня и ничего не накашиваем, а вот если клевер нам даст хорошую траву, да лучшую скотину заведем на дворе, да хорошо кормить ее будем, будет и хороший навоз, а от хорошего навоза будет и хороший урожай хлеба да и работать мы будем меньше.

Итак, думаю я, нужно нам начинать новую жизнь, а трехполье оставить. 30 лет уже я так думаю в душе, но кто желает, а кто—нет.

Председатель. Вы подтверждаете о трехполье все изложенное в обвинительном акте?

Свидетель. Да, подтверждаю.

Прокурор. Сколько вы сейчас накашиваете сена на один двор?

Свидетель. Я имею одну лошадь, две коровы, 8 овец,—значит, нужно мне пятьсот пудов, а я вот накосил 200 пудов. Вот что хотите, то и делайте.

Прокурор. Хватает ли для вас хлеба на год?

Свидетель. Да, хватает, если поглубже запустишь плуг.

Прокурор. Поскольку вы собираете хлеба?

Свидетель. Да так — собираю пудов 40. И часть заменяю культурой картофеля, которая не дает упадка урожая.

Защитник. Вы сказали, что при многопольи вам придется меньше работать. Правда ли это?

Свидетель. Как же, конечно, правда. Будет четырехполье, я под озимь весной вспашу, клевер в одну неделю уберу, а я теперь кошу с Петрова и до Покрова дня и никак не уберусь, и пар черный мне пахать некогда.

Защитник. Ведь пару будет меньше, значит земли больше будете обрабатывать!

Свидетель. Может быть, но это сделать нетрудно. Но нам нужно дать только толчок и мы будем работать.

Председатель. Больше вопросов нет? Садитесь. Свидетель крестьянин Диков!

Свидетель Диков. Я могу пояснить, что, как приехавши рано из города, сжился с молодых лет с крестьянством и начал вести его так, как старики, веду хозяйство я небольшое. Одну корову имею, земли на три надела, а на одну корову никак накосить травы не могу. Из этого я вижу ущерб. Если бы было многополье, то я был бы не утружден покосом и завел бы себе лошадь, а теперь этого не могу.

Председатель. Вы подтверждаете, что трехполье истощило вашу землю и привело вас к нищете?

Свидетель. Да, подтверждаю.

Агроном. От чего вы получаете доход из хозяйства?

Свидетель. Дохода из хозяйства совершенно нет, и деньги прирабатываю с побочного заработка. Трехполье нам дает только убыток, и без побочного заработка существовать на трехполье никак нельзя.

Свидетель-экскурсант с Всесоюзной Сельско-Хоз. и Кустарно-Промышленной Выставки.—Я был на Всесоюзной

Выставке в Москве. Пять дней прожил у товарищей рабочих с завода Амо. Я на Выставке искал ответа: почему нам жить так маятно и тяжко? А агитаторы с Трибуны Народов на Ленинской площади как будто огненными словами кидались и жгли мозг: „мы богачи, наша природа несчитанно богата, мы в лаптях ходим по золоту, мы нищие-богачи“. Почему так?—думаю. И я нашел ответ. Я скажу вам его. Я видел много поучительного, но этот плакат запал в память. Я списал его. Из Нижнего выставили плакат о двух хозяйствах нашего брата — крестьянина Малькова и Куминского.

Хозяйство Малькова находится в дер. Ионово, Васильевской вол. Мальков перешел в 1913 г. от общинно-чересполосного пользования к отрубному.

Хозяйство Куминского находится в дер. Короваево Больше-Песошнинской волости. В дер. Короваево — общинно-чересполосное землепользование. Общая площадь в том и другом хозяйстве — 8 десятин, из которой пахотной по 6 десятин и остальные угодья почти одинаковы. Оба хозяйства равны по качеству и расположению почвы, также и по семейному составу трудовой рабочей силы.

Но Мальков с 1913 г. перешел от трехполья к восьмиполью, с ежегодным подсевом клевера, а Куминский остается на трехпольи и по сие время. У Малькова на 6 десятин одна полоса, у Куминского — 46 полос. Мальков не знает никаких переездов с полосы на полосу и легче справляется с обработкой земли и уборкой хлебов, меньше затрачивает труда, чем Куминский.

У Малькова и Куминского в 1913 году были одни и те же земледельческие орудия. Плуг двухоборотный, „Андревна“, деревянная борона, правда у Малькова еще был деревянный каток, а в общем, у того и другого поровну. Многополье дало резкий перевес хозяйству Малькова.

У Малькова появился плуг Сакка, борона с железными зубьями, не считая деревянной, пружинный культиватор, а

сеялку рядовую, молотилку и веялку завели общественные с 1914 года. А Куминский, как был в 1913 году с оборотным плугом, деревянной бороною, „Андревной", так и остался; за 10 лет кое-как прибавил каток.

Состав скота в 1913 году: у Малькова 1 лошадь, одна корова, одна телка, 3 овцы, 6 ягнят, на 184 рубля. У Куминского: лошадь одна, коров две, телят один, овец четыре, ягнят восемь, на 242 рубля.

А теперь у Малькова: одна лошадь, 2 коровы, одна телка, 2 овцы, 2 ягненка, 10 кур, смоимость 321 рубль, а у Куминского—одна лошадь, одна корова, 2 овцы, 2 ягненка, 8 кур, итого на 170 рублей. У того и другого скот был захудалый и малоценный. Но с введением травосеяния скот Малькова улучшился и стоимость его повысилась, что и видно из оценки скота Малькова и Куминского в 1922 году.

В животноводстве Мальков обогнал Куминского в два раза, тоже—в урожае хлебов.

Куминский попрежнему высевает ржи на одну треть своей полевой земли, т.-е. на две десятины 20 пуд. и собирает 100 пуд. и при самом хорошем урожае, как это было в 1922 году—130 пуд.

Мальков высевает на одну четвертую часть, т.-е. $1^1/_2$ дес. рядовой сеялкой 11 пуд. и собирает 300 пуд. Также овса и всех других хлебов Мальков собирает с своих полей больше, нежели Куминский. В придачу к хлебам Мальков со своего участка собирает 300 пуд. клеверного сена, а Куминский на этот счет только в затылке почесывает.

В общем в урожае хлебов и картофеля на десятину Мальков обогнал Куминского в три раза.

Прокурор. Скажите, свидетель, а каков чистый доход у того и другого? Вам известно?

— Чистая прибыль со всего хозяйства у Куминского с трехполки за три года, 1920—1922 г.г., по 152 рубля в год, у Малькова за те же годы—492 рубля в год. Как

видно, и в получении чистой прибыли от своего хозяйства Мальков обогнал Куминского в три раза.

Вывод ясный. Мальков при равных хозяйственных условиях прокармливает семью в 7 человек и получает излишки, тогда как Куминский, имевший вначале больше рабочей силы, с семейством в 6 человек, не оправдывает своей работы и катится с трехполкой в кабалу к кулаку.

Свидетель, член коммуны „Равенство и Братство“ из Калужской губернии, Черволожской вол.—Я из коммуны „Равенство и Братство“. Наша коммуна организовалась в помещичьем имении Савина.

Из живого инвентаря коммуне досталось 2 лошади, 2 коровы, комплект сбруи, плуг, борона, телега и кое-что из мелочи. В общем хозяйство началось на средства самих коммунаров, крестьян деревни Астапово.

В коммуне всего 52 человека, из них трудоспособных—22.

Полевой земли 112 дес., сенокоса $7^1/_2$ дес., выгонной 2 дес., под постройками 2 дес., усадебной $5^1/_2$ дес. В хозяйстве ведется шестипольный севооборот с травосеянием; пар наполовину занимается виковой смесью, а вторая часть—ранний апрельский. Почва—средний суглинок, с глинистой подпочвой.

Рабочего скота: 10 лошадей, 14 дойных коров, телок 2 лет—6, телят до 1 года—5, летников—8, быков—2.

Количество убойного мяса в коммуне с 20 п. в 1919 г. возросло к 1922 году до 117 пуд. Количество молока и масла, полученного от 14 коров, равно 1.750 ведер в год, из них потреблено в год 570 ведер и 1.180 переработано на масло. Масла получено 36 пудов в год. удойливость коров 125 ведер на голову.

Мертвый инвентарь 6 плугов однолемешных, 4 двухлемешных, 10 деревянных борон, из них с железными зубьями 2, окучников 2, косилок 2, жатка, 2 веялки, сортировка, соха, 2 косули.

Защитник. А когда ваша коммуна перешла на многополье?

— С первого же года было введено многополье, был перестроен скотный и конный двор, улучшено кормление скота. Есть стремление улучшить молочную породу скота.

Председатель. А что у вас в коммуне организовано из хозяйственных предприятий?

— В коммуне имеется детский приют.

Хозяйственные постройки: дом для коммунаров, конный двор, скотный, мастерские, два амбара, 3 сарая для корма, баня, ледник, погреб, свинарник, телятник.

Имеется мельница с двигателем, которая перемалывает 11.000 п. постороннего хлеба. Своя слесарно-кузнечная мастерская. При мельнице имеется крупорушка. Организовано кожевенное производство, обслуживающее нужды коммунаров, выделываются овчины для себя и на сторону, имеется свое валеное производство. Все это дает коммунарам значительный доход.

Свидетель—крестьянин дер. Курово, Московск. губ.— Я граждане, начну с самого главного—с урожаев. В Курове сохранилась община. Но в 1898 г. куровцы перешли к ярославскому четырехполью, а в 1917 г. — к волоколамскому восьмиполью. Что это дало куровцам?—А вот что:

В пудах.

Годы.	Севооборот.	Рожь.		Овес.		Картофель.		Приходилось хлеба на 1 едока.
		посеяно.	собрано.	посеяно.	собрано.	посеяно.	собрано.	
1879	3 поле	560	840	700	1.050	210	2.420	4,6
1898	4 поле	552	1.656	504	1.562	288	160	10,2
1922	8 поле	290	2.772	160	1.746	733	4.770	12,6

Урожай ржи у нас повысился более, чем в три раза, а семян в 1922 г. высевалось в два раза меньше. Овес

при трехпольи давал сам $1\frac{1}{2}$, а при многопольи—сам 10. Обеспеченность хлебом на каждого едока увеличилась в три раза.

Возросла и доходность хозяйства.

Что давало среднему крестьянскому хозяйству 3-полье?—В среднем 100 р. 40 к. в год.

Что дает тому же хозяйству 8-полье? 316 р. 25 к. в год доходу.

Денежные поступления трехпольного среднего крестьянского хозяйства выражались в 6 р. 25 к. в год. А 8-мипольное хозяйство дает 104 р. 40 к. Трехпольному хозяйству надо было подкупать хлеба на 22 рубля, при денежном поступлении в 6 р. 25 к. Недоставало, значит, 15 р. 75 к. Трехполка гнала деревенскую молодежь и стариков в Москву, на подсобные заработки, на фабрики, заводы, в прокопченные и проплеванные сторожки, в половые, в дома терпимости и т. д. и т. д. Трехполка хлестала куровцев за невежество. Многополье увеличило денежную доходность хозяйства почти в 20 раз и вернуло в деревню нужные рабочие руки.

Переход к широкополосице и уничтожению межников нанес смертельный удар сорнякам и вредителями и освободил более 6 десятин земли, находившихся под межами или $3\frac{1}{2}$ надела по нашему.

Переход к 8-полью нам подсказал недостаток кормов. Многополье дало возможность развить молочное скотоводство. Многополье стало давать 120—130 пудов ржи на дес., 150—180 мер овса, 800—900 пуд. картофеля, 400 пуд. сена, пермского клевера. В прежние годы на душевой надел накашивали 50 пуд. сена, теперь в пять раз больше—250 пуд. Раньше крестьянин на 2-душевом наделе с трудом содержал корову и лошадь, а теперь он легко прокармливает двух коров, лошадь и 3 овец. Яровая солома идет на подстилку.

Теперь деревня имеет общественный огород и продает до 750 пуд. капусты. Семена свои.

Имеются такие коровы, которые с новотелу дают 1 п. 8 ф. молока, например, корова у кр. Трифонова. Средний удой для коров всей деревни определяется в 23 ф. в сутки с новотелу, при среднем годовом удое в 107,5 пудов. До 8-полья удои равнялись 75—80 ведрам в год.

Лет 25 тому назад у нас были еще сохи, а в 1923 г. в деревне имеется 33 плуга, бороны с железными зубьями. Ввели общественные машины и орудия: две молотилки, две веялки, два окучника, 11-рядовая сеялка, сеялка клеверная, жнейка, 2 сенокосилки, сортировка, построили общественную зерносушилку.

У нас теперь двухполовинные избы, с отдельными комнатами, 6—7 больших светлых окон, обязательно с зимними рамами, иногда под железной крышей. Общая стоимость всех построек куровца определяется в 1.200—1.500 зол. рублей. Самовар, деревянная, а то и железная кровать, фарфоровая посуда, чугуны, часы, картины и многое другое.

С Советской властью в 1919 г. в Курове появилось электричество.

Председатель. Вызываются свидетели—защитники трехполья. Тов. Абрамов из деревни Забелино, чем вы оправдываете трехполье?

Свидетель. Из предыдущих товарищей некоторые много говорили отрицательно о трехполье, а, между тем, это не так в отношении работы. Если я пашу летом один пар, то я пашу только одно поле, а остальное поле гуляет. А при четырехполье нужно пахать в год три поля, и работа прибавляется. Тоже можно сказать относительно того, что вы указывали в пример, что плодородность земли в упадке. Но это об'ясняется тем, что густо население стало. А это не есть довод, чтобы перейти на четырехполье. Чтобы поднять производительность, этого будет недостаточно, и населению нужно искать, как бы куда-нибудь выехать. При трехпольной системе я сейчас работаю достаточно хорошо и бьюсь

не так, как при четырехпольи. А при четырехпольи получится излишний труд и измельчение площади. И нельзя применять усовершенствованного орудия, так как я затопчу соседнее поле, например, овес, и это будет неудобно.

Агроном. Сколько у вас пашень при трехпольи?

Свидетель. По шести пашень, по 4 сажени ширины.

Защитник. Против трехполья выдвигаются обвинения, что оно засоряет поля?

Свидетель. Так будет и при четырехпольи и при трехпольи. При чем тут борьба с травами! Нам нужен корм для скота, так что нужно, чтобы рожь произрастала с травами, так как скот будет лучше солому есть.

Председатель. Вызывается тов. Дементьев — защитник трехполья.

Свидетель. Я по данному вопросу скажу следующее. При трехпольи мы покупаем хлеб, все. Но и при многопольи тоже будем покупать хлеб и масло и крупу, потому что у нас земли и так очень мало, потому что с 61 года наделили нас клинами, так они и остаются. Если мы разобьем на 4 поля, так от этого земли нисколько не прибавится, а зерновых хлебов еще будет меньше. Тогда просто живи впроголодь. А что касаемо — пары засоряются, то это совсем правда. Но пары могут засоряться и при четырехпольи. Но когда мы пашем и боронуем, мы эту сорную траву вырываем и собьем. Затем вот во время голода при многопольи нам приходилось яровое сеять, а на то, следовательно, земля сама по себе очень плоха и при четырехпольи мы не дадим ей того отдыха, какой даем ей при трехпольи. Нужно унавоживать всю землю, тогда будет урожай.

Председатель. Вы унавоживаете навозом и сколько у вас скота?

Свидетель. Что придется. А на хозяйство имеем корову, лошадь и на полоску кладем пудов 300.

Председатель. А на сколько вам хватает своего хлеба?

Свидетель. До масленицы, до рождества.

Прокурор. Гражданин, скажите пожалуйста, сколько мер ржи вы высеваете?

Свидетель. Мер так десять.

Прокурор. А сколько вы вывозите телег навоза?

Свидетель. Приблизительно, телег 40.

Прокурор. Вы считаете это удобрение достаточным?

Свидетель. Нет, безусловно недостаточным.

Прокурор. А вот, если бы у вас был корм в поле, тогда и корма было бы больше и навоза больше.

Свидетель. Но где же мы скот гонять будем? Неужели пасти на усадьбе? Так мы принуждены будем и усадьбу скормить, а на ней у нас лучший сенокос.

Прокурор. А сейчас вы где пасете скот?

Свидетель. На пару.

Прокурор. А сено где косите?

Свидетель. Есть луга, в поле, в лесах.

Прокурор. А вот травы можно было бы сеять в поле и хорошие урожаи снимать, а луга и леса обратить под пастбище, тем более что для уборки сена в лесах нужно много времени.

Свидетель. Но все луга наши не подходят к деревням, а идут краем, где-нибудь в поле, и нам придется гонять по засеянному полю.

Свидетели-крестьяне: Пичугин, Паленый, Касаткин тоже защищают трехполье.

Председатель. Итак, все свидетели допрошены.

Голос из толпы: „Разрешите слово".

Председатель. Пожалуйста.

Крестьянин из толпы. Вот в настоящее время живу я в деревне после европейской войны. Крестьянствую так скудно, плачевно, мучаюсь, терзаюсь и все хочу улучшить положение крестьянства. А что же мучает крестьянство? Одни говорят—хлеба не хватает. Другие—что из плачевного нашего состояния выхода нельзя найти и 7 лет я крестьянствую и только нынешний год благодаря примочки удержал

лошадь, потому что с лошадью лучше жить: до масленицы хлеба хватит, а там больше нет и приходится и лошадь продать. И думаю, что трехполье это есть губитель для нас и спасенье только в четырехпольи. Смотришь на положение скотины и хочется, глядя на нее, плакать. Нынешний год, когда растаял снег, я скосил оставленное сено и этим сеном кормлю скотину. А она на меня смотрит и мне говорит: что ты мне даешь, это вещь не питательная. А я говорю: терпите! вот перейду на многополье и тогда покормлю вас сладким клевером. А они смотрят на меня и радуются (аплодисменты).

Речь защитника. Защитник трехполья указал, что главным виновником крестьянского разорения было царское правительство, которое не заботилось о благосостоянии крестьянства, а лишь о том, чтобы держать его в темноте и собирать с него налоги, благодаря чему и трехполье у нас держалось столько времени

Речь прокурора. Граждане судьи. Доказал ли хотя бы один свидетель, что он может при существующем трехпольи прокормиться целый год? Этого ни один свидетель не доказал. Доказал ли хотя бы один свидетель, что он при существовании трехполья может завести больше скота? Этого ни один свидетель не доказал. Все говорят: „чрезвычайно мало скота“. Здесь свидетели говорили в защиту трехполья, что от трехполья переход к многополью при малоземельи невозможен, что он возможен лишь тогда, когда много земли. Вот это самое главное возраженье, которое приводилось защитниками трехполья. Посмотрим, насколько это возражение действительно.

Дания сумела на небольших клочках земли организовать многополье. То время, как датский скот был такой же тосканской коровой как и у нас, было 50 лет тому назад. Грянула прусско-датская война. В этой войне Дания была разгромлена, от нее отобрали $^1/_3$ территории. Тогда стали думать, как же выйти из беды. И с этого года стали вводить многополье, завели молочное скотоводство, стали отправлять

молочные продукты в Англию, и Дания, государство величиной с Московскую губернию, вывозило молочных продуктов столько же, сколько громадная Россия. В довоенное время мы вывозили молочных продуктов лишь на $7^1/_2$ миллионов рублей, а маленькая Дания, ничтожнейшее государство по сравнению с нашей страной, вывозила молочных продуктов тоже на $7^1/_2$ миллионов рублей.

Но Дания пример заграничный. Нужно искать примеров подле себя, у нас, в русских условиях. Чтобы показать, что многополье можно ввести и при малоземельи, и я скажу в добавление к свидетелю про дер. Курово, которая находится в Дмитровском уезде. В ней 35 домохозяев. Земли около 100 десятин. На каждый двор в среднем приходится по 3 десятины. Тут не особенно разойдешься. Есть там дворы, у которых по $1^1/_2$—2 десятины, а у некоторых и 4—5 десятин, а три десятины—это среднее. И они на трех десятинах организовали восьмиполье. И у них 25 лет тому назад было 35 голов скота, а теперь вдвое больше. Раньше не было ни одного жителя, у которого хлеба хватало бы на целый год, а у большинства, даже богатых, хватало только что до масленицы. А теперь у 28 хозяев хватает хлеба на целый год, а у остальных хлеба хватает на 10 месяцев. Не хватает только на 2 месяца. Так это всегда можно перевернуться. Значит, возражение, что при малом количестве земли нельзя ввести многополье, отвергается.

Можно ли говорить, что при трехпольи труд легче и что много приходится работать при многопольи. Почему же те мужики, у которых многополье существует, говорят, что мы 4—8-полье завели, а работать стали меньше. Я вам расскажу такой маленький пример. Приехал я к хуторянину Паленому. Он был чрезвычайный лентяй, работать не любил, всегда был то в трактире, а то спал. „Скажи—спрашиваю, Паленый,—кто за тебя работает?“ — „Да трава работает. Я, брат, четырехполье ввел и только

половину земли работаю, а ту половину маленько поднимаю, маленько пашу весной, перепашу и скорей под посев“.

Говорят: где же мы будем пасти скот? Но если мы вводим многополье, мы пара не уничтожаем сразу. А раз пар остается, остается и место для пастьбы скота. С другой стороны, прибавляется гораздо больше угодий для пастьбы. Мы тот же клевер снимем и будем пасти на отаве—скот будет более сыт. А можно устроить севооборот таким образом, чтобы, вместо худых бурьянов, которые наш скот поедает на пару при трехпольи, можно устроить клеверные выгоны и по ним пасти скот. И сыты будут коровы целый год, будут и доить хорошо, и в теле будут, лучше будет молоко и будет доход. Значит, все возражения очень несущественны.

Кроме того, защитники трехполья указывают, что сохой землю ковырять нельзя. А ведь если мы плуги заведем, плохо это или хорошо? Всем ведь известно, что плужная вспашка лучше, все машины вы заведете постепенно, не сразу.

Защитник трехполья говорит, что сейчас узкие полосы, а при многопольи полосы будут еще уже, но не забывайте, что можно число полос оставить прежнее, а затем, почему бы вместе с переходом к многополью не сделать и перехода на широкие полосы, на которые хоть с трактором поезжай.

Речь представителя РКП. Мне поручено выступить здесь в качестве обвинителя от Российской Коммунистической Партии Большевиков. Ведя революционную борьбу на протяжении 25 лет, РКП в своей работе особенно считалась с крестьянской массой в России. Крестьянское хозяйство, построенное на трехпольи, было и есть верный союзник царей, помещиков и капиталистов.

Трехполье, как единственный источник дохода крестьянина, не могло дать мало-мальски сносного существования крестьянской семье. Отсюда—русская нищета, темнота и невежество. Царскому правительству выгодно было держать крестьянина на трехпольи. Темного крестьянина царю легче было держать в повиновении, легче посылать на подавления

рабочих и крестьянских волнений и, наконец, легче было создавать такие бойни, какой была европейская война, участниками и свидетелями которой мы с вами были.

Для капиталистов трехполье было поставщиком живой рабочей силы. Население, не обеспеченное на земле, было вынуждено итти на заработки в город на фабрики и заводы. Создавалась запасная армия труда, а для капиталиста — лучшие условия для эксплуатации рабочего класса и большего выжимания пота.

Трехполье отняло у РКП богатейший источник живой силы для революционной борьбы: 85% крестьян были темны и не могли понять широты размаха нашей революции. Оставались пассивными или же, в худшем случае, поставщиками живой силы в генеральско-помещичьи армии Колчака, Деникина, Юденича. Об этом вы хорошо знаете. Вот что может сделать темнота, порожденная трехпольем.

Так, товарищи, было у нас в стране земледельческой с нашей трехполкой, которую мы с вами сегодня судим.

Периодические голодовки посещают нашу матушку Россию, имеющую лучший чернозем. Помните Поволжье, когда 13 губерний его были охвачены засухой, население подвержено голодной смерти и полному разорению. Здесь не кара божья, а наше невежество в ведении своего хозяйства с нашей трехполкой. При многопольи сеются сухостойкие культуры, при трехпольи же сеются только зерновые хлеба и часто хлеб по хлебу, что сильно истощает почву и делает ее совсем слабой в борьбе с засухой. На Западе при многопольи голодовок не знают, а там есть только недород.

Трехполье с давних пор преступно подрывало промышленность. При трехпольи крестьянское хозяйство было убыточно, и крестьяне не имели средств на покупку промышленных изделий. Крестьянин не мог покупать минеральных удобрений, как-то: фосфорита, томас-шлака, костяной муки и проч., благодаря чему у нас эта отрасль промышленности не могла развиваться. Трехполье также задерживало машино-

строительную промышленность, так как при трехполье крестьянин не имел средств покупать сельско-хозяйственные машины и орудия. Они заменялись деревянными сохами и бороной.

Товарищи, мы с вами теперь уже должны рассуждать не только с точки зрения своего личного хозяйства, а с точки зрения государственного, поскольку мы теперь являемся хозяевами советского государства. Что же давало нам трехполье для вывоза на мировой рынок? Зерно—пшеницу, рожь, овес и проч. И это вполне понятно: трехполье, кроме этих продуктов, дать больше ничего не могло. Благодаря изобилию зерновых продуктов на мировом рынке, наше зерно расценивалось дешево, и более разумные хозяйства западных государств на нашем же зерне вели свое хозяйство. Разводили и откармливали скот и сбывали мясные и молочные продукты, как более ценный продукт сельского хозяйства.

Если темнота, нищета и невежество были выгодны царскому правительству, то Советская власть допустить этого не может. Она ставит себе задачей добиться развития животноводства, перехода на более ценные с.-х. культуры, обогащения и улучшения крестьянского хозяйства. Трехполье провести этого не позволит.

На основании всего вышесказанного, во имя всех понесенных человеческих жертв, я от имени Российской Коммунистической Партии Большевиков прошу судебных заседателей осудить трехполье по всем строгостям законов СССР, как последнего непримиримого врага на пути нашей хозяйственной революции.

ПРИГОВОР.

„Именем РСФСР Агросуд в своем заседании от 2-го марта 1924 г., заслушав дело по обвинению трехполья по 501 ст. Уголовного Кодекса, предусматривающей разрушение народного хозяйства Советской Республики, *определил*:

1. Заслушав показания свидетелей, об'яснения сторон и речи защитника и прокурора, считать доказанным, что 1) трехполье приносит государству громадный ущерб, благодаря тому, 2) что целая треть земли пустует и не приносит дохода, 3) урожаи падают вследствие плохой удобряемости пашни, вследствие того, что земля выпахивается, 4) что при трехпольи скота мало, он мельчает и мало доходен, 5) что благодаря трехполью в крестьянском хозяйстве до сих пор господствует орудие обработки дикаря—соха, 6) что трехполье является причиной бегства от земли в города, увеличивает там безработную армию, тем самым отягощает государство в непроизводительных расходах, 7) что, благодаря трехполью, неисправно и недостаточно поступают государственные налоги и сборы, которые в то же время ложатся тяжелым бременем и на самого крестьянина, 8) что при трехпольи нет места техническим культурам, и что, следовательно, деревня не может дать голодающей городской промышленности лен и пеньку, а город в свою очередь не может поэтому дать дешевой мануфактуры,—признать необходимым трехполье, как систему крестьянского хозяйства, в дер. Тишково похоронить.

2. Обязать граждан всей Жилевской волости ликвидировать трехполье к 1 января 1925 г.

3. Кто не выполнит настоящего постановления Агросуда, тем вынести общественное порицание с опубликованием в печати и лишить их права на общественную взаимопомощь".

Председатель суда. Товарищи, согласны ли вы с предлагаемой резолюцией? Возражений нет! Имеются ли дополнения к приговору или поправки?

1-й голос. Я имею. Мы должны особо отметить тех из крестьян, которые первые пошли на многополье. Я предлагаю просить волисполком произвести расследование—кто в нашей волости первый многопольник; устроить ему чествование, освободить от с.-х. налога на 5 лет, детей его без очереди послать на общественный счет учиться в самое высшее с.-х.

училище, но чтобы они вернулись работать после в свою волость. Именем его назвать деревню. Жизнь описать в нашей газете, а в уезде самую большую площадь назвать площадью многополья и на ней поставить памятник трехполью с надписью всех несчастий, какие принесло нам трехполье и о которых говорил тут товарищ от РКП (б). Первый многопольник должен быть у нас первым человеком в волости. Больше ничего.

Председатель. Имеются ли возражения? Нет! Предложение принято...

(Г. Лебедев—„Суд над трехпольем“, изд. 1924 г.).

Кулак и трудовик.

Тов. Смердов из села Даровского, Котельнического уезда, Вятской губернии, пишет [1]:

„За последнее время в глушь деревни проникло слово „буржуй“. На деревенском языке оно стало словом бранным и для многих — прямо позорным. Оно употребляется везде, к месту и просто для насмешки, и бьет по всему, что попадет на язык, а именно: построил себе крестьянин новую избу, приобрел вторую корову, сани и прочее, и ему всюду сыплют в глаза: „Эх, буржуй, разжился при советах-то. По тебе, небось, власть-то. Раньше, небось, и коровы не было да и из землянки не вылезал, а ныне, вишь, как разжился“.

И мало-мальски передовому трудолюбивому крестьянину нельзя показаться ни на базаре, ни на собрании—засыплют насмешками. Нередко сыплют: „Долой его! У него новая изба, две коровы“. И убирается с собрания наш исправный

---

[1] Письмо тов. Смердова, волостного статистика из Даровской вол., Котельнического уезда, Вятской губ., появилось в газете „Беднота“ в начале 1924 г. Вся нижеприведенная переписка взята из книжки „Деревня при нэп‘е“, изд. 1924 г.

крестьянин. И горько ему, и обидно. Идет домой, думая: на кой чорт дернуло меня купить вторую корову! А ведь советская власть стремится поднять сельское хозяйство, а я вот немного подтянулся и пропал.

И вообще в деревне теперь мало-мальски мощным хозяевам нет никуда выхода. Вся злоба вымещается на них. У них и скотину побьют и огород поломают, хлеб потопчут, овощи нарушат, скирды раскидают, а в праздники окна побьют и самого изобьют. А где искать защиты, ведь его зовут буржуем, а их, говорят, и Советская власть не любит.

В заключение своего письма т. Смердов спрашивает:

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2 до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом?

2. Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?

3. Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?

На письмо было получено много откликов, некоторые из которых мы здесь и приводим:

I.

Правда, гражданин Смердов, вполне согласен с вами, весьма неприятно при всем честном народе получить в лицо „буржуя“. Народ-то, вишь, дурак, увидал у человека мельницу или четырех коров с тремя лошадьми и не хочет приравнять к себе,—„буржуем“ называют.

Теперь позвольте, гр. Смердов, ответить мне на ваши вопросы:

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего 2—4 коров, 2—3 лошадей и „приличный“ дом?

Можно, гр. Смердов, *в том случае*, если этот крестьянин имеет земли по каким-либо „обстоятельствам“ больше, чем у его граждан. И если пользуется к тому же наемным трудом.

2. Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?

Кулаком считать такого гражданина не то можно, не то нет, смотря по его личным „качествам“, ну а буржуем и богатеем можно считать. Вам, как, вероятно, известно, гр. Смердов, все население деревни делится на три группы: на бедняков, середняков и богатеев-кулаков. По вашему выходит, что мельника отнюдь богатеем считать не следует, а следует считать „тружеником“ и, по меньшей мере, середняком. Так кого же тогда, по вашему, гр. Смердов, считать богатеем-то, буржуем, или, быть может, по вашему никого не считать, а отнести всех оных к середнякам? так вам бы, гр. Смердов, следовало бы спросить любого середняка: как бы он отнесся, если бы его стали сравнивать с мельником, а чего доброго, и с деревенским фабрикантом—кулаком-лиходеем?. Думаю, что замахал бы руками и ногами. Я думаю, что позор середнякам, если на одну с ними ступеньку станут ставить мельников, кулаков и прочих „тружеников“.

3. Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?

Вообще, по моему, всякий торговец в крестьянской среде, будь он мелким или крупным, является элементом нежелательным, который, так или иначе, в большей или меньшей степени, паразитирует крестьян, заставляя их давать ему доход на том, чего он не производил, то-есть „делает на чужой труд надбавку“.

Что же касается того, что он торгует на гроши, что он жалок сейчас, так это ничего не говорит; все наши знаменитейшие буржуи начинали с грошей. Ну, а на счет смерти

с голоду, так я думаю то, что если у него нашлись гроши на торговлю, почему бы ему было не найти этих грошей для обзаведения крестьянским хозяйством, а то, видно, не на том тесте замешан—потянуло на торговлю. Это, гр. Смердов, клоп, хотя маленький, но все же клоп, а из маленького клопа может вырасти большой, а не то и целый паук.

Я думаю, что мои слова подтвердят все крестьяне, не принадлежащие к группе кулаков-богатеев и их приспешников.

Беспартийный крестьянин *Александр Линьков.*

Московской губернии, Волоколамского уезда, Калеевской в., дер. Никольское.

II.

Вопрос о кулаке, о том, как его отличить от труженика, поднят письмом в „Бедноту“ очень кстати. Понятие о кулаке само по себе является довольно растяжимым,— и что у нас в деревне подчас рядового труженика относят к категории кулаков, в этом не может быть сомнения, и что этим людям не дают дороги к общественной работе, то этого тоже отрицать не приходится.

У нас в большинстве случаев на хозяйственного, примерного, обеспеченного постройкой, скотом, инвентарем, к тому же выделившегося на участок—смотрят, как на определенного кулака.

Ему не дают в некоторых случаях права голоса, всячески травят его в обществе, и такой крестьянин говорит:

— Что же, по вашему, я должен быть таким же бедняком, как и вы? Не иметь лишней коровы, лишнего хлеба?

У такого крестьянства, называемого в действительности середнячеством, создается недоброжелательное отношение к советскому правительству, к его начинаниям.

— Говорят, мол, о восстановлении сельского хозяйства, о мощи крестьянской, а строить образцовое хозяйство — не дают.

Отныне крестьяне на местах должны иметь полное и ясное представление о сущности кулака и не мешать его с середняком.

Кулаком нужно считать такого зажиточного крестьянина, который имеет *побочный, главным образом, торговый заработок, который и создает самую зажиточность, и который всячески при каждом случае об'егоривает своих односельчан, ставит их в зависимость, и так далее.*

Крестьянин же, имеющий хотя бы большое количество скота, необходимый для более культурной обработки земли инвентарь и занимающийся исключительно сельским хозяйством — тот не кулак, а крестьянин-середняк, на котором и строится налоговая политика, который только и может на своих плечах вынести лишения, тяжелые бедствия страны.

В № 1731 „Бедноты“ в письме из Вятской губернии тов. Смердов, поднимая вопрос о кулаке, спрашивает:

— Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2—3 лошадей и приличный дом?

На этот вопрос прямого ответа, по моему мнению, быть не может. Никакой предельной нормы скота или еще чего в этом роде, для определения кулака, установить нельзя.

Нужно опять-таки смотреть в самый корень вещей.

Крестьянством ли занимаясь, приобрел он этих 4-х коров, лошадей? Или — путем барышничества, торговли, постороннего заработка?

А разве таких мало крестьян, у которых хозяйство маленькое, бедное, а психология, настроения, взгляды чисто кулацкие? Такие типы есть, и для них невозможно определение с точки зрения материальной.

Вот вопрос относительно арендаторов мельниц, крупорушек, кузниц и прочих, необходимых в деревне, предпри-

ятий—более серьезен. Здесь труднее отличить мельника-труженика от мельника-кулака. Но и здесь определение должно быть точно и ясно.

Никто из этих людей не может быть отнесен к кулакам, буржуям, если они, занимаясь тем или иным промыслом, не нарушают никаких законов. Ведь, нельзя же, скажем, мельничный промысел назвать преступным! Мельница в условиях деревни является необходимейшим предприятием, кузница—тоже. И как можно людей, занимающихся этой работой, отнести к кулакам и всячески смотреть на них, как на чуждый элемент, травить, отгонять их из общества!

Поэтому на вопрос того же вятского Смердова: „можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?“—я отвечаю: нет, нельзя. Такой мельник—не буржуй, не кулак, а обыкновенный труженик.

Нужно как можно осторожнее подходить к определению кулачества. Не относить к нему крестьян-середняков, к которым отношение должно быть хорошее, искреннее, как к честным пахарям и передовым крестьянам, у которых многому можно научиться в области восстановления, улучшения и укрепления сельского хозяйства.

И. Михно.

С. Черная Грязь, Кумовской вол., Перемышльского у., Калужской губернии.

III.

Позвольте мне, беспартийному, состоящему в должности председателя правления Волостного Единого Потребительского Общества, откликнуться на статью: „Кого считать кулаком, кого—тружеником?“

Кулаком или буржуем, по моему мнению, можно считать всякого крестьянина, который:

а) имеет лавочку, торговлю и так далее;

б) дает свои избытки в рост, под проценты;

в) не блюдет советских законов и ведет агитацию против Советской власти.

Всякого же крестьянина, имеющего не только один хороший дом, а несколько домов, не только одну корову или одну лошадь, а несколько, но если все это добыто упорным трудом по землепользованию, разумностью, трезвостью, знанием и опытом, то хотя бы этот человек и использовал труд безработного в пределах „кодекса о труде“,—то этот крестьянин должен считаться первым гражданином Советской республики и, наоборот, всякий бедняк, бедность которого,—будет доказано,—происходит от лености, разгильдяйства, пьянки и так далее, должен считаться врагом советской страны и позором своей деревни.

Арендатор мельницы, блюдущий законы о труде, ведущий дело честно, наживающий, при полной нагрузке силы своей семьи, общественно-приемлемый процент на свое предприятие,—должен считаться уважаемым законом.

Всякий бедный, *торгующий* в деревне человек, нежелающий улучшить свое крестьянское хозяйство и жить исключительно этим хозяйством, должен считаться человеком, ищущим легкой наживы, и в нем нужно видеть будущего кулака, и потому должен считаться: когда он бедный, то „маленьким кулачком“, а когда станет богаче—настоящим кулаком.

Поясняю, почему, по моему мнению, всякий гражданин, имеющий хороший избыток в деревне, в чем бы таковой избыток ни заключался, и если этот избыток производственного происхождения, должен быть уважаем и взят за образец.

1) Советская власть, если так можно выразиться, самая буржуазная власть на свете в том смысле, что ни одна власть так не стремится сделать граждан своей страны богатыми, счастливыми, сделать труд человека легким и приятным, как Советская власть, но только хочет этого достигнуть не посредством эксплоатации человека человеком, а посредством упорного труда и науки.

2) Советская власть, если и считается властью бедняков, то не потому, что она хочет сделать всех бедняками и нищими, а потому, что она хочет помочь беднякам стать богатыми, имеющими не только хорошие дома, а целые дворцы.

3) Всякое иное толкование со стороны Советской власти о своей сущности, или отрицание ею прав на уважение всякого зажиточного человека, сколько бы и в чем бы этот избыток ни заключался, но раз этот избыток нажит не вопреки советским законам, было бы проявлением дешевой демагогии и даже больше — подхалимством власти перед теми, коих много и коих можно, пожалуй, любить, а не уважать.

Бибиков, Петр Георгиевич.

Ст. Колышей, Ряз.-Ур. ж. д.
Сущевское Общество Потребит.
9 февраля 1924 г.

IV.

Кого считать кулаком и кого тружеником — занимает многие головы. Чинами „буржуй“ или „кулак“ у нас величают мало-мальски оперившегося человека, несмотря на его прошлое, что он жил всю свою жизнь, молодость, наемным рабочим в каменщиках, штукатуром, на маслобойном заводе или мельнице.

Тов. Рогов со ст. Алпатьево пишет, что крестьянин немного пониже достатком просто называет своего соседа буржуем в шутку. Я полагаю, что шутку во всяком случае каждый понимает.

Тов. Рогову, вероятно, не приходилось наблюдать, что даже и местные представители власти называют кулацким элементом имеющего 5—3 лошадей и приличный дом, несмотря на его прошлое рабочее или батрацкое происхождение.

Ведь, на кой же тогда крики агрономии о переходе на многополье, поднятии сельского хозяйства. Перейдешь на многополье, заведешь лишнюю скотину, починишь хатенку,

поставишь в ней стул, кровать, и вместо того, что теперь спим с ягнятами и теленком вместе на полу, перейдешь спать на кровать, сделаешь теплое помещение для коровы, справишь хорошую сбрую, заведешь четырехногих—пару лошадей и телегу на железном ходу—и вдруг „кулак“, „буржуй“. *Такой вопрос нужно разрешить в официальном порядке.*

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего 2—4 лошади и 2—3 коровы и приличный дом?

По-моему, нет, *если этот крестьянин сам со своею семьей обрабатывает землю и ухаживает за скотом, даже не то что 2—3-х, пусть даже разведет 10 коров при собственном уходе.* Ведь, не от одной же коровы волоколамские крестьяне Московской губ. отправляют молочные продукты в Москву?

А что касается дома, то что мы живем? Спим на полу вместе с молодым скотом. У нас дома наполовину дом, наполовину хлев. Нужно каждому добиться хорошего скота, приличного дома, отделить себя от скота, вот тогда будет настоящая жизнь.

2. Можно ли считать кулаком-буржуем арендатора мельницы, если он ведет дело честно и по советским законам?

Если арендатор мельницы *сам обслуживает со своей семьей* мельницу, как это в большинстве бывает в деревне, то тоже кулаком считать не следует. Ведь, это то же, что какое-либо прикладное занятие. Иной портной зарабатывает больше, чем этот мельник. Такого мельника считать кулаком не следует.

Что касается „бедного человека“ торговца, то я скажу, что кто собирался у нас с голоду помирать, тот никто не начал торговать, *а если у него есть торговый опыт и знания, то пусть он свои знания принесет на алтарь кооперации.* Другое дело, если человек без ноги или руки (инвалид); *торговец, хоть и маленький, а все-таки он элемент нежелательный.*

Кулак и буржуй тот, кто живет на нетрудовой доход.

Село Малые-Алабухи, Борисоглебского уезда, Тамбовской губ.

П. А. Горшенев.

Самогонка.

В последний год до войны, в 1913 г., из лавок Тверской губ. было продано 1.598.286 ведер вина, что составляет $^{2}/_{3}$ ведра на душу, считая даже и младенцев. Следовательно, каждый гражданин, без различия пола и возраста, заплатил в 1913 г: в казну за водку 5 руб. 27 коп. По нашей волости [1] население заплатило в 1913 г. за водку (жителей тогда было 7.173 чел.) 37.801 руб. 71 коп. или, в переводе на рожь (цена ей в 1913 г. была 95 коп. за пуд)—39.686 пудов (а продналог с нашей волости за 1922 год в ржаных единицах—34.031 пуд. 39 фун., а в 1923 г. налог стал еще меньше; любопытно сопоставить эти цифры с расходом на водку). Но, помимо водки, деревня пила и самодельное пиво (заводское пиво, хотя у нас в волости было 5 мест его продажи, мы не будем учитывать—крестьянин пил его редко, оно было продуктом потребления местной интеллигенции и деревенских богатеев). Пиво варилось, как и по-сейчас варится, в праздники: на пасхальной неделе, на масленице и еще, самое меньшее, раза три в год (а в иной деревне—и 4 и 5)— в престольные (праздник по приходу) и в другие праздники. На каждое хозяйство в расход на пиво (солод, хмель) надо класть 2 пуда ржи. Таким образом, в 1913 г. у нас в волости (было 1.137 хозяйств), в течение года, тратилось на пиво 11.370 пуд. ржи. А всего в жертву „зеленому змию“ в 1913 г. было принесено всей волостью 51.056 пуд. ржи.

Сейчас мы учли лишь то, что можно было учесть. Но всякие упущения в хозяйстве, происходящие вследствие пьянства крестьянина,—их трудно вывести в рубле. А деревенские пожары, которые вспыхивали от окурка или спички, брошенных куда попало пьяным человеком? А сколько

---

[1] Речь идет о Горицкой волости, прежде Корчевского, а ныне Кимрского уезда, Тверской губ.

в деревнях было драк—редкий праздник обходился без драки; а уж если дрались, то дрались жестоко, с остервенением, увечили друг друга, иногда и убивали. Ну, да всего не перечтешь, что делалось под влиянием „зеленого змия".

Наступила война 1914 г. Казенки закрыли, водка исчезла из обихода деревни. Правда, в протоколе местного волостного земского собрания от 30 ноября 1917 г. читаю: „распитие крепких напитков в чайных лавках воспретить, о чем известить содержателей чайных, с отобранием от них подписок". Эти крепкие напитки, распивавшиеся по чайным, были: денатурат, политура и пр., но они расценивались дорого, но их было и мало—так что можно смело пройти мимо этого явления, не учитывая его. Деревня, в период войны, перешла на пиво. Сперва без водки праздник был не в праздник:

— Эх, не хватает чего-то! — поговаривали наши крестьяне.

Грянула революция. Сперва февральская, а потом октябрьская,—а казенки все не открывали. Деревня стала уже основательно забывать водку. И в деревне стало как-то тише: вывелись пьяные драки, уменьшилось количество пожаров, с женами стали обходиться лучше. А почти 40 тысяч пудов ржи, которые раньше шли на покупку водки, находили себе лучшее применение.

Так в нашей волости дело обстояло до 1921 года.

С начала 21-го года стали поговаривать, что в соседних волостях „гонят" самогонку. Кое-кто во время разных поездок и на праздниках уже успел ее попробовать. Делились впечатлениями:

— Дух нехороший, но пить все же можно.

— Ну, а раз пить можно, то надо и нам заняться!— порешили наиболее сметливые.

Проведали, как это „дело делается". Приспособили котлы, трубки и, кто в бане, кто на гумне, открыли „заводы"—

сперва исключительно „для собственного потребления“. Под большим секретом угощали друг друга. Самогонка очень нравилась, и „дело“ стало быстро развиваться.

К этому времени, т.-е. в 1921 году, кимряки, известные на всю Россию сапожники, как раз стали оправляться после той общей хозяйственной разрухи, которая придавила и их в 1918—20 г.г.

В 1918—20 годах кимряки, бывало, ездили по нашим деревням со своими сапогами, вымаливая за пару обыкновенных мужских сапог пуда 3—4 ржи (были случаи—отдавали и за $1^1/_2$ пуда). Понемногу они встали на ноги, закипела работа, заработки их увеличились. Не кимряки уже ездили с сапогами, а за ними к ним надо было приезжать. Цена сапог стала быстро расти и к августу 1923 г. пара сапог расценивалась уже, в среднем, в 15 пуд. ржи.

Но сапожники всегда славились своей исключительной любовью к „зеленому змию“,—а кимряки в особенности. И поэтому, как только „дела поправились“, кимряки снова стали ревностными поклонниками, несколько забытого в первые годы революции, любезного их сердцу „змия“. А раз имеются „потребители“, то всегда найдутся и „поставщики“. „Спрос родит предложение“. И в нашей Горицкой волости самогонные заводы стали расти, как дождевики в ненастную пору.

Вот в каких выражениях описывает местный доморощенный поэт-крестьянин (в своей поэме „История самогонки“) переход от „собственного потребления“ самогонки к продаже ее „на сторону“.—Настасья, жена Назара, говорит своему мужу, указывая на „продукт“:

— Свез бы в город продавать.
— Знаешь ты: за это строго!
— У тебя знакомых много,
Можешь только им продать,—
Никому не увидать!
Так советует она,
Благоверная жена.
— Ох, Настасья, я боюсь!
Вдруг да с нею попадусь?

— Чай, за первый раз не строго,
Ну, отдашь, будя, немного!
Поезжай же, говорю,
Я еще тут заварю...
Назар долго колебался,
Наконец-то он собрался:
Самогонку захватил,
В Кимрах продал,
Кое-что купил.
Самогонка там в цене,
Угодил Назар жене —
Привез ситцу ей на юбку.
— Ну, спасибо, молодец,
Что послушал наконец.
Ну, вот, видишь! А боялся!
Я гнала,—ты упирался.
Коль нашел хороший сбыт,—
Так Настасья говорит,—
То вози-ка самогонку
Раз в неделю, потихоньку.
Начинай-ка посмелей!
А Назар ответил ей:
— Эх, жаль, поздно я хватился.
Кабы раньше потрудился —
Чай бы пили с сахарком
Поутру и вечерком!

Продавать самогонку очень выгодно. Гонят ее из плохой картошки с добавлением небольшого количества муки и солода. Впрочем, приведем расчет: если взять $1^1/_2$ меры картофеля, 8 ф. муки и 6 ф. солода и прибавить дрожжей (дрожжи свои, пивные), то можно, сделав то, что надо, выгнать 15 бут. среднего качества самогонки. Все упомянутые продукты стоили в июле 1923 г. 100 милл. руб., а 15 бут. самогонки — 900 миллионов. В прошлом, конечно, цены были другие, но соотношение между затраченным „капиталом“ и прибылью оставалось, приблизительно, то же самое.

Итак, „дело“ закипело. Гнали и на продажу, и для себя. Сколько за эти два-три года переработано в волости картофеля и хлеба на самогонку,—учесть, конечно, невозможно. Надо сказать, что в 1922 году, в эпоху расцвета у нас „самогонного дела“, самогонку гнали почти в каждом хозяйстве волости. Среди „заводчиков“ надо различать три

категории. Одни гнали изредка и, главным образом, „для себя“, т.-е. для того, чтобы самим выпить и в деревенский праздник попотчевать своих гостей. Другие гнали почти исключительно на продажу. Среди этих „коммерсантов“ имеется группа зажиточных крестьян, которая производит и продает самогонку с целью обогащения. Про таких слышишь:

— Он разбогател от самогонки! Чего у него нет? Все есть.

Другая часть „коммерсантов“ гонит и продает самогонку „по нужде“.

Вот пример. Местный народный судья разбирал „самогонное“ дело. Обвиняемая—вдова красноармейца, на руках у которой четверо детей. Судья спрашивает:

— Гнали для себя или на продажу?[1]

— Куда, родной, для себя! На что она нам? Вот налог надо платить, соли купить не на что. Заработать на стороне негде, да и работать некому: как от детишек уйдешь?

И перед судьей развертывается картина действительной и большой нужды, помочь которой не знаешь чем и как.

Спрашиваю у судьи:

— Как же, оправдали вы бабу?

— Оправдать нельзя. Приговорил ее к условному наказанию. Об‘яснил, что если в течение 3 лет попадется еще раз, то будет отбывать наказание по двум приговорам.

Случаев, в роде только что описанного, у нас в волости немало.

— Податься некуда,—говорят крестьяне.

Действительно, раньше промышляли льном, а теперь это дело упало—революция застопорила вывоз волокна за границу (в 1914 г. в волости под льном было 740 десятин, а в 1923 г.—около 350). Раньше у нас ходили на от-

[1] Если гонят для себя,—то ответственность по закону (ст. 140-б. Уголов. Код.) слабее, нежели в том случае, когда гонят на продажу (ст. ст. 140 и 140-а Угол. Код.).

хожие промыслы—на фабрики и заводы, высылая в деревню часть заработков, а теперь многие наши фабричные и заводские поневоле сидят дома (в 1913 году волость получила по почте денег 159.298 рублей, а за первое полугодие 1923 г. только 57.798 р., при чем надо учесть ценность рубля 1913 года (рожь—95 к. за пуд) и ценность рубля 1923 г. (цена ржи в начале августа—100 руб. за пуд).

Относительно запрещения гнать самогонку слышатся такие рассуждения:

— Производство самогонки стоит дешевле пива. Почему же ее запрещают гнать даже и для своего употребления, а пиво варить разрешают?

— Мы пьем,—нас преследуют, а власть пьет—ей ничего...

Нужно сказать, что под термин „власть" для крестьянина подходят все, кто занимает в волости те или иные должности: тут и члены волостного исполкома, и служащие исполкома, и лесничий, и врач и др.—одним словом, все советские служащие волости.

Мне рисуют картины, как пьянствуют некоторые советские служащие. Действительно, скверно. Оставив в стороне нормы закона, преследующие выделку и распитие самогонки, будем судить, как говорится, „по человечески":

— Можно выпивать?

— Можно.

— А пить?

— Тоже можно.

— А напиваться?

— Если это тебе нравится, то и напиваться можно. Выпивай, пей, напивайся—это твое частное дело.

— Чего же нельзя?

— Нельзя спиваться, т. - е. пить до такой степени, когда пьянство твое наносит уже ущерб тем обязанностям, какие ты, как гражданин Республики, выполняешь. Если ты земледелец и из-за пьянства во-время не вспашешь и не засеешь своего поля—это уже плохо. Если ты врач, и

самогонка заставляет тебя забыть, когда надо посетить твою больницу—это уже стыдно. Если ты лесничий, и когда к тебе мужик приходит похлопотать о лесе на подрубку сарая, а ты, любитель самогонки, спрашиваешь у него: не принес ли он самогонки—это уже преступно.

К глубокому сожалению, в деревне не столько среди крестьян, сколько среди интеллигенции и полуинтеллигенции наблюдается непомерное пьянство (мы, конечно, не имеем в виду всех советских служащих буквально). До известной степени это пьянство (оно не только в нашей волости, я наблюдал его и в других губерниях)—продукт военных и революционных передряг. Известно, что чем интеллигентнее натура, тем более тонкой и более хрупкой нервной системой она обладает. Интеллигенции пришлось, начиная с 1914 г., многое пережить, события были необыкновенные, из ряду вон выходящие—не даром и война и наша революция называются великими. И вот, нервы многих и очень многих не выдержали. Чтобы продолжать жить, надо было подбадривать истрепанные нервы. Таким подбадривающим средством и является алкоголь, хотя бы и в виде самогонки. Один врач, перенесший все ужасы фронта, а с 1919 года ведя полуголодное существование со своей семьей, принявшийся за энергичную организацию лечебного дела в уезде, теперь сильно пьющий, так мне прямо и заявил:

— Спиваюсь. Знаю, что спиваюсь. Чувствую, что нехорошо—и семья, и здоровье плохое. Но поделать ничего не могу—физиологическая потребность...

Все же не мешает отнестись к себе построже—на то ты и интеллигент. Тогда, может быть, и не всякое пьянство явится непременно физиологической потребностью. Кое-что, а, может быть, и немало возможно будет об'яснить и личной распущенностью. А физиологическая потребность, как мы это и отметили, будет здесь играть роль лишь „до известной степени"...

„Рекорд высоты" для „зеленого змия" по нашей волости падает на 1922 год. Тогда пили не только в на-

рочитые праздники, пили и в будни (конечно, не летом—в сенокос, а зимою). Стали пить женщины и даже дети.

Разговариваю с ребятишками, из которых самому старшему не более 10 лет.

— Ну, как, ребята, самогонку пьете?

Кто, оказывается, „только раз попробовал", а кто—и не раз и не два.

— Он,—указывают мне на шестилетнего карапуза,—как нахлещется, так в драку со всеми лезет!

— Кто же ему дает пить?

— В гостях подносят.

— А отец что же?

— Отец ничего. Отец сам ее уважает...

Праздники, под влиянием самогонки, стали шумливыми. Дерутся парни, дерутся мужики. Про одного рассказывают, что он в пьяном виде бьет отца и мать. Другой, когда пьян, выгоняет из избы, несмотря на зимнюю стужу, всю семью, и последняя ночует у соседа и т. д...

С „зеленым змием" энергично борются. Милиция составляет многочисленные протоколы и отбирает „аппараты", суд штрафует „заводчиков". Служащие милиции даже материально заинтересованы в этой борьбе: они получают известную прибавку к своему жалованью из штрафных за самогонку сумм. Сперва (в 1922 г.), когда борьба с самогонкой была ударной задачей,—штрафы были очень крупными: доходили до стоимости лошади. Под влиянием крупных штрафов „самогонка сократилась", как поведал мне один „спец" по этому делу, добавив:

— Теперь (т.-е. в 1922 г.) ее гонят уже осторожненько: или те кто до денег жаден, или у кого нужда велика. Все остальные бросили—разве кое-кто и то на большой праздник.

— Ну, а кто же чаще попадается: те, кто до денег жаден, или другие?

— Другие. Жадные то, они наспециализировались. У них везде „рука“.

Милиция, я сказал, борется с „зеленым змием“. Но, ведь, и чины милиции „люди-человеки“, иногда и они „изнемогают“ в борьбе, и, смотришь, кто-нибудь летит за четвертной в „известное место“, где всегда „есть“, посланный туда чином милиции. Поэт, которого я цитировал выше, так кончает свою поэму о самогоне (поэма довольно длинная):

А те, кто с ней борьбу ведут,
Те так же аппетитно пьют—
Ее уничтожители,
Ее же потребители...

Спрашиваю судью:

— Вот вы судите совместно с народными заседателями. Как они относятся к таким делам? Проявляется у них энергичное желание бороться с этим злом?

— Слабо. Наверное, сами по этой части не без греха. Обычный размер штрафа по самогонному делу, на который соглашаются заседатели, 5—8 руб. золотом. Максимум, но это исключение—25 руб. золотом...

Подводя итог сказанному, приходишь к такому выводу: самогонка—зло, но зло это имеет и экономические корни: отсутствие отхожих промыслов в довоенном масштабе и удешевление хлеба, наблюдающееся за последние два года. В силу этого самогонка поневоле служит материальным и необходимым материальным подспорьем для многих хозяйств волости.

(А. М. Большаков—„Советская деревня за 1917—1924 г.“, изд. 1924 г.).

Из отрицательных явлений деревни на первом месте стоит „самогонный фронт“. Это, действительно,—фронт, и притом фронт очень серьезный.

В станице Ильинской [1] „потребителями самогона являются рабочие с мельниц и маслобоек, служащие и духовенство. Хлеборобы самогона не покупают потому, что сами гонят. Аппарат не каждый, впрочем, имеет, а берут у самогонщика и платят ему натурой: дадут лошадь с'ездить на мельницу и пр. Милиционеры все хорошие люди, приедут, застанут у аппарата, но в протокол, если попросить, то и не пишут. Милиция за выпивку, конечно, не платит. Теперь старший милиционер коммунист, этого все самогонщики боятся—ничего не берет".

Всех самогонщиков в станице до двухсот профессионалов; по преимуществу бедняки, но есть и крупные хозяева, которые гонят из-за наживы. Для себя гонят почти все хлеборобы, может быть из ста человек—десять не гонит.

Население всегда защищает самогонщиков и на сходах, когда ставятся вопросы о борьбе с самогонкой, все кричат, что без самогона нельзя жить. Женщины относятся к самогону так же, как и мужчины. Женщины почти все пьют самогон и больше стали пить, чем в прежнее время, потому что самогон у каждого свой. Водки же было меньше. Прошлым летом самогонщица уплатила 100 миллионов штрафу, „но убыток скоро покрыла, удвоив работу".

В ст. Гиагинской [2] самогон варила в 1923 г. почти вся станица. Наличие излишков в некоторых хозяйствах, с одной стороны, и безвыходность положения некоторых крестьян, с другой, превращают „араковарение" [3] в одну из верных статей дохода в маломощных хозяйствах. Не изжита еще и привычка напиваться по праздникам. Борьба с „араковарением" ведется милицией и в последнее время довольно усиленно. В 1924 году составлено 130 протоколов, по 8 из них обвиняемые уже присуждены к разным взысканиям.

---

[1] В Кубанской области.
[2] В Майкопском отделе Кубанско-Черноморской области.
[3] Арак—водка из ячменя, проса—иногда и из плодов.

Некоторые из крестьян к преследованию самогонщиков относятся отрицательно и говорят: „если нельзя варить самогон, то нужно государству продавать вместо него водку, так как к ней привыкли и без нее не могут обойтись". Трудно сказать, каких крестьян больше: сторонников самогона или противников, но одно ясно: требуется глубокая воспитательная работа среди крестьянства для уничтожения этого зла, во всяком случае не в меньшей мере, чем применение административного воздействия через милицию.

Есть, однако, счастливые исключения: в ст. Дьячкино самогонщина раньше была, но после суда над самогонщиками варка самогона совсем прекратилась. В кооперативах имеется вино [1], которое проникает в деревню.

В станице Гиагинской за последнее время, после того как 8 человек были осуждены в открытом заседании на штраф от 25 до 300 руб. золотом—самогон поутих.

В селе Киевке, Ставропольской губернии, после ряда приговоров Нарсуда, в последние месяцы винокурение снизилось.

(„Как живет и чем болеет деревня" — сборн. мат. под ред. Н. Л. Янчевского, изд. 1924 г.).

Мы опросили по вопросу о самогоне около 600 крестьян [2]. Мы спрашивали крестьян не только об отношении к самогону,—мы спрашивали у них, как они считают необходимым вести борьбу с ним.—Характерны ответы более зажиточных крестьян, в которых с чрезвычайной яркостью вскрывается классовое значение самогонки.

„Вреда в самогоне не видит, находит, что в некоторых случаях он даже необходим; например, за самогон легче пригласить на работу односельчан".

---

[1] Виноградное вино.
[2] Речь идет о Никольской вол. Курской губ.

„Вреда в самогоне не видит, даже для бедняков; считает большой помощью, так как для найма рабочих рук и скота в первую очередь требуется самогон“.

„В небольшом количестве считает необходимым самогон для найма рабочих, для свадеб, крестин и семейных торжеств“...

„С самогоном бороться надо, явление вредное. Желательно иметь казенную продажу спиртных напитков, без которых трудно обойтись в хозяйстве, когда нужно найти помощь односельчан“...

„Особенного вреда в самогоне не видит, но работнику он необходим, особенно, когда нужно подыскать помогу в работе. За деньги никто не поможет, а за самогон каждый поможет“.

„Самогон не считает вредным и для бедных (!); в хозяйстве считает необходимым для найма рабочих и для продажи“.

„Спиртные напитки в крестьянском хозяйстве необходимы, особенно при работах—легче найти помогу в работах“...

„Самогонка для дела не мешает: нужно перевести лес—надо заплатить 30 пуд. хлеба, самогоном же платится два ведра“...

„Самогон или водка—все равно, но для крестьянина необходимы. Так, например, если нужно строиться, ставить хату,—работников не найдешь; будь же водка или, как сейчас, самогон,—угостишь соседей, и хата готова“.

„Самогон кто гонит,—пускай гонит, он только дураку вредит. Вот, скажем, я куплю две четверти—мне хату на отруба перевезут.—Самогон пущай гонят; если выпил честный человек, преследовать не надо“...

„С самогоном бороться не следует: в хозяйстве легче найти работника“...

Эти ответы говорят сами за себя. Прямая заинтересованность кулацких почек в самогоне очевидна. Отсюда очевидно, что дело борьбы с самогоном может и должно стать

одним из средств организации близких к нам элементов деревни на ряду со школой.

Пока что такое средство сплочения вокруг себя используют более евангелисты [1], чем мы. И им принадлежит большинство отрицательных ответов по отношению к самогону.

Наиболее характерные из этих ответов: „считает, что самогон явление—вредное, бороться надо самым решительным образом—арестами, штрафами“.

„Раз'яснить весь вред самогона, чтобы крестьяне сознательно сами бросили пить, а потом, чтобы сами представители власти не показывали своим поведением дурного примера для граждан“.

„Меры необходимо принимать и сокрушить его совсем“.

„Самогон надо уничтожить, чтобы не было его и звания; приняться строго, так как самое большое зло“.

„Власть должна действовать более решительно по борьбе с самогоном, самогона сама не пить“.

„С самогоном надо бороться до конца“.

„Необходимо принимать меры увещевания против самогона“.

Конечно, наиболее часты ответы, обнаруживающие всю темноту, которая напоминает лучше чего бы то ни было, что немного более полувека назад существовало еще крепостное право, а ныне в селе Зуевке живет человек, которому 15 лет было при освобождении крестьян:

„Самогон считает необходимым для человека, много работающего“.

„Как земля не может жить без кислорода, так и человек без спиртных напитков“.

„Самогон необходим во всех случаях“.

„Рекомендует самогонку не искоренять, ибо рабочему человеку без нее жить очень трудно“.

---

[1] Секта евангелистов появляется среди православных, под влиянием протестантизма, еще в XVII в. (ее родоначальник—Дмитрий Тверитинов); в своем развитии секта эта прошла много этапов и ныне существует ряд разнообразных еванг. сект (молокане, духоборы, хлысты и др.).

„Сочувствует мерам, искореняющим самогон, но не отрицает его благотворного влияния на настроение“.

„Борьба с самогоном необходима, если он препятствует государству, но лишать человеческого удовольствия также нельзя“.

„Самогон считает напитком, приносящим пользу для человеческого организма, и борьбу с ним считает совершенно излишней“.

„Самогон считает целебным напитком для человека и уничтожение его считает варварством“.

„Самогон считает лекарственным средством“.

„Самогон считает полезным напитком“.

„Борьбу с самогоном считает излишней, так как признает громаднейшую пользу его, как целебного средства“.

„Самогон считает средством, необходимым при лечении“.

„Для свадеб, похорон, крестин и других торжественных случаев самогон считает необходимой принадлежностью“.

„Самогон считает необходимым напитком на свадьбах, похоронах и во время болезни“.

„Самогон не уничтожать, так как от него легче жить становится“.

„Вреда не приносит, заменяет лекарство“.

„После работы для отдыха необходимо выпить“.

„Спиртные напитки нужны; у меня удушье—когда выпьешь стаканчик самогона, оно и полегчает. Вино вредит, когда его чрезмерно потреблять“...

Характерные для инертности крестьянской ответы:

„Самогон, когда попадается—выпьешь. Самогон дело не наше—будут бороться—не будем пить, а не будут—будем“.

„За самогоном сама власть должна предусматривать“.

„На крестьян в борьбе с самогоном не полагаться, а нужно самому повести борьбу“.

Тут же—особая группа самогонной демократии.

Образец этой демократии дал нам отец Александр; ее не чужды и несколько крестьян позажиточнее.

Один из крестьян советует: „Пред'явить требование к власти, чтобы она сама не пила, и потом уже к крестьянам".

Другой: „Для уничтожения самогона необходимо, прежде всего, чтобы сама власть не пила, а потом уже доказывать крестьянам".

Третий: „Пред'явить самые жестокие требования к власти, а потом уже к мужику".

Отец Александр: „Город и вином, и ликерами упивается, а деревне нельзя... Это выходит, что панам-де можно, а низам нельзя".—В таком чистом виде эту идею самогонной демократии дал один лишь этот великолепный рыжий толстый поп,—и, кстати, сообщил нам ряд очень важных практических сведений: в Курской губернии гонят самогон из бураков. Получается, по словам попадьи, „квасок"—„недурной квасок".—А от этого „кваска" в Тимском уезде за последние месяцы, по справкам, нам данным, 7 человек умерло.

Гущу, остающуюся после выгонки самогона, не выбрасывают, а запекают в хлеб.—Думаю, что такой утилизации остатков позавидует не одно совнархозовское предприятие.

Недавно читал в „Известиях", что усилиями Наркомвнудел выловлено по России 10.000 аппаратов, гонящих самогонку. А авторитетные мужики Никольской волости нам сообщили, что в одном Тимском уезде, Курской губернии, их не менее 5.000. Отсюда очевиден размах необходимой борьбы.

(Я. Яковлев—„Деревня как она есть", изд. 1923 г.).

Школа.

Потолкуем, хотя бы коротко, о каждом из трех главных элементов, входящих в состав того целого, которое мы именуем школою. Эти элементы: 1) педагогический персонал, 2) учащиеся и 3) материальная обстановка (здания, пособия, топливо и проч.).

Итак, в первую голову об учителях. Возьмем их материальное положение. До войны, в 1913 году, средний заработок учителя земской школы, при готовой квартире (обычно — одна комната, редко — две), с отоплением и освещением, равнялся 30 руб. в месяц [1]. Если учитель работал уже 10—15 лет, он получал несколько больше. На такое жалованье жить было трудно, особенно семейным учителям. Но почти каждый педагог нашей волости выписывал газету,— следовательно, получал элементарное осведомление о том, что творится на белом свете (холостые — те иногда и журнальчик какой-нибудь, в роде „Нивы“, получали). Семейные, сильно урезывая свои потребности, все же давали детям некоторое образование — чаще среднее.

С наступлением революционного периода материальное положение учителя очень скоро ухудшилось. Дело началось с задержки жалованья. Так, в протоколе учащих волости [2] от 14 января 1918 г. читаем, что они не получали от уездной земской управы содержания с ноября 1917 г. Надежды получить жалованье скоро тоже не было: управа доживала свои последние дни (она была ликвидирована в январе 1918 г.); события, происходящие в уезде, мешали правильному поступлению земских сборов. Потом эти перебои стали частым явлением, ежегодным; в 1921—22 учебн. году учителя, например, с 1 декабря по 1 августа получили лишь два раза по половине месячного оклада. Оклады эти, выдаваемые, как я только что сказал, далеко не аккуратно, были мизерными: напр., в 1920 году месячный оклад, в среднем, был 3.230 руб., а средняя цена пуда ржи у нас в 1920 г. была 10.000 руб. Более или менее сносное жалованье (сравнительно с предыдущими годами) учителя стали получать (и без задержек) только в 1923 году: в среднем

[1] Вернее: 28 руб. 50 коп., т. к. $1\frac{1}{2}$ руб. ежемесячно вычитали в пенсионную кассу. Если выразить жалованье педагога в пудах ржи, которая в 1913 г. у нас стоила 95 к. за пуд, то мы получим (без вычета) $31\frac{1}{2}$ пуд. ржи в месяц.

[2] Речь идет о Горицкой вол., Тверской губ.

440 руб. в месяц, а цена ржи — 60 руб. пуд. [1]. Квартира и отопление, как и прежде, являются бесплатным приложением к жалованью (с освещением дело обстояло плохо, теперь — лучше). За весь период революции каждый учащий нашей волости получил (в 1919—1920 г.г.) по 4 арш. шерстяной материи (с прикладом на костюм) и по 20 арш. ситцу. Паек выдавался: за 1917—1919 года по общегражданской для волости норме, начиная с 1 п. 10 ф. ржи на едока в месяц и кончая (в 1919 г.) 30 фун. по цене, которая в общем в 10—15 раз была ниже рыночной; в 1920 г. паек почти совсем не выдавался; в 1921 г. вывернулся один месяц (сентябрь), когда каждому учащему выдали за небольшую плату 21 ф. муки, 2 ф. мяса, 1 ф. сахару и 2 кор. спичек, а за остальное время этого года выдавали по $11^1/_4$ ф. ржи в месяц на каждого едока семьи учителя; в 1922 году с населения волости было собрано (так называемое „добровольное самообложение", по декрету Совнаркома от 15 сентября 1921 г.) и бесплатно выдано каждому учащему по 9 пуд. ржи и по 6 пуд. картофеля за весь год. Так обстояло дело с пайком. Помимо указанного, учительство получило с конца 1920 года по осень 1921 года: за борьбу с безграмотностью по 1 ф. сахару, несколько фунтов (3—5) соли и столько же керосину; за участие в сельско-хоз. переписи перед введением продналога—по 1 пуду муки, 2 ф. масла и 2 ф. сахару. Кроме пайка и отмеченных получений, учащие имели немного овощей с тех небольших огородов, которые были при школах

---

[1] Указанные цифры содержания, конечно, однообразны не для одной нашей волости, а для всего Кимрского уезда. Но только для уезда, а не для Тверской губернии. Так, в нашем уезде в июне 1923 г. учитель получил 1.223 руб., а его коллега, такой же учитель, работающий в Тверском уезде, за тот же июнь месяц получил только около 400 руб. Эта разница об'ясняется разницею уездных бюджетов: Кимрский уезд богаче местными средствами—он и платит больше. Но само собой разумеется, что подобное явление совершенно ненормально. В пределах районов, находящихся в одинаковых экономических условиях, оплата труда одного и того же рода должна быть тоже одинаковой. За 1924 г. учителя у нас получали 25 руб. в месяц при цене ржи в 1 р. 10 коп. за пуд.

и которые они, конечно, сами возделывали (но овощей этих, в общем, хватало семье учителя только на $^1/_2$ года). У кого были коровы, того наделяли сенокосом, но сена далеко не всегда хватало на всю зиму.

Вот и все материальные рессурсы педагогов волости.

Как же все-таки учительство жило и выжило? Надо сказать, что 15% учащих имели опору в своем крестьянском хозяйстве; они были и учителями и крестьянами-земледельцами. Эта категория нужды не видала. Затем, 25% учащих получали поддержку от своих родственников, у которых было хозяйство (дети зажиточных крестьян и духовенства). И эта категория, по совести говоря, большой нужды не знала. Вот остальным 60% пришлось туго. Выданная в 1919—20 годах мануфактура, разное носильное платье, белье, какие нибудь дешевенькие серебряные или металлические часики и пр.—все это пошло к крестьянам в обмен на картофель и муку. Но менять вещи было делом нелегким. Местные крестьяне, в большинстве случаев, учителю, предлагающему мену, отвечали так:

— Я бы для тебя, Алексей Михайлович, с удовольствием. Даже так бы дал. Да нет, брат, ни хлеба, ни картошки. Не знаю, как сам дотяну до урожая.

Так отвечали не только те, кто действительно не знал, как он „дотянет", но и те, у кого заведомо были излишние запасы и кто эти запасы возил на продажу в город. А почему отнекивались,—дело ясное: ободрать Алексея Михайловича, работающего в течение ряда лет здесь же, в волости, как-то неловко, совесть не позволяет; дать же ему продуктов в промен не по спекулянтским, а по „божеским" ценам—обидно, жадность мешает (опять те же самые мысли: „Почему же я?"... и т. д.). Поэтому, чтобы променять какое-нибудь обтрепанное пальтишко на продукты, учителю надо было часто бегать верст за 25, где он был уже не „своим", а „чужим" человеком, и на этом основании его можно было (совесть позволяла) обдирать, как липку...

Жиров эта группа учителей почти не видала за всю революцию.

Дело доходило до того, что один многосемейный учитель пошел просить милостыню—не помощи просить, а именно милостыню собирать. И крестьяне подавали,—но по кусочку. А чтобы кто-нибудь разжалобился и дал сразу хотя бы фунтов 10—20 хлеба нищему учителю—этого не было. Отговаривались так:

— Почему же мне давать? Давать, так уж всем!

Ну, а „все" не давали[1].

Были моменты, когда изголодавшееся учительство впадало в совершенное отчаяние,—тогда принимались резолюции в роде нижеследующей: „Мы, школьные работники Горицкой волости, будучи удовлетворены хлебным пайком в $11\frac{1}{4}$ фун. на едока, утверждаем, что таковой паек, при отсутствии других продуктов питания, каковых мы ниоткуда не получаем,—является голодным пайком, и существовать, а тем более работать, на таком пайке физически невозможно. Мы решили воспользоваться драгоценным весенним временем и, прекратив школьные занятия с 10 мая, обратиться к личным заработкам и работам вне школы и тем обеспечить себя и свои семьи более сносным существованием, отдалив страшную минуту голодной смерти"...[2].

---

[1] В одной из соседних волостей был такой случай: учитель с голодухи нанялся в пастухи, которые все время имели хороший заработок и кормежку: крестьянин скотину очень бережет, а пастуха боится,—тот, если его плохо кормят, может в отместку угостить корову или лошадь, принадлежащую плохо заботящемуся о нем крестьянину, колом или камнем и испортить животное; пастух в деревне на положении зятя—ему лучший кусок. Вот и учитель, о котором я говорю, нанялся в пастухи. Но увы!—он блаженствовал недолго: заботливое начальство, на основании декрета о трудовой повинности, скоро вернуло его в принудительном порядке к отправлению его прежних учительских обязанностей.

[2] Цитирую протокол союза работников просвещения волости от 5 мая 1921 г. Необходимо учесть одно обстоятельство, подавляющим образом действующее на психику сельского учителя: он-то голодал, а крестьянская масса, среди которой он жил, ела сытно. Это все равно, что голодать в современном Ленинграде, видя в гастрономических магазинах окорока, колбасы и пр.

Государство, в лице центральной власти, конечно, видело, что учителя голодают, но оно, только что выйдя из тяжелой полосы изнурительных войн (с Врангелем, с Польшей и пр.), могло дать учительству из своих рессурсов очень немного. В это время и появляется, мною упоминавшийся, декрет Совнаркома от 15 сентября 1921 г. о проведении среди населения добровольного самообложения на нужды просвещения. В частности, с одной десятины пашни надо было собрать (такой расчет был сделан в волости): 5 ф. муки ржаной, $6^3/_4$ ф. картофеля, $1^1/_8$ ф. мяса и 8 золот. масла. Эти продукты дали бы возможность каждому школьному работнику (и школьным сторожам тоже) получить годовую норму: 9 пуд. муки, 12 пуд. картофеля, 2 пуда мяса и 6 ф. масла.

Среди крестьян, прослышавших о декрете, начались разговоры.

— У нас у самих ничего нет...

— У меня детей нет, мне на школу наплевать!..

— За что давать? Они (т.-е. учителя) ничему ребят не учат...

И так далее...

Добровольно так и не собрали [1]. Собрали принудительно, как я уже указал, каждому работнику по 9 пуд. ржи и по 6 пуд. картофеля, что и было выдано в 1922 году.

Вот горемычное житье-бытье нашего учительства за годы революции. Если я случайно и позабыл о каких-нибудь пайковых крохах,—да не поставится мне это в вину. Общая картина ясна...

Теперь пойдем дальше. Посмотрим, что учитель дал школе, как он усвоил новые методы преподавания, о которых так много говорят в столицах, и пр. В этой области—скажу

---

[1] Все это отмечено в протоколе работников просв. от 9 октября 1921 г.

прямо—почти ничего не сделано [1]. Какой школа у нас в волости была до революции, такой (с маленькими оговорками) она осталась и по сегодняшний день. Общая причина этого явления—слабая подготовка самих учителей. А заняться переподготовкой,—под чьим руководством? У нас, в провинции, не было таких людей, от которых можно было бы получить сведения о всем новом, что творилось в области школьного дела. Но так как официальным руководителям уездного отдела народного образования неудобно было отговариваться незнанием по вопросам о школьной реформе, о новых методах и пр., то они давали такие раз'яснения на те или иные недоуменные вопросы, что прямо оторопь берет. Раза два устраивались летние курсы для учительства в уездном городе. Власть, правда, приглашала в качестве лекторов на эти курсы даже кое-кого из работников высшей школы Москвы. Приезжие гастролеры говорили много умных слов и красиво закругленных фраз, но... но учительство раз'езжалось с курсов опять-таки без всяких сведений о том, в чем же, наконец, сущность того нового, что надо внести в школу.

Маленькое отступление. Если я говорю о слабой подготовке сельского учительства в отношении восприятия и усвоения ими новых начал, которые должны быть фундаментом действительно новой школы, то я отнюдь не считаю, что сельское учительство здесь далеко-далеко отстало от городских педагогов и даже—от столичных. Так, например, среди петроградских педагогов, как показала работа специальных испытательных комиссий, функционировавших в 1923 году (в 1923!), имеется изрядное число таких косных людей (с высшим образовательным цензом), которые и по-

[1] Есть одна школа, являющаяся исключением в этом отношении—о ней я скажу ниже. За 1924 год дело овладения новыми методами и проведение их в практику школьного преподавания значительно подвинулось вперед (см. 2-ое издание моей „Советской деревни“, которое уже печатается).

ныне убеждены, что суть, например, трудового метода — в столярничаньи и пр.

Что же удивительного, если горицкие педагоги в 1922 году (и в 1923 — тоже) трудовой метод понимали так: „Необходимо, чтобы умственный и физический труд в школьных занятиях переплетались между собою. В этом сущность трудового метода, который должен быть признан и проведен в школах“ [1]. Итак, горицкие педагоги ядро трудового метода, подобно многим и многим из своих столичных собратий, усматривали в ручном труде (апостол трудового метода Керштенштейнер давно и много раз протестовал против такого понимания его метода). Горицких педагогов, как я убедился, сбивает с толку термин „труд“. Что трудовое начало должно пониматься как активное познание учеником окружающей действительности (пускай ученик „своим умом“ доходит, но лишь под контролем педагога), пришедшее на смену старому, пассивному усвоению знаний (когда „зрячий“ — учитель был поводырем „слепого“ — ученика), — вот эта простая мысль о самодеятельности учащихся в области их умственного развития педагогической массой усваивается туго и плохо.

Что же все-таки имеется нового в деревенской школе? Устраивают учителя экскурсии: в поле, на луг, на болото, в кузницу, на мельницу. Таких экскурсий — одна-две-три в год. Придут, например, в кузницу. Кузнец и не думает об‘яснять, из каких отдельных моментов складывается тот или иной трудовой процесс по его специальности — он завален работой, тут всегда кто-нибудь ждет, всем некогда, все его торопят. Ладно, если даст потрогать детям свои инструменты. Если идут в поле, — учитель об‘ясняет устройство и размножение растений и пр. Но все это выходит как-то сухо и скучно, и потому ученики слушают плохо, из пятого в десятое. По признанию самих педагогов, эти экскурсии мало что дают учащимся.

---

[1] Протокол от 16 апреля 1922 г.

Имеется одна школка в волости (в с. Балдееве), где теплится огонек новой жизни, свежей педагогической мысли. Преподаватели этой школы (их трое) несколько особенные люди: один—толстовец (местный крестьянин, окончил учительскую семинарию), две его помощницы—живые люди (одна с высшим педагогическим образованием). Там и трудовой метод как-то интуитивно, но все же, в главном, понимается правильно, хотя, к сожалению, и не всегда систематически проводится. Там преподаваемый материал закрепляется то в рисунке, то в лепке, то в аппликации. Смотришь, устраивается выставка ученических работ, при чем какие-нибудь счеты, применяемые при изучении арифметики, искусно изготовлены из палок и моркови и т. д.

Спрашиваю других педагогов:

— Ну, вот, некоторый пример у вас перед глазами есть. Ведь сами же говорите, что в балдеевской школе все идет лучше, оживленнее. Что же вам мешает хотя бы подражать?

Откровенно признаются, сравнивая себя с коллегами из балдеевской школы:

— Те лучше подготовлены...

Мысль о переподготовке сидит в голове горицких педагогов. В цитированном выше протоколе (от 16 апр. 1922 г.) читаю: „Переподготовка учащих необходима. Желательно создание педагогических кружков“.

Эти желаемые кружки по переподготовке были созданы и с февраля 1923 г. действовали. В чем выразилась их деятельность? За 1923 год было прочитано 12 докладов на темы: 1) сущность марксизма, 2) происхождение мира, 3) сущность экономической науки, 4) сущность капиталистического строя, 5) от дикаря к коммунизму, 6) сущность социалистического строя, 7) развитие прав женщины, 8) сущность религии, 9) школа и религия, 10) школа в коммунистическом обществе, 11) рабочее движение на западе и 12) кооперация. Нужно сказать, что все эти до-

клады (за исключением двух-трех) простой пересказ какой-нибудь одной, довольно элементарной книжки: напр., по второй теме—известной книжки Бельше и т. д. Почему так скромно?—Книг не достать, да с большим материалом и справиться трудно. Но самое главное: почти все темы не для педагогической переподготовки. Причина опять-таки понятная: нет опытных методистов, людей новой закваски, под руководством которых можно было бы „переподготовиться". Таких методистов-то и в Ленинграде 2—3 человека, а откуда им взяться в провинции?!..

Теперь перейдем к учащимся. О них много говорить нечего. Работали они в школе вяло, без интереса, так как педагоги не могли зажечь в них этот интерес. Что касается школьного самоуправления учащихся, каковое предписывалось соответствующими инструкциями, то, как откровенно рассказывает протокол работников просвещения волости от 16 апреля 1922 года, оно „всюду существует только формально, потому что ученики не чувствуют себя в школе хозяевами, их отношение к школе чисто официальное". Кто повинен в этом „официальном" отношении к школе?!. С мая ребятишки начинают уже плохо посещать школу: многие из них заняты работою по дому, а число этих работ как раз весною увеличивается. Количество учащихся к средине мая тает процентов на 30. На свои нужды ребята за эти годы кое-что получили от правительства, что последнее в силах было им уделить: каждый ученик получил бесплатно дважды (в 1919 и 1920 г.) по 5 арш. ситцу.

Наконец, последний из трех главных элементов—материальная обстановка школьного дела.

Вновь выстроенных за период революции школьных зданий в волости нет. Школа нашего района (она в полуверсте от моей деревни) почти совсем развалилась. Решили крестьяне поставить новую. Горячо взялись за дело. Нарубили лес, навозили его к месту постройки (это было в 1920 г.)—да так лес и лежит до сих пор. Остыли...

Некоторые здания, где помещаются школы, из рук вон плохи. Вот выдержки из протокола врачебного осмотра школ (протокол от 26 декабря 1920 года): напр., школа в дер. Паньсково находится „в наемном помещении—в маленькой избе (8 на 8 арш.), где занимается 23 человека; тут же живет семья хозяина избы, происходит стряпня, стирка белья"; или—школа в дер. Молоди „в наемном помещении, которое по об'ему (9 на 9 арш.) совершенно недостаточно для 72 учащихся; здесь душно, темно, сыро, нет вторых рам; все ученики жалуются на головную боль"; еще—школа в с. Балдееве, где „второй комплект учащихся занимается в церковной сторожке; здесь очень низкие потолки и настолько темно, что дети не могут писать и плохо видят текст, так что почти не читают". Мы ограничимся приведенными цитатами, хотя могли бы привести и еще несколько подобных выдержек. Лишь половина школьных зданий может быть признана удовлетворяющими своему назначению.

Учебные пособия?—Плохо. Учебников мало: на 2—3 человека один. Учебники: Флерова—„Ясное утро" (книга для чтения, выпуски для разных возрастов), Дворникова—„В путь-дорогу" (хрестоматия для старшего возраста), задачники—или Комарова или Аржанникова. Больше никаких учебников не употребляется за исключением Горицкой школы, самой большой,—там имеются еще книги Капелькина и Цингера „Живая и неживая природа". Насчет карандашей и тетрадей—скверно.

С дровами до 1922 г. было сносно. Но с 1922—23 учебного года средства на отопление, освещение и ремонт школьных зданий должны были быть изысканы на местах—в результате самая большая школа в волости, Горицкая, начинает в 1922 г. занятия с 22 ноября, так как не было дров, хотя лес и стоит совсем близко. То же было и в других школах.

Заканчивая обзор положения школьного дела в волости, приведем некоторые цифровые иллюстрации, взяв для сравне-

ния три года: до-военный—1913, срединный год революц. периода—1920 год и последний—1923 год. Получим три маленьких таблички:

№ 1.—Заработок учителя в ржаных единицах.

1913 год	30	пуд. в месяц.
1920 „	1	„ „ „
1923 „	7¹/₈	„ „ „

За 1920 год мы учли и 20 аршин ситцу по местным ценам.

№ 2.—Количество в волости школ, учащих в них и учащихся.

1913—14 г.	10 школ	12 педаг. и	550 учен.
1920—21 „	11 „	29 „ „	1.050 „
1922—23 „	9 „	14 „ „	400 „

№ 3.—Количество учащихся в самой большой, Горицкой (эта школа имеет классы: А, Б, В, Г) школе:

1913—14 г.	144 учащихся.
1920—21 „	228 „
1922—23 „	123 „

При взгляде на цифры учащихся на табл. 2 и 3 бросается в глаза громадный наплыв их в срединный год и падение этой цифры в 1922—23 учебн. году—даже ниже до-военной нормы. Ведь цифра 1.050 говорит, что детей школьного возраста в волости побольше 1.000, а совсем не 400, сколько их было в школах волости за последний учебный год. Куда же девалось целых 600 человек? Почему они три года назад явились в школу, а теперь не ходят туда?.. Дело об'ясняется следующими обстоятельствами. Еще в 1919 году, по деревням пошли слухи, что школьники будут бесплатно получать—кто говорил: сапоги, кто—одежду, а самые большие оптимисты утверждали „из верных источников", что—и сапоги, и одежду, и даже „все прочее". В результате все ребятишки школьного возраста были мобилизованы своими родителями и отправлены в школы. Прирост школьников замечается уже в 1919—20 уч. году—

817 детей. А когда в 1919 году ребята, не получив, правда, сапог, одежды и „всего прочего“ все же принесли домой по 5 арш. ситцу, то к следующему 1920—21 уч. году и был мобилизован весь школьный возраст волости. Родители толковали:

— Вот ситец выдали. Ведь раньше никогда ничего не выдавали. Наверное, сапоги и одежду будут в нынешнем году выдавать.

И с 817 число школьников дошло до 1.050.

Ребята опять получили ситец, но через несколько месяцев появляется декрет (от 15 сентября 1921 года), притягивающий все население к материальным заботам о школе. Вот тут-то и пошли разговоры:

— А на что мне школа—у меня и детей-то нет... И т. д.

Когда на школу стали все-таки собирать, и когда платить пришлось все-таки (в большей мере, во всяком случае) родителям, так как „все население“, упоминаемое в декрете, ловко увертывалось от „добровольного самообложения“, то количество учащихся за два учебных года слетело на 72%, дойдя до 400 человек—родители стали держать ребят дома, надеясь, что платить на школу тогда придется меньше. И я знаю немало десятилетних ребят, которые еще и не начинали учиться и навряд ли уже попадут в школу.

На этом мы со школой и покончим.

(А. М. Большаков, „Советская деревня за 1917—1924 г.“).

Нестерпимо плохо, подчас кошмарно обстоит с просвещенским делом [1]. Скудное нищенское просвещение по местам, скорее затуманивание, чем просвещение, и почти повсюду—мученичество и учащихся и учащих. Это и в самом деле настоящий фронт борьбы, похожий на красноармейский фронт.

---

[1] Речь идет о юго-востоке России. Обследование производилось Юго-Восточным Бюро Ц.К.Р.К П (б) в конце 1923 г.

О школе в Киевке (Ставроп. губ.) пишет обследователь следующее: „Учительский персонал с ноября не получал ни копейки содержания. Часть учительства, устроившаяся на заработок у богатых мужиков, еще как-нибудь существует, а оставшиеся только в школе буквально голодают. Нам представилась в одной из школ такая картина: высокая большая комната, наполненная дымом от топившейся испорченной печки, холод, как на улице. На лавке, напоминающей собой кровать, сидит ребенок, девочка лет 10—12, поджав ноги, в одной грязной рваной рубашке, накрытой дырявым старым мешком, данным каким-то сердобольным соседом, и плачет, просит есть. Весь вид ребенка напоминает голодающего в 1921 г. Мать, учительница школы, печет в печке лепешки из муки, которую принес из жалости какой-то ученик из школы. И больше в комнате ничего не было. При нашем входе учительница выпрямилась и подошла, чтобы не упасть, все время держалась за стенку. Лицо ее, распухшее, землистого цвета, с синими мешками под глазами, говорило о том, что человек голодает самым настоящим образом. В других школах Киевки немного лучше, но все же очень тяжелое положение. Везде слышали один вопль: „Дайте хоть мало-мальски сносное существование и накормите в первую очередь“. О какой-либо работе по переподготовке нет и речи. Из уезда или района никто не приезжал. Газет нет и никто их не читает. Учительница, более обеспеченная, не знала, кто на месте Ленина в Совнаркоме. Исполком не имеет ни средств, ни топки (что имел—дал), да и „весна близка“. Родители учеников имеют соломы мало и доселе восстанавливают с‘еденные во время голодовки крыши. Посещаемость, несмотря на плохую погоду и распространенность малярии, — высокая (отсутствует не более 10% учащихся, в большинстве по болезни).

Учебные пособия (кабинеты, карты, картины, таблицы и пр.) почти все за время гражданской войны и голодовки расхищены и истрепались; имеется в самом ограниченном

количестве лишь в школе 2-й ступени да и то весьма устарелые, в прочих школах 2-й ступени по постановлению школьного и попечительского советов введен одновременный сбор с имущих родителей (10 пудов зерна в год), но взносы поступают очень слабо (внесено около 5% установленного количества). На собранные деньги куплено немного книг и 3 карты (очень плохие).

Возьмем несколько примеров для характеристики учительства. В станице Гиагинской, Майкопского отдела, на Кубани, не все дореволюционное учительство работает в школах, часть его заменена молодыми педагогами. 5 человек перешло на другую работу, главным образом в кооперативные организации или госорганы. Ушли из школы, вследствие низкой оплаты труда. Тяга из школы среди учительства еще и теперь наблюдается, но в меньшей степени, 30% состава учительства в станице не обладает нужной квалификацией и нуждается в довыучке, большая же часть остальных самообразованием занимается слабо и нуждается в замене. Молодая часть учительства методически менее опытна, нуждается в углублении своих знаний; будучи более активна и гибка, она скорее воспринимает идеи трудовой школы, охотней откликается на обращенные к ней призывы к общественной работе, но нужного языка для крестьянской массы у нее не имеется.

(„Как живет и чем болеет деревня", изд. 1924 г.).

Школа в Шапсугской [1] волости до войны была одна, а теперь четыре, в каждом ауле по школе; три из них ютятся в жалких саклях и оборудованы очень плохо, но в ауле Афипс в этом году строят помещение под школу. Сами черкесы к учителям относятся с большим уважением, и труд их оплачивается лучше, чем в станицах. В ауле учи-

[1] Шапсугская вол. расположена по р. Кубани.

тель получил в прошлом 1922—23 учебном году 15 пудов пшеницы, готовую квартиру и дрова, а в станице только 10 пудов пшеницы. Кроме того черкесы выплачивают содержание аккуратнее русских, всегда во-время. Учителей двое: русский и черкес. Русский преподает арифметику и русский язык, а черкес только черкесский язык. Учителя черкесы совсем не подготовлены к педагогической деятельности, неразвиты, некоторые даже малограмотны, а по-русски и совсем неграмотны. Дети же черкесские, по отзывам учителей, превосходно справляются с проходимым в школе русским языком и особенно поражают быстротою и сообразительностью в счете.

Мне пришлось посетить совместно с русским учителем несколько черкесских семейств и везде я наблюдал теплое радушное отношение к нему, и так во всех Шапсугских аулах. Был такой случай: мы пошли вместе с учительницей к черкесу, сын которого у нее учился. Хозяева любезно встретили нас и сейчас же начали рассказывать, как их сынишка хорошо читает, и как они с большим удовольствием слушают его. И больше всего об этом говорила мать, и с таким увлечением и радостным лицом, какого я еще не видел у черкешенки, обычно молчаливой и немой в присутствии гостя. Она даже показала на стоявшую тут же девочку и пообещала тоже послать ее в школу, чтобы и она научилась по-русски говорить и читать.

Печатной литературы на черкесском языке почти не существует, только теперь Горский Исполком принимает меры к изданию черкесской истории, для чего „Кубоно" и собирает песни и предания черкесского народа. Впервые появился букварь на родном языке, который представляет точную копию с русского букваря, но с некоторым местным оттенком: сохою пашет не русский крестьянин, а черкес в черкеске, вместо лаптей, украшающих страницы нашего букваря, мы видим чевяки. Напечатан букварь арабским шрифтом, но учитель мне говорил, что черкесы поговари-

вают о замене этого шрифта латинским. Из бесед с педагогом и собственных наблюдений я вынес впечатление, что черкесская молодежь почуяла силу образования и стремится к обучению грамоте. Характерно то, что грамотой и образованием считается умение писать, считать и читать по-русски, обучению же черкесскому языку не придается особого веса. Русский в глазах черкеса представляется всегда грамотным. Лучше всего это отражено в их народной поговорке, которая гласит: „русский, когда скучает, пишет, а черкес строгает“.

(Статья А. С. Бай:—„Черкесы и русская культура“, сборн. „Революция в деревне“, под ред. проф. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

Как-то раз я [1] сидел у школьного учителя и пил чай. В главной комнате его дома находилась школа, напомнившая мне английскую деревенскую школу сто лет назад, как она изображена Джорджем Морландом и другими живописцами. Так как летом занятий в школе нет, скамейки были сдвинуты и заполняли около половины комнаты. В комнате, в которой мы сидели, висела люлька, а в ней находился ребенок учителя. К люльке была привязана веревка, чтобы ее можно было качать, не трогаясь с места.

Как и все, занятые преподаванием, школьный учитель жаловался на недостаток книг, учебных пособий и учителей. „Можно ли при таких условиях ждать, что дети будут учиться? У меня их учится только сто шестьдесят пять (всего в школьном возрасте имеется детей в деревне около 700). Не стоит и звать их в школу. Кроме того, у многих из них нет сапог“.

---

[1] Этот маленький отрывок взят из книжки англичанина Бекстона, побывавшего в России в 1920 г. Бекстон подробно ознакомился с Самарской губ.

Но, в противоположность крестьянам, учитель не обвинял правительство в недостатке во всех этих нужных ему вещах.

— Правительственная программа очень хороша, — сказал он, — но она только на бумаге. И это не потому, что они не хотят: они не могут. Им приходится приглашать учителей и учительниц без всякого образования.

— А что стало с старой церковно-приходской школой?

— О ней нельзя сказать много хорошего, но все же лучше даже такая школа, чем ничего. Я думаю, правительство ошибается, что закрывает такие школы. Но были, кроме того, земские школы. И они закрыты. Теперь остались школы одного только типа, так называемые „трудовые школы". Все они находятся в ведении комиссариата народного просвещения.

— А что, обучение обязательное?

— Нет, но к этому идет.

— А когда войдет в силу новая программа?

— Не знаю; знаю только, что они заварили кашу. Здесь должно было бы быть пять учителей, а их только два. В этом году детей в школе меньше, чем в прошлом году. Но все же их больше, чем до революции.

(Ч. Р. Бекстон.—„В русской деревне", изд. 1923 г.).

В то время как в одних селах [1] учится до 90% всех детей школьного возраста, в других не больше 20% В Петровке — 90%, в Артемьевке — 60%, в Михайловке — 55%, в Воронцовке — 50%, в Дуплято-Маслове — 30%, в Знаменке—25%, в Павловке—22% и в Александровке—20%. Когда мы попытались разобраться, в чем причина того, что у таких же крестьян, того же культурного уровня, той же степени зажиточности, в одном селе все дети посещают

[1] Автор говорит о Знаменской волости, Тамбовской губ.

школу, в другом — почти никто, — перед нами вырисовалась исключительная роль самого учителя.

Мы видели в одном из сел учителя, советского общественника, не только школьного работника, но и участника, а частью и созидателя новой сельской советской общественности. У этого учителя в школе, в селе Петровке, 90% всех детей школьного возраста села. Праведными и неправедными путями учитель с помощью сельсовета добился того, чтобы школа была отоплена, освещена; учебники, бумага, карандаши были приобретены для всех детей. Чтобы этого добиться, пришлось действительно прибегать ко всяческим путям: дрова купили и вывезли общими силами, специально обложили добровольным постановлением схода зажиточных родителей и купили на эти средства книги для всех детей. Пошли на школу и всякого рода общественные доходы. Сдает Петровка свой выгон соседнему селу, и доход от него председатель обратил на школу. Словил председатель крестьян, воровавших казенный лес, конфискованное обратил тоже в пользу школы. Видит школьный работник, что сын или дочь какого-нибудь крестьянина не посылается в школу, — вместе с председателем зайдет проверить, почему не ходит. Раз 15 за год приходилось народному учителю на сходах о школе разговаривать.

А рядом в другом селе учитель никак к новому приспособиться не может. Учитель — по прежнему шаблону превосходный. Аккуратно относится к своим обязанностям, аккуратно начинает и кончает уроки, аккуратно проходит в 3-х группах три части Вахтерова. Но обучается у него меньше трети всех детей. Он был вполне на месте и вполне справлялся со своей работой, когда топливо, освещение и книга самотеком сверху шли. А когда за все это, к сожалению, приходится бороться, приходится с председателем и коммунистами увязывать свою работу, чтобы лишний пуд дров или лишний рубль на книжку получить, он оказывается в тупике. Висит в его квартире большой киот, в нем до

16 икон, не считая мелких. Висят на стене портреты всяческих властей „доброго старого времени“, в мундирах разных покроев, висят, украшенные увядшими цветочками, портреты местного помещика с его супругой. И это старое оказывается таким тормозом, что, несмотря на искреннейшее желание работать для школы, у него со школой ничего не выходит. Он, по предписанию ячейки, о происхождении человека лекцию читал и даже одну антирелигиозную лекцию год назад прочел, но увязаться с новой советской общественностью пока еще не смог...

Характерно, что отрицательное отношение к школе мы встретили только у нескольких зажиточных крестьян, кулацкого типа, которым такое отношение к школе не мешает все же детей своих учить. Один из таких крестьян Мошонков, у которого один сын дьякон, а другой на псаломщика учится, говорит: „Все грамотные будут — некому работать будет... Лучше учения—держаться за соху“... А другой пояснил: „Если его просветишь, так он нас слушать не будет. Или учиться или за соху браться“... Такого рода речи встречают решительное сопротивление подавляющего большинства крестьян: „Ученье само по себе, а соха сама по себе“... „Вместо того чтобы на улицу, лучше культурную работу поставить“. В особенности бедняки здесь решительны. „Они в попы да в дьячки ловки, не всем же попами быть“.

Мы проверяли в знаменской школе социальный состав обучающихся детей. Оказывается, что в начале зимы из 151 учащегося 77 были детьми лошадных и 74 детьми безлошадных. В этом селе 206 безлошадных хозяйств и 127 хозяйств лошадных, т.-е. среди безлошадных обучается 36%, в то время как среди лошадных обучается 61%.

Неграмотность растет у безлошадных вдвое скорее, чем у лошадных. К весне в той же школе осталось 86 человек, из них 50—дети лошадных и 36—дети безлошадных

хозяев, т.-е. 17% безлошадных хозяйств и 39% хозяйств лошадных имеют возможность посылать своих детей в школу. То же положение и в других селах...

Невыносимо материальное положение сельского учителя. Необходимость непрерывно думать о том, чтобы поесть завтра, отупляет людей, отталкивает их от действительной работы над школой. Хотя жалованье учителя в Тамбовской губернии повышено до 12 рублей, но получается оно в высшей степени неаккуратно: в апреле не было получено еще за февраль. Приходится учителю пробиваться и подачкой, и кое-какими доходами от сельского хозяйства, и попросту голодать. Есть учителя, которые с января ни копейки не получали. Кто картофель сеет или хлеба немножко, тот пробивается; остальным неимоверно трудно. В особенности больно бьет неаккуратность получения жалованья. Если бы учитель знал, что он действительно получит во-время хотя бы свои 12—13 рублей, то он тем или иным способом пробился бы, но он в апреле еще не уверен в том, когда придет к нему февральское жалованье. Когда мы видели детей одного из учителей, оборванней которых трудно было найти во всем селе, то поняли, что к такому учителю больших требований не пред'явишь. К сожалению, с жалованьем учителю пока еще достаточно плохо обстоит повсюду. Оно достигло в декабре 23-го года, в среднем по Республике, 14 р. в месяц. Это, конечно, довольно много по сравнению с абсолютным нулем 21-го года, но этого, конечно, очень и очень мало для того, чтобы вырваться из убивающей всякую инициативу, всякую энергию необходимости ежедневной заботы о том, чем прокормиться завтра. К тому же и мизерная заработная плата задерживается, в среднем по России, от 2 недель до 3 месяцев. В ряде губерний имеется хроническая задолженность учителям. Поэтому можем сказать прямо, что улучшение материального положения учителя является основным условием действительного превращения его в звено, связывающее советские город и деревню.

К осени 24-го года нужно во что бы то ни стало добиться того, чтобы заработная плата сельского учителя достигла в среднем 30 рублей. На основе улучшенного материального положения сможет целиком развернуться общественная роль учителя.

Нам говорил один из передовых учителей, что экономическая зависимость от более зажиточного крестьянина часто мешает активной общественной его работе. Учительство связано этой материальной зависимостью так, что часто лишено возможности поработать над газетой в избе-читальне, так как против этого могут быть некоторые из кулачков, которым самогон и церковь милее избы-читальни и газеты, которые предпочитают для своих детей пьяную улицу школе без закона божия. Такого рода зависимость учителя сможет исчезнуть только тогда, когда материальное положение и его и школы станет более устойчивым. Тогда смогут развернуться полностью и те черты учителя — советского общественника, первого помощника партии в деревне, первого помощника крестьянства, — которого не терпело царское государство, но без которого в советском государстве не будет школы.

Два пути, таким образом, встают перед учителем. Один путь — это путь усиления экономической зависимости от более крепких слоев деревни. Это путь связи с растущим кулаком и торговцем, а через них с растущей буржуазией города. Второй путь — это путь связи с основной массой деревни через и с помощью Советской власти и партии.

В очень значительной своей части учителя — дети крестьян. И нет никаких оснований полагать, что связь с кулаками огромному % их ближе, чем связь с подавляющей бедняцкой массой села...

(Я. Яковлев. — „Наша деревня“, изд. 1924 г.).

Когда мы приехали в Никольское[1], я первым делом проверил тот признак, по которому авторитетный курский товарищ учил меня отличать школу. Заметил недалеко от церкви порядочной величины домик с окнами, забитыми всякой дрянью, какую только может крестьянский обиход представить.

Зашел туда: налево лошадь, корова, овцы; направо жилое помещение, откуда слышны голоса. Решил, что на этот раз курский „признак“ обманул. Для проверки еще при выходе спросил одного из проходящих крестьян, кто в этом доме живет. Получил точный ответ: „Тут четыре года назад школа закрылась, дом пустовал, его церковный сторож взял под свое помещение“.

В селе Зуевке школа работала до декабря месяца. В декабре закрылась: крестьяне не собрали нескольких возов дров, которые нужны для ее топки.

А в то же время жена дьяка в селе Никольском обучает большую группу ребят—по полтора пуда с каждого берет в месяц. Цифра, о которой и мечтать не вздумается какой бы то ни было учительнице.

Не страдает от отсутствия школы и зажиточный элемент Зуевского села: там группу ведет матушка, учеников немного, но плата хорошая.

А мужики посерьезнее на вопрос о школе руками машут. „Без дубины нашего мужика не пробудишь; он так привык, так его приучили. Надо не просить школу открыть, а приказать содрать со всех налог и открыть школу“...

(Я. Яковлев. — „Деревня, как она есть“, изд. 1923 г.).

Мы видим, как учительство страстно стремится к знанию, как оно действительно стало на сторону Советской власти, как оно тянется к РКП. Но это движение является отраженным: оно есть показатель того, что происходит в кре-

[1] Село Никольское в Курской губернии.

стьянской среде,—его толкают к этому середняцкие и бедняцкие слои.

По данным РКИ, учитель получал в ноябре 4 товарных рубля, теперь он получает от 10 до 12, при чем это жалкое жалованье он получает иногда с задержкой на 2—3 месяца. В отчетах можно встретить такие фразы: „Учителя никто не кормит, он сам кормится".

Мы требуем от учителя и антирелигиозной пропаганды, и истинно-марксистской постановки школы,—а он „сам кормится, его никто не кормит". В обследованных губерниях УОНО [1] заключало с крестьянами договоры: УОНО брался поставить учителя, а крестьяне должны были давать хлеб учителю. Договоры не исполнялись обеими сторонами и только дискредитировали Советскую власть. В некоторых губерниях положение учителя сведено на положение пастуха в прежнее время: сегодня учитель кормится в одном дворе, завтра в другом и т. д.

Как же кормится учитель? Обследование Пензенской губернии говорит, что иногда учителя, которые принципиально не крестят своих детей, вынуждены бывают, ради заработка, читать псалтырь по покойникам. Это, конечно, исключительный случай. Обыкновенно, учитель нанимается летом в работники к кулаку или вяжет варежки, шьет обувь, или, в лучшем случае, хозяйничает на своем хозяйстве, если он—местный крестьянин.

Товарищи с мест сообщают, что бедняцкие дети мало посещают школу,—у них нет обуви, нет одежды. Кулак—тот всегда найдет возможность обучить своих детей,—он поповской дочери платит за одного ученика столько, сколько не платит учителю вся школа.

В некоторых местах перестали ходить в школу девочки. В Пензенской губернии есть села, где с начала войны в школе не было ни одной девочки. Мы говорим о ликви-

---

[1] **УОНО—Уездный Отдел Народн. Образования.**

дации неграмотности, много затрачиваем сил на это дело, а у нас безграмотность растет, потому что растут дети.

Госиздат издает массу учебников для школ всех ступеней. Он издает массу дорогих книг и роскошных изданий. Но до деревни эти книги и учебники не доходят. Она живет старыми учебниками, оставшимися от дореволюционного времени. В деревню, пожалуй, проникли в несколько подновленном виде Вахтеров и Флеров,—учебники, которым бы не место было в советской школе. А, между тем, только их Госиздат выпустил в большом количестве, и ими забивается сельская школа.

(Из речи тов. Крупской на XIII с'езде РКП (б); цитирую по „Ленинград. Правде" от 1 июня 1924 г.).

Газета.

По поручению Под'отдела Печати ЦК РКП (б) летом 1923 года я ездил в Воронежскую губернию для обследования губернской крестьянской газеты.

Работа эта продолжалась две недели, велась довольно интенсивно,—обследование велось одновременно и в городе, и в деревне.

Материал, собранный мною за это время, хотя и страдает существенными недостатками, все же во многих отношениях поучителен.

Прежде всего обследование установило, что в деревне в настоящее время нет ни подписчика, ни читателя.

Один этот факт заставляет бить тревогу. Деревня без газеты—это значит, что информацию о том, что происходит во внешнем для крестьянина мире, деревня получает из подозрительных источников, в чудовищно-нелепом, политически-диком освещении.

Это значит, что сознание деревни обрабатывается попами, нэпманами, знахарями и другими враждебными советской власти элементами.

Эти факты заставляют думать, что вопрос о продвижении газеты в деревню имеет для советской власти первостепенное значение, и что необходимо сейчас же заняться улучшением постановки нашей крестьянской печати.

1) Сравнительно высокая для крестьянина цена на газеты; 2) неналаженность работы нарсвязи (газеты не доходят, либо прибывают на 10—12 день, а то и позже, путанность почтовых трактов); 3) недостатки нашей газеты: с одной стороны, она непонятна крестьянину; с другой, не дает крестьянину того, что ему нужно,—вот то, что мешает, по нашему мнению, продвижению газеты в деревню...

Вчера вечером приехал в Воронеж. Прием хороший. Вчера же устроил небольшое совещание, в котором принял участие т. Лызлов (зав. под‘отделом печати) и т. Окулов, редактор „Воронежской Коммуны“ и „Нашей Газеты“. Обе газеты в хозяйственном и в других отношениях настолько неотделимы друг от друга, что обследовать придется обе вместе.

... Сообщили слух, циркулировавший недавно в одном глухом пункте Воронежской губернии,—будто Осинский на XII С‘езде РКП требовал возвращения земли помещикам...

В $8^1/_2$ ч. утра встал, пошел бродить по городу. Всюду газеты уже продавались. Торгуют ими почти исключительно слепые. Был на базаре. Много приезжих крестьян. Привозят дрова, молочные продукты, овощи. На дровяном базаре 3 трактира: „Староконные номера“, столовая и чайная „Крым“, и еще одна чайная, на дверях которой нарисовано нечто странное, напоминающее гроб.

... Почему бы не устраивать редакций крестьянских газет на базаре?

... Вчера же вечером составил следующий опросный лист, который сегодня сдал в типографию.

Опросный лист.

1. Фамилия . . . .
2. Возраст . . . .
3. Партийность . . . .
4. Крестьянин, рабочий . . . .
5. Сколько десятин земли имеет, лошадей, коров . . . .
6. Принимал ли активное участие в гражданской войне. Где. Когда . .
7. С какого года читает газеты. Регулярно ли читает . . . .
8. Какие газеты читал до февральской революции. До Октябрьской . .
9. Какие газеты читает в настоящий момент . . . .
10. Подписывается ли и как: индивидуально, коллективно . . . .
11. Не слишком ли высока цена на газету . . . .
12. Доставляется ли аккуратно . . . .
13. Если нет, то по чьей вине . . . .
14. Дает ли другим газету и скольким лицам . . . .
15. Какой формат газеты больше нравится (показать три образца) . .
16. Какой шрифт считает более удобным для себя (показать образцы) .
17. Понятны ли слова: регулярно, система, классовый враг, попустительство, предостерегает от последствий его поведения, официально, нота, коммунальный дом, административный порядок, элемент, реклама, анекдоты, горизонт, живописная форма, территория, пленум, павильон, канализация, размещение экспонатов, декоративность, период, констатировать, интриги, об'ект обложения, льгота, продфронт, губпродком, губземуправление, РСФСР, УССР, Совнарком, СССР, игнорировать, инициатива, меморандум, ультиматум, категорический, с.-х., сельмаш, Госсельсклад, проект, показательное хозяйство, фонд, авторитет, согласованные действия, репарации, оккупация, ксендз . . . .
18. Читает ли отдел, посвященный с.-хозяйственным вопросам . . . .
19. Если - да, то какие агрономические указания газеты применяет у себя в хозяйстве или думает применять . . . .
20. Доволен ли отделом „По родному краю“ . . . .
21. Помогает ли этот отдел устранению неустройств в деревне . . . .
22. Как относится к заметкам против попов и против религии вообще.
23. Обращался ли зачем в редакцию. Посылал ли корреспонденции . .
24. Читает ли помещаемые в газете рассказы и нравятся ли . . . . .
25. Нужен ли юридический отдел . . . .
26. Что не нравится в газете . . . .

Подпись опросителя . . . .

Первые восемь вопросов имеют в виду выяснить личность подписчика. 5—6 последующих вопросов имеют своей целью определить, насколько газета посильна по цене для крестьянского читателя, во-первых, и, во-вторых, как обстоит дело с ее доставкой.

Начиная с 15-го вопроса, имеется в виду путем опроса читателей точно выяснить, удовлетворяет ли газета крестья-

нина как в техническом отношении, так и своим содержанием. Слова, перечисленные в вопросе 17-ом, большею частью взяты мной из № 60 „Нашей газеты“, некоторые другие из „Бедноты“.

В полной мере сознаю, насколько данная анкета неудовлетворительна, неполна, составлена наспех. Да делать-то нечего. Пришлось так действовать поневоле...

В $3^1/_2$ часа приехали в Березовку (волость). Заехали в волисполком. Застали секретаря волисполкома т. О—ва и одного канцеляриста. Здесь получается 10 экземпляров „Нашей Газеты“, „Воронежская Коммуна“—2—3 экземпляра, „Беднота“ недавно стала получаться, 7—8 экземпляров. Не систематически получаются „Известия“. Аккуратно „Экономическая Жизнь“. Все эти газеты высылаются за счет отдела Управления.

По 1 экземпляру каждой газеты волисполком подшивает „к делу“, остальные отправляет в сельсоветы и избы-читальни. Сельсоветов в Березовской волости 11, из них Ступинский сельсовет сам выписывает газету.

О—в сообщает следующие слухи, циркулировавшие в Березовке:

— Англия об'явила войну России (в мае).

— Франция избрала в цари Николая Николаевича, „а вы скрываете“.

— На Украине упал святой камень и спрятался.

Автомобиль привлек внимание. В помещение волисполкома являются крестьяне. Прислушиваются к разговорам, которые ведем с т. О—м.

Приходим к заключению, что нечего откладывать в долгий ящик обследование. Надо немедленно приступить к заполнению анкет.

Без всяких подготовительных речей, т. Окулов спрашивает, кто согласится заполнить анкету. Первым отзывается крестьянин в порванной кожаной куртке.

Панкин. Рыжеватый, узкий, серые хитрые глаза. Фамилия его Панкин. Ему 45 лет.

На вопрос о партийности отвечает:

— Покеда беспартийный, зачищен.

Рекомендует себя так:

— Смысла у меня много, но грамоты мало имею.

Был плотником, сейчас хлебороб. Засевает нерегулярно. Был в артели. Нет ни лошади, ни коровы. Состоит членом правления кооператива.

До войны читал „Русское Слово“ и другие.

— Выписывали мы тогда „Всеобщий Санкт-Петербург“. „Воронежский Телеграф“ избегал: иначе немножечко политически был воспитан.

22 руб. [1] в месяц за газету слишком высокая цена. Т. Окулов спрашивает: ну, а 10 руб. как?

Ответ:

— 10 для нас хорошо, для вас же опять невыгодно будет.

На вопрос, читает ли газеты, отвечает:

— Заглядываем иногда.

Интересуют его „заграничные официальные вести, советские официальные распоряжения“, на счет кооперации „заметочки разные“. Агрономических статей не читает: „не управляемся читать все, разве молодые которые, есть, прислухиваются“.

Т. Окулов указывает на значение агрономических статей для крестьян, говорит о взмете раннего пара и др. подобных мероприятиях.

Но Панкин твердит одно:

— С политической и хозяйственной жизнью в литературе не привыкли еще. В общем малый процент интересуется.

---

[1] В дензнаках 1923 года.

На вопросы о формате (при этом показываем образцы) отвечает, что:

— Рост значения не имеет, лишь бы шрифт был поярче, заголовки покрупнее и эти вот штуки (указывает на иллюстрации в „Рабочей газете“) еще. Они вызывают рассуждения.

Из слов, перечисленных в 17-м вопросе, Панкин не знает: регулярно, система, классовый враг, УССР, СССР, сельмаш, репарации. В пояснение слова „попустительства“ дает такой пример:

— Ваша сноха вышла из приличия.

Должно быть, отождествляет попустительство с распущенностью, распутством.

„Продергивать следует — иначе соревнования не будет. Про кого пишут, тот задумывается“.

„Про попов возможно больше писать. Спрос большой; сначала ухмыльнется, а там уже машинально читать будет“.

На вопрос 25-й отвечает: „юридический непременно. Тем больше что земельные дела разные теперь есть. И чтобы не слитно: часто одно слово разберешь, а трех нет,—всякая охота пропадет читать“.

Канчуров. Предсельсовета, член РКП, 49 лет, рекомендует себя так:

— Я крестьянин, но психология моя отбилась к рабочим.

Работает сейчас в коллективе. До войны читал газеты, „какие попадались“.

На вопросы о цене отвечает:

— Крестьяне хотели бы получать бесплатно.

Очень своеобразно отвечает на вопрос, дает ли другим газету и скольким лицам:

— Даю на дом гражданам от 30-ти до 50-ти лет...

Предпочитает размер „Рабочей Газеты“, шрифт выбирает № 12. Не знает слов: УССР, экспонаты, СССР, сель-

маш. Стихи и рассказы не интересны. Заканчивает беседу таким образом:

— В „Бедноте“ все правильно, я ее опровергать не могу. Что ни пишется, для меня все хорошо. Но для крестьян самое нужное, так это критику эту самую, на это есть у крестьян алчность большая.

Волков. Член РКП, 35 лет, работает в коллективе. На вопрос, какие газеты читает, отвечает:

— Персонально читаю...

„Персонально“ — случайно. 22 р. небольшая плата, „цена ничего из себя не представляет“. В сентябре и августе крестьяне выпишут.

— Народ большие трудности пережил, истощал за 6 лет,—прибавляет он и вздыхает.

— Формат мне безразлично какой, лишь бы явственно все было, а то иной раз склеиваются. Главное, чтобы шрифт был „прозористый“.

Не знает слов: элемент, реклама, экспонаты, декоративность, УССР, игнорировать, репарации.

Осипов М. Член РКСМ, 21 года. Читает газеты нерегулярно, шрифт предпочитает № 12. Из 50-ти слов не знает 27. Не знает, что такое „нота“.

— Совсем позабыл,—говорит он смущенно.

Говорит, что читает „Бедноту“. На вопрос об агрономическом отделе отвечает:

— В „Бедноте“ я не замечал такого отдела...

Осипов П. Бывший кронштадтский матрос. Токарь по металлу.

Выписывал в довоенное время „Копейку“ и др.

— Цена на газету не высока, но средства не позволяют.

Не знает слов: нота, меморандум, УССР.

Предлагает, чтобы непонятные слова и выражения пояснялись „в скобках“.

Бочаров. Долговязый оборванный парень. Видимо, волнуется. Подошел ко мне.

— А меня спрашивать будете?

— Как хотите.

— Спрашивайте.

Ему 29 лет, беспартийный. У него 10 саженей земли. На вопрос,—есть ли лошадь, корова, отвечает серьезно:

— Кошка одна есть.

Сам он из села Корчуна (Задонского уезда, Сенновской волости). Газету читает редко. Председатель получает, дает попу. Иногда „случаем воспользуюсь".

На вопрос о формате отвечает:

— В этом запутываюсь.

Из 50-ти слов 11 знает, 39 не знает.

Интересно отвечает на вопрос об отделе—„По родному краю".

— Не пропускают правды. По инстанциям подавал, а ходу никакого. Писал в Задонскую газету „Пахарь", но никакого успеха.

Оказывается, что у него жалоба на местную власть. И он все ходит жаловаться через другие волисполкомы и вообще через посторонние учреждения, но, конечно, жалобы у него там не принимают.

Тут же т. Окулов составляет с его слов заметку для „Нашей газеты".

Против религии писать нужно: „в этом живой обман".

Беседу заканчивает таким образом:

— Мне бы месяц в учение, а то все равно как пробка—ничего не понимаю...

... В Березовской волости жителей 18.000. Кроме Рамони, которая самостоятельно выписывает газеты, вся волость получает 21 экземпляр, из которых 5 подшиваются, остается, стало-быть, 16 экземпляров... Вывод ясен: средне-арифметического мужика в природе нет... Но это не значит, что вообще не будет. Несомненно, крестьянский читатель может быть создан, нужно для этого работать. Медленно, шаг за шагом надо будить крестьянина, привлекать его, заинтере-

совывать газетой, приспособляясь к уровню его развития, к его потребностям, вкусам и проч. Всякие с ног сшибательные успехи тут ничего не стоят...

Конь-Колодезь (название села).

Остановились в агрономическом училище, у заведующего. Здесь свыше 4 тысяч жителей. С газетами, очевидно, дело не важно обстоит. Училище 2 недели назад подписалось на воронежские газеты. До сих пор не получаются. Решили в дальнейшем выписывать по воронежскому адресу и оказией доставлять в деревню, так вернее будет.

Есть изба-читальня... Избач-крестьянин, очень развитой, политикой интересуется. Послали за ним. Явился вместе с другим крестьянином.

Первое слово таково:

— Здравствуйте! Нету литературы, не привезли ли? А то жаждем, нет нисколько. Нет ли у вас газетов?..

Фамилия избача Мерлев. Сам он маленький, коренастый, с большой растрепанной толстовской бородой. Борода эта начинается из-под самых глаз, часть ее пробралась даже и на кончик носа...

Мерлев, Степан Захарьич. 53 лет, беспартийный, 3 десятины, 1 лошадь, 1 корова.

— С какого года читает газеты?

— Я заражен этой политикой с 1905 года, когда государь дал свободу печати, собраний. Пустили тогда свет...

Газеты читал разные: „Русское Слово“, „Биржевые Ведомости“, „Синий Журнал“... Про „Синий Журнал“ отзывается сочувственно:

— В скрытых, но власть зацеплял...

После октябрьской революции читает „большевистские“. Берет в волости. „Когда перешлют, а когда сам берешь газету“.

— Да вовсе редко приходит. Когда уже истрепана, когда уж наваляется там недельки две... В избу-читальню с пасхи вовсе ходить перестали. Шабаш,—крыто.

— Не слишком ли высока цена?

— Не могу обрисовать... (думает) дорога.

О формате:

— Маленькая удобнее, меньше треплется, будет в роде как книга.

Ему нравится формат поменьше даже „Рабочей Газеты".

Шрифт он выбирает 12-ый.

— Для нашей черноты покрупнее, мелкий—для более культурных.

Не знает 19 слов.

— Эх, эти слова разные. Этим мы болеем душой. Словарь нужен. Жуешь, жуешь и ничего не поймешь.

Приводим некоторые его словотолкования:

Классовый враг—„какой-либо партии класс". Предостерегает от последствий его поведения—раз'ясняет каждое слово отдельно и затем останавливается на последнем слове—„поведение, значить как—стало быть, себя поведешь так и получишь". Нота — это звук, ультиматум вам предложат. „Элемент—выдающий человек". „Анекдот"?—„Анекдота—от быстроты ума выдуманная фантазия". „Павильон—простая штука, но никогда не встречалась в жизни, чтобы иметь понятие". Декоративность—„дикое растение". Интрига—„дьявол, плут". „Об'ект обложения—всеобщее обложение". СССР.—„совет народного хозяйства". Инициатива—„какая-нибудь национальность". Категорический —„последний раз вам говорю—повторять не буду".

Мерлев, узнав, что нота это в роде письма, восклицает:

— Смотрите, как нашу мысль портят, крутят! Нота это же в церкви. Пусть лучше пишут письмо. Надо, чтоб ближе к нашему наречию, а то головокружение одно...

Сопровождающий его крестьянин подает реплику:

— Надо так, чтобы раз, два—и готово!... А то иностранное. Откеда их займешься...

Мерлев настойчиво повторяет:

— К русскому духу приспособляться надо.

Агрономический отдел читает. Это, говорит, полезно, хотя „про это главное из книжек и из жизни берем“.

Отдел „По родному краю“—хорошо: „Про нашу жизнь толкуют“.

— Нужен ли юридический отдел?

— Без юристов в трех соснах заблудимся.

Мерлев рекомендует нам своего товарища Артамонова.

— Он мужик—популярный... Тоже слово к нам залетело „популярный“, к чему оно—неизвестно...

И, как бы вспомнив что-то, прибавляет:

— Про попов катайте во-всю...

С Мерлевым я толковал много. Он очень интересуется политикой. Главное, будет ли война или „так обойдется“. К советской власти относится сочувственно.

— Были обиды, но отдохнем, забудем. Главное, хозяйство починять надо. Все развалилось. Поработаем тихо, спокойно годика два, а там залечили бы все раны, забыли-б все обиды...

Мерлев—хозяин крепкий. Спрашивает, правда ли, что тракторы достать можно... Дает безлошадным лошадь для обработки и получает за это половину урожая. Такую сделку, по его же словам, заключил и со своей сестрой. Крестьян называет не иначе, как „черный народ“. Он—бывший начетчик. Про себя говорит.

— Люблю спорить с ученым человеком, особливо ежели запнется...

Артамонов. 47-ми лет, беспартийный, 1 лошадь, 1 корова. На вопрос третий („крестьянин, рабочий“) отвечает:

— Мне и во сне снится либо рожь, либо овес, либо пшеница.

— Принимал ли участие в гражданской войне?

— Был в Рязани, Москве, Ельце. Делов нигде не сделал.

— Когда-то выписывал „Русское Слово“. Сейчас не выписывает: дорого. И, главное — выписывал бы газету,

но совет выписал, а не приходит вовсе. Чего их выписывать-то.

Виновной в пропаже газет считает волость—„задерживают“.

— Дает ли другим газету читать?

— Нет, я куплю,—я и читаю.

Формат ему нравится маленький.

— Лучше, удобнее, отрепывается меньше. На ветру читать можно. Большая газета собак пугает.

Шрифт.

— Известно—покрупнее, повиднее (выбирает № 12, жирный).

Толкование слов: регулярно — „вертикально, параллельно—одно и то же“. Классовый враг—„мы на классы нонче разбились“. Горизонт — „об'ятие“. Пленум — „посылается вам какой-нибудь вопрос“. Губпродком—„это нам надоело... вот где сидит (на шею указывает)“. УССР, СССР, с.-х. не знает. Ультиматум—„зададен кому-нибудь“.

Про агрономический отдел говорит:

— В хозяйство принимаю.

Заметки про жизнь в деревне хороши:

— Если действие нашлось...

Про антирелигиозную пропаганду:

— Не вмешиваюсь в эти дела. Раз он поп, так он и будет поп. Обвинять не обвиняю, хвалить не хвалю.

— Рассказы не интересны, это все небывалое. Посмеешься иногда, но через силу.

— Юридический отдел нужен. Это тем более ученое дело.

Про беллетристику Артамонов делает оговорку:

— Кому что нравится. (Указывает на ученика). Романсы этому парню нравятся, а мне продналог не нравится, а платить приходится... Вот я послал за публикациями (речь идет об облигациях хлебного займа).

Спрашиваю Артамонова, выпишет ли он газету, если ее будут аккуратно доставлять.

Ответ:

— Сейчас нисколько не выпишу — некогда. На зиму выпишу.

Дарья Дедова. Молодая крестьянка, хорошее миловидное лицо, умные синие глаза. Пришла вместе с Машей (прислуга у агронома, одета по городскому. Лицо у Маши, как выжатый лимон—видно, пудрится часто). Долго жмется у двери, не хочет сесть. Мы уговариваем Машу сесть—и тогда садится и Дарья.

Ей 33 года, беспартийная.

— Хозяйство есть?

— 4 ребят—все мое хозяйство... Пятый год мужа нет, вроде за хлебом поехал, не вернулся.

Служит прачкой при училище. Грамотна. 20 лет тому назад окончила сельскую школу с похвальным листом. С тех пор читала письма—когда муж был на войне. И иногда песенную книжку. Газет не читала никогда. О „Бедноте“ не слыхала.

— Беднота это в нашу пользу. Я тоже беднота...

Наша анкета для Дарьи дело неподходящее и все время приходится придумывать разные вопросы.

Показываем ей газеты, предлагаем выбрать формат, шрифт.

Дарья отвечает:

— Хоть поменьше, хоть побольше,—значения не имеет. Буквы нужно покрупнее, поразбористее.

Вот об‘яснения Дарьи отдельных слов, помещенных в пункте семнадцатом.

„Официально“—хорошо.

„Элемент“—это разговор такой есть: со мною бывают такие алименты.

„Констатировать“—вычищать. Поглядывает на нас странно. Присутствующий при этом агроном об‘ясняет, что „вычищать“ значит кастрировать. Это слово приходится ей часто слышать, так как опыты кастрации животных производятся в училище.

„Губпродком“—начальство такое. „Губземуправление“—это дом.

РСФСР (всплескивает руками)—Россия—Республика.

„Игнорировать“—меня протаскивают.

„Категорический“—это у нас в конторе Тихон Иванович, когда бывало волнуется уж всегда—категорически говорит. „Проект“—вокзальное слово. „Показательное хозяйство“—шкаф.

Заметила в газете „милиционная армия“, спрашивает—что это?

Об‘ясняем.

— А я думала „медицина—лекарское“ что-то.

— Про попов „для меня не интересно“.

Ей не нравятся сокращения—„слова, чтобы были полные“.

— Кто такой Ленин?

— „Во власти он“.

О последних событиях ничего не знает. О Демьяне Бедном не слыхала.

— А кто он?

— Сочинитель.

— Я про одного николаевского сочинителя знала... Господин Пушкин. Жил давно, давно... Читала его сказку о рыбке...

Показываю ей „Крокодил“, карикатуры. Смотрит с любопытством, но ни одного рисунка не понимает.

В этом же номере карикатура на мужика, жалеющего сусликов. Раз‘ясняем ей содержание. Результат неожиданный.

— Чтож и меня будут протаскивать? Я такая же глупая мужичка, как он.

Гражданскую войну помнит, но не знает, кто такой барон Врангель. Напоминаем ей Крым. Оказывается, знала, но забыла.

— Да я что вчера ела—и то сегодня забыла...

Конечно, крестьянская газета дело новое, небывалое, если говорить о массовой газете. Это новое поприще. Тут почти

ничего не сделано. Надо начать сначала. Нужна прежде всего особая форма газеты, техника должна быть своеобразная... А какая именно, точно сказать пока нельзя. Надо изучать, пробовать—а там видно будет.

Следует помнить, что речь идет не о монолитной деревне, а о многомиллионной массе, среди которой надо различать, по крайней мере, 3 слоя: а) безграмотных, б) малограмотных, в) грамотных. В Воронежской губернии на 3 миллиона крестьян приходится приблизительно 350.000 грамотных (речь идет и о малограмотных). Из этой общей цифры таких, которые вообще читают книги и газеты хотя бы изредка, надо полагать, меньше 10 тысяч.

Рабоче-крестьянская власть не может допустить, чтобы деревня оставалась вне газеты, т.-е. вне сознательной общественно-политической связи. То, что было главнейшим условием существования царского дворянско-помещичьего строя, является для нас величайшим препятствием, тормозом и опасностью.

На ряду с работой по ликвидации безграмотности, нам необходимо вести борьбу и за ликвидацию политической безграмотности тех сотен тысяч крестьян, которые сейчас умеют читать.

Для подавляющего большинства деревенских читателей нужна газета, которая могла бы быть быстро усвоена, привлекала бы своим внешним видом и заинтересовала бы своим содержанием. Вся газета должна состоять из небольшого количества заметок, набранных не крупным, а крупнейшим шрифтом (пусть № 22-й, по выбору Дарьи Дедовой). И тут же несколько иллюстраций, простых, понятных для ребят даже. Вот такая стенная газета (раз в неделю) обслуживала бы интересы всех.

Кроме того, следует иметь еще одну газету для более передового слоя крестьянства, для всех этих Мерлевых, Артамоновых, Панкиных, и прочих и прочих.

Для этого читателя нужна газета почти ежедневная, но без наших статей, почти без статей. Небольшие заметки должны заменить „рассуждения" на ту или иную тему простым, элементарнейшим освещением того или иного единоличного факта. И эта газета технически должна быть при этих пунктах, иметь свои агентуры, своих представителей, которые мобилизовали бы читателя...

Теперь о самой газете, о ее содержании. Одним из главных недостатков нашей газеты является то, что сформулировал крестьянин в беседе со мной таким образом:

— Пишут только о власти...

Конечно, тут недоразумение, ибо власть советская и выражает интересы рабочих и крестьян.

Но пока что для некоторых слоев крестьянства власть и „мы" еще противопоставляются друг другу. При таких условиях газета должна в условиях сближения, связывания крестьян с советской властью говорить с крестьянином на его же языке.

Это значит, что надо писать то же самое, что и теперь, вести ту же линию, но не отвлеченно, а конкретно, при освещении тех или иных фактов из жизни деревни.

Словом, не заниматься все время агитацией, лозунгами, кампаниями, а давать, главным образом, информационный материал, — всякий: местный, иностранный, внутренний, — в нашем освещении.

Тут будет, с нашей стороны, не отказ от сущности, от содержания нашей агитации, а лишь изменение формы, подхода, метода. И это вполне соответствует, будет соответствовать желаниям и запросам широких слоев как бедноты, так и середняцкого крестьянства.

До сих пор наши газеты главное свое внимание посвящали тому, что должно быть, по нашему, в деревне, и сравнительно очень мало говорили о том, что есть. Такой подход оказывается недоступным, непонятным для крестьянина. Надо поэтому от него отказаться.

Газете придется главное свое внимание посвящать тому, что есть в деревне, повседневным нуждам широких слоев деревни: земельным спорам, распрям, стихийным бедствиям, эпидемиям, суевериям и всяким прочим напастям, хозяйству, происшествиям, злоупотреблениям,—словом всему тому, что волнует в деревне всех.

Мы, стало-быть, будем писать не „о власти", а о деревне. Но в то же время будем не просто факты констатировать, а освещать их, хваля одно, порицая другое, борясь против всего того, что исторически в крестьянском быту обретено.

Для этой цели мы прежде всего должны будем найти тот важнейший с точки зрения нынешних интересов крестьянства отдел, который свяжет газету теснейшим образом с деревней. Такой отдел найти не трудно.

В данный момент таким отделом может быть юридический.

Это, конечно, не значит, что завтра центральное место в газете не сможет занять хотя бы тот же агрономический отдел.

По всей вероятности, по мере того, как дело хозяйственного восстановления страны подвинется вперед и работа нашего госаппарата примет более нормальный характер, газете придется главное свое внимание перевести с правовой надстройки на какую-нибудь другую надстройку.

Сейчас, однако, положение вещей таково, что крестьянство прежде всего страдает от той неразберихи, какая имеется в наших местных госорганах, от злоупотреблений примазавшихся к нам бюрократов, от невыясненности земельных и прочих взаимоотношений.

Газета поэтому и должна сейчас взяться за дело оказания бесплатной юридической помощи крестьянству, стать его защитницей, оказывать ему помощь советом, указанием.

Само собой разумеется, что это не означает, что газета возьмет на себя защиту всякого крестьянина по всякому поводу—ничего подобного.

Но это значит, что деревенская беднота может смело рассчитывать на газету в ее борьбе против кулаков, против административного произвола и пр. Это значит, что любой безграмотный или грамотный крестьянин, затрудняющийся найти вход и выход в запутанном лабиринте нашего госаппарата, встретит в редакции крестьянской газеты людей, которые его внимательно выслушают и дадут указания, куда и как обращаться надо.

На этот юридический отдел должно быть обращено главное внимание. Но рядом с этим необходимо изо дня в день давать крестьянину то, что имеет для него интерес в тот или иной момент. Болезни, эпидемии, цены на товары, декреты, — все, решительно все, что в тот или иной момент заинтересовывает деревню, должно найти соответствующее место на газетных столбцах [1].

(Я. Шафир—„Газета и деревня", изд. 1924 г.).

В Камышинском уезде, Саратовской губернии, в 7 верстах от ж. д., находится целый ряд селений Бурлукской волости. Два моих близких сослуживца по Красной армии, живущие в этой местности, приехав в Москву, остановились у меня. В дружеской беседе, за стаканом чая, разговор принял чисто деревенский оборот: я интересовался положением на местах, а друзья мои охотно делились сведениями о жизни крестьянина и работе сельских советов.

Начали с продналога. К великому моему изумлению, я узнал, что до сих пор эти люди даже „слыхом не слыхали"

[1] С тех пор как были написаны эти строки, прошел, приблизительно, год. За это время, к счастью, надо отметить значительные успехи на этом фронте. „Крестьянская Газета", благодаря своей дешевизне и доступности по содержанию и языку, успела создать себе значительный контингент читателей. Что надобно особенно ценить, так это появление индивидуального подписчика. Увеличила свой тираж и „Беднота", увеличились и ее связи с крестьянской массой. Об этом свидетельствуют многочисленные письма крестьян, печатаемые изо дня в день „Беднотой" по самым разнообразным вопросам.

об облигациях хлебного займа. Когда я порассказал им о преимуществе этой „бумажки“ для крестьянина, и какую пользу дала облигация государству, мои собеседники прямо рты разинули.

— Да неужто это так? Прямо не верится. У нас об этом никто ничего не знает!

Я спросил, выписывают ли у них газеты. Ответили, что из крестьян никто.

— А в волости?

— В волости не знаем, может и выписывают.

Я сейчас же предложил им выписать газету и обстоятельно раз‘яснил значение ее для деревни. Говорили долго. Наконец, мои мужики переглянулись, и один из них упавшим голосом, как бы стыдясь самого себя, произнес:

— Это невозможно!

Меня это прямо поразило:

— Почему так?—спрашиваю.

— Боимся мы. Совета своего боимся. Как бы не обложил. У нас там, как узнают, что газету выписывают, сейчас тебя назовут богатым человеком, буржуем и тут же обложат налогом. Хорошо, если 10 пудами отделаешься, а то и все 20 заплатишь. Какие уж тут газеты! Боимся мы этого.

— Не может этого быть,—возразил я,—вы тут что-нибудь путаете. Сейчас у государства наибольшая забота о просвещении рабочих и крестьян, о ликвидации безграмотности. И вдруг вы говорите о газете...

— Мы, товарищ, говорим истинную правду,—перебили меня.—Темно у нас, и никто ничего об этом не знает.

— У нас вот один горшечник есть,—говорит мой приятель.—Семья у него большая, и живет он в большой нужде, какой же в деревне заработок от горшков, одно уныние. Так с него тоже 50 пудов хлеба. „Плати, говорят, ты торгуешь, не резон с тобой долго разговаривать, плати—и все тут“. Вот у нас как, а вы говорите: газеты. Да тут с тебя последнюю шкуру сдерут и прочитать-то ничего не успеешь...

Интересуюсь, знают ли о золотом займе, сахарном, сертификатах, о кредитовании крестьян, последних постановлениях партии. Ничего не знают и даже не слыхали.

(Корреспонденция из Москов. „Правды“ от 22 февраля 1924 г.).

О том, что делается на белом свете, осведомлены из рук вон плохо: знают только то, что случайно услышат во время поездки в город и пр. Учителя, духовенство и советские служащие—и те газет не получают, говорят—дорого.

Частные лица, проживающие в пределах волости, получили по почте [1].

	газет.
в 1912 г.	37.460
„ 1918 „	24.138
„ 1920 „	5.550
„ 1922 „	2.484
„ 1923 „	2.060

Наша таблица указывает нам на грустную картину падения цифры получаемых газет. В цифру получения газет вошли и те, которые получают учреждения волости. Из последних газеты получает один волисполком. Он получает: „Известия“, „Эконом. жизнь“ и „Тверскую Правду“—это составит, в круглой цифре, 900 экземпляров в год. Следовательно, на всех жителей волости остается 3—4 подписчика. Конечно, очень мало [2].

(А. М. Большаков—„Советская деревня“, изд. 1924 г.).

---

[1] Речь идет о Горицкой вол., Тверской губ.

[2] Я побывал в сентябре 1924 года в своей родной Горицкой волости, т. е. год спустя после того, как писал выше приведенные строки. Картина с получением газет резко изменилась. „Газеты растут с каждой почтой. В конце концов они нас задушат“, сказал мне завед. почтовым отделением. И, действительно, за июль 1924 г. волость получила 2632 экземпляра газет, т. е. больше, чем за весь 1923 год. И число подписчиков продолжает увеличиваться. *А. Б.*

В пяти обследованных нами селах[1] только один человек получает газету — бывший купец, имеющий монополию на знание мероприятий Советской власти, авторитетное раз'яснение ее намерений, декретов и постановлений для крестьян всей волости.

Да где, действительно, выписать крестьянину нашу газету! Раньше кадетское „Современное слово“ стоило 45 копеек в месяц, — т. е., крестьянин должен был продать немногим больше полпуда хлеба для того, чтобы иметь газету. Теперь „Беднота“ стоит 25 миллионов, и крестьянин Никольской волости должен продать 4 пуда для того, чтобы выписать ее на один месяц.

Не удивительно, что все крестьяне улыбались при наших вопросах о выписке газет.

В условиях крестьянской жизни чрезвычайно быстро потеряли привычку к чтению газет и красноармейцы. Многие из тех красноармейцев, с которыми нам приходилось беседовать, или сами читали газету ежедневно, или слушали чрезвычайно часто ее чтение в казарме, в клубе; теперь они месяцами не видят ни одного газетного листка.

В селе Ивановке собрание крестьян долго вспоминало, когда у них в селе был последний номер газеты; наконец, указали — в мае месяце 1922 года[2]. И это в селе, находящемся за 3 версты от станции Южных железных дорог. До этой станции поезд от Москвы ходит всего лишь 20 часов. А в Москве, ведь, издаются десятки газет, многолистных, многошумных, дающих образцы новой пролетарской культуры... Как тут не вспомнить старое, казалось бы, давно забытое:

„В столице шум, гремят витии, идет словесная война, а там, во глубине России, там вековая тишина“...

(Я. Яковлев — „Деревня, как она есть“, изд. 1923 г.).

---

[1] В Никольской вол., Курской губ.

[2] Обследователь, тов. Я. Яковлев, был в волости в начале 1923 г. — Следовательно, в с. Ивановке газеты не видали месяцев 8—9!

Год назад в Знаменской волости[1] получалось: 2 № „Экономической Жизни“, 1 № „Правды“, 1 № „Бедноты“, и 1 № „Известий“. Подписчики были казенные, газеты получались из неизвестного для них источника. С середины этой зимы выявилось массовое стремление крестьян к газете, в особенности среди бывших красноармейцев. В итоге — в апреле 24-го года в данной волости получается: 54 № „Крестьянской Газеты“, 39 № „Тамбовской Правды“, 5 № „Экономической Жизни“, 9 № „Правды“, 7 № „Известий“ и 1 № „Бедноты“. Подавляющее большинство подписчиков на „Крестьянскую Газету“—индивидуальные. Мы проверили список получателей газеты, — это в большинстве рядовые крестьяне. Конечно, за год это — успех огромный. Размер этого успеха усиливается тем, что часть этих газет, раньше чем быть выкуренной, прочитывается не одним читателем, а группой читателей. В виду недостаточной работы комсомола и ячейки в области организации чтения газет, читают одиночки-добровольцы по своим избам. Одного-двух таких одиночек, собирающих вокруг себя пяток-десяток крестьянской молодежи, мы встречали почти в каждом селе...

Мы говорили с рядом читателей „Крестьянской Газеты“, рядовыми крестьянами-середняками. Для них „Крестьянская Газета“—единственный источник света, знания о том, что делается в России и за пределами России, частью учитель в области хозяйства, частью справочник в области закона, частью заместитель букваря для детей, если не считать даже того, что прочитанная газета до конца выполняет свой долг, заменяя папиросную бумагу.

В настоящее время, т.-е. 10 мая[2], „Крестьянская Газета“ имеет тираж в 220 тысяч экземпляров. Она завоевала прочно место в губерниях центральной России, достигнув, например, 5 тысяч экз. в Воронежской губ., $3^1/_2$ тысяч в Рязанской губ., $4^1/_2$ тысяч в Тамбовской губ., 3 тысяч в

[1] Знаменская вол. в Тамбовской губ.
[2] 1924 г.

Ярославской губ., 3 тысяч в Нижегородской губ., $4^1/_2$ тысяч в Ленинградской губ., 10 тысяч в Московской губ. и т. п. Она дошла до отдаленнейших уголков республики, найдя тысячу с лишним подписчиков в Акмолинской губ., 1.100 — в Архангельской губ., 1.200 — в Забайкальской, 550—в Енисейской, 700—в Семипалатинской губернии. Она нашла себе читателя в отсталых восточных республиках, куда еще недавно казалось безнадежным протолкнуть газету: у нее 2.200 подписчиков в Башкирской республике, 400— в Марийской обл., 1.000—в Татреспублике, 700—в Чувашской республике и т. д., и т. п., при чем рост газеты идет непрерывно. Только с 10-го марта по 10-е апреля газета получила 67 тысяч новых подписчиков, в том числе только 12.200 через учреждения, посылающие газету в деревню, а остальное непосредственно от крестьян. За 4 месяца своего существования газета получила 1.117 постоянных корреспондентов. Нет ни одной губернии, области, республики, где бы не было корреспондентов „Крестьянской Газеты“: Воронежская губ имеет 65 корреспондентов, Курская—75, Ярославская — 84, Московская — 68, Тверская — 68, Тамбовская — 64, Владимирская — 39, Вятская — 34, Калужская — 37, Нижегородская — 38, Рязанская — 36, Тульская—29; имеются корреспонденты и в автономных областях и республиках: Карельская республика имеет 13 корреспондентов, Марийская обл. — 3, Татреспублика — 9, Чувашская—9 и т. д. Из этих корреспондентов 1.024 крестьянина, 56 учителей, 3 агронома, 7 рабочих, 11 газетных работников, 7 служащих, 9 красноармейцев. В это число входят только постоянные корреспонденты, регулярно связанные с газетой и имеющие корреспондентский билет. Число писем, идущих в газету, достигло, в среднем, 900 в день. Пишут крестьяне обо всем, чем живет деревня: о налоге, о землеустройстве, о страховании, о безобразиях того или иного чиновника в государственном аппарате. Эта апелляция к советской газете на советского чиновника нечто совершенно

новое для нашей деревни. До революции подобного рода открытой, за своей подписью, жалобы на местного старосту или волостного писаря не было и не могло быть, потому что каждый местный писарь нашел бы тысячу способов, чтобы извести человека, на него в газету пожаловавшегося. Крестьянин, пишущий в газету на местного советского чиновника, целиком создан революцией, — он рожден прежде всего школой Красной Армии...

Величайшей опасностью было бы преувеличивать значение успехов уже достигнутых и преуменьшить значение трудностей. В с. Измайловке, растянувшемся на 3 версты, газету получают сельсовет, кооперативное товарищество и зажиточный крестьянин, ее выписывающий. За зиму газета читалась раза 3 на сходе. Молодежь предпочитает другое: „Обоймутся, гармонию в руки, да по улице“... В Софьинке по вопросу о газете целый бой произошел между крестьянами, с которыми мы вели беседу. Одни говорили: „Газета необходима. 15 копеек в месяц—дело маленькое, а пользы много принесет“. Другие, в том числе зажиточные хозяева, возражали: „Пусть даже копейка в месяц с меня придется, и копейку надо беречь, — копейка рубль бережет“. Этого крестьянина в обстрел взял бывший красноармеец: „Если газету не будем слушать, знать ничего не будем... Был я на красной войне, из газет узнавал о мире, о земле, дух поднимало“... И даже среди молодежи надо вести очень долгую и нелегкую борьбу за газету. В Ивановке часто еще случается, что „искурят, и читать не приходится“. В Знаменке изба-читальня с газетами, составляющими основу ее работы, завоевала часть молодежи, но еще очень небольшую: большинство предпочитает „улицу“. Во всей волости в 16 селах числится 5 изб-читален, из них фактически работает одна—в Знаменке, где секретарь ячейки сам газету получает, сам смотрит, чтобы ее не искурили раньше времени, сам газету читает желающим, сам картинки и портреты в рамы вставляет, сам ребят с улицы в избу-читальню зовет.

А из Знаменского волостного села поехали в соседнее,— как-будто на два года назад вернулись. Вся работа еще впереди. Газета связана неразрывно с избой-читальней; больше того, основа ее работы в газете...

(Я. Яковлев—„Наша деревня“, изд. 1924 г.).

Частушка.

1. Дезертиры.

Приехал комиссар—
Дезертиров записал.
Они не являются—
По беседам шляются.

Дезертиры, дезертиры!
Дезертирам горюшко:
Красна гвардия в деревню—
Дезертиры в полюшко...

Не пойду служить в армейцы,
На кой чорт буду служить?
В лесу вырою землянку —
Дезертиром буду жить.

Как на елке, на макушке,
Дезертир спасается—
За республику погибнуть,
Подлый, опасается.

Ах, мой милый дезертирик,
Он находится в лесу,
Я, молоденькая девочка,
Поесть ему несу.

Вместо волков, дезертиры
Укрываются в лесах,
Красну армию подводят
С белой гвардией в боях.

В поле розовы цветочки,
А я думала—пожар;
Ну, кому какое дело,
Что мил с фронту прибежал?

Купи, маменька, на кофту
Красного мне кумачу—
С коммунистом гулять буду,
С дезертиром не хочу.

Мне купили кофту белую
И сказали: „не марай“.
Еще раз мне повторили:
„С дезертиром не гуляй“.

Дезертир я, дезертир,
Гражданин свободный!
Во лесу я ночь сижу,
И сижу голодный.

Дезертиром я считался,
Во сарае ночевал;
Коммунист ко мне ворвался—
Без штанов я в лес бежал.

Болит душка у подружки:
Святой праздничек настал,
Комиссары показались—
Мой миленок убежал.

Дезертиры, дезертиры,
Дезертирам плохо жить —
Уж Совету послужите,
Постарайтесь честным быть.

Мой миленок дезертир,
А я коммунистка;
Не показывайся, мил,
На глаза мне близко!

Не гуляйте с ним, подружки,
Он беглец и дезертир:
Он в бою под Перекопом
Красну войску изменил.

Дезертиры, дезертиры,
Что вы все гуляете?
Красна армия уж в роще —
Али вы не знаете?

Птицы крылышки оббили,
Все летавши по лесам;
Дезертиры все сглумилися,
Не спавши по ночам.

Погуляйте, дезертиры,
Погуляйте, молодцы:
Красна армия приедет —
Отвечать будут отцы!

Эх, довольно дезертирить,
Пойду в армию служить:
Все забрали у родимой,
Обещали воротить.

2. Трудовая деревня.

Не ругайте, девки ясны,
Пойду в армию я красну
Там свободу добывать
Богатея добивать.

Без царя, без государя,
На свободе мы живем!
Всех буржуев переколем,
Всех буржуев перебьем.

За советское правленье
Свою голову сложу, —
Я милее этой власти
Никакой не нахожу.

Девки — щи,
А ребята — каша,
Поколеют богачи,
Будет воля наша.

Развевайтеся, кудерочки,
С весны до осени;
Раньше хаяли Советы,
А теперя бросили.

Не ругай, милой, коммуну,
Не брани ты Ильича,
А нето я в морду плюну
И хвачу тебя с плеча!

Собирайтеся ребята,
Защищать РСФСР.
Крестьянскому правительству
Укрепим позицию.

На черемухе сидела,
Не могла накушаться;
Про Советы говорили,
Не могла наслушаться.

Не гляди, что у меня
Платьице с заплаткою —
Меня выбрали в Совет
Женской депутаткою.

Ленин хлеб приготовляет,
Троцкий в армию берет,
Обувает, одевает,
На позицию пошлет.

Нас не горбят баре в поле,
Не бутузит становой.
Мы в республике, на воле,
Мы в коммуне трудовой.

Эх, яблочко
Покатилося,
А советская власть
Укрепилася.

Мне богачка отказала,
Говорит—не парочка;
Ну и чорт с тобой, богачка—
Возьму пролетарочку!

Собирайтеся, ребята,
Кто к военной службе гож!
Зададим буржуям перцу,
Пропадут ведь ни за грош.

Мой миленок в исполкоме
Сидит за бархатным столом.
А я, молоденька девчонка,
Хожу за плугом, за серпом.

Раньше был я рыболов,
Закидывал сети,
А теперь я комиссар
В волостном совете.

Эх, яблочко,
Оловянное,
А буржуйская власть—
Окаянная.

Эх, пришла земля и воля,
Революция пришла,
И в тяжелой нашей доле
Ослабленье нам дала.

Девки, девки ясные,
Зачем платочки красные?
Потому платки одели,
Что свободы захотели.

---

3. Кулацкая деревня.

Ты к чему, федеративная
Республика, пришла,—
У крестьянина последние
Пожитки обрала.

При царе, при Николашке,
Ели белые олашки.
А теперь большевики—
Нет ни хлеба, ни муки.

Знаю, знаю коммунистов,
Знаю я большевиков:
Ходят в кожаных тужурках,
Обирают мужиков.

Ох советы, ох советы,
Вы мои советики,—
Уж куда ты ни поедешь,
Требуют билетики.

На беседе нет огня,
Нету керосину,—
Из совета коммунисты
Выдали лучину.

Советская власть—
Баба квасу напилась.
Хоть бы худенький царек,
Пили б с сахаром чаек!

Сидит Ленин на березе
Держит серп и молоток,
А его товарищ Троцкий
Гонит роту без порток.

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка:
Скоро белые придут,—
Коммунистам крышка.

Комиссары черти,
Нет на вас и смерти.
Вы бы околели,
Мы бы не жалели.

Ходит Ленин по деревне
С красной сумкой на боку.
„Вы подайте, ради бога,
Пролетарскому полку".

Ленин Троцкому сказал:
Пойдем, Троцкий, на базар,
Купим кобылу карюю—
Накормим пролетарию!..

Бога нет, царя не надо,
Комиссаров разобьем,
Красну армию разгоним
Муку сами мы возьмем!

Коммунисты черти-черти,
Коммунисты дьяволы!
Выходили на дорогу—
Спекулянтов грабили.

---

4. Комсомол в деревне.

Комсомолия в деревне
Что накомсомолила:
Без попа и без трезвона
Хоронить позволила.

Пароход идет,
Дым кольцами,—
Будем пасху справлять
С комсомольцами.

Дожидает батя в церкви
Новых богомольцев.
И ругает, на чем свет,
Юных комсомольцев...

Мой папаша православный,
А я—комсомолка.
Ох, журит же он меня,
Смотрит, как на волка!

Меня маменька ругает,
Что я в церковь не хожу,
Напролет все воскресенья
В Комсомоле провожу.

Вы, девченочки, ходите
С комсомольцами гулять,
Комсомольцы вас научат
Книжки Ленина читать.

Эх, карты мои,
Вы гадательные;
Комсомольские ребята
Завлекательные.

С измалетства сбаловался
Водку пить, табак курить,
В комсомольцы записался—
Перестал сейчас дурить.

Эх, родители, родители,
Пустите со двора;
Не поймете вы, родители,
Что новая пора.

Испугалася до смерти
Ноньче маменька моя:
Я пришла да ей сказала:
Комсомолкой стала я.

Вы ругайте, не ругайте,
А по вашему не быть,
На ячейку, на собранье
Не закажете ходить!

5. Коммунисты.

Коммунист ты, коммунист,
Рубашечка сатинова,
За тебя я, коммунист,
Дом родной покинула.

Мой миленок коммунар,
А я коммунарочка;
На позицию пошлют,—
Отчаянная парочка!

Твой миленок гармонист,
Хорошо играет;
А мой милый—коммунист,
Дело разрешает.

Коммуниста любить—
Надо переродиться:
Надо в церковь не ходить,
Богу не молиться...

Ты, мой милый,—коммунист,
А я беспартейна,
Оттого у нас с тобой
Любовь и канительна.

Мой миленок—коммунист,
Подружкин—беспартийный;
Посмотрела на него—
Фу, какой противный!

Полно, Шурочка, смеяться,
Не дороже ты меня:
Коммунист зовет писаться,
Покрасивее тебя.

6. Попы и религия.

Все святые разбежались,
Бог уехал в Ленинград,
Богородицу оставил
На молоденьких ребят.

На быках, на волах
Везут попа в кандалах.
Бабы плачут и ревут—
„Благодетеля" зовут.

Бог, ты, наш бог,
Что ты ботаешь?
Ты на небе сидишь,
Не работаешь.

Ах ты бог, мой бог,
Святые апостолы!
Семь раз подрались,
Слава тебе, господи.

Ах, ты, наш бог,
Что за нация!
Повсюду саботаж,
Провокация.

Мне родители твердят:
„Молися богу, верхогляд!"
А я родителям в ответ,
Что бога не было и нет.

Воскресенье подошло,
Не пойду молиться:
Тое времечко прошло,
А пойду учиться.

Попы-клопы,
Брюхачи-врали.
Ради масла да крупы
Бога выдумали.

Ванька с Питеру приехал,
Новостей много привез:
Вскрыли Невского святого,
Огорчив попов до слез.

Пойду плясать,
Прикушу я губку;
Архирейские штаны
Перешью на юбку.

7. Советский брак.

Нам в попах нужды не стало—
И без них теперь права:
Без подарочков запишут
В исполкоме, у стола.

Батька любит покричать,
Чтоб нас в церкви обвенчать,
А я батюшке в ответ—
Отвози меня в Совет!

Я давно люблю Анюту,
Поженюсь на ней потом,
Мы поедем с ней венчаться—
По-советски, в исполком.

Эх, яблочко
Ананасное,
Итти к попу
Не согласна я!

Цветочки цветут,
Ягодки поспели;
Пойду с миленьким в Совет
На этой неделе.

8. Самогонка.

Едет Ленин на телеге,
Я за ним в догонку:
Разреши, товарищ Ленин,
Выгнать самогонку.

Мне хотели запретить
Самогоночку не пить.
Какие запретители—
К чорту не хотите ли!

Самогоночку варила,
Самогоночку гнала,
Сама в Кимры отвозила—
Спекулянточкой была!

Я у милого была—
Пила самогонку.
Я простую не пила—
Пила перегонку...

Не поедем дрова ладить,
Кубатуру выполнять,
Купим новый аппаратик,
Самогонку будем гнать.

(Частушки приведены по записям А. М. Большакова, Василия Князева, студента Павловского и Я. Яковлева).

Религия, церковность, духовенство.

Помню, когда в девятьсот пятом или шестом году мне приходилось говорить с моими земляками [1] на политические темы,—они слушали меня охотно. Земляки с интересом входили в детали той „хитрой механики", при помощи которой господствующие классы, дворянство и буржуазия опутывали „узами неудобоносимыми" городской пролетариат и беднейшее крестьянство. Бывали иногда лишь некоторые неловкости, когда не совсем почтительно коснешься непосредственно „особы" его величества. Тут кто-нибудь из пожилых мужиков, смотришь, и заметит:

— А ты бы того... полегче... Он, государь-то, может, и не знает про все эти дела. Его, тоже, может обманывают...

Но, в конце-концов, не только пожилые,—про молодняк и говорить нечего,—но даже и старики соглашались, что, пожалуй, царь-батюшка уж и не так прост, как кажется на первый взгляд, что скорее он с „ними", а не за „нас".

[1] В Горицкой вол., Тверской губ.

Про „политику“ говорить можно было, и слушали, повторяю, охотно. А вот, если заведешь речь о религии,— тут твоя аудитория настораживалась, и минуту назад расположенные в твою пользу собеседники твои как-то внутренне подбирались, хмурились и угрюмо роняли:

— Насчет этих делов ты, брат, перестань. Не нами установлено, а стариками. Ты вот о политике толкуй, а про религию не моги...

Так тогда думали у нас в деревне, и по всему видно было, что так думали крепко.

Бывал я в воскресенье за обедней в церкви. Церковь— почти полна народом. По правую руку—мужики и парни, по левую—бабы и девицы. Правда, усердно молились или те, кто был в годах и кому, поэтому, предстояло в недалеком будущем предстать „пред страшным судилищем Христовым“, или же те, кто был „при капитале“ и надеялся его еще немножко „приумножить“. Девицы—те больше занимались демонстрацией своих нарядов. Парни же на девушек засматривались. Ну, а мелюзга—та попросту норовила шалить, и только усердно раздаваемые со стороны старших подзатыльники и щелчки внушали ей „страх божий“.

Священники у нас бывали разные. Были и трезвые, степенные, пользовавшиеся уважением своей паствы. Попадались и такие горькие пьяницы, которые, при обходе с молебнами деревень, где были праздники, теряли напрестольный крест. Одного помню—так он не только был пьяница, но и ужасный драчун: напьется и лезет с мужиками в драку. Мужики терпели, деликатничали, а потом начали „молотить“ своего пастыря—и пастырь стал не так дерзок на руку... Одни священники были очень хозяйственными и даже промышляли отдачею денег взаймы—под хороший процент, конечно, и под верное обеспеченье. У других, наоборот, хозяйство как-то не клеилось... Но так или иначе, а „батюшка“ сам за сохою не ходил, всю церковную землю, которой он пользовался, обрабатывал наемным трудом. Скотина

на дворе у священника была откормлена—ей перепадало немало хлеба от изобилия, собираемого с пасомых в петров пост, в успенский, в великий и проч...

Наступила революция 1917 года. Один революционный год шел за другим. Под влиянием необычайных событий и реальных условий нового быта духовный облик крестьянина менялся. В его сознании и даже в подсознательной области его бытия происходили какие-то сдвиги. Многое из прежнего идейного богатства его летело куда-то в пропасть. Выкристаллизовывались какие-то новые идеологические ценности. Описать сейчас этот процесс духовного перерождения крестьянина, мне кажется, пока еще невозможно. Рано. Процесс этот, можно сказать, почти только начал обозначаться. Как он будет протекать, во что выльется—покажет будущее. И от тех, кто хочет делать будущее, в этом отношении многое зависит. Этого не следует забывать.

Когда именно сформируется окончательно новый духовный „тип" крестьянина—мы не знаем, но во всяком случае, крестьянин уже и теперь во многом по-иному, чем прежде, реагирует на то, с чем ему приходится сталкиваться. Есть новые черты и в его отношении к религии, к церковности, к духовенству. Эти новые черты иногда с трудом вылезают из всякой тины привычного, прежнего. Нарастанию нового мешает человеческая косность, особенно сильно выявляемая именно в крестьянском быту. Подчас новое принимает такой облик, что невольно становишься втупик и недоумеваешь: действительно ли это новое или же давнишнее-давнишнее, почти архаическое?

С лета 1922 года в церковной жизни произошел целый ворох всем известных перемен: патриарх Тихон удалился „на покой", появились разных оттенков обновленцы. Тихон попал под арест и был привлечен к ответственности за контр-революционные деяния, потом Тихон покаялся перед Советской властью в своих прегрешениях и был освобожден, затем обновленцы начали ссориться друг с другом и т. д.

В Ленинграде—и зимою 1922 г., и в первую половину 1923 г.—было немало лекций и диспутов по церковным и религиозным вопросам. Правда, на заводах мало интересовались этими вопросами, но часть интеллигенции и буржуазного типа публика валом валила и на лекции и на диспуты.

Всю зиму 1922—23 года я жил в Ленинграде и, сознаюсь, на диспуты и лекции по религиозным вопросам ходил и отнюдь не жалею: обогатился большим количеством любопытнейших наблюдений. Под впечатлением все же крупного интереса части ленинградской публики к делам церковным, я решил, отправляясь в 1923 году в свою деревню на сенокос, заехать обязательно в Москву, чтобы там побеседовать и с патр. Тихоном, и с митрополитом Антонином (руководитель группы „возрождение“) и с прот. Красницким („живая церковь“),—хотел узнать церковные новости, так сказать, из первых рук и, по приезде в деревню, поделиться ими с моими земляками. Я был совершенно уверен, что они горячо интересуются тем, что переживает православная церковь или, пожалуй, вернее—церковные верхи.

Побывал в Москве, повидался с иерархами и с целым коробом самых свежих церковных известий приехал в деревню.

Спрашиваю:

— Ну, что у вас тут говорят о Тихоне?.. И вообще вы здесь за кого?..

— Ты о каком Тихоне?

— Да о патриархе.

— А что с ним?

— Как что?.. Разве не слыхали, что он 16 июня (1923 г.) написал свое покаянное заявление председателю Верховного Трибунала, что его уже освободили из-под стражи—ну, и все такое прочее?!..

— Ничего не слыхали.

Мне даже не верится. Однако, продолжаю свой допрос:

— Ну, а вы сами-то за кого? За Тихона или за обновленцев? А если за обновленцев, то за каких именно: за „возрождение“, за „живую церковь“ или же за „союз древлеапостольских общин“?

— И обновленцев твоих не знаем.

Я искренне удивляюсь:

— Да что вы! Там, на церковных верхушках, сейчас кипит бой не на живот, а на смерть. Один лагерь кричит, что верующие всей России с ним, другой — утверждает обратное. С кем же вы?!. Если вам что-нибудь неясно, я могу прочесть доклад о том, что происходит теперь в области церковной жизни.

— Мы ни с кем. Мы сами по себе. А насчет доклада, — спасибо, но не стоит тебе трудиться, пускай их „паны дерутся“. Ты лучше расскажи, если есть желание, что слышно о продналоге: меньше или больше будет, чем в прошлом году? Кстати, не слыхал ли, проезжая через Кимры, почем соль — вся вышла, надо ехать за ней...

По правде говоря, я обескуражен, но все же считаю долгом себя утешить:

— Это низы верующих. Поговорю-ка я с „отцами“.

Встречаюсь с представителями духовенства (у нас в волости семь приходов).

Они осведомлены очень слабо о том, что делается на „верхах“: знают, что Тихон освобожден, что он служит — и больше ничего. Даже все то, что писалось по церковному вопросу в „Известиях“ ВЦИК'а им неизвестно, так как газеты духовенством не выписываются. Правда, есть возможность и бесплатно почитать газеты, хотя бы в волисполкоме, который получает три газеты, но, повидимому, и у духовенства нет горячего интереса к тому, что творят их архипастыри разных оттенков.

Задаю вопрос:

— Вы кому подчиняетесь?

— ВЦУ (Высш. Церк. Управл.).

— Ну, а симпатии ваши: ВЦУ?.. Тихон?.. Антонин?[1].

Духовное „лицо“ осторожно осведомляется:

— А вы сами как?

— Я в этих делах швах.

— Мы пока нейтралитет держим. Кто победит—увидим. Тогда и выберем. Поспешность полезна лишь при ловле блох,—наставительно замечает „батюшка“.

— Ввели вы новый стиль? Что у вас нового в обиходе церковных служб?

— Стиль у нас старый. И в службах все по старому.

Итак, ни у сельского населения, ни у сельского духовенства нет ни малейшего интереса к тем разногласиям, о которых наперебой толкуют кучки верующих горожан и их вожаки.

Захожу в церкви... Пусто-пусто... Одинокие фигуры старух и две-три женщины помоложе. И это не в будние дни—в будни служб церковных в деревне не бывает.

Навожу справки у священников:

— Много народа бывает в церквах?

— Какое! Совсем перестали ходить. Только женщины еще заглядывают, а то хоть церковь закрывай.

— Почему же так? Ведь раньше ходили?

— И усердно. Кто знает, почему так случилось? Времена, надо полагать, изменились. Вот молодежь—та прямо говорит: бога нет. А мужики постарше—те вроде уж стесняются свое усердие к богу показывать.

— Что значит: „времена изменились“? Вы об‘ясняете все же как-нибудь то, что происходит?

Священник мнется:

— Конечно. Сами знаете: религию гнали, над религией насмехались.

---

[1]) В июле 1923 г. митр. Антонин, принявшийся разоблачать некоторых обновленцев, был извержен из ВЦУ, председателем которого он был,—поэтому Антонин и противопоставляется мною ВЦУ.

— Допустим, что вы правы. Но, ведь, испытания смущают лишь маловеров, а веру верующих закаляют. Где же они, эти верующие крепко и до конца? Ведь, „претерпевый до конца спасен будет“. Где эти жаждущие спасения?

Священник (и не один мне в этом признавался) машет рукою:

— Что говорить! Все оказались маловерами. Стадо разбежалось...

В деревне народ перестал ходить в церковь. В некоторых приходах нашей волости церковные службы (обедня) совершаются не каждое воскресенье:

— Расход на масло, расход на ладан, а в церкви только я, да псаломщик, молящихся же—никого,—этими причинами об'ясняли мне священники отсутствие воскресных служб.

Если кем церковь и поддерживается еще в деревне, то это—женщинами.

Вот характерная сценка.

Июль 1923 года. Надо регистрировать в уездном отделе управления религиозные общины. Необходимо самое меньшее 50 человек, которые выразили бы, в письменной форме, желание составить общину, т.-е., попросту говоря, взять на себя юридическую ответственность перед государством за сохранность, передаваемого им в пользование, церковного имущества, только при этом условии приходский храм может функционировать. И вот, мужики уперлись,—не записываются в члены общины, не желая нести никакой материальной ответственности за имущество храма. На собрании, созванном в здании церкви священником, открыто говорят:

— Зачем нам церковь? Молиться можно везде. Если захотим, и в трактире помолимся.

— Спасибо бабам,—вспоминает священник,—те застыдили мужиков. „Прячьтесь“, говорят—„за наши юбки, а мы не допустим, чтобы храм божий был закрыт. Подпишемся“. Ну, и подписывались, главным образом, бабы...

Я уже сказал, что наследие прошлого изживается не скоро, и часто черточки нового заслоняются чем-то давнишним-давнишним. Деревенский народ, можно сказать (за небольшим исключением), в церковь не ходит, а, однако, ни один из семи храмов моей волости не закрыт. Случилось—от одного прихода священник отказался, перешел в один из приходов соседнего уезда. И что же?—Приход не пустует, рядится новый священник. И здесь уже на сцену выступают не бабы, а мужики—они рядят.

Я допытываюсь:

— Вот вы в церковь не ходите, религию критикуете,—зачем же вам священник? Ушел прежний, ну и оставайтесь без священника!

Отвечают:

— Видишь ли какое дело. Религия не нами начата,—так как же мы ее бросим?! Кругом нас все будут креститься, венчаться, отпеваться, а мы без всего этого!? Таких делов пока еще нигде не слыхать в нашей округе.—Что же мы первыми что ли будем?..

А вот другая группа моих земляков, которых я спрашивал о том же, т.-е. зачем они приглашают в свой пустующий приход нового священника, если испытывают, против чего они и сами не спорят, известное охлаждение к религии; эта группа развила передо мною такую точку зрения довольно своеобразного „экономического материализма“:

— Если у нас не будет священника, власть решит, что нам церковь совсем не нужна и, вдруг, отдаст распоряжение сломать церковь, чтобы кирпич пустить в дело.

— И прекрасно.

— Совсем, брат, не прекрасно. Приходский храм наш строился при дедах. Они, из усердия, и кирпич возили, и известь, и камни и все прочее. Да и на украшение храма жертвовали не мало, и отцы наши жертвовали, и мы сами тоже, по мере сил, поддерживали церковь. Значит, по всей справедливости, все это (жест в сторону виднеющегося

храма) наше. А если власть определит ломать, да и все это увезет от нас, может быть, еще в другую волость увезет—в кирпиче-то, сам знаешь, в здешних местах нуждаются вот как—с чем же мы останемся? Выйдет, что свое собственное добро проморгали?! Лучше попа найдем, а свое кровное не упустим...

Я упомянул, что священника рядят. Он уже не присылается, как прежде, епархиальным начальством, и прихожане—хочешь не хочешь—должны его принимать. Именно рядится, рядится на сходе, на котором решаются все мирские деревенские дела.

Мужики выспрашивают у кандидатов на священническую вакансию:

— Велика ли у вас семья?

И если семья оказывается большой, то сход прикидывает: значит, расход у священника большой, следовательно, за требы будет брать дорого—приходу трудно придется.

И предпочитают малосемейных кандидатов.

Рядятся о всем, до мелочей включительно. И все пункты „ряда“ облекают в форму мирского приговора, который и подписывается обеими договаривающимися сторонами. Этот „ряд“ новое для деревни явление.

Заботятся ли прихожане о том, чтобы их пастырь был на высоте своего призвания, т.-е. имел бы хорошее богословское образование, был бы красноречивым проповедником и пр.?

Нет.

Не так далеко от моей деревни был такой случай. Приход вакантный. Приезжает рядиться протоиерей с академическим образованием (т. е. окончивший духовную академию) и, говорят, прекрасный проповедник. Обо всем со сходом договорился и, между прочим, приход обязался обеспечить протоиерея, который до последнего времени был городским священником, запасом хлеба до нового урожая. Протоиерей уехал. Немного спустя является к мужикам другой канди-

дат—молодой священник, не бывавший даже в духовной семинарии (окончил лишь духовное училище) и не имеющий, в качестве священника, никакой репутации. Новый кандидат предлагает сходу более выгодные для последнего условия: обладая запасами хлеба, от хлеба прихожан совсем отказывается.

— Братцы, этот нам больше подходит. Видишь, ему и хлеба не надо.

И крестьяне отменили свое прежнее решение и уже окончательно порешили со вторым кандидатом.

Есть пословица: „что ни поп—то батька". Повидимому, для деревни из культа выдохлось все содержание. Сердцевины нет. Остались лишь, доживая свой век, мертвые формы: молитвенные формулы, разные манипуляции и пр. А эти формулы и манипуляции одинаково известны как заурядному священнику, так и священнику-богослову. Так не все ли равно, какой священник отправляет церковные службы и требы! Такое отношение к религии очень показательно...

Интересуюсь:

— Имеются ли в волости дома, которые по праздникам отказываются принимать у себя священника с иконами?

Оказывается, таких домов нет. А в волости у нас имеется несколько коммунистов.

Спрашиваю:

— Как же: и коммунисты молятся?

— Нет, они на время молебна уходят.

Повидимому, местные коммунисты даже в своих семьях являются слабыми агитаторами антирелигиозных идей.

Кстати: в волости, в начале 1923 года, был один антирелигиозный митинг. Сражались люди приезжие: заведывающий уездным отделом народного образования и священник-миссионер, приглашенный, на этот случай, духовенством волости. Кроме них выступил один коммунист из соседней со мной деревни— он, конечно, обличал религиозные предрассудки. После митинга крестьяне, явившиеся на собрание в большом количестве, но непосредственного участия в пре-

ниях не принимавшие, резонно спрашивали коммуниста, о котором я только что упомянул:

— Вот ты выступал против религии. А зачем же ты недавно своего ребенка в церкви крестил?

Смущенный товарищ оправдывался:

— Это не я крестил, а жена захотела...

А вот тоже любопытные данные.

Я взял за последние пять лет регистрационные журналы, где отмечалось количество по волости рождений, браков и смертей. Затем произвел подсчет за этот же период обрядов крещений, бракосочетаний и отпеваний по записям местного духовенства по всем семи приходам волости. Цифры почти совпали. Очень небольшая разница получилась лишь в цифрах для браков: налицо оказалось несколько гражданских браков, не венчанных в церкви. Идея свободного брака, который в городе встречается так часто, в деревне прививается пока довольно слабо. Это, конечно, и понятно: деревня всегда была и будет консервативнее города; в городе больший простор для развития индивидуального, в деревне же еще долго будут жить по формуле „как все, так и мы“...

В заключение моего очерка, я позволю себе остановиться на некоторых цифрах.

Местное духовенство, в среднем, берет за исполнение треб: за крестины 15 ф. ржи, за венчание 2—2$^1/_2$ пуда, за похороны 2 пуда, за молебны, которые служатся по крестьянским домам в деревенские праздники (их бывает, в среднем, в каждой деревне по 4 в год) берется самое меньшее за каждый молебен по 5 ф. ржи.

Произведя соответствующий подсчет, получим для волости такие погодные цифры расхода ржи:

1918 год	1.796	пуд.	10	фун.
1919 „	2.133	„	25	„
1920 „	2.647	„	—	„
1921 „	2.370	„	25	„
1922 „	2.029	„	35	„
1923 „	3.104	„	20	„
Итого	14.131	пуд.	35	фун.

В среднем за каждый из последних шести лет религиозные потребности—или, вернее, религиозные традиции—обходились моим землякам (самое меньшее) в 2.355 пуд. 12 фун. ржи на всю волость и около $1^1/_4$ пуда на одно хозяйство.

Но, вообще, доход духовенства за период революции, по сравнению с прежними временами, значительно упал. Это явствует и из расценок платы за требы, а, главное, из того, что теперь причт со своими семьями вынужден собственноручно обрабатывать землю. Священник уже ходит сам за плугом наравне с крестьянином. И наемным трудом духовенство не пользуется не потому, что эта система не поощряется советским законодательством, а, действительно, духовенство не имеет материальной возможности нанимать рабочую силу. Обеднению духовенства, помимо уменьшения платы за требы, главным образом, способствовало то обстоятельство, что большая часть церковной земли ушла из рук духовенства к крестьянам. Так, до революции, семь приходов волости имели 235 десятин земли, а теперь—едва-едва больше половины этого количества.

Вот как обстоит дело в деревне с религией, с церковностью и с отношением к духовенству. Мне кажется, поскольку об этом позволяют судить мои личные наблюдения, ближайшее будущее выявит ряд интересных моментов в той сфере, которой я касался в настоящем очерке.

(А. М. Большаков—„Советская деревня", изд. 1924 г.).

Наш метод антирелигиозной пропаганды пока деревне ничего дать не может. Это прекрасно обнаружилось на диспуте, устроенном одним из наших товарищей, т. Кривиным. Предполагалось, что т. Кривин будет спорить с отцом Александром и с баптистами [1]. На поверку оказалось, что спор, действительно, уже происходящий, назревший,—спор

[1] Речь идет о Никольской вол., Курской губ.

между евангелистами и православными. То, что мы даем, еще проходит мимо крестьянского сознания. Поэтому десять раз приходится нам примеривать любой метод антирелигиозной пропаганды, в особенности, поскольку он переносится в деревню, прежде чем его применить. Шапками этого церковного быта не закидаешь.

Поучительно богослужение у евангелистов. Воскресное богослужение продолжалось около 2-х часов. С обрядностью православной церкви решительно покончено. Вместо пышности православной церкви, спешки формального отношения к обряду,—спокойное, медленное чтение евангелия и библии. У подавляющего большинства евангелие в руках. Следят глазами за читающим. Одновременно поворачивают страницы. После чтения—подробное и толковое раз'яснение прочитанного с ссылками на опыт обыденной жизни. Христос из евангелия переносится в жизнь. Христа пытаются сделать близким к крестьянской жизни братьев и сестер, как они называют друг друга;—в этом одна из очень сильных сторон евангелистов!

Помещение не имеет никаких украшений, на стенах короткие цитаты из евангелия. Бросается в глаза рамка с выдержкой из советской конституции, гласящая о свободе религии, религиозной и антирелигиозной пропаганде.

В самом здании имеется в том же помещении библиотечка, предоставляемая в пользование членам общины. Это— в то время, когда волостная библиотека за отсутствием шкафов и помещения не функционирует уже два года.

Несколько опрошенных евангелистов в анкетах указали, что читают евангелие. Принимая во внимание, что подавляющее большинство вообще ничего не читает, приходится признать, что удельный вес читаемого евангелия очень велик среди прочих книг, пользуемых деревней.

Евангелисты кое-чему научились от нас в своих методах пропаганды: у них во время богослужения присутствует около 20-ти еще не приобщившихся к религии (вроде

наших беспартийных на заседаниях ячеек). Эти „беспартийные“ принимают участие в чтении, поднимаются и становятся на колени вместе с ними, поют вместе со всеми.

Молитвы импровизирует любой из присутствующих, конечно, не без толкового руководства своего пастыря. Просили Христа размягчить сердца властвующих, направить их на благие дела христианского населения.

В то время как в обычную воскресную службу церковь полупустует, они собираются два раза в неделю—по воскресеньям и по четвергам; приходят на богослужение почти все члены общины.

Беспощадно бичуют самогон во время моления. Речь о самогоне носит митингово-воспитательный характер.

При первом взгляде на собравшихся видно, что более зажиточный элемент здесь сосредоточивается. Но не только более зажиточный. Идут сюда и те более передовые элементы села, которым революция раскрыла глаза на суть православной церкви и которым мы вместо церкви пока что мало еще смогли дать...

На молении все опрятно одеты, чистоту поддерживают. Кто в лаптях—подвяжет специальные деревяшки, чтобы не промокали ноги—такого нововведения у православных не увидишь.

Хотя, конечно, когда дело доходит до проверки выполнения евангелистами их идеи, хотя бы в области борьбы с самогоном, находятся десятки свидетелей, что этим самогоном баптисты грешат не менее православных. Но несомненно, что, по сравнению с возглавляемой отцами Александрами церковью, баптисты, с их чистотой, порядком, проповедью здоровых начал быта, с их „протестантским“ богослужением, представляют собой большой притягивающий центр для уходящих от православия крестьян.

Раз в неделю евангелисты собирают детей. С детьми проделывается то же, что и со взрослыми, только больше простых разговоров. В то время как Комсомол ни разу за

последний год не собрал молодежи—у баптистов воспитание молодежи идет...

Вот отец Александр—толстый, рыжий, огромный, с руками, на которые сесть свободно можно. Принимает нас весьма холодно: — „Думал-де, что вы меня обойдете“.

Отвечает прижимисто, слова выкорчевывает, совсем как крестьянин, не могущий сосчитать своих десятин, но себе на уме. Предварительно обдумает, обсосет и, только пожавшись немного, ответит.

В комнате рояль, качалка, глобус, никелевый самовар, буфет, цветы, умывальник.

Попадья у печки жарит что-то, чего в крестьянских хатах мы не видели. Прислушивается к разговору внимательно, изредка прорывается откровенностью. Отец при этом поблескивает сердито в ее сторону.

Это от попадьи мы узнали, что свадеб хотя и много бывает, но народ нынче пошел такой, который норовит сначала обещать платить, после пожениться, а после—надуть, не уплатить.

Книжек поп никаких не читает.

— Два года назад дочка читала—и я почитывал.

— Какие же книги больше?...

— Всякие. И религиозные, и философские, и прочие.

А попадья раз'яснила поповскую ученость:

— Тут у нас и Шеллер-Михайлов был, и Льва Толстого книжечка была.

Газет никаких не читает и на вопрос о газете смеется торжествующе:

— Газеты... Боже помилуй! Откуда кто возьмет 30 миллионов для выписки? Разве в волисполкоме есть. Да кто их знает, у нас в селе никто не читает и не выписывает.

Плату с крестьян взимает трояким способом: с души, да за требы отдельно, да услугами по соседству.

— О живой церкви... Только разговоры, что о живой церкви...

И сразу спохватившись:

— Да мы о ней-то и не слышали почти что ничего. Вот сейчас только от сентября журнал „живой церкви“ получили... Там поживем, посмотрим, что будет. „Живая церковь“ ведь молодая...

— К выборам в совет не допускают... Да если бы и допустили, не пошел бы...

Хозяйство у попа было большое, десятин 16 церковной земли было до революции. Сдавал землю в аренду.

Дочек в Курске воспитывал. Революция не только лишила его земли,—она поставила его в зависимость от общества: захочет—выделит ему из общественной земли, не захочет—не выделит. Деньги вымогать приходится.

Неудивительно, что, несмотря на недурное сравнительно положение, отец „скрипит“ при упоминании слова „коммунист“.

К удовлетворению комсомольцев могу сообщить, что они, по мнению отца Александра, самые ретивые и заядлые коммунисты. Боюсь только, что это мнение основано на неправильном представлении батюшки о коммунистах и еще более неправильном о „максомольцах“, как о хулиганистых хлопцах и босяках.

Надела отец не берет, хотя получил бы, если бы попросил. Брезгает. Оправдывает себя, по этому случаю, совсем по-апостольски:

— Если уже я плохой поп, то пусть лучше буду плохой поп только, чем быть и плохим попом, и плохим крестьянином...

Поинтересовался я, не говорит ли в отце Александре хоть немного чувство „интеллигента“ при взгляде на школу, в которой церковный сторож поместил свою корову и лошадь. Оказывается, говорит при этом в нем только чувство обиженного кулака. Рассказал нам, что школа была хорошая в церковно-приходское время, а после, как отошла „к этому... как его... народному образованию, опустела

она: окна оказались побитыми, двери выставленными,—ну мы ее и взяли под лошадь и корову".

У попа было две коровы; одну общество постановило взять для Красной армии. „Я,—говорит смиренно отец,—и отвел ее". А крестьяне после рассказывали нам, как боролся поп за эту корову, как в Чека за нее пошел, сидел; боролся за корову прямо героически...

С кротким сиянием в глазах рассказал нам отец о том, как у него просили однажды коммунисты ячейку освятить, что некий коммунист читает у него апостола в церкви, что, кроме Красной армии, и „прочие" у него в доме стоят очень часто. Тут же попадья сообщила, как крестьяне собрали на ремонт церкви и пропили на самогон.

А крестьяне, которым мы в сторожке, когда шел опрос, рассказали о батюшкиных ответах, ругались матерно:

— У попа рояль, а у меня рояль на печке пятью голосами кричит—хлеба дай,—а хлеба-то и нет...

Восемь человек кормит приход: двух попов, одного псаломщика, одного регента хора, одного дьякона, одного „титора", „подтитора", церковного сторожа...

Молодежь отозвалась о попе более, чем непочтительно, но такова сила инерции крестьянской жизни, что эта непочтительность ничуть не мешает тем же крестьянам более или менее аккуратно исполнять все обязанности по церкви и более чем аккуратно венчаться и крестить у того же попа.

(Я. Яковлев.—„Деревня, как она есть", изд. 1923 г.).

К православию, к обрядам, большое равнодушие [1]. Постоянно приходилось слышать упреки и жалобы стариков. В церковь не ходят, молиться не хотят. Только в престольные праздники зайдут, не молятся, стоят, как на гулянке.

[1] Речь идет о населении с. Новоселка-Зюзино, Орловской вол., Ростовского уезда, Ярославской губ.

„Больно умны стали“,—говорил мне Михайлыч. „Покажи им, вишь, бога, тогда я поверю. А как же Моисей да Илья пророк от бога лишь задницу видели. А тут им лицом покажи. Вот бог терпит да терпит, а там как начнет хлестать, чем попало,—так не повернесси!“... Михайлыч намекал на летний град, причинивший так много убытков селу. Кара божья за непочтительность.

Но молодежь не особенно боится гнева божьего. И самые озорные ходят по селу распевая:

„У нашего у попа
На плеши растет трава“.

Не уважает паства своего духовного отца прежде всего за алчность. Когда он ходит собирать „новь“ или „петровщину“, то не уходит из избы до тех пор, пока не выпросит последнего. Если ему говорят, что „яичек у нас нет“.—„Ну, творожку!“—„И творожку нет!“—„Ну, так морковочки, или ленцу!“—ничем не брезгует. Был и такой случай: за крестины крестьянин не додал положенной новины, пастырь так рассвирепел, что, надевая на младенца крестильную сорочку, порвал ее от злости. Но неуважение, можно сказать, взаимное. Священник жаловался мне на чисто коммерческую религиозность населения. Крестьяне приходят к нему служить молебен об удачном окончании какой-нибудь сделки, службы церковные ценят лишь постольку, поскольку:—„Скушно в праздник без звону. Когда в церкви звонят, чувствуешь, что праздник, можно еще в постели полежать!“

За короткий срок три схода были посвящены торгу с богом. Первый сход—праздновать ли Ильин день—голоса разделились: более молодые и смелые настаивали на том, чтобы не праздновать и ехать на покос за 10 верст, старики же и более религиозно-настроенные советовали праздновать весь день, ибо „Илья серьезный барин, шутить не любит, 700 человек зараз зарезал на горе. Захочет, так

пошлет такой дождь, что поневоле придется не работать".— „Забыли, как за нерадение к нему наслал тучу с громом и гром спалил дом нерадивца богопротивника". В конце-концов сошлись на том, что полдня праздновать, служить обедню, а после обеда ехать на покос.

Второй сход: те же смельчаки, „больно умные", подняли вопрос об отмене празднования всего дня заказного праздника Фролу и Лавру, установленного в память падежа скота. Тут богобоязненные победили, уверив, что дождь льет от того, что праздники не соблюдают, и напомнив, что прежде, кто в этот день не являлся в церковь, платил штраф.

Третий сход: вследствие беспрерывных дождей и холодов, губящих урожай, судили, не отпраздновать ли особо „о дожде". Долго спорили о том, как нарядить этот праздник—праздновать ли весь день или только до обеда. Опять „больно умные" предлагали праздновать лишь полдня. Другая половина возмущалась сделкой с богом: „что бога-то обманывать? Праздновать, так праздновать весь день, а то прогневили сами бога—работали в Преображение, а теперь хотите полуднем откупиться".

Постановили: если к вечеру дождь не разойдется, моление сделать, чтобы бог остановил дождь и дал солнце и не работать полдня. Но один из „больно умных" и этой уступкой не удовольствовался и ушел со схода со словами: „Я не желаю праздновать, а вы как хотите".

— Вот придет осень с налогами, так запоешь: „хочу!"

Приходилось видеть, как некоторые из „больно умных" в праздник, во время обедни, тайно от соседей, боясь их осуждения, молотили в плотно закрытых ригах, но звук опускавшихся цепов выдавал их „преступную" работу.

Еще жаловался священник и на суеверие, на мстительность крестьян, в подтверждение чего рассказал, как с неделю назад приходила к нему крестьянка и просила отслужить панихиду по живом рабе божьем Алексее. На его удивленный вопрос рассказала, что у нее пропала овца. Про-

искав понапрасну несколько дней, она отправилась к бабушке (колдунье), та, поворожив, об'явила, что овца уже в котле, сварена в щах и с'едена. И вот, чтобы отомстить, надо отслужить две панихиды и на „канун" две свечи вверх пятами поставить. Тот, на кого это будет сделано, начнет как бы тосковать, тосковать и умрет. Баба и вспомнила, что в избе Алексея слышала мясной запах и пришла к священнику служить панихиду по живом человеке. Священник послал ее в соседний приход, об'яснив, что и он в другой раз отслужит, но чтобы она ему не об'ясняла причину. На это женщина возразила: „ведь и до тебя были хорошие священники, однако, служили панихиды по этаким делам".

(Л. Э. Каруновская. – Очерк: „Село Новоселка-Зюзино, Ростовского уезда",—см. сборник „Революция в деревне", под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

По отношению к религии я тоже наблюдал ряд любопытных явлений [1]. Старые черкесы, в отличие от старых казаков, попрежнему часто посещают мечеть. Несмотря на рабочее время, я видел много мужчин от 28 до 70 лет, собиравшихся у мечети. Как-то мне пришлось говорить с муллою о религиозности его паствы. Он лестно отозвался о своих стариках, которые теперь стали еще религиознее, чем раньше, и наоборот сетовал на молодежь, которая непочтительна к старшим, к мулле и к мечети. Тут же он обрушился на комсомол, говоря: „а все „комсол" виноват, там собрались сыновья нехороших родителей, не желающие работать, трудиться в поле, а только собираются там у себя, чтобы посмеяться над стариками, над их верою и над богом". Тут он вдруг задал мне вопрос: „А в ваших станицах тоже так?" Получив от меня утвердительный ответ, он продолжал: „Время такое наступило. У нас только в этом

---

[1] Наблюдения производились в Шапсугской волости, по реке Кубани.

году так стало. А скажите, как в Турции?"—обратился он ко мне. Выслушав мое об'яснение, что в Турции то же, он помолчал и сказал: „в Турции живут черкесы, и я знаю, что у них этого нет, там хороший порядок". А потом с огнем в старческих глазах он воскликнул: „наша вера хорошая и наш народ не послушает „комсол" (так он называл комсомол)!..

От старика, побывавшего в Мекке, я слышал такие отзывы о черкесской молодежи: „наша молодой черкес стала совсем дурак; дождь, много роди хлеба, больной умирай человек: все это делай природа. Аллах ничего не делай, аллах нет, так думай и говори наша молодой черкес дурак". И тут он пустился в рассуждение, что все от бога, и природа, и людские несчастия. А когда я ему шутя задал вопрос, что может быть и комсомол от бога, то он со злостью ответил: „от чорта, а не от аллах". Затем начал меня расспрашивать, можно ли проехать в Мекку, и рассказал, что он там был до войны, и что там очень хорошо.

А вот пример, как смотрит другая половина, которую так обвиняли мулла и другой старик в безбожии. Юноша лет 19 расспрашивал меня о том, может ли наука распоряжаться силами природы, а главным образом дождем, рассказывал с иронией, как их старики молились богу, чтобы он дал им дождь. При этом он описал мне обряд этого моления, из которого видно, что он является пережитком языческого жертвоприношения. Обряд этот заключается в том, что собираются у старой вербы, режут там козла, а потом, помолившись богу, раздают мясо присутствующим. Рассказывавший и присутствовавшие молодые черкесы посмеивались над этой наивностью стариков и говорили: „наша старик природа не признавай, бога признавай".

(А. С. Бай—очерк „Черкесы и русская культура"; см. сборн. Революция в деревне, под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

Цепкость религиозного быта, своеобразная жизненность религии становится особенно яркой, если ее сопоставить с тем, что содержание из нее выхолощено весьма основательно. Сохраняются форма, быт, привычка. По привычке ходят, когда есть во что одеться, в церковь, а если нет, то и не ходят. По той же привычке ходят причащаться или говеют, если церковь близко, а если подальше, или работа как раз ко времени пришлась, то и не ходят. А все же церковь живет за счет крестьян, и живет весьма недурно.

Рассказывал нам священник деревни Измайловки[1]: „Мало народу стало в церковь ходить. Хозяева не ходят сами, ходят женщины да дети, кому есть в чем ходить. Вместо ходивших до революции 600—700, ходит 150—200"...

И знаменский священник признает, что церковь посещают только старики и дети. „Хозяин редко-редко, в большой праздник придет".

Хоть и установлена плата за требу недорогая: за крестины—1 пуд, за смерть маленького—1 пуд, а взрослого—3 пуда, и за брак—5 пуд., но часто обманывают крестьяне. Бывают и такие случаи, когда крестьяне дают ануллированные дензнаки или совсем не платят.

Чтобы бороться с безразличием к церкви, священнику приходится прибегать и к таким мерам, как проверка на исповеди того, носит или не носит исповедывающийся крест, или отказ венчать тех, кто не говеет.

У бедняка главный довод против церкви, что ходить не в чем. Один из таких бедняков говорил нам: „7 лет не был в церкви,—не в чем, да и жена не ходит... Разве босой пойдешь"...

Этот довод (не в чем ходить) становится особенно убедительным, если сопоставить его с тем, как рассказывают о посещении церкви те, кто церковь посещают аккуратно, в особенности из средних хозяев.

---

[1] Рассказывается о Знаменской вол., Тамбовской губ.

„Как же в церковь не ходить,—говорит один из таких хозяев,—есть в чем ходить, ну и ходишь... В церковь часто хожу; есть одежа хорошая, вот и хожу“...

У хозяев подымающихся, у которых вся сила и энергия сосредоточена на том, чтобы выбиться, причины непосещения церкви другие: „Я в церковь хожу от пасхи до пасхи. Где же тут чаще в церковь ходить—все некогда. И в праздник работать приходится, отдохнуть некогда. Ну ее, церковь, совсем“.

Даже у баб события революции выветрили в значительной мере содержание из их религиозных верований. Но, конечно, бабы ходят в церковь почти все, кроме некоторых вдов, занятых по хозяйству.

Для молодежи церковь прежде всего дает возможность продемонстрировать костюм добротный,—если случится такой, а так как это достаточно редко случается, то в церковь особо часто ходить не приходится.

Молодежь рассказывает, что в церковь идет „похулиганить и на свидание“... „покапать свечкой на голову“... „по шее дать“... „Поп свою работу, а ребята свою“... „Хочу кавалеру назначить свидание в церкви“... „Попа очень любим,—как собака палку. Очень уж он пудами интересуется“...

И в других селах молодежь ходит в церковь раз-два в год, больше „на всякий случай, а то жениться,—а он венчать не будет“; „ходишь иногда, стариков не перекувыркаешь“...

Это выветривание содержания православной религии мы наблюдали и в старообрядческом селе Тикине, правда, в значительно меньших размерах.

В этом селе прежде всего бросается в глаза то, что значительно сгладились различия между старообрядцами разных толков и православными. Крестьяне очень часто и свободно переходят из одной веры в другую.

Не хватает у поморцев невесты, идут к старообрядцам, берут у них невесту, и невеста переходит в иную веру. То же между православными и старообрядцами.

И внешние различия значительно сгладились. Чистоплотность одна, что у старообрядцев, что у православных,— в том же навозе живут. И у старообрядцев посещение церкви меньше стало. Главная причина, что „народ весь раздетый и разутый ходит“.

Самогон пьют все одинаково—и православные, и беглопоповцы, и поморцы.

Бороду молодежь стала брить, табак курить. Только у небольшой группы беспоповцев и поморцев еще насчет табаку строго: курят не в избе, а на дворе, пса в дом не пускают, из одной посуды вместе со скотиной не пьют, а около стряпухи вода стоит, чтобы она руки всегда чистыми держала.

Но и тут быт с‘едает правила, установленные религией. У самого поморского наставника Панфилова в избе, пожалуй, грязнее, чем у других. Об‘яснение простое: три бабы в доме передрались и все мыть отказываются, одна к другой отсылает...

Даже при выборе председателя нет борьбы между сектами. Борются концы. При выборе каждый конец хочет своего выделить начальником, надеясь, что он больше будет своих отгораживать.

На религиозных собраниях только о материальных вопросах речь идет, о храме, об избе для священника и т. п. Религиозных диспутов за время революции не было. А у старообрядцев даже поп старых книг не знает.

Религия для детей только у 10% старообрядческих дворов преподается. И все же одно село 4 дома молитвенных содержит; у православных свой храм, у поморцев один молитвенный дом, у беглопоповцев—2, а в школе одна грусть: без окон, холодно, учительнице ничем не помогали.

И все же от наплевательского отношения к попу и нехождения в церковь до неверия в бога—дистанция поистинно огромного размера. Это и сама молодежь признает: „В бога все верят; как не веровать?“ Эта вера имеет

скорее формальный характер, но все же она сохраняется. Весь уклад деревенской жизни поддерживает ее, правильнее — он слишком редко толкает мысль молодежи к сомнению.

Поэтому так редки настоящие безбожники, безбожники убежденные. Их наперечет знают крестьяне: один в Тикине, 2 в Знаменке; эти детей не крестят и говорят прямо: нет бога.

А молодежь в большинстве и вопроса такого не ставит перед собой. Бог дан от отцов. Из этого бога революция выхолощила огромную долю всякой жизненности. Но выпотрошенный, выхолощенный бог продолжает мирно существовать.

Какова сила этого своеобразного церковного быта, лучше всего мы можем видеть на бывших красноармейцах.

Часто побывает в Красной армии молодой парень, приедет в село и совершенно другими глазами на религию начинает смотреть, повсюду старикам говорит: „Нет бога — и больше ничего!..“ А поживет в деревне полгода, — жениться надо, без церкви редко кто пойдет, а там хозяйство разрушено, подымать надо, где тут думать о том, что бога нет. И становится для него бог тем же, что для других: привычкой, против которой бороться не стоит, дорого стоит и не к чему.

Мы видели таких во всех селах; как приедет из Красной армии, демонстративно сторонится от церкви, а как поживет немного, опять становится как все.

Кроме коммунистов и комсомольцев, поэтому, почти мы не находим в деревне людей, которые бы про себя сказали прямо, что они в бога не верят.

Для того, чтобы ясно было, на что нужно итти в деревне, чтобы признать открыто, что бога нет, расскажем о 2 безбожниках села Знаменки.

Один из них Филиппов. Ему 39 лет. У него 4 детей. Хозяйство несколько ниже среднего. В школе хорошо учился, первым учеником у дьякона был. Отец пьяница был,

в 15 лет выгнал из дому, с тех пор в батраки пошол. В 14-м году был мобилизован. 2 раза в войне ранен. В самой школе все по книге тосковал. А на войне пришлось много увидеть и услышать и от старой религии—„вдарил тебе в щеку, другую подставляй“—ничего у него не осталось.

В санитары попал, узнал, „как кровь ходит“. „Диэту узнал, как человека поднять“. „Про микробов и про бацилл прочел“. „Товарищ у меня сифилисом болел, а я держу перед ним книжку и смотрю—все в книжке прописано“.

Когда на фронте был, в синагогу ходил, в костел, в кирху. Всюду обман видел.

По-разному попы говорят, а как человек рождается, „про бациллу и про микробу никогда от попа не слышал, потому и решил, что обман“...

Попы крестьянам говорят „другую подставляй“, а сами войну благословляли.

С богом он покончил теперь твердо: „религия меня не интересует“.

...„Кончен вопрос, в церковь не ходил и не пойду. Что хочешь, то и делай, не пойду—у меня с религией кончено“. 2-х детей своих отказался крестить, некрещенные живут. Во время бандитизма убить его хотели за это.

В загробную жизнь не верит. „Земли горсточка получится как от меня, так от скота—все равно“... „Что же моя душа молчала, когда во время операции шрапнель вынимали? Нет никакой души, попы выдумали“.

Представление его о природе весьма примитивно: „Я не отделяю скотину от себя. Насекомые тоже атмосфера... Смущает меня обезьянка, видел в зоологическом саду“.

Крестьяне смотрят на него довольно косо. „Он, грит безбожник, бродяга“.

Несмотря на то что в религии больше быта, чем горы, безбожниками могут быть в деревне только одиночки. В особенности трудно, конечно, беспартийным.

Почему этот Филиппов не в партии,—не удалось нам выяснить. Он и в комбед, и в совет входил, хоть и беспартийный был, а теперь никто его никуда не привлекает, не втягивает, не приглашает, так он от коммунистов и отошел.

А за коммунистов стоит, говорит: „верю в человечество и коммунизм"...

Другой такой безбожник—Силков. И у этого война и революция выжгли веру в бога. У него сомнение в боге утвердилось только тогда, когда он задумался о том, откуда человек произошел, и где в этой вселенной можно найти место бога: „Я считаю, как природа, как трава, как мошкара, так и человек. Из книжки одной это узнал"...

Вместе с тем у него преобладают моменты другие. „Как на службу пошел, нагляделся на господ, на бар, на весь грех их. Они пьют и едят, им не грех, а нам грех"...

На войне его также три раза ранили. Изуродованный, стал он никому не нужен. В 1916 году пришлось горько,—некуда голову было приткнуть. Потому, когда революция началась, он сразу против бога пошел. „Пусть бог наказывает, но несправедливо, как при барах; мы и так наказаны, разорены, нам и так бог все равно ничего не дает".

У этого и баба не верит. „Моя баба с детства служит в людях. Сирота была. Вот она и не верит, потому много слишком в жизни видела".

Бедняки часто к этим безбожникам приходят, обращаются за советом. Они все советские законы знают. „Я три года был членом сельсовета, знаю все законы и приказы. Бедняки обращаются, как быть, шепотом... а богатые грозятся: если бы перевернулось вправо, взял бы, говорят, тебя, да засадил"...

Он посещает открытые собрания ячейки. Во время революции как-то не пришлось в партию вступить: то в комбеде, то в совете, то в отрядах, так оно и прошло.

На коммунистов жалуется, что мало они дела делают, а больше разговаривают. „Если бы коммунисты хоть на сходки все ходили и людей побуждали, тогда бы больше было бы коммунистов и работали бы лучше, может быть, и полегчало в чем-либо трудящемуся крестьянину"...

Этот безбожник и по сознательности своей, и по искренности, и по действительной преданности идее Советской власти не хуже, а, пожалуй, лучше многих коммунистов. Вне партии он только потому, что к нему никто не подошел, никто его не позвал, а самому подойти как-то не пришлось...

Почему же такие безбожники только одиночки, почему до сих пор так цепок церковный быт? Почему так живуч еще крестьянский православный бог?

Мы подошли к ответу на этот вопрос, когда говорили с молодежью о том, что собой представляет вселенная, откуда явилась жизнь на земле, откуда жучки разные в поле бывают, откуда гроза и прочее.

Здесь уйма самого дикого, самого невообразимого невежества. Далеко не все знают, что земля движется вокруг солнца. Многие представляют себе солнце маленьким аппаратом, созданным милостивым богом для согревания земли; по мнению многих, от Адама и Евы пошло человечество; только некоторые имеют смутное представление о том, что земля—шар.

Когда мы, идя по полю, об'ясняли молодежи, как постепенно становится видимой церковь благодаря шарообразной форме земли, то молодежь отвечала на это: „по-вашему—шар, а по-нашему—„овраги", хоть и никаких оврагов на 10 верст в окружности не было. В этом невежестве—сила православного бога.

И именно поэтому самое элементарное знание бьет крестьянского бога. Православная религия в высшей степени примитивна. Вере евангелистов и баптистов не нанесешь удара тем, что земля не в шесть дней создана, а православной вере полтора миллиарда лет существования мира—удар колоссальный.

Религию, превратившуюся в быт и привычку, можно бить в первую очередь знанием. Через знание, хоть и самое малое, пришел к неверию и безбожник Филиппов. Если методы руководства и препирательства с богом и попом просто бьют мимо цели, то методы административной борьбы, в роде закрытия церквей, могут принести неисчислимый вред.

Есть единственный способ влить в выветрившуюся религию православного крестьянина действенное живое содержание: это—попытаться с ней бороться мерами административного давления.

Поэтому никуда не годны и крестьянские постановления о закрытии церквей. Сегодня, под воздействием хорошего агитатора, иногда под маленьким давленьицем того или иного коммуниста, закроют церковь, а завтра ее отсутствие может сделать и сделает религию более живой, чем она была раньше. Именно поэтому необходимо сознательно избегать и таких, даже формально единогласно принятых мер, как закрытие той или иной церкви...

(Я. Яковлев—„Наша деревня", изд. 1924 г.).

Наверное все, кто бывал в деревне в довоенное время, помнят, какая давка и теснота была в маленьких деревенских церковках в престольные и заветные праздники. Войдя в успенье (заветный праздник дер. Прангатово) в церковь, я увидел[1] следующую картину: левая половина церкви заполнена женщинами от восьмидесятилетних старух до маленьких девочек, в пестрых ситцевых платках и сарафанах; направо—пусто, около десятка стариков сиротливо жмутся к стенкам, как бы стыдясь своей малочисленности. Где же

[1] Обследователь говорит о Марковской вол., Белозерского уезда, Череповецкой губ.

те толпы мужиков с хмурыми, сосредоточенными лицами, быстро крестившихся и отвешивавших поклоны? Их нет. Они забыли обычай предков и остаются дома.

Около церкви за оградой я заметил кучку людей, так, человек пятнадцать. Они курили „самосадку" и беседовали об урожае, севе, сенокосе и прочих хозяйственных делах. Это их „бабы прогнали" в церковь, но что там им делать? Здесь гораздо интереснее, и они войдут в церковь только перед самым концом службы. Часов в пять вечера в бывшем доме священника, теперь народном доме, состоялось первое организационное собрание коллектива РКСМ. И в конце собрания организатор коллектива, член РКП. бывший матрос, обратился к молодым комсомольцам с речью „о религии", которую довольно оригинально закончил: „вот, говорят, есть бог, а я говорю, его нет. Ежели он есть, то пусть разразит меня на этом самом месте. Пусть у меня отсохнут руки и ноги. Видите? Ничего не сделалось. Все это ерунда, и бог и святые".

Равнодушие к религии, отказ от соблюдения обрядностей в настоящее время встречаются на каждом шагу. Так, когда тетка Иринья (из деревни Кайны) посылала своего взрослого сына Гаврилу в церковь, то тот зевнул и сказал: „а чаво там делать?" и так сказал, что для меня стало ясно, что ему там делать нечего. Полное равнодушие, а иногда и ироническое отношение к „попу с его богом и богородицей" можно наблюдать не только среди молодежи. И как раньше отцы воспитывали своих детей в дедовской вере, так теперь сыновья заражают своим вольнодумством отцов и матерей. Вот пример: старуха Прохоровна из деревни Кайны имеет троих сыновей, коммунистов. До самого последнего времени она считалась одной из самых благочестивых старух округа. Часто посещала окрестные монастыри и довольно долго жила в одном из них, а теперь она „свихнулась с ума на старости лет", как говорят старики, и стала безбожницей.

Под влиянием ли слов сыновей, или видя, что их богохульство остается безнаказанным, она усомнилась в силе бога и перестала верить в его существование. Один из членов нашего отряда отметил такой довольно забавный случай: однажды после обеда старуха Прохоровна встала, повернулась в передний угол и только хотела перекреститься, как опомнилась и сказала: „А ведь бога-то нет!“.

(Н. Морев—статья „Старое и Новое“; см. сборник статей „Старый и Новый быт“ под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

Великолуцкое статистическое бюро,—сообщает великолуцкий „Наш Путь“,—через своих корреспондентов-статистиков местных крестьян собрало по уезду сведения о всех доходах духовенства за год, взяв при этом в основу средние цифры. В данном случае все исчисляется в хлебных единицах, так как крестьяне чаще всего платят попам хлебом.

Так, были определены основные цифры „такс“: за венчание 2 п. 22 ф., за крестины—15 фун., за похороны—2 п. 11 ф., за молебен—7 ф., за говенье—5 ф. и т. д.

В истекшем 1923 году попами по всему уезду было совершенно 2.674 венчания. Общая сумма их выручки по этой статье составляет 6.189 пуд. ржи. Крестины стоят несколько дешевле. Рождений по уезду в год 9.116. Общая сумма сборов в год за крестины выходит 3.419 пуд. ржи.

В отношении похорон получается довольно крупная цифра. Так, смертей в год по уезду 4.274. Общая сумма поступлений составит 9.723 пуда ржи.

Говенье тоже стоит немало денег. Так, известно, что говеет 70 проц. всего населения или 101.500 человек. Взяв среднюю плату за говенье 5 фунтов, получается всего 12.688 пуд. ржи.

Больше всего попы зарабатывают на разных молебнах. В среднем на одно хозяйство приходится почти 4 праздника, когда священник выезжает в деревню для молебнов. Средняя плата за молебен—7 фунтов.

Средний расход одного хозяйства в год—$26^1/_2$ фунтов. Взяв цифру числа дворов за 30.000, получаем крупную сумму в 19.950 пуд. ржи.

Жалованье причту платят около половины всех хозяйств уезда. Средний расход на жалованье одного хозяйства—20 фунтов, общий расход составляет 6.615 пуд.

Добровольных пожертвований на церковь вносят 16.400 хозяйств. Средний размер пожертвования одним хозяйством исчисляется в 36 фунтов в год, общий же расход, таким образом, выражается в 14.769 пуд. ржи.

Много идет на разные непредвиденные расходы попам. Сюда входят внеочередные молебны „агрономического" характера: избавление от засухи, дождя, градобоя, от мошек, червей, также панихиды и обедни по умершим, „сорокоусты" и тому подобное.

В общей сложности по всем требам и доходам духовенство Великолуцкого уезда получает в год 109.983 пуда ржи или, переводя это на деньги, взяв минимальную цену 1 пуда ржи за 1 рубль,—109.983 рубля.

Эта цифра равняется одной трети всех расходов уисполкома и составляет столько же, сколько тратится на дело народного образования в городе и в уездах. Далее, эта цифра составляет пятую часть единого сельскохозяйственного налога и превышает в два раза сумму расходов на дело народного здравоохранения в уезде.

Интересно сравнить сумму расходов на попов с расходами на землеустройство.

На те же 109.983 рубля можно приобрести более 30 штук тракторов и ими вспахать почти весь уезд вдоль и поперек.

Молотилок можно на эти деньги купить 400 штук, а плугов и борон целую массу.

Интересно отметить, что данные о доходах уездного духовенства, собранные великолуцким статбюро, совпадают с такими же сведениями, имеющимися в редакции лужской газеты „Крестьянская Правда" по своему уезду.

Лужский крестьянин платит на содержание попа не менее пяти рублей в год, а весь Лужский уезд—165.000 руб.

Какую же уйму денег тратят на попов 20 миллионов крестьянских дворов Советского Союза?

(„Известия“, 22/VIII, 1924 г.).

Крестьяне о Ленине.

Приведем в кратких выдержках два-три мнения крестьянских делегатов XI с'езда РСФСР и II с'езда СССР о Ленине, высказанных под свежим впечатлением смерти Владимира Ильича.

... Ленин врыл железный столб в землю—одним концом, а в небо—другим, ввернул в столб стальное кольцо и так им тряхнул, что вся гниль с земного шара и с неба покатилась в пропасть.

Что же означает этот столб, земля, небо и кольцо? Земля—это фабрики трудящимся и пашни—крестьянам, а небо это — долой дурман суеверия и религий. Стальное кольцо — коммунистическая партия и сам Ленин — великий гигант, Илья Муромец всего мира.

Над земным шаром в воздухе зардели огненные буквы СССР. Наш герб—серп и молот на перекрест означает несокрушимую силу рабочего и крестьянина.

Кто посмеет посягнуть на серп и молот, тот жив не останется.

... Если бы можно было покрыть земной шар листочками с надписью „Ленин“ в таком количестве, как это имя было произнесено в последние дни, эти листочки покрыли бы все моря и океаны, материки и дебри, и все было бы: Ленин... Ленин...

Я уверен, что придет время, и весь земной шар назовется: *„Ленин“*.

Крест. В. И. Голохвостов.
Самарская губерния, Пугачевский уезд,
Кустомоленская волость.

Дорогие товарищи, граждане, кого мы потеряли? Мы потеряли самого нашего, дорогого вождя, Владимира Ильича Ленина, который нас освободил от тяжелого ига. Такого освобождения не видели мы за всю жизнь, не видели его и прародители наши. Каждый из нас знает, как нас теснили богачи, а теперь мы все стали граждане, все стали равноправны. Ведь это кто нам все дал? Это нам дал дорогой наш вождь, Владимир Ильич Ленин.

Это он нам дал уравнять всю землю. Он хорошо знал, что многим из нас было и жить и работать не на чем. Он указал нам путь к образованию и просвещению.

Если бы не Ильич, так где бы мне быть на Всероссийском С'езде! Это он нам дал возможность сидеть с рабочими там, где сидели цари, министры и банкиры.

Когда мне сказал Калинин о смерти тов. Ленина, то по мне всему прошла дрожь, и я заплакал.

Крест. Зайцев.

Череповецкая губ. и уезд, Югская волость, д. Рябова.

... Товарищи всемирные крестьяне трудового союза, с большим прискорбием обращаюсь я к вам от уголка крестьянской деревни, о великой потере дорогого вождя всемирного пролетариата, Владимира Ильича Ленина.

Но все-ж таки прошу я вас — не теряйте надежды духа, верьте крепко, что Ленин умер, а мысль его и наука живы.

Великий был учитель для народа. Болел за деревенского крестьянина...

Товарищи, я уже работаю в деревне 8 лет. Все время на полях я вижу, что, чем более мы соединяемся друг с другом, тем все улучшается наше крестьянство. Сплотимся плотнее, не забудем наказ учителя, привлечем город к деревне. И от этого союза содрогнется весь мир. Мы тогда

оправдаем заветы Ленина—„Пролетарии всех стран, соединяйтесь в одно трудовое хозяйство всего мира“. Я крепко верю теперь, что все заветы Ленина, которые он рассеял на полях крестьянства, мы будем собирать, как семена с наших полей, и хранить их из потомства в потомство.

Скажем: вечная память освободителю всего мира, Владимиру Ильичу Ленину!

Костромская губерния, Чухломской у., дер. Мизинцево, кр. Иван Сергеевич Курочкин.

... Наш неоцененный вождь и неоцененный наш отец, по стопам которого мы, крестьяне, должны итти и кого должны не забывать до конца жизни, это Владимир Ильич Ленин.

(Г. Лебедев и М. Фокин—„Крестьянские делегаты о Ленине“, изд. 1924 г.).

Тамбовская губерния, Борисоглебский уезд, Уваровское почт. отделение, кр. Василий Антонович Ефимов.

Представители центра среди крестьян.

13 ноября 1920 года деревня Кашино [1] была настроена тревожно. Завтра должно было состояться торжественное открытие электрической станции, а потому обыкновенная жизнь отошла в сторону.

В самом лучшем и просторном доме деревни, у бывшего церковного старосты, шли обеденные приготовления.

На это нашлись свои специалисты, готовили деревенское пиво, студень и прочие незатейливые блюда крестьянского стола.

Все готовились широко отпраздновать событие и ждали кого-то важного, властительного...

14-го ноября день был праздничный.

---

[1] В Московской губ.

Три часа дня. Все столпившиеся у избы церковного старосты не думали, что Ильич может приехать.

— Я,—рассказывает очевидец Феофанов,—устанавливал аппарат [1], делал приготовления. Вдруг к дому быстро под'езжает закрытый автомобиль, видать, что не из уезда. У всех разные предположения. Ко мне подбегает заведывающий наробразом Синев. Я посмотрел на него и не знал, что с ним делается. Прыгает, что-то хочет сказать и не знает. Радостная улыбка, глаза разбежались. Схватил меня за плечо, крикнув:

— Ильич приехал!

Я побежал в избу со двора, с черного хода: все ходы мне были известны еще накануне открытия. Вбегаю в избу. Струнный городской оркестр играет Интернационал. Рядом с дверью стоит плотный, коренастый Ильич, с первого взгляда как бы строгий, серьезный, а вглядишься—ласковый и добрый,—стоит Ильич с обнаженной головой; в простом меховом пальто и с разорванной галошей на правой ноге, держит в руках свою чухонскую с ушами шапку.

А рядом с ним в ватном старомодном пальто, в белой зимней шапке и с муфтой—Надежда Константиновна.

Струнный оркестр кончил.

Крестьяне подбежали к Ильичу, желая услужить и помочь ему снять шубу.

— Ничего, ничего, я сам разденусь, — сказал Ильич, и в его словах чувствовалась такая твердость, что никто не посмел ему противоречить.

Ильич разделся, оставшись в своем сером поношенном костюме, помог Надежде Константиновне и повесил пальто и шубу на гвоздь тут же возле кровати.

Представлявшимся каждому в ответ на сказанную фамилию Ильич жал руку и отвечал:

— Ульянов-Ленин.

---

[1] Чтобы снять, по случаю открытия станции, крестьян.

Ильича пригласили к деревенскому столу. Он сел лицом к окну, рядом с крестьянами и представителями из Волоколамска.

Остальные старались подойти поближе.

— При встрече с Ильичом мы остолбенели, — вспоминают крестьяне, — нас затрясло от радости. Но за столом мы уже не стеснялись Ильича, полюбили его, как отца родного. Словно долгое время жили вместе.

Ильичу предложили отведать деревенского студня.

Крестьянин Димитрий Родионов на подносе поднес ему и Надежде Константиновне по стакану крестьянского пива.

Ленин спросил:

— А не хмельное?

И когда узнал, что нет, — чокнулся с Родионовым и выпил. Ел Ильич очень мало. От приглашения обедать и от всяких услуг отказался.

— Я как поехал, закусил, да и так я ем очень мало, — говорил он.

За столом Ильич более всего разговаривал с крестьянином Родионовым, который прежде был мелким кустарем и имел небольшую кузницу; говорил Ильич и с другими, все как бы вызывая их на дальнейший разговор и полную откровенность, все время прибавляя, прямо глядя в лицо:

— Ну, а дальше, дальше.

Глаза Ильича серьезные и вместе с тем смеются, с задором.

Словно выпытывают:

— А ну, скажи ка, что?

Родионов не смел подробно рассказывать про свое бывшее имущественное положение.

Кличка „буржуй“, своеобразно понимаемая крестьянами, мешала его откровенности.

Проницательный Ильич заметил это и сказал ему:

— Ну, какой вы капиталист! Разве мы против таких капиталистов боремся?

Темнело.

Пришлось собрать крестьян. Когда фотограф об'явил им, что они сейчас будут сниматься с Ильичом, — вся толпа, стоявшая у избы, бросилась за табуретами, скамейками.

Всем хотелось побыть хоть минуту с Ильичом рядом.

Скоро вся деревня, стар и мал, была в сборе и усаживалась.

Среди кашинских крестьян много было и приезжих.

Через несколько минут Ильич уже сидел среди крестьян, рядом с Надеждой Константиновной.

Ребятишки, сшибая друг друга, все устремились сесть поближе к своему дорогому Ильичу, около его ног.

Много времени ушло на то, чтобы усадить их.

Ильич сам их усаживал, гладил по голове, смеялся.

Заметив, что приготовления и усаживание длятся долго, он сказал шутя фотографу:

— Товарищ, вы у меня ребят не заморозьте.

Феофанов ответил:

— Ничего, Владимир Ильич, они у нас крепкие, выдержат.

И он улыбнулся.

Так с этой дорогой навсегда улыбкой для крестьян деревни Кашино и вышел на карточке.

Кому, как не Ильичу, была известна крепость молодого поколения! В те тяжелые годы у него сильнее всех болело сердце за ребят, но он знал, что они всякие невзгоды выдержат.

Ильич вошел опять в избу, пробыл в ней не более пяти минут и со всеми крестьянами направился к устроенной среди деревни трибуне около столба с натянутыми проводами.

Этот столб и по сию пору цел, и когда крестьяне проходят мимо него, они вспоминают своего дорогого гостя.

На улице Ильича обступили ребятишки, брали его за руки.

Всю дорогу он разговаривал с ними и спрашивал их:

— Как учитесь? Учат ли вас закону божьему?

И смеялся с ними, часто повторяя:

— Вот это будущие коммунисты.

Родионову он сказал:

— Как же вы, тов. Родионов, говорили, что все у вас поизносились. А я вот вижу, крестьяне у вас одеты прилично.

— Старенькое, Владимир Ильич. У кого что было.

По дороге к трибуне крестьянки разговаривали между собой, хлопая себя по подолу:

— А вот говорили, что Ленин—азиат, а он—какой человек-то хороший! Моего мальченку все поближе, поближе к себе усаживал.

— Удивительно!—добавляли крестьяне,—такой человек, а ни кольца золотого, ни цепочки, ни часов золотых... удивительно!

Пришли к месту митинга.

Митинг открыл Дмитрий Родионов приветственными словами.

Во время речи Родионова Ленин стоял среди ребят, потом взошел на трибуну (простой крестьянский стол).

Ильич был виден всем.

Сняв шапку, он начал, поблагодарив за радушный прием:

— Товарищи крестьяне! О значении электричества я скажу в конце, но прежде всего позвольте вас порадовать.

— Только что мною получено известие:

На фронте наши дела идут весьма благополучно.

Врангеля через неделю не будет.

Это мы определенно знаем и подчеркиваем.

(Ильич, покачиваясь, подчеркивал то правой, то левой рукой. Эти движения помогали его словам, простым и продуманным, проникать в самую глубину крестьянского мозга. Не потому ли и теперь кашинские крестьяне многое помнят из сказанного Ильичом почти слово в слово).

Сообщение о благополучных делах на фронте вызвало целую бурю.

Крестьяне закричали долго несмолкавшее „ура!“ и побросали свои самодельные барашковые шапки в воздух.

Смолкли.

Ильич продолжал:

— Мир с Польшей будет. Мы этого добьемся.

Что выгодно помещикам и невыгодно крестьянам, это мы тоже знаем. Нам нужен мир, чтобы залечить наши раны, чтобы приступить к устройству крестьянского хозяйства.

Этого мы не сможем сделать раньше, чем не разделаемся со всеми нашими врагами.

Вы видите, ваша деревня Кашино пускает электричество. Это только одна деревня. Но нам важно, чтобы вся страна была залита светом.

Советское правительство разрабатывает сейчас проект электрификации. Электричество будет нам обрабатывать и удобрять землю, будет возить нас.

Опять „ура“, кидание шапок, Интернационал.

Ильич был очень тронут этим отношением к нему крестьян и взошел вторично на трибуну.

— Мы с вами теперь познакомились. Я приеду к вам как-нибудь летом, поживу у вас подольше.

„Тут у нас все ладони переколотили, — рассказывает Родионов,—никто до того не предполагал, чтобы глава правительства, сам Ленин—был таким простым и отзывчивым, словно мы его много годов слышали, много годов вместе жили“.

Речь Ильича была продуманная, с жаром, но короткая. Он торопился в Москву на какое-то заседание и с трудом согласился проехать в село Ярополец.

У автомобиля Ильич просил некоторых приехать к нему в Кремль, просил привезти фотографические карточки и, распрощавшись, уехал.

Автомобиль тронулся быстро...

(С. Ленинградский—Ленин среди крестьян деревни Кашино, изд. 1924 г.)

17-го[1], в час дня, отправились в чеченский аул Урус-Мартан.

Перед аулом была почетная встреча из стариков с хлебом-солью, человек 200.

Урус-Мартан—огромное селение. Митинг был на торговой площади в центре аула, на которой происходят базары. Это единственное место, где окна выходят на улицу, все остальные дома либо стоят задом, либо уходят далеко в сад или во двор.

По обыкновению митинг начался с выступления местных жителей.

Для иллюстрации высказанных мыслей, привожу речь Бисултан-Оглы:

„Когда обращались к пророку Магомету и говорили, что условия жизни слишком тяжелы, что лучше умереть, а не жить, то пророк отвечал, что если власть судит справедливо, то нужно жить, а если власть не знает и не интересуется вашими нуждами, тогда лучше умереть. Этот пример я привожу для того, чтобы представители центральной власти вошли в положение чеченцев и, если есть возможность, улучшили это положение. Прежде всего уравнять чеченцев в земельном отношении с казаками, которые пользуются самыми лучшими землями, и затем от имени всего чеченского населения прошу оставить в силе шариатские суды, которые были первоначально дарованы Советской властью“.

Целый ряд выступающих ораторов останавливался, главным образом, на политических моментах, и, как общая характерная черта, выступающие, очевидно, все были из зажиточного слоя крестьянства; это было заметно как по форме речей, так и по внешнему виду.

Почти все были в хороших черкесках, интеллигентные лица. Беднота совершенно не выступала, а, между тем,

---

[1]) 17 мая 1923 г.; рассказ ведется от лица Председателя ВЦИК'а СССР тов. М. И. Калинина.

окружающая толпа была социально довольно разнообразна. В передних рядах было поставлено десятка два стульев, где сидели почетные старики и муллы. В соответствии со всем этим я построил свою речь:

„Товарищи, я очень жалею, что не могу говорить на родном языке здесь присутствующих, ибо в переводе некоторые слова теряют смысл, и, пожалуй, вам трудно будет понять, что я хочу выразить. Мне кажется, насколько меня не обманывает правильность глаза, а я изъездил всю Советскую территорию, нигде нет столько бедноты, как здесь. Наша власть есть власть бедноты, поэтому она особенно чутко относится к нуждам бедных горских жителей. Один из выступавших здесь товарищей сослался на пророка Магомета и сказал, что если власть обращается хорошо, то и бедному человеку не надо умирать,—ему можно жить. Я к этому добавляю: а власть, всякая власть только тогда будет обращаться хорошо, когда беднота будет напоминать ей о своих нуждах, будет указывать на те или иные несправедливости. Все люди родятся хорошими, и только потом в жизни они портятся; люди привыкают, чтобы им кланялись, чтобы им делали подачки, и от этого постепенно самый хороший человек делается дурным; поэтому, если беднота хочет хорошую власть, она должна смело указывать на все ошибки. Находясь в Москве, мы имеем только письменные доклады чеченской власти; вот я и приехал сюда услышать мнение самого народа об этой власти. Должен сказать, что ваша власть пока очень хорошая власть, но если беднота не будет внимательно следить за этой властью, то она может испортиться. Здесь, вдали от центра, где целые столетия не было порядочной, честной власти, здесь на людей, в особенности на бедноту, смотрели буквально как на скот. Советская власть—это власть простых людей. Я являюсь представителем этой власти, в то же время являюсь рабочим и крестьянином, поэтому любой бедняк, любой середняк может самым простым языком заявить здесь

свои обиды. Эти обиды мне будут понятны. Может быть я ошибаюсь, но здесь как будто бедноты-то на трибуне я и не встретил. Я вот вижу бедняков, стоящих кругом, и удивляюсь, почему из них никто не выходит на трибуну свидетельствовать о своей бедноте и о своих несчастьях".

Голос из толпы:

„Кто был в окопах и дрался за Советскую власть, тот теперь у нас не у власти".

Я немножко злоупотреблю и приведу еще отрывок из своей речи:

„Вы высказали претензии Советской власти, теперь я выскажу претензии, которые имеет Советская власть к чеченскому народу. Я был у ингушей, у осетин, в Дагестанской республике, в Карачае, посетил здешнюю казачью станицу Петропавловскую, и все повсюду жалуются на чеченцев, что чеченцы их грабят, что чеченцы убивают. Мне хотелось бы знать, правильны эти жалобы или нет. Мы по дороге встретили обоз горцев, который за десятки верст ехал продать свои горшки, чтобы купить кукурузу. Купили, а чеченцы по дороге отняли. Я считаю, что это совершенно недопустимое явление, в особенности в среде бедных горских народов".

Ата-Шантукаев:

„В ответ на заявление тов. Калинина о том, что ему жаловались ингуши, казаки, жители Карачаевской и Дагестанской областей, на то, что чеченцы не дают жить, что чеченцы занимаются воровством и грабежами, что чеченцы беспокоят другие национальности, я, как представитель здешнего общества, заявляю следующее: при царском режиме чеченцы занимались воровством и бандитизмом, потому что Николай II сдавил чеченцев в такие тиски, что они не могли приобретать никаких благ. Чтобы как-нибудь получать средства к существованию, им приходилось прибегать к бандитизму.

Советская власть дала чеченскому народу автономию, она же должна предоставить и возможности, чтобы народ мог не воровать, а зарабатывать насущный кусок хлеба. Но Советская власть не сумела создать такой обстановки, чтобы люди могли жить, не нуждаясь. Материальное благосостояние будет лучшим способом для того, чтобы ликвидировать бандитизм и воровство".

Тов. Калинин:

„Должен открыто сказать, что речь тов. Шантукаева проникнута полным лицемерием. Разве жить трудно только одному чеченскому народу? Всем жить трудно, на всех наложены тяжелые налоги, и сама Республика наша бедна, однако ведь не все воруют и бандитствуют, ибо воровство не увеличивает, а разрушает благосостояние народа, в том числе и вашего"...

Перед самым от'ездом из аула ко мне подошли два красивых, здоровых чеченца и обратились с просьбой: они до сих пор скрываются, разыскиваемые местными властями. После короткого совещания с местными товарищами от имени президиума я им разрешил остаться на местах, взяв с них слово, что они не будут больше делать преступлений. Все окружающие в один голос подтвердили, что они не нарушат это слово.

(М. И. Калинин—„Мои впечатления, изд. 1924 г.").

Через час—крестьянский сход. Сельский сход собрался в Никольском[1] в небывалом количестве: прослышали о приехавших из центра. Поражало крестьян количество—14 человек из центра не видало еще село за все время революции. Первое подозрение о каком-нибудь новом финансовом или продовольственном налоге, связанном с нашим

[1] Село Никольское—Курской губ.; дело происходило в начале 1923 г.

приезд [illegible], не оправдывалось нашим количеством: налоги теперь [illegible] являют одиночки, а тут 14 человек.

Доложили сходу, что Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет желает узнать крестьянские нужды и помочь крестьянам, что с этой целью мы изучим восемьсот крестьянских дворов и просим крестьян давать все ответы добросовестно и честно. Никаких налогов на них не наложим; все материалы прямо отвезем в Москву. Слушали нас молчаливо, серьезно и не чересчур доверчиво.

После наших речей, несмотря на все просьбы задавать вопросы,—вопросов не задавали. Продолжали смотреть все с той же хмурой недоверчивостью, явно подозревая в нас какой-то новый коммунистический фокус. Молчанье прервал один из крестьян вопросом о том, нельзя ли вернуть обществу землю, которая отведена несколько месяцев назад под сахарный завод. После министерского ответа заведывающего губземотделом на вопрос о земле под сахарные заводы собрание было закрыто.

Собственно, сход начался после закрытия, когда крестьяне начали опрос о действительных целях приезда... К вечеру, когда несколько крестьян было опрошено, и по всему селу и далее разнесся слух, что мы спокойно и деловито узнаем у каждого крестьянина о состоянии его хозяйства, интересуемся всеми его нуждами, не топаем на него ногами и платим за с'еденное—недоверие стало сглаживаться, а через день и совсем исчезло.

(Я. Яковлев—„Деревня, как она есть“, изд. 1923 г.).

Дворянские последыши в своих „гнездах“.

Помещики, которые не выехали, все живут без особых притеснений и приспособляются, как могут. Живут своим замкнутым миром, не возбуждая к себе интереса и не имея никакого общения с окружающим. Нам приходилось слы-

шать о них только случайно, при встречах с их близкими соседями, иначе мы бы и не подозревали, что где-то рядом есть так называемый „культурный элемент". Нам пришлось слышать о них, а потом заходить в их усадьбы и видеть их жизнь. Особенно заинтересовали нас рассказы об одном поместье. Рассказывал крестьянин, молодой, который живет на купленной когда-то у них земле: „Живут, как свиньи, пол грязный, никогда не моется. Ничего не умеют, голодают. Ободранные. Только студент у них работает, когда летом приезжает, а остальные ничего сделать не могут, не умеют, да еще вот работает зять. А отец—инженер—сам пашет, а сам голову платочком повяжет. Спрашиваешь: „Что же это вы, NN, голову подвязали?—А мне, говорит, жарко. Это я от солнца... А барышня коров доит, все убирает".

Нас очень заинтересовал этот рассказ, и мы решили сделать крюк и пойти туда посмотреть. Тем более, что нас приглашали остановиться там в деревне.

Деревня состояла из нескольких домов: 3 семьи когда-то купили это место, к ним господа присоединили двух дворовых, и создался поселок. Барский дом прилегал непосредственно к крайней избе,—ворота к воротам. С вечера еще мы наслышались о помещиках. Хозяин избы Артемий, по прозвищу Сладкий, молодой чахоточный, бывший матрос, рассказывал об их неприспособленности: „Все развалилось. Я говорю: дайте, я вам починю, разберу этот амбар,—ведь он вам все равно не нужен,—крыльцо исправлю, все налажу, а остальной лес сам возьму. Жалко им, не хотят, опасаются, не доверяют".

Мы не знали, под каким бы предлогом туда зайти, но нам посчастливилось. Скоро пришли студент и барышня, студент уезжал в университет, очень был озабочен, чтобы попасть на поезд,—пришел за чем-то ему нужным, а барышня пришла сменять 3 фунта муки на хлеб. В руках у нее безнадежно висел мешочек. „Может быть, у вас есть кто-нибудь, кто бы сено помог сложить?" Никто не нахо-

дился. Мы решили воспользоваться случаем, и один из нас предложил свои услуги. Она пригласила нас к себе. Грязное платье, кофта только запахнута и заколотый булавками фартук, на голове какая-то тряпка, очень интересное выразительное лицо. „Так вы приходите"... Через полчаса мы пошли. Нас уже ждали. Видимо, специально приводили себя в порядок. Хозяйка дома утыкала платье (пуговиц не было, все как-то держалось на булавках). Вышла молодая, изящная женщина с грязным ребенком на руках. Здесь же был ее второй взрослый мальчик, видимо ждала еще и третьего. Нам обрадовались—свежим людям рады. Извинялись за беспорядок. Вид был действительно ужасный: разбросанная посуда, непроглядно грязный самовар, стол без скатерти, какой-то ужасный кофе, который нас заставляли выпить, а главное грязь неимоверная, на полу прямо кочки. Вернулась мать студента (проводила сына на пароход), заходила к соседям. В руках у нее была французская книга... Было как-то странно видеть, что эти люди среди этой грязи находят еще время читать французские романы! Пока молодежь метала сено и набивала амбар, который все равно протекал, и сено в нем прогнивало, подошел хозяин: бывший военный, он решил в советское время поступить в Технологический, но со 2-го курса вышел, потому что жить в Ленинграде было не на что, и в воспоминание осталась за ним кличка „инженер". Оптимист, видимо, непоколебимый, ни при каких условиях не унывает. Большая лысина, хороший цвет лица, блестящие живые глаза,—духом не падает. Голодают все, видимо, отчаянно. Сделался он учителем, каждый день 20 верст ходил в школу через озеро туда и назад в мороз, в коротенькой курточке, с обмотками на ногах, но здоровье, видимо, бычье—выдержал.

Мы провели там весь вечер. Был чай и картофель. Нам дали 2 тарелки, другие ели со сковороды. Откуда-то была принесена мятая скатерть. Ее постлали на стол и усердно расправляли руками. Хотелось, чтобы все было при-

лично... Тот же грязный самовар, сахару не было („уже давно отвыкли"). Предлагали усиленно ночевать. Но мы не согласились. Взяли с нас слово, что завтра—проходом—мы зайдем проститься. Там мы познакомились с девочкой из другого соседнего имения, она пригласила нас тоже зайти.

На другой день мы зашли, проходом. Нас ждали с кофе, но мы отказались. Зашел разговор о крестьянах, посыпались жалобы на то, что те все у них вытянули. Каждое действие надо оплатить, только и смотрят, что можно стащить. „Предлагает нам строения починить этот самый матрос, а остальное—ему пойдет. Кабы невыгодно было—небось, не предлагал бы". Видимо сами не особенно понимают, выгодно ли или невыгодно, но уж раз „Артемий-сладчайший" предлагает, значит дело не спроста, какой нибудь подвох...

Было как-то обидно за людей, и видно было, что это все „от себя", от своего безделья. Постройка ветхая, окна плохие, стены тонкие, зимой, видимо, страшно холодно. Девочка мечтает поехать в Москву учиться; уже 16 лет, а она плохо считает, ничему не училась,—некогда. В глазах природный ум. Смотрит на нас с завистью, что мы учимся.

Проходя на другой день мимо второй усадьбы, мы решили не заходить: было поздно, и нас ждал впереди спутник. Решили только вызвать девочку, чтобы она нас проводила. Но нас затащили пить чай. Вошли. Большой барский дом, хорошо налаженный, все крепко, на месте. В столовой чистота, стол покрыт белой скатертью, чисто одетая хозяйка с высокой прической, степенный генерал в ослепительно белом кителе, сестра хозяйки в свободном, но хорошо прилаженном платье. Мы остолбенели, нам показалось, что мы вошли в ленинградскую гостиную. Появился самовар, все блестело, чай хоть из моркови и ржаной пирог, но с яблоками, с тонкой-тонкой корочкой,—маленькие салфеточки, тарелочки, ножички. Было два мира—

вчерашний и сегодняшний. Мы недоумевали, как могли так приладиться люди и „поддерживать себя на высоте“. Оказалось, что вся семья содержится сыном: 17-летний мальчик, великан, сильный, рослый, сам пашет уже 4 года, и за его спиной идет все хозяйство. Отец, мать, старая тетка и воспитанница живут на эту работу и ведут домашнее хозяйство. Теперь он поступил в сельско-хозяйственный институт, получил от волсовета удостоверение, что хозяйствовал уже несколько лет, и полон веры в будущее. Очень любит сельское хозяйство и думает вести его сам. Мы потом его видели,—громадный юноша, смотрит значительно старше своих лет.

Тут произошел маленький курьез: наш спутник, проходя накануне, увидел старичка, который пас коров, подошел к нему и предложил покурить: „Покурим, что ли! чьих коров вы пасете?“. Он никак не мог подумать, что это—генерал, и что он пасет своих коров. Потом нам рассказывали, что генерал передавал это приключение в комических тонах!..[1].

(Очерк Н. Бернардовой.—„Что мы видели“; сборн. „Старый и новый быт“, под ред. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

Бывшая усадьба барыни Марии Ливинской в деревне Копытной и теперь именуется „барский двор“, по привычке; но смысл свой эти слова потеряли. Ворот нет. От них остался только один столб: половину их украли как-то ночью, прошлой зимой, а на следующую ночь хозяин сам унес вторую половину: „По крайней мере я сам воспользовался, а то все равно украли бы“. Через „барский двор“ ходят и в будни, чтобы сократить дорогу на поле, и в праздник нарядная толпа девушек и парней с громкими

[1] Картинки зарисованы на территории Новгородской губернии в 1923 году.

песнями проходит гулять в рощу прямо мимо „барских окон“.

Население „барского дома“ состоит в настоящее время из троих взрослых и троих детей: „барыни“, ее сына и крестьянки с тремя детьми. Но население это резко разграничено на две, очень отличные друг от друга, части: на „кухню“ и „комнаты“. „Барыня“ с сыном составляют население „комнат“, а Авдотья с тремя ребятами—население „кухни“. Авдотья живет в доме с 18 года; ее вселил комитет, так как нашел, что по числу комнат в доме слишком мало жильцов.

Авдотью „господа“ неоднократно старались выселить, но это им не удалось. Тем не менее, на третий день моего пребывания в Копытной я узнала, что младшая дочь Авдотьи, Вера, которой сейчас два года, прижита ею от Сергея Васильевича. С первого взгляда может показаться, что Авдотья—работница в доме Марии Николаевны. Она моет и убирает посуду после обеда, ходит за коровой и поросенком, но за все это она, разумеется, ничего не получает, так как хозяйка считает, что достаточно уже того, что она живет, не платя за помещение. Не мало воркотни и негодования возбудила Авдотья тем, что купила себе на деньги, присланные старшим сыном из Москвы, собственного другого поросенка. Особенно пугало барыню то, что теперь Авдотья будет „обижать“ ее свинью и отдавать все помои своему поросенку. Уборку хлеба тоже производит Авдотья и на своем поле и на „господском“. В этом году она вязала снопы три дня, с рассвета до ночи. Положение Авдотьи в некоторых случаях весьма несообразное. Так, хотя она ходит за коровой и доит и поит ее и вообще работает целыми днями, не покладая рук, она не имеет права взять себе молока. Вполне естественно, что она делает это тайком от Марии Николаевны. Она сама говорит: „Да что ж я в самом деле дура, что ли? Работаешь, работаешь и чтоб молока не попробовать? Пусть барыня смотрит за мной, как

бы я не украла чего,—не углядит! Подою корову и в сарае кувшинчик себе и оставлю, а вечером схожу и возьму". Авдотье 40 лет, но на вид ей можно дать и больше. Лицо у нее морщинистое, сухое, губы тонкие, глаза веселые, хитрые. До 18 года она жила в деревне, была замужем и имела от мужа четырех детей, из которых сейчас живы двое: Фенька, живущая с ней, Веркина нянька, и Максимка, 19 лет, который служит в Москве. О Митьке, втором, живущем с ней, сыне 8 лет, Авдотья говорит, махнув рукой и отвернувшись в сторону: „бог его знает, чей он? Общий!" На вопрос о своих отношениях с мужем и почему она ушла от него, Авдотья отвечает: „Мы с ним не ругались, до конца хорошо жили, только как брат с сестрой; больной он стал, ну, я и ушла"...

Мария Николаевна не разговорчива, но иногда, вечером, когда „длинный день покончил ряд забот", разговорится. В большинстве случаев в этих рассказах она сама является центром, а иногда начнет вспоминать, какие и сколько сортов у нее „прежде" бывало роз, где они росли, в какие вазы она их любила расставлять... То сколько кошек было тогда-то, или какую-нибудь любимую кошку вспомнит и может о ней часа два рассказывать самые трогательные истории и об ее уме, и о любви к ней, Марии Николаевне, и т. п. А о людях, кроме Сережи, никогда ни полслова, даже о самых близких. Встает Мария Николаевна в час дня, а то и позже. Утренний чай пьет во втором часу. После чая начинается бесконечное хождение по дому, из кухни в комнаты и назад—она сама варит обед. Время от времени, когда ей уж очень надоест возиться, она передает и варку обеда Авдотье. Но Авдотьина варка длится недолго. Дня через два, через три Мария Николаевна начинает кричать, что Авдотья слишком много крадет, и скрепя сердце опять берется за ненавистные кастрюли. Из других хозяйственных забот, кроме варки обеда, Мария Николаевна сама ходит за курами и никому не доверяет даже выпустить их утром

во двор, бедные куры терпеливо сидят взаперти до часу дня! Кур порядочно, штук двадцать, но яиц очень мало, куры не несутся в гнездах; а потом, зачастую, в малиннике находят несколько скорлупок—остаток завтрака своих и соседних котов. Кошки—страсть Марии Николаевны. Их у нее всегда в доме целая куча и прежде и теперь. Когда я приехала, то в доме было 7 котов, 2 кошки с котятами. Котят обыкновенно охотно разбирают в деревню, но прежде чем отдать котенка, Мария Николаевна подвергает бабу получасовой исповеди, расспрашивает ее обо всей ее семье, о том, любит ли она животных, не будет ли муж бить котенка, хватит ли молока, будет ли она заботиться о котенке и т. д., и в конце концов берет обещание, что в случае чего, если котенок „заболеет“ или просто „заскучает“, то чтоб его опять вернули ей обратно. С кошками она разговаривает, отводит душу в длинные зимние вечера. Кошкам у нее живется отлично, они полные хозяева в доме, лазят по столам и кроватям. Ложится Мария Николаевна очень поздно, часа в 2—3 ночи. Минувшей зимой, когда не было у них керосину, она сидела с ночником, даже с лучиной, а все-таки нрав свой соблюдала и спать ложилась, как прежде, в 2—3 часа.

Перед сном совершается обход дома: впереди идет Мария Николаевна с лампой. Следом за ней идут кошки, и Сережа замыкает шествие. Прежде всего отправляются в кладовую и отвешивают и отсыпают провизии на завтрашний день. Потом проверяют все запоры на окнах и дверях, и после того жизнь в доме, наконец, замирает...

Революция в Копытной, как и во всем уезде, прошла сравнительно мирно: помещичьего дома не грабили вовсе. Даже рояль остался, хотя сейчас на нем и играть-то, собственно говоря, некому. Но Сергей Васильевич с удовольствием, даже с гордостью, рассказывает, как он развинтил какие-то винтики, и клавиатура перестала играть. Когда пришли за роялем, то он спокойно сказал: „Пожалуйста,

берите. Он все равно испорчен, не играет", и рояль остался, а винтики так до сих пор обратно и не ввинчены... С материальной стороны Ливинские живут тем, что Сергею Васильевичу удалось взять усадьбу и сад в аренду на 10 лет с тем условием, что если он будет содержать хозяйство в порядке и ремонтировать здания, то ему будет предоставлено право продлить срок аренды. Аренда усадьбы—бесплатная, но здания должны быть все застрахованы. Размер платы за страховку в прошлом 1922 году был очень невелик, что-то около 2—3 миллионов рублей. На 1923 год размер ее сильно возрос, он стал 24 миллиарда, а в июле месяце это были еще порядочные деньги. За фруктовый сад была установлена такая плата: первый год—ничего. Следующие 3 года—по 5 пудов яблок с десятины, вторые 3 года—10 пудов с десятины и, наконец, последние 3 года—15 пудов с десятины. Можно вносить рыночную стоимость указанного количества яблок в момент уплаты. Но в августе 1923 года вышло новое распоряжение, что сады меньше 3 десятин не платят ничего, а у Марии Николаевны фруктовый сад занимает всего 2 десятины. Земли у Ливинских до революции было около 170 десятин. Ее, разумеется, отобрали и дали им наделы на ряду с крестьянами, по 3 десятины на едока. Свои наделы обрабатывают Сергей Васильевич с Авдотьей, иногда принимая помощь, чаще всего не за деньги, а за то, что они, в свою очередь, помогут тому, кто помог им самим. Но Сергей Васильевич по душе абсолютно не хозяин. Он работает ровно столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голоду, но работа эта ему в тягость.

„Цель моей жизни сейчас,—говорит он,—как можно меньше отступать от сложившихся привычек; вот привык я ложиться в 2 часа—и буду все делать, чтобы не отступать от этого. Я бы сейчас с наслаждением так сделал: бросил бы всякую работу, жил бы в свое удовольствие, а чтобы с голоду не пропасть, обдирал бы сам себя помаленьку.

Вот сначала содрал бы линолеум с полов и продал бы. Потом печи бы разобрал и тоже продал. Затем рамы оконные и т. д., а когда уже дойду до точки, что называется, уже нечего больше обдирать будет, тогда и жить незачем. Пущу себе пулю в лоб и конец".

Сад содержится в страшном запустении—так, на волю божию. Малина вся густо заросла крапивой и репейником, которые Сергей Васильевич все собирается выкосить, но с 20 июня по 20 августа так и не удосужился привести этот план в исполнение. Воруют яблоки отчаянно,—в особенности ребята, но зачастую и взрослые бабы.

Очень плохо обстоит в Копытной вопрос с топливом. Лесов поблизости совсем нет, а те небольшие рощицы и перелески, какие были около имения, за последние годы совсем повырублены. При Копытной тоже есть осиновая рощица, бывшая господская. Порубка очень преследуется, так как все рощи национализированы, но, несмотря на это, рощи не перестают сильно редеть. У Сергея Васильевича дровяного запаса совсем нет. Когда дрова подходят к концу, Авдотья заявляет об этом обычно ему. Тогда, выбрав удобную минуту, обыкновенно вечером, когда уже темнеет, он идет в рощу „сам у себя дрова воровать"—как он говорит. Выбрав там осинку потолще, он ее рубит и тащит во двор. Так и живут, „от осинки до осинки". И несмотря на это, летом, при мне, в июле месяце, плита в кухне зачастую топилась от 7 час. утра до 9 час. вечера без перерыва. Утром Авдотья готовит себе завтрак рано, часов в 6—7. Позавтракав, сразу же варит и обед к 12 часам. Только она его сготовит, встает Мария Николаевна, варит кофе, печет оладьи, а там и она сама за обед принимается, который редко появляется на столе раньше 6 час. вечера. А там, смотришь, Авдотье ужин варить пора.

Уже третий год говорит Сергей Васильевич о том, что надо сложить русскую печку, которая несомненно выгоднее, так как, не говоря уже о том, что и тепла будет больше,

но и еда, приготовленная утром, оставалась бы горячей до вечера. Но планы эти так и остаются только на словах. На зиму дровяных перспектив никаких нет: „так вот и буду по осинке таскать" говорит Сергей Васильевич. А вот еще картинка. Сергей Васильевич взял в аренду не все здания, бывшие в усадьбе. От одного сарая и бывшей людской он отказался, так что они принадлежат земельному отделу. А людская крыта железом, которое сейчас в цене. И вот Сергей Васильевич решил стащить оттуда железо. Для этого надо было дождаться ночи потемнее, чтоб никто не увидел, так как деревня близко. И вот, наконец, наступила как раз подходящая ночь. Ветер отчаянный, с вьюгой такой, что в двух шагах ничего не видно. Сергей Васильевич решил, что более подходящего времени не найти. Он взял топор и отправился на работу. Задача была нелегкая, так как было 25° морозу. „Всякий раз, как железо заскрипит или стукнет, так у меня дух захватит: а вдруг услышат? Ну да ветер и вьюга сослужили мне свою службу, снегом все следы замело и на утро ничего не было заметно, все обошлось как нельзя более благополучно, и железо я очень удачно продал в Епифани на базаре".

День Сергея Васильевича располагается довольно оригинально. Утром его будит Авдотья, так как всегда есть дела по хозяйству, часов в 7—8. Встает он нехотя, медленно, часто ей приходится раза 2, 3, а то и больше повторять свои побудки, а иногда так и не добудится, и он спит часов до 12. Если ей, однако, удастся его поднять, то, встав, он идет в кухню и завтракает с Авдотьей, потом отправляется на работу. Вернется часов в 12, пообедает с Авдотьей,—только кончил, глядишь, мамаша встала, надо с ней кофе попить. А Марья Николаевна кофе пьет медленно, не торопясь, того и гляди часа полтора без дела и просидишь за столом. А безделье заветная мечта Сергея Васильевича. Всякая работа—скучная необходимость. Часов в 6—7 обед с мамашей, и хотя после него Сергея Василье-

вича здорово ко сну клонит, но он не ложится раньше, чем мать, раньше, чем они вдвоем совершат обряд „вечернего чаепития“ во втором часу ночи.

В Копытной прежде была хорошая библиотека русских классиков, но она пораспродана. Из более новых изданий я нашла только: „Ниву“ за 1914 г. и приложения к ней, Мопассана, Франсуа Коппэ, Поля Бурже. Нашла как-то газету—посмотрела дату—апрель 1917 г.—более поздние мне не попадались.

Отношения между Сергеем Васильевичем и Авдотьей хорошие, но Авдотья безусловно является „главой семьи“, и Сергей Васильевич повинуется ей во всех хозяйственных делах беспрекословно. В духовном отношении они, разумеется, говорят на разных языках и общего у них решительно ничего нет. Но все же иногда в сумерки они с Авдотьей вместе исчезают из дому, хотя и с разных крылец и вместе же появляются, тоже с разных—она с „черного“, а он „с парадного“.

К дочке своей Сергей Васильевич относится в высшей степени странно. Он ее любит, ласкает; когда едет в поле на работу, часто берет ее с собой на воз. Когда Верка уже очень надоедает Авдотье в кухне, она открывает дверь в комнаты и говорит: „Иди к папе, папа тебе конфетку даст!“ И вот слышно, как стучат по коридору крепенькие босые ножонки. Подойдя к двери Сергея Васильевича, Верка сначала тихонько, а потом смелее говорит: „Папа, цу-цу!“ (чмокает губами), что на ее языке значит: конфетка. Сергей Васильевич достает из шкапа леденцов, дает Верке один в рот и несколько в ручонку. Если она более или менее чистенькая—поцелует, а если, как это часто случается, у нее вся мордашка вымазана сажей, то говорит: „Иди к маме и скажи, чтоб она тебя вымыла, иди, иди!“ И Верка совершает обратное путешествие в кухню. Вся забота о Верке у Сергея Васильевича заключается в леденцах, а все дальнейшее его будто совершенно не касается.

Спит Верка в кухне в грязных тряпках с клопами в люльке, которая так отчаянно скрипит, что на весь дом слышно, когда Верка ночью проснется и ее Фенька укачивает. А Сергей Васильевич спит у себя в комнате на пружинной кровати, на другом конце дома... Среди лета Верка вдруг стала плохо спать ночью—совсем извела и Авдотью и Феньку. Сергей Васильевич и пальцем не шевельнул, чтобы добиться причины ее ночного плача. Авдотья решила понести ее лечить к бабке Ефросинье, и вот каждый вечер Фенька таскает Верку через всю деревню к бабке, и та ей „крик заговаривает". А Сергей Васильевич будто и не знает ничего этого. В конце концов она перестала кричать, по словам Авдотьи, от заговора, а на деле просто оттого, что ее из холодного чулана перенесли на ночь в теплую кухню,— мерзла девочка.

Однажды в разговоре с Сергеем Васильевичем я заметила, что жаль Верки, когда она вырастет, попадет в такое грубое общество, как Фенька, Митька и другие их приятели, которые из всех здешних ребят, тоже далеко не шлифованных, выделяются своей резкостью, какой-то прямо не детской грубостью. Меня они первое время прямо поражали запасом и изощренностью своих ругательств. Фенька, Веркина нянька, 14 лет, поскольку можно сейчас судить, очень неприятная девчонка—лживая, ленивая и невероятная сплетница,—патэ-журнал—„все вижу, все знаю!"—всей деревни. И для Верки особенно светлых перспектив не предвидится. „Вот, говорю я, и Верка будет скоро так же ругаться, такой же сплетницей выйдет... Будет тут, в Копытной, киснуть, а там замуж выйдет—и конец!" И Сергей Васильевич согласился со мной.

„Да, конечно,—говорит,—первыми словами, которым Верка научится, будут „чорт!", „домовой!", „пралик!" (паралич, ругательство: „Паралич тебя возьми!") и т. п.

И говорится это совершенно спокойно, словно так и быть должно, и будто он тут ничего не хочет и не может изменить.

Так и живет Копытная своей одинокой, отрезанной от всего мира, скучной, беспросветной жизнью, где всякий труд является тяжелой необходимостью, ровно, спокойно, как-то безболезненно тупо, как безнадежный больной, к которому врач и сиделка считают излишним заходить и который нудно и тоскливо дожидается своей кончины, чтобы уступить место другому, не умирающему, а выздоравливающему, полному надежд, сил и энергии.

Однажды мне пришлось посетить соседей Копытной, тоже помещиков, Малявских. Остались и они после революции на старом месте, как и Ливинские, и также заарендовали и сад и усадьбу. Зашла я к ним в разгар полевых работ. Хозяина не было дома, а мадам Малявскую я застала в кухне. Думаю, что такой грязи, развала ни в одной курной избе не найти! „Вы меня извините, что я вас в кухне принимаю, у нас тут грязно, но я никогда не убирала кухни, всегда прислуги были, и теперь не убираю, и не умею, и не буду убирать. И не буду, и не буду!"... крикнула хозяйка с гордостью и как бы с угрозой. Семья у Малявских не очень большая: он сам с женой и трое детей. Старшей дочери 15 лет, потом сыну 12 лет и младшей дочери 3 года. Самому Малявскому лет 40—42. Выглядит он постарше своих лет, но все же еще очень бодрый. Бывший офицер царской армии, монархист. На революцию и на современное положение России смотрит весьма мрачно. Самые его любимые разговоры о том, как прежде было хорошо и как теперь плохо. Все, что является чем-нибудь новым, он ругает огулом, даже не разобрав, в чем дело. Все его разговоры можно бы озаглавить: „Вот до чего мы дожили". Он любит как-то рисоваться тем, что он ходит рваный, что в кухне грязь: „Вот как нас заставили опуститься!"

Малявский так же, как и Ливинские, ушел в мелочи своей личной жизни, и внешний мир для него не суще-

ствует. Живут они исключительно имением. С работой справляются своими силами, главным образом, отец со старшей дочерью. В этом году даже для уборки сена никого не нанимали, все сделала 15-летняя Маша с отцом и братом. Мать моложе отца, ей лет 35. Ходит она обыкновенно растрепанная, неопрятная, в рваной стоптанной обуви, но... в ушах брильянтовые серьги, а на руках, черных от грязи и огрубевших от работы, тоже блестят кольца. Вместо блузки, из-под передника торчит нагромождение из кружев—„остатки прежнего величия". Она занимается исключительно домашним хозяйством, т.-е., в сущности говоря, стряпней. Коров доит ее муж, так как мадам Малявская панически боится коров, боится даже зайти в тот сарай, где стоит корова. Весь двор зарос травой, и посредине одиноко торчит фонарный столб с разбитым и покосившимся фонарем, напоминающим о „добром старом времени", а к нему привязан пасущийся тут же на дворе-лугу теленок. Дом большой, нелепый, неудобный. Большая терраса выходит в сад, когда-то, вероятно, аккуратно расчищенный и богатый разнообразными сортами цветов, а теперь весь заросший травой. Только небольшие бугорки напоминают о бывших клумбах. За террасой—большая комната, полутемная, так как освещается только дверью и окном, выходящим на террасу. Обстановка в „стиле модерн", почти роскошная. Диван, трюмо, ковры, буфет с хрусталем. Мадам Малявская довольно разговорчива, и когда начнет говорить, то остановится не скоро. Сначала вспомнит свои прежние туалеты, не преминет упомянуть, что она носила только „de la dentelle vraie" (настоящие кружева), душилась только духами „loriguant Cotty" и т. д. Потом станет жаловаться, как трудно без прислуги: „Особенно устаешь от этой беготни из кухни в столовую и назад! Только сядешь, с'ешь суп, собирай тарелки и беги в кухню, неси второе. А после обеда это мытье посуды". Первое и второе едят на разных тарелках; в будничной, повседневной рабочей жизни „все

„трапезы“ происходят в столовой, на покрытом скатертью столе. Молоко подается на стол не в глиняных кринках, а в фарфоровом молочнике... Еще бы тут немного было возни с грязной посудой!

В прошлом году Малявские решили заняться кролиководством. Купили пару кроликов у учительницы Анны Владимировны, которая с 1918 года успешно занимается этим делом. „А знаете, ведь мы решили кроликов уничтожить!“ — заявила мне вдруг мадам Малявская.—Муж говорит: „Они несчастье приносят, и, правда, мы замечали! Вот недавно: пропал Боричкин любимый петух. Нет и нет нигде. Искали уж мы его, искали, а потом нашли в старом колодце мертвым!“ На мой удивленный вопрос, при чем тут, собственно говоря, кролики, она с уверенностью отвечает: „Несчастье в дом приносят!“ А то еще: „Корова пропала. Два дня искали, думали уж не найти. Ну, да потом нашлась. Она ушла в лес и там отелилась. Там и нашли и ее и теленочка. И чего ей в лес уходить телиться было — это все от кроликов!“ ...

В 2-х верстах от Копытной, в северо-восточном направлении, можно встретить дикарей, живущих на деревьях и ходящих безо всякой одежды. Так меня об этом и предупредила учительница Анна Владимировна: „Не удивляйтесь, если вы на деревьях обезьян или дикарей увидите, и не пугайтесь: — это дети моего брата, Андрея Владимировича. Андрей и Анна Владимировна — родные дети Владимира Ивановича Токарева. У него, кроме образцового имения „Липки“, с пчелами и прочим, было еще и второе имение „Ясное“, которое после его смерти и перешло к его сыну. В „Ясном“ была при усадьбе школа пчеловодства, но существовала она всего 2 года, в 1911—1912 г.г. В 1913 году „барский дом“ сгорел. Теперь между липами видна только площадка, на которой он стоял. В сущности, от прежнего

„Ясного“ остался один фруктовый сад. Андрей Владимирович Токарев,—человек в высшей степени оригинальный. Бывший гвардейский офицер, в 1917 году он был интендантским комиссаром, и на его доме и до сих пор красуется облезлый остаток вывески: „...мис.....“. В 1919 году он сделался... священником. Теперь уже и эта роль ему надоела, и он в этом году держал в Епифани экзамен на учителя. Выдержал или нет,—не знаю. Дело в том, что он умудрился анкету и сочинение написать по старой орфографии... Ему 36 лет, он высокий, статный, с красивым типично русским открытым лицом и добрыми серыми глазами.

Жена его, Арина, простая крестьянка. Решительно ничего собой не представляет, ни внешностью, ни содержанием. Запуганная, робкая, несмелая. Епифань для нее—почти край света, и когда она узнала, что я ходила туда пешком, да еще одна,—то она была совсем ошеломлена. Это ей кажется подвигом. У них шесть человек детей и ожидается седьмой. Имена этих детей такие: Лариса, Вениамин, Фаина, Илиодор, Лаокония и Зоя. Последнюю мать поспешила окрестить в отсутствие отца. „А то бы он опять такое имя выдумал, что и не выговорить“. Предупреждение о дикарях оказалось вполне уместным. Из всех ребят одна старшая, Лариса, 15 лет, была одета в „нечто“, а все остальные,—настоящие дикари, с торчащими во все стороны волосами—их стрижет сам отец—и бегают они по саду совершенно без одежды или в таких рваных тряпках, ставших им настолько малыми, что эти тряпки ничего не закрывают, а только мешают.

Живут они сейчас в доме, перестроенном из курсов пчеловодства. Похож он снаружи больше на длинную коробку. А внутри казарма, все комнаты вытянуты в ряд. Когда подходишь сейчас к „Ясному“, то, не зная, очень трудно предположить, что здесь есть человеческое жилье. Забор, так как он был деревянный, сожжен, и к дому ведет тропинка, идущая от груды кирпича—бывшей конюшни.

Грязь и беспорядок в доме — невообразимые. Мебели нет почти никакой. Что было—продано. В кухне—печка, скамья и стол. За кухней — большая комната в два окна — абсолютно пустая. Это спальня. Кроватей нет ни одной. Постелью служит груда тряпья в углу. Следующая комната поменьше—столовая. В ней ободранный буфет, почти без посуды, так что все сразу обедать или чай пить никак не могут, скамейка и стол. В углу громадное распятие. Самого Токарева увидать не так-то легко. Он обыкновенно от чужих прячется и на глаза не показывается. Так как кроме него самого в доме нет ни одного работника, то обрабатывать свой пятидушный надел он не может и отдает его крестьянам из половины. Некоторым подспорьем является громадный фруктовый сад (5 десятин) — он служит „подножным кормом" для ребят в течение, по крайней мере, двух месяцев, и когда бывает урожай, то остается порядочно и на продажу. Ребята все удивительно хорошие. Веселые, живые, совершенно коричневые от загара, с смышлеными глазенками, не толстые, но мускулистые, здоровые—они проходят отличную школу физического воспитания; жаль, что на другое, духовное воспитание и образование, никакого внимания не обращается, и даже старшая 15-летняя Лариса—неграмотная! [1].

(Из очерков С. Могилянской: — „Последыши вишневого сада"; сбор. „Старый и Новый быт" под ред. В. Г. Тана-Богораза, изд. 1924 г.).

---

[1] Зарисовка типов тов. Могилянской произведены в 1923 г. в Калужской губ.

Из резолюций XIII с'езда РКП (большевиков) о деревне.

(Май 1924 г.).

Кооперация в деревне[1].

Особенно серьезное внимание должно быть сосредоточено на развитии кооперации в деревне, в виду той исключительной роли, которую кооперация должна играть для под'ема крестьянского хозяйства. Слабость кооперации в деревне есть самое слабое звено смычки пролетарской промышленности с крестьянством. Укрепление и рост кооперации в деревне есть прежде всего борьба за освобождение бедняка и середняка деревни от кулацкой, спекулянтской и ростовщической кабалы, принимающей в деревне самые различные формы. Во-вторых, широкое вовлечение в кооперативную самодеятельность крестьянских масс есть школа коллективного хозяйствования для крестьянина, наиболее простая и понятная.

Задача кооперации в деревне сводится отнюдь не только к тому, чтобы дать крестьянскому хозяйству дешевый товар, т.-е. организовать его, как потребителя. Кооперация должна организовать крестьянина и как производителя, и с этой точки зрения развитие с.-х. производительной кооперации имеет колоссальнейшее значение. Выявившиеся кое-где на местах стремления к об'единению потребительской и с.-х. кооперации являются неправильными. Эти настроения к слиянию обоих видов кооперации создаются, главным образом, потому, что не было внесено на практике достаточной ясности в разделении отраслей работы в деревне для того и другого вида кооперации. Работа для обоих видов кооперации в деревне колоссальна. Надо организовать сначала вполне крестьянина, как потребителя и как производителя,

---

[1] Мы приводим здесь лишь отдельные наиболее важные места из резолюций XIII С'езда, имеющих отношение к деревне. Цитируем по брошюре „Резолюции XIII с'езда РКП (б)", изд. „Прибой", Ленинград, 1924 г.

и лишь потом ставить вопрос об об‘единении, тщательно изучая имевшиеся до сих пор опыты интеграции. Для упорядочения дальнейшей кооперативной работы в деревне должно быть внесено некоторое распределение функций между с.-х. и потребительской кооперацией, а также согласованность их в тех или других вопросах.

В области с.-х. кооперации должно быть обращено особое внимание на развитие уже складывающихся форм производственно-бытовых об‘единений (маслоцентр, союзкартофель и т. п.), на организацию артельных и коллективных видов сельского хозяйства, изыскивая для поощрения участников этих хозяйств всякого рода премии, поощрения и льготы, а также на развитие кредитной сельско-хозяйственной кооперации, как наиболее массовой и всеоб‘емлющей формы кооперации, способной вовлечь самые широкие слои крестьянства и непосредственно обслужить разнообразные производственные нужды крестьянских хозяйств.

Усиление развития кооперации имеет и огромное культурное значение для деревни как в смысле увеличения самодеятельности крестьянства, так и общего под‘ема культурности самого крестьянского хозяйства через продвижение в деревню сельско-хозяйственных орудий, агрономической помощи, семян, частичной электрификации деревни и т. п. Все это значение кооперации для деревни диктует необходимость всячески сохранить низовую кооперацию от захвата и влияния кулацко-спекулянтских элементов деревни, которые делают и будут продолжать делать попытки использовать кооперацию в качестве лавочки для своей наживы, дискредитируя тем самым идею кооперации среди широких крестьянских масс.

В дело кооперативного строительства в деревне должны быть вовлечены организации: РКСМ, комитеты взаимопомощи и организации профсоюза Всеработземлеса. Главполитпросвет и его местные органы в своей культурно-просветительной работе в деревне должны особое внимание посвятить про-

паганде идей кооперации, привлекая для этого дела учительство. Особое внимание местных партийных органов необходимо обратить на то, чтобы все члены сельских партийных ячеек входили в кооперацию и принимали бы активное участие в работе кооперативных организаций.

О работе в деревне.

При решении вопроса о работе партии в деревне необходимо исходить из основной для целого исторического периода задачи—осуществления союза рабочего класса с крестьянством.

Дальнейшее развитие крестьянского хозяйства, борьба с рядом недостатков его, неизбежных при нашей нищете и разоренности, должны происходить на основе дальнейшего развития союза рабочего класса с крестьянством, хозяйственной смычки госпромышленности с сельским хозяйством.

В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития: одна линия развития—капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом—наемный труд, нищета. Другая линия развития—через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации к социализму. Наличие Советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути.

Партия будет содействовать даже самым простейшим формам об'единения как в области закупки предметов городской промышленности, так и в области сбыта продуктов сельского хозяйства и, в особенности, в области об'единения тех или иных элементов крестьянского производства. Партия будет поддерживать и такие простейшие формы общественного труда (труд сообща), как совместная обработка

земли или совместный покос, или хотя бы совместное пользование скотом в той или иной полезной работе или совместное использование для работы того или иного предприятия в роде мельницы или маслодельни, помощи агрономическими советами и производственно-хозяйственным кредитом. Действительные массовые успехи в области кооперирования процессов проиводства, при нынешних орудиях труда, могут быть достигнуты только в течение ряда лет. Именно поэтому с'езд предостерегает против всякой нерасчетливой спешности, излишней регламентации, всякой погони за формой и за числом, часто могущих задержать действительное кооперирование крестьянства. Мерой действительного успеха в течение ближайших лет будет, главным образом, качественный рост. В эту сторону должна быть направлена работа и основных советских, кооперативных и прочих органов, практически работающих над вопросом кооперирования крестьянства с тем, чтобы, приспособляя работу кооперирования к условиям, характеру и структуре мелкого и мельчайшего хозяйства крестьян и отдельных отраслей (кооперирование льноводов, маслоделов, картофелетерочная, лесная кооперация и т. д.), вести крестьянское хозяйство к действительному распространению кооперативного начала.

Среди мер, проводимых партией в деле закрепления связи между городом и деревней, сельско-хозяйственный кредит должен занять одно из центральных мест.

С'езд констатирует, что ряд законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, не доходит до деревни в силу недостатков советского аппарата и в силу сравнительной отсталости бедняков деревни. В силу этого партийный с'езд вменяет в обязанность всем партийным и комсомольским организациям в деревне в своей работе и работе советских органов, в первую очередь через комитеты взаимопомощи, добиваться проведения в жизнь определенных законом льгот беднейшим слоям деревни (в области налоговых льгот бедняку, льготного отпуска леса, распределения семен-

ной ссуды, кредита, недопущения наложения налога на землю бедняков, фактически им сданную в аренду, и т. п.).

С'езд констатирует необходимость всемерного развития землеустроительных работ. При сохраняющихся еще чересполосице, дально и длинноземелье невозможны действительный под'ем крестьянского хозяйства и дальнейшее развитие его производительных сил. Необходимо развитие помощи беднейшему крестьянству с тем, чтобы обеспечить ему возможность воспользоваться землеустройством для улучшения своего хозяйства. В целях достижения действительных успехов в возможно кратчайший срок, необходимы усиление и освежение существующего землеустроительного персонала, повышение квалификации землеустроителей, постепенное изменение системы их оплаты, вовлечение их в культурно-общественную работу в деревне, на ряду с подбором и созданием кадра землеустроителей—коммунистов и комсомольцев, которые смогут внести в это дело ряд необходимых приемов культурно-общественной работы.

Наметившийся рост общественной активности деревенской интеллигенции (участковый агроном, землемер, лесной специалист, учитель) требует внимательного изучения и воздействия партии в целях политического воспитания этих элементов и вовлечения их в русло советской работы. По линии работы среди агрономов необходимо добиваться втягивания агронома в обслуживание крестьянского хозяйства, в особенности переходящего к культурным приемам или к общественным формам в хозяйстве. Необходимо добиваться организационного сплочения агрономов вокруг секции всеработземлеса, организации повторных курсов для них, пересмотра, подбора и усиления агрономов, фактически работающих в деревне, и улучшения их материального положения. Особо важно, чтобы парторганизации и организации РКСМ в деревне окружали участкового агронома товарищеской атмосферой и оказывали ему помощь и содействие в проведении агрикультурных мероприятий среди крестьянства,—в частности втягивание его в обслуживание

сельской школы. Все эти мероприятия должны быть постепенно развернуты партией и в отношении остальных специалистов в деревне (землемеры, садоводы, мелиораторы).

Несомненный сдвиг учителей в сторону Советской власти и партии делает возможным большее вовлечение учителей в рамки советского общества. Необходимо повысить заработную плату сельского учителя, усилить работу по его переподготовке, втягивать сельского учителя во все виды культурной работы и партии в деревне, в частности по обслуживанию газетой и книгой сельского населения, поставить перед Комсомолом задачу сближения с учителем на базе его культурной работы.

Реорганизация и улучшение советского низового аппарата должны также иметь в виду изменение отношений со стороны этих органов к правам и интересам широких крестьянских масс. Наблюдающиеся факты игнорирования интересов крестьянок, как матерей и хозяек, и формальное отношение к ним со стороны судебных органов и нарушение элементарных прав крестьянки, как правомочной гражданки, должны изгоняться со всей строгостью советских законов.

Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, в роде закрытия церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов, костелов и т. п. Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического об'яснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Раз'яснение происхождения града, дождя, грозы, засухи, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т. п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды. Центром такой пропаганды нужно сделать школы и избу-читальню под руководством парторганизаций.

Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на

годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения. Такое осторожное отношение особенно необходимо в восточных республиках и областях.

Необходимо неуклонно добиваться честной и аккуратной работы низовых советских органов. Неаккуратная, несвоевременная присылка распоряжений о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или разборе земельной тяжбы, пьянство ведущих „борьбу“ с самогоном, грубость, взятка и произвол в советском аппарате являются орудием в руках наших классовых врагов. Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и Советской власти, на ряду с неустанной помощью партии лучшим элементам Советской власти в низовых аппаратах.

Партийный с'езд поручает Центральному Комитету, в целях улучшения работы низового деревенского советского и партийного аппарата и избавления его от влияния кулака, принять меры к улучшению его материального положения.

Сейчас деревня стоит на распутье, переживает переломный момент, сейчас складывается ее новое лицо. От того, каким будет это лицо, зависят дальнейшие судьбы Советской власти и нашей партии, поэтому работа в деревне в данный момент является одной из самых важных ударных работ.

Обследования деревни, проведенные за последнее время партией, главполитпросветом и комсомолом, указывают на то, что культурный уровень деревни очень низок, что обычная агитация и пропаганда почти не задевают ее, в силу того что газета, книжка не попадают в деревню, не ориентируются на деревню и крестьянам мало понятны.

При данном культурном уровне нашей деревни всякая политическая работа в ней неизбежно должна быть связана

с работой по поднятию грамотности, распространению самых элементарных знаний, по самому элементарному культурному обслуживанию ее.

Тов. Ленин многократно говорил в последних своих речах о том, что теперь дальнейшее передвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного под'ема деревни. Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма.

Ярко наметившееся со времени XII с'езда пробуждение деревни, стремление среднего и маломощного крестьянства к организации, к поднятию своего хозяйства, к общему культурному под'ему делают современный момент для культурной работы в деревне особенно благоприятным.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Здесь я даю небольшой список книг, по своему содержанию почти вполне доступных для массового читателя, ознакомление с которыми считаю полезным для каждого желающего уяснить себе вопросы хозяйства и многообразного быта современной деревни.

В. Н. Алексеев.—Опыт монографического описания дер. Курово, Дмитровского уезда, изд. МОЗО, 1924 г., 68 стр., цена 35 коп.

Ч. Р. Бекстон.—В русской деревне (перевод с английского), Госиздат, 1923 г., 95 стр., цена 35 коп.

М. Болдырев.—Новая волость, изд. Красная Новь, 1924 г., 54 стр., цена 20 коп.

А. М. Большаков.—Советская деревня за 1917—1924 г.г., изд. Прибой, 1924 г., 172 стр., цена 80 коп. (печатается 2-ое издание с дополнительными данными за 1924 г.).

А. М. Большаков.—Современная деревня в цифрах, изд. Прибой, 1925 г. (с данными по 1924 г., включительно), 110 стр.

Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК и НКРКИ, изд. Народ. Комис. Рабоче-Крест. Инспекции, 1924 г., 219 стр.+приложения, цена 1 руб. 75 коп.

М. Грандов.—Учитель и деревенская школа, изд. Молодая Гвардия, 1925 г., 180 стр., ц. 90 коп.

Леонид Григоров.—Очерки современной деревни, кн. I, Госиздат, 1924 г., 218 стр., цена 1 руб.

А. С. Говоров.—Монографии крестьянских хозяйств, Губиздат — Самара, 1924 г., 53 стр., цена не указана.

П. Я. Гуров.—Состояние сельского хозяйства СССР, аграрный кризис и задачи РКП в деревне.

Деревня при НЭП'е, изд. Красная Новь, 1924 г., 104 стр., цена 45 коп.

Я. Дорофеев.—Деревня Московской губернии, изд. Московский Рабочий, 1924 г., 48 стр., цена 50 коп.

И. Дейчман.—Кооперация в деревне, как она есть, изд. Прибой (в Ростове на-Дону), 1924 г., 97 стр., цена 65 коп.

С. М. Дубровский.—Очерки русской революции, вып. I. Сельское хозяйство, 2-ое изд., изд. Новая деревня, 1923 г., 404 стр., цена 2 руб. 50 коп.

К. К. Дысский.—Опыт монографического описания дер. Бурцево, Волоколамского уезда, изд. МОЗО, 1924 г., 132 стр., цена 50 коп.

А. Жаров.—Красная гармошка (частушки), изд. Новая Москва, 1925 г., 45 стр., цена 15 к.

Г. Зиновьев.—Лицом к деревне, Госиздат, 1925 г., 140 стр., ц. 45 к.

Г. Зиновьев.—Рабочий класс и крестьянство, Прибой, 1925 г., 80 стр., цена 15 к.

В. И. Игнатьев.—Советская волость и стоящие перед ней задачи, Госиздат, 1925 г., 84 стр., ц. 35 к.

М. И. Калинин.—Смычка города и деревни, Госиздат, 1925 г., 56 стр., цена 15 к.

М. И. Калинин.—Мои впечатления, Госиздат, 1924 г., 120 стр., цена 45 коп.

Василий Князев.—Современные частушки 1917—1922 г., Госиздат., 1924 г., 76 стр., цена 35 коп.

Крестьянское хозяйство за время революции (обследование ЦКРКП), изд. Красная Новь, 1923 г., 125 стр., цена 35 коп. (штудируя эту книгу, полезно познакомиться с брошюрой *А. И. Хрящевой*—К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства, изд. Центр. Статист. Управл., 1923 г., 32 стр., цена 25 коп.; в брошюре Хрящевой подвергнуты критике некоторые приемы исследования, примененные в книге Крест. хоз. за время революции).

Крестьянский корреспондент, изд. Новая Москва, 1924 г., 192 стр., цена 1 руб. 25 коп.

Как живет и чем болеет деревня (по материалам Комиссии Юго-Восточн. Бюро ЦКРКП), изд. Прибой (в Ростове на-Дону), 1924 г., 96 стр., цена 60 коп.

Ю. Ларин.—Вопросы крестьянского хозяйства, изд. Московский Рабочий, 1923 г., 141 стр., цена 90 коп.

П. Я. Лежнев-Финьковский и К. Д. Савченко.—Как живет деревня, изд. Нов. Деревня, 1925 г., 112 стр., цена 55 коп.

Н. Ленин (В. И. Ульянов).—Крестьянство и аграрный вопрос, изд. Буревестник, 1924 г., 244 стр., цена 1 руб. (эта книга, где собраны исследования, статьи и речи В. И. Ленина, касающиеся крестьянского вопроса, чрезвычайно полезна для уяснения логики как общих, так и частных моментов нашей революции, поскольку в ней участвует и деревня).

Н. П. Огановский.—Русский крестьянин и мировое хозяйство, изд. Новая деревня, 1924 г., 70 стр., цена 40 коп. (Предупреждаю: у автора в цифровом материале имеется ряд ошибок и неверных подсчетов).

Революция в деревне (очерки), изд. Красная Новь, 1924 г., 144 стр., цена 70 коп.

Р. Сабиров.—Деревня Татреспублики после голода, изд. Главполитпросвета ТССР (Казань), 1923 г., 59 стр., цена 35 коп.

А. П. Смирнов.—Наши основные задачи по поднятию и орган. крест. хоз., изд. Новая деревня, 1925 г., 65 стр., цена не обозн.

Старый и новый быт (очерки), Госиздат., 1924 г., 144 стр., цена 60 коп.

Советский аппарат в деревне, изд. Новгор. Губкома РКП, 1924 г., 34 стр., цена 10 коп.

И. Н. Степанов.—Описание 66 крестьянских хозяйств Московской губ., изд. МОЗО, 80 стр., цена 35 коп.

С. Струмилин.—Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 г., изд. Вопросы труда, 1924 г., 155 стр. + диаграммы, цена 70 коп.

М. Я. Феноменов.—Современная деревня, ч. I, изд. Госиздата, 1925 г., 260 стр., цена 1 р. 60 коп.; часть II, Госиздат, 1925 г., 211 стр., цена 1 руб.

Андрей Шохин.—Комсомольская деревня, изд. Молодая гвардия, 1923 г., 118 стр., цена 55 коп.

Я. Шафир.—Газета и деревня, изд. Красная Новь, 1924 г., 142 стр., цена 65 коп. (2-ое издание).

Я. Яковлев.—Деревня, как она есть, изд. Красная Новь, 1923 г., 145 стр., цена 50 коп. (2-ое издание).

Я. Яковлев.—Наша деревня, изд. Красная Новь, 1924 г., 176 стр., цена 70 коп.

Помимо указанных выше книг, следует внимательно ознакомиться с речами товарищей **Зиновьева, Калинина, Крупской, Рыкова, Сталина** и др., в которых (в зависимости, конечно, от темы их) подчас содержится богатый фактический материал о деревне (речи эти см. в „Известиях“, „Правде“ и в иных газетах). Кроме того, имеется еще ряд очень ценных работ, посвященных теме, нас интересующей, напр.: Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. (изд. Глав. Стат. Упр., 1922 г.); Современное состояние скотоводства в России, проф. А. Е. Лосицкого (изд. Новая деревня, 1924 г.); Крестьянский бюджет в 1922 — 23 году, проф. Л. Н. Литошенко (изд. Глав. Стат. Упр., 1923 г.) и другие. Но для усвоения подобного рода работ необходима некоторая подготовка читателя, и поэтому они составляют как бы вторую ступень в процессе изучения современной деревни. Подготовленный же читатель и без моих указаний отыщет то, что ему надо.

А. Б.

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдельные издания того же автора:

1. Введение в изучение истории, 43 стр., 1922 г.
2. Из истории крестьянского хозяйства Тверской губ. за революц. период, 36 стр., 1922 г.
3. Лекции по русской истории, вып. I, 286 стр., 1923 г.
4. Вспомогательные исторические дисциплины, 341 стр.+13 таблиц, изд. 4-ое (1-ое изд.—1922 г., 2-е и 3-е—1923 г.).
5. Советская деревня, 2-е изд., 265 стр., 1925 г.
6. Хрестоматия по истории хозяйства России, вып. I, 248 стр., 1925 г.
7. Хрестоматия по истории хозяйства России, вып. II, 289 стр., 1925 г. (оба выпуска составлены совместно с проф. Н. А. Рожковым).
8. Современная деревня в цифрах, 110 стр., 1925 г.
9. Деревня в диаграммах, 1925 г.

Цена 1 р. 75 к.

8594

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Тел. 5-45-77.

Москва: Московское отдел. издательства „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47—49. Тел. 2-24-09.

